

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

3 (45) 2016

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

- Макаров В.Л.**, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)
Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Лажнев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (CEMI) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., проф., ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

- д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

Адрес в Интернете: <http://esc.vscac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2016

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

3 (45) 2016

**The Journal is
published since 2008**

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Council:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Ivantsev, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
A.I. Tatarkin, RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
P.A. Vityaz, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
P.G. Nikitenko, Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
M.K. Gorshkov, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
J. Sapir, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
S.D. Valentey, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
A.E. Dayneko, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
A.I. Kibitkin, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
M. Kivinen, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
F.D. Larichkin, Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
E.B. Len'chuk, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
I.A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
A.V. Putilov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
P. Sztompka, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
D.V. Afanasyev, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

- Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED RAS, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Выборы в Государственную Думу – 2016. Экономическая политика Президента в оценках населения	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	37

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Фёдоров В.В.</i> Российское общество в 2015 году: что мы узнали о нем благодаря социологическим опросам	44
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Ускова Т.В., Лукин Е.В.</i> О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества	60
---	----

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Бровко П.М., Петрук Г.В.</i> Стратегическое управление развитием предприятий оборонно-промышленного комплекса с использованием двойных технологий ресурсного подхода	82
<i>Чайка Л.В.</i> Финансовое состояние регионального энергоснабжения	98

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Веркей Ж.</i> Неравенство в доходах, производственная структура и макроэкономическая динамика (региональный подход к анализу российской экономики)	108
<i>Чистова Е.В., Чичканов В.П.</i> Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России	121
<i>Леонидова Г.В., Головчин М.А., Ласточкина М.А., Устинова К.А.</i> «Работники знаний» и модернизация региона	138
<i>Петров А.И.</i> Автотранспортная аварийность как идентификатор качества жизни граждан	154

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Романова О.А., Акбердина В.В., Бухвалов Н.Ю. Общие ценности в формировании современной технико-экономической парадигмы 173

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Медведева Н.А., Бильков В.А. Методологические аспекты прогнозирования инновационного развития молочного скотоводства региона 191

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Красова Е.В., Ян Синьсю. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов как фактора устойчивого развития экономики Китая 205

Го Сяоцзин. Развитие международного туризма в провинции Цзянси в рамках стратегии «Один пояс и один путь» 221

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Кремин А.Е. Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне 231

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

Сычев М.Ф. Фундаментальный труд об опыте научной разработки перспектив развития и размещения производительных сил 248

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» получил Сертификат качества... 256

Правила приёма рукописей статей 257

Информация о подписке 263

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> State Duma Election 2016. Economic Policy of the President Assessed by the People	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	37

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Fedorov V.V.</i> Russian Society in 2015: What We Learned About It from Sociological Polls	44
---	----

REGIONAL ECONOMY

<i>Uskova T.V., Lukin E.V.</i> About the Prospects for Development of the Region on the Basis of Interregional Cooperation	60
--	----

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Brovko P.M., Petruk G.V.</i> Strategic Management of Development of the Military-Industrial Complex Enterprises with the Use of Dual Technologies under the Resource-Based Approach	82
<i>Chaika L.V.</i> Financial Situation in Regional Energy Supply	98

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Julien Vercueil.</i> Income Inequalities, Productive Structure and Macroeconomic Dynamics. A Regional Approach to the Russian Case	108
<i>Chistova E.V., Chichkanov V.P.</i> Forecasting the Effects of Raising the Retirement Age on Russia's Demographic Structure	121
<i>Leonidova G.V., Golovchin M.A., Lastochkina M.A., Ustinova K.A.</i> "Knowledge Workers" and Modernization in the Region	138
<i>Petrov A.I.</i> Road Traffic Accident Rate as an Indicator of the Quality of Life	154

INNOVATION DEVELOPMENT

- Romanova O.A., Akberdina V.V., Bukhvalov N.Yu.* Shared Values in the Formation of a Modern Techno-Economic Paradigm 173

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

- Medvedeva N.A., Bil'kov V.A.* Methodological Aspects in Forecasting Innovation Development of Dairy Cattle Breeding in the Region 191

FOREIGN EXPERIENCE

- Krasova E.V., Yang Xin Xiu.* Modern Trends in the Formation of Human Resources as a Factor in Sustainable Development of China's Economy 205
- Guo Xiaojing.* A Study on the International Tourism of Jiangxi Province under the Guidance of One Belt, One Road Strategy 221

YOUNG RESEARCHERS

- Kremin A.E.* Methodology for Assessing the Work of Small Business at the Municipal Level 231

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

- Sychev M.F.* A Fundamental Work on the Experience of Research into the Prospects for Development and Distribution of Productive Forces 248
- The Journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast" Obtained a Certificate of Quality... 256
- Manuscript Submission Guidelines 257
- Subscription Information 263

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.1

УДК 338.2:324, ББК 65.050.11:66.042.1

© Ильин В.А.

Выборы в Государственную Думу – 2016

Экономическая политика Президента в оценках населения

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ilin@vscc.ac.ru

В сентябре 2016 г. состоятся выборы в Государственную Думу РФ – без сомнения, главное событие во внутренней политической жизни России.

Думские выборы, так же как и выборы Президента РФ в 2018 г., являются ключевыми этапами, после которых в России начнется новый политический цикл. А это значит, что людям, которые окажутся во власти после всенародного голосования,

придется оправдывать оказанное им доверие и реализовывать свои предвыборные обещания. По большому счету в 2016 и 2018 гг. россияне будут выбирать не просто конкретных людей, а курс политического и экономического развития страны на ближайшее десятилетие. Поэтому, безусловно, выборы являются важным этапом в жизни страны, и подготовка к ним началась задолго до сегодняшнего дня¹.

¹ Об этом, в частности, свидетельствуют такие шаги В. Путина в период третьего президентского срока, как возвращение смешанной системы выборов, предусматривающей избрание депутатов по партийным спискам и по одномандатным округам (проект ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» был внесен Президентом РФ еще в марте 2013 г.), закон об иностранных агентах, ставший одним из механизмов борьбы с «пятой колонной» (ФЗ №121 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» был принят 20 июля 2012 г.); ранее, в период президентского срока Д. Медведева, – продление сроков полномочий Президента с 4 до 6 лет и полномочий Государственной Думы с 4 до 5 лет (Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы»); упрощение процедуры создания политических партий (ФЗ от 2 апреля 2012 г. №28 «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”»).

С момента предыдущих выборов в Государственную Думу, которые состоялись 4 декабря 2011 г., Россия пережила много важных, исторически значимых событий, ключевые из которых связаны с украинским кризисом, вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации и последующим обострением международных отношений с США и их союзниками.

К началу нового политического сезона российское общество подходит «с гордо поднятой головой», но с «пустыми кошельками» и в обстановке откровенно недружественного отношения со стороны США и многих стран Западной Европы². В этих условиях крайне важен научный, системный анализ общественного мнения об экономической политике Президента.

Что беспокоит россиян за несколько месяцев до начала нового политического цикла? Какими мотивами они будут руководствоваться, придя на избирательные участки 18 сентября?

Социально-экономическая повестка дня

Социально-экономическая повестка дня уже давно стала предметом особых волнений и даже страхов россиян³. После того как утихли основные события «крымской весны», ценники в магазинах всё чаще стали вызывать недовольство граждан и усиливать требовательность к органам власти по поводу решения внутренних экономических проблем. Даже успешное участие России в сирийском конфликте уже не смогло дать того психологического эффекта, который в 2014 г. оказало на россиян вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.

Долгое время эксперты предупреждали о том, что негативные тенденции в российской экономике ведут страну к кризису и причина этого – не санкции, а несоответствие существующей экономической модели реалиям современной действительности. «*Экономика, находящаяся на наклонной траектории*»⁴; «*ухудшение социально-экономической ситуации в целом – не кратковременный, а долго-*

² Согласно данным опроса Левада-Центра, проведённого в октябре 2015 г., 33% россиян полагают, что европейцы относятся к нашей стране «с презрением и страхом» (источник: Зоркая Н., Лёзина Е. Россия и Европа 2000 – 2015: результаты совместного проекта Левада-Центра и Фонда Фридриха Науманна // Вестник общественного мнения. – 2015. – №3-4. – С. 189.). По данным социологического опроса, проведённого ИСЭРТ РАН в феврале 2016 г. на территории Вологодской области, 45–47% жителей региона считают, что отношение к России в мире «плохое» и «необъективное» (противоположной точки зрения придерживаются 20–23% людей); более половины опрошенных (53%) отметили, что Россию «боятся» (противоположное мнение высказывают 22% населения).

³ «По мере ослабления международной напряженности россиян все больше начинают тревожить проблемы экономики, преступности и стихийные катаклизмы. В апреле серьезных изменений в «карте страхов» россиян не произошло (Индекс страхов показывает, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы), при этом по большей части показателей ситуация сегодня выглядит несколько более напряженной, чем год назад. Наиболее актуальной темой по-прежнему остаётся падение реальных доходов».

Мнение руководителя Управления мониторинговых и электоральных исследований ВЦИОМ С. Львова: «Значения каждого из показателей „карты страхов“ тесно связаны с текущей политической и социально-экономической ситуацией. Если обеспокоенность дороговизной – следствие „кризисного“ социально-психологического фона, и здесь с начала года не наблюдается изменений, то опасения по поводу распространения международных конфликтов постепенно снижаются вот уже полгода. Безусловно, это связано с внешнеполитической ситуацией, а если быть конкретным – с последовательным разрешением сирийской проблемы» // Пресс-выпуск ВЦИОМ «Страхи и опасения россиян». – 2016. – 16 мая. – № 3105. – Реж. дост.: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115690>

⁴ Миркин Я.М. Внезапный поворот [Электронный ресурс] // Журнал новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2 (26). – С. 197.

срочный процесс, поэтому восстановление предсказать невозможно»⁵; «в нынешних экономических бедах России виноваты не санкции, а мы сами... Это рукотворный кризис, он начался еще без всяких санкций, без майдана, и все было ясно еще в конце 13 года»⁶ — так оценивали динамику ситуации в стране эксперты.

Однако официальная позиция органов власти, транслируемая через средства массовой информации, не признавала всю опасность существующего положения дел в экономике: Правительство говорило, что никакого кризиса нет или что он будет мимолетным, более того — антироссийские санкции дадут новый импульс для роста внутреннего рынка и реанимируют российскую экономику⁷.

Политика «затягивания узлов» в результате привела к тому, что кризис экономический принял характер социальный, психологический, а последствия социальной дезадаптации личности нивелируются гораздо медленнее, чем экономические последствия кризисов⁸.

Социальный характер кризиса 2012–2015 гг. проявляется в социальном расслоении. Это наглядно демонстрирует

⁵ Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: итоги и перспективы, санкции (материалы открытого семинара) [Электронный ресурс] // Новости на официальном сайте РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. — Реж. дост.: <http://www.emba.ranepa.ru/novosti/seminar-abela-gezevicha-aganbegyana-abel-aganbegyan-naibolshiy-uscherb-ot-sanktsiy-zhdet-rossiu-v-2015-g>

⁶ Гринберг Р. Кризис в России — дело рукотворное: интервью с В. Познером // сайт РАН, 18.03.2015, <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=22d54502-27d8-4be4-8257-af50146c1fb8>

⁷ В 2015 г. об этом, например, говорили Д. Медведев (на форуме АТЭС) и А. Улюкаев (в интервью с В. Познером).

⁸ Валиахметов Т.Р. Здоровье как интегральный показатель качества жизни [Электронный ресурс] // Российский экономический Интернет-журнал. — 2006. — № 4. — Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2006/Valiahmetov.pdf>

динамика коэффициента фондов — показателя, отражающего отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10% самых бедных⁹. По оценкам экспертов, 8 — это предельно критическое значение коэффициента фондов¹⁰, достижение которого свидетельствует «о **высоком уровне рисков функционирования социальных отношений, угрозе перехода в состояние повышенной неустойчивости, слабой предсказуемости и, следовательно, о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций**»¹¹.

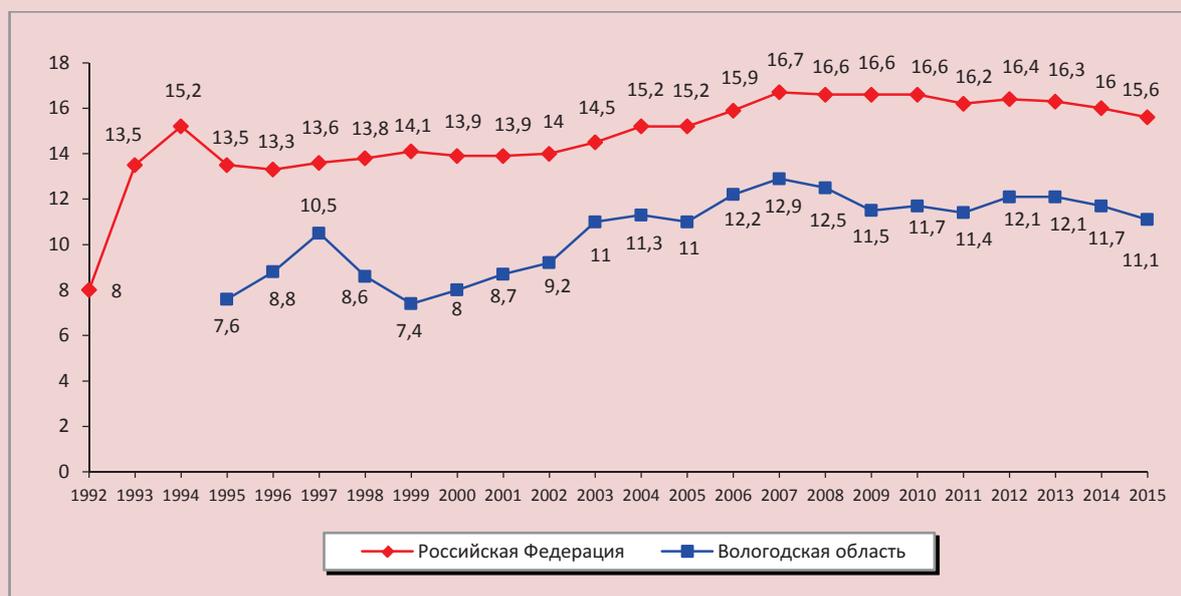
Тем не менее в постсоветской России «оперативного вмешательства» органов власти в решение проблемы социального расслоения общества не было и нет. Предельно критическому значению (8) коэффициент фондов соответствовал лишь в 1992 г. В 1990-х — начале 2000-х гг. он составлял 13–14, в середине 2000-х — 15, а с 2006 по 2015 г. — 16, то есть в два раза больше (рис. 1). Причем это данные только официальной статистики. Но, судя по некоторым оценкам, **разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных** составляет «официально 16 раз, фактически — 28–36 раз, что выше показателей

⁹ По рекомендациям ООН данный показатель не должен превышать 8–10, «иначе ситуация в демократической стране чревата социальными катаклизмами» (источник: Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://refru.ru/income16.pdf>).

¹⁰ Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. — 2012. — Т. 82. — №7. — С. 587–614.

¹¹ Локосов В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. — 2012. — №5. — С. 72.

Рисунок 1. Динамика коэффициента фондов, раз

Источник: Федеральная служба государственной статистики, данные по Вологодской области – с 1995 г.

не только Западной Европы и Японии, не только США, но и многих стран Латинской Америки»¹².

Нарастающий процесс социальной дифференциации наглядно демонстрируют и данные официальной статистики, и результаты социологических исследований. Так, по данным мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН¹³, за период

¹² Смолин О.Н. Не надоело врать? Шокирующие признания специалиста по российской статистике [Электронный ресурс] // Советская Россия. – 2011. – 12 ноября. – Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425>

¹³ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

с 2008 по 2015 г. в два раза увеличилась доля отрицательных оценок экономической ситуации в стране (на 18 п.п., с 18 до 36%), почти в два раза возрос удельный вес пессимистических прогнозов относительно будущего российской экономики (на 17 п.п., с 19 до 36%; *вкладка 1*).

Доля людей, субъективно относящих себя к категориям «бедных» и «нищих», за период с 2009 по 2015 г. возросла на 10 п.п. (с 42 до 47%). Начало третьего президентского срока В. Путина не внесло позитивных изменений в динамику социальной самоидентификации людей: в июне 2016 г., как и в 2012 г., доля «бедных» и «нищих» составляла 46–47%, при этом в феврале 2016 г. она достигла своего максимума, зафиксированного в период с 2009 по июнь 2016 г. (то есть со времени мирового финансового кризиса; 51%).

По последним данным (на июнь 2016 г.) удельный вес людей, считающих себя «бедными и нищими», почти на 5 п.п. превышает

Вкладка I

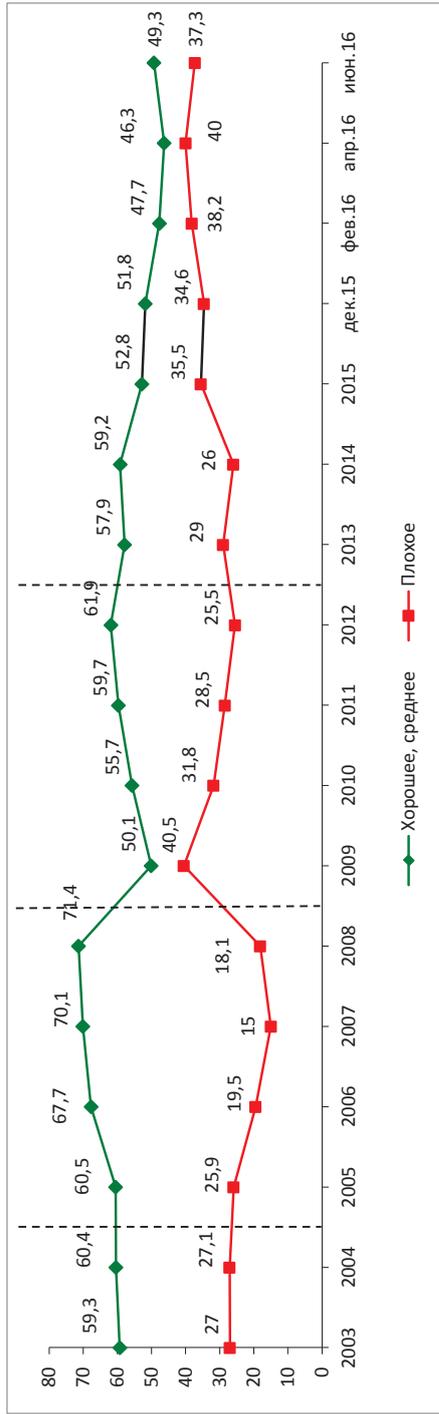
С 2003 по 2008 г. (в периоды первого и второго президентских сроков В. Путина) доля положительных и нейтральных оценок экономической ситуации в стране увеличилась на 12 п.п. (с 59 до 71%). Удельный вес отрицательных суждений снизился на 9 п.п. (с 27 до 18%). Разница между этими показателями в 2007 г. достигла своего максимума (+55 п.п.), что означало наиболее благоприятное восприятие экономической ситуации в стране.

В наиболее острый период мирового финансового кризиса (2009 г.) доля негативных характеристик экономической обстановки в России резко увеличилась (по сравнению с 2008 г. – на 23 п.п., с 18 до 41%). Удельный вес положительных и нейтральных оценок снизился на 21 п.п. (с 71 до 50%).

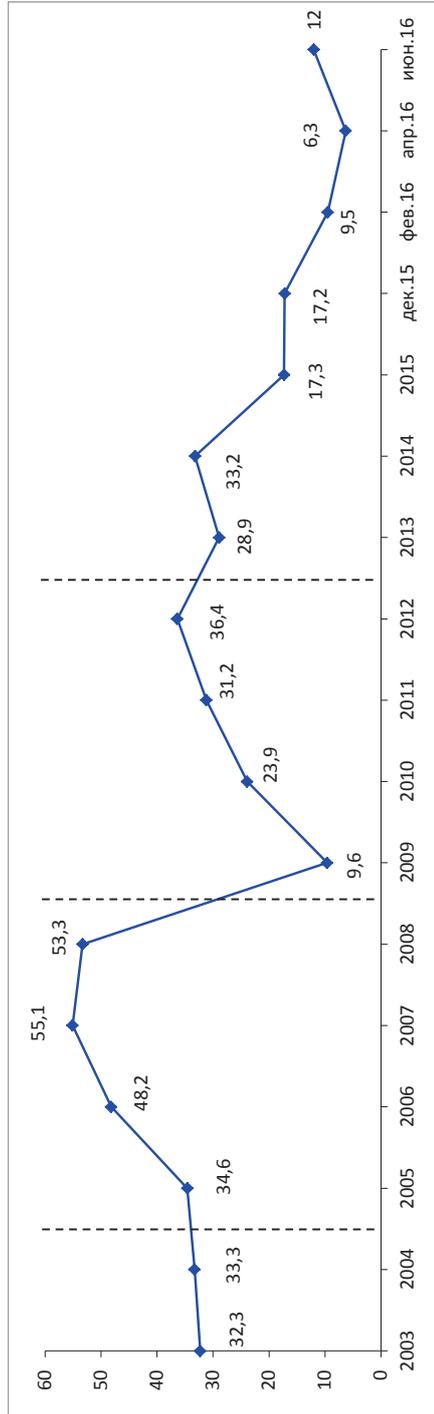
В последующие годы докризисный уровень оценок общественного мнения об экономической ситуации в стране так и не был достигнут. Причем с 2012 г. (начало третьего президентского срока В. Путина) доля положительных суждений снижается (с 2012 по 2015 г. – на 9 п.п., с 62 до 53%), а отрицательных – увеличивается (на 6 п.п., с 30 до 36%).

В краткосрочной динамике позитивных изменений не наблюдается: за период с февраля по июнь 2016 г. доля положительных суждений об экономической ситуации в России составила 48 – 49%, отрицательных – 35–37%.

При этом в феврале 2016 г. разница между удельным весом положительных и отрицательных оценок достигла такого же «дна», как в 2009 г., то есть в самый острый период мирового финансового кризиса (+9,5 п.п.).

Оценка экономического положения России* (в % от числа опрошенных)**

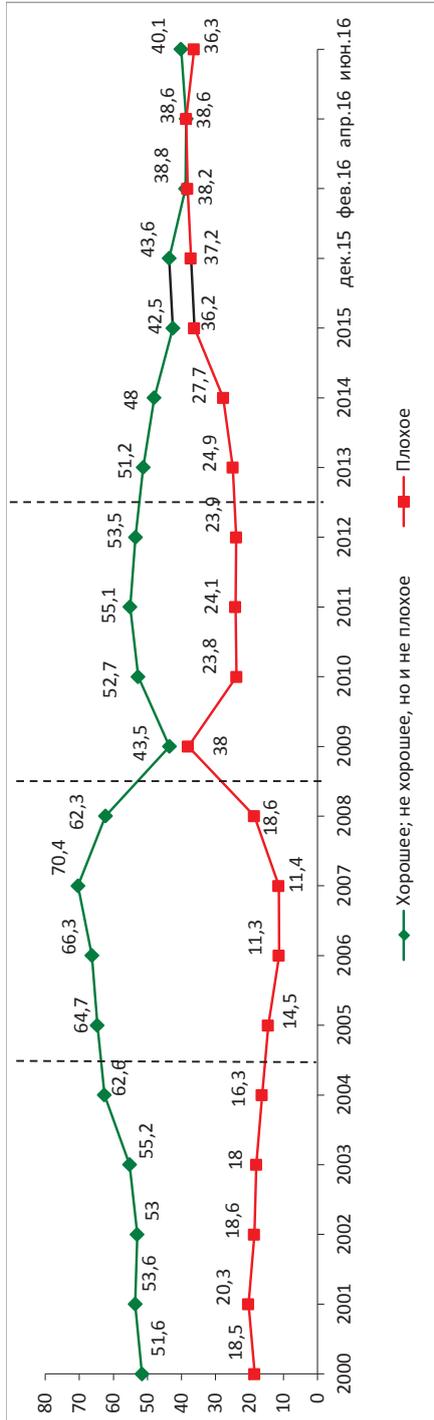

Динамика разницы между положительными и отрицательными оценками экономического положения России* (в процентных пунктах)***

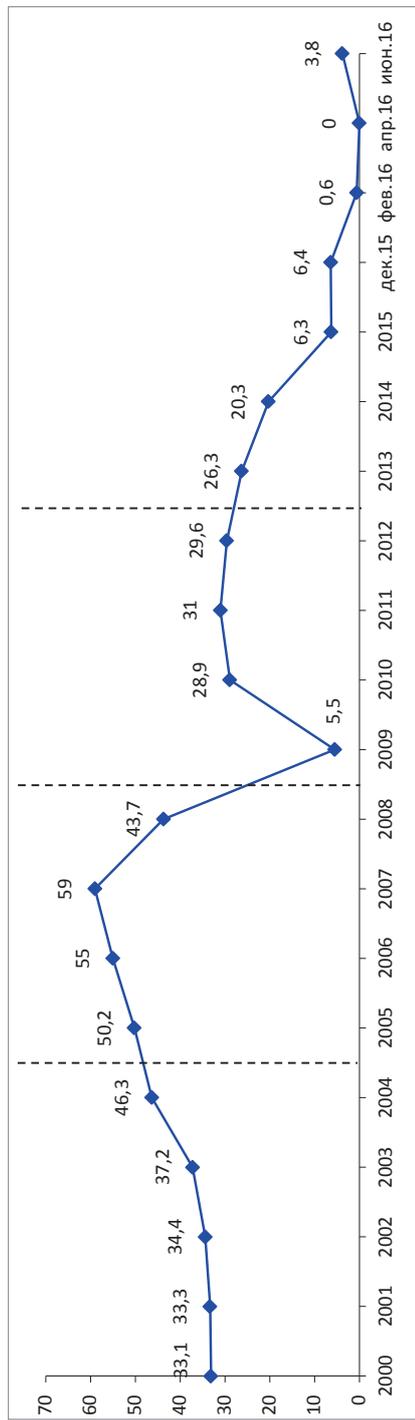
* Пунктирными линиями выделены президентские сроки: январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева; май 2012 г. – н.в. – III президентский срок В.В. Путина.

** Вопрос задается с 2003 года. Формулировка вопроса: «Как бы Вы оценили экономическое положение России?» Варианты ответов: «очень хорошее», «хорошее», «среднее», «плохое», «очень плохое», «затрудняюсь ответить».

*** Снижение показателя означает увеличение доли негативных оценок. Показатель ниже 0 – преобладание отрицательных оценок над положительными.

Оценка перспектив развития экономического положения России*
(в % от числа опрошенных)**

Динамика разницы между положительными и отрицательными прогнозами развития экономического положения России* (в процентных пунктах)**

За период с 2000 по 2008 г. (первый и второй президентские сроки В. Путина) доля положительных и нейтральных прогнозов экономической ситуации в России увеличилась на 10 п.п. (с 52 до 62%). Наиболее благоприятные ожидания населения отмечались в 2007 г. (разница между долей положительных и отрицательных прогнозов достигла своего «пика», составив +59 п.п.).

В последующие годы в динамике прогнозов экономической ситуации в стране отмечались преимущественно негативные изменения. С 2008 по 2012 г. (период президентского срока Д. Медведева) доля оптимистических ожиданий снизилась на 8 п.п. (с 62 до 54%). С 2012 по 2015 г. (третий президентский срок В. Путина) – на 11 п.п. (с 54 до 43%).

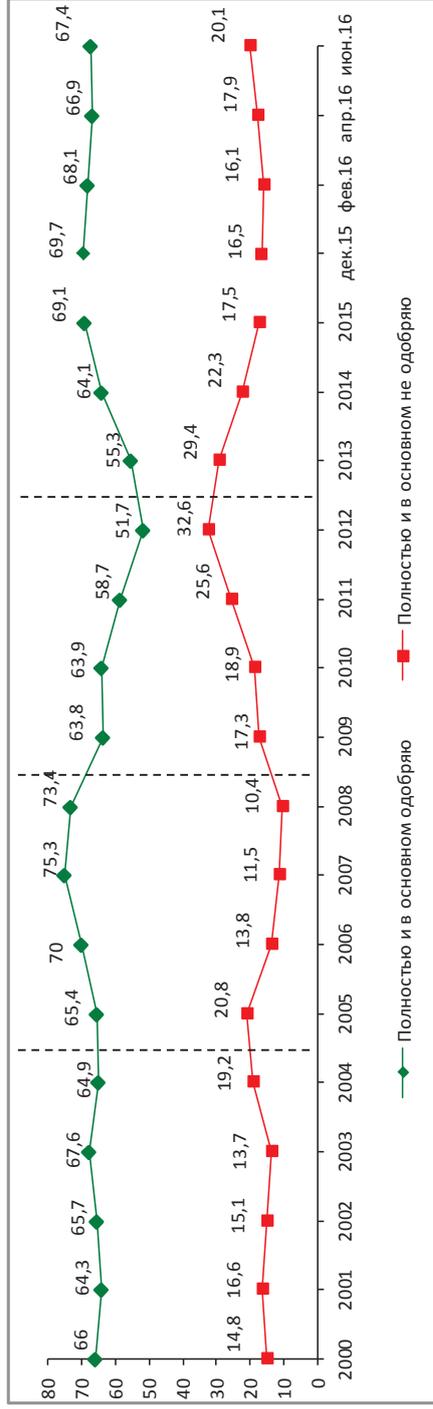
В краткосрочной динамике улучшений общественного мнения не наблюдается: в феврале – июне 2016 г. доля оптимистических прогнозов сохраняется на уровне 39–40%, пессимистических – 36–38%.

Следует отметить, что в апреле 2016 г. доля людей, ожидающих улучшения экономической обстановки в стране или прогнозирующих стабильность ситуации, сравнялась с долей тех, кто дает пессимистические прогнозы относительно будущего российской экономики (по 39%). За весь период с 2000 г. по настоящее время это наиболее негативное восприятие населением перспектив развития российской экономики. Даже в наиболее острый период мирового финансового кризиса (2009 г.) доля позитивных ожиданий была несущественно выше удельного веса негативных прогнозов (44 и 38% соответственно, разница составляла +6 п.п.).

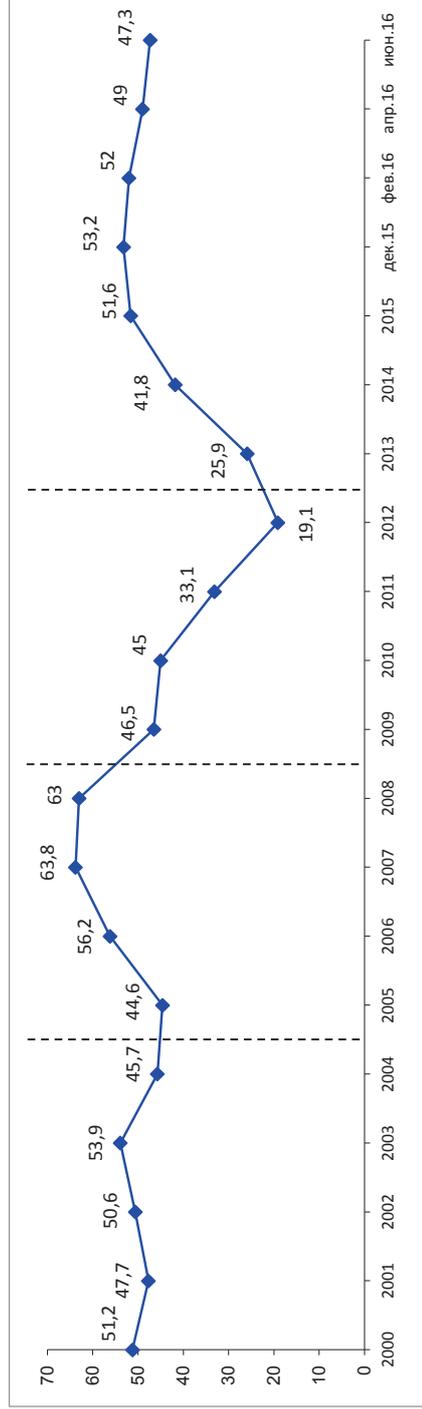
* Пунктирными линиями выделены президентские сроки: январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 г. – III президентский срок В.В. Путина.

** Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем или плохим или каким-либо еще для экономики России?» Варианты ответов: «хорошим», «плохим», «не во всем», «не хорошим», «не плохим», «плохим, но не во всем», «плохим», «затрудняюсь ответить».

*** Снижение показателя означает увеличение доли негативных оценок. Показатель ниже 0 – преобладание отрицательных оценок над положительными.

Оценка деятельности Президента РФ* (в % от числа опрошенных)**

Динамика разницы в Доле положительных и отрицательных оценок деятельности Президента* (в процентных пунктах)***

В 2000–2008 гг. (первый и второй президентские сроки В. Путина) уровень поддержки Президента РФ возрос на 7 п.п. (с 66 до 73%). В 2007–2008 гг. (конец второго президентского срока В. Путина) отмечался «пик» поддержки деятельности Президента (разница между долей положительных и отрицательных оценок составила +64 п.п.).

В 2008 – 2012 гг. (президентский срок Д. Медведева) доля положительных оценок деятельности главы государства снизилась на 21 п.п. (с 73 до 52%). В последний год президентства Д. Медведева (2012 г.) отмечается «дно» поддержки деятельности главы государства (разница в доле положительных и отрицательных оценок составила +19 п.п.).

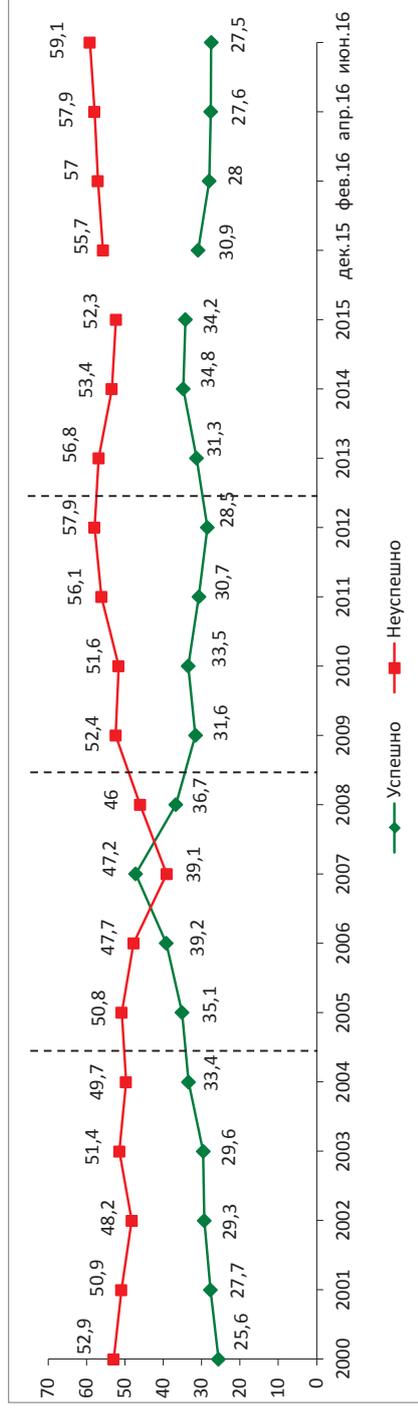
С началом третьего президентского срока В. Путина динамика уровня поддержки Президента снова приняла позитивный характер: доля положительных оценок с 2012 по 2015 г. увеличилась на 17 п.п. (с 52 до 69%).

В то же время следует отметить, что в краткосрочной динамике (с февраля по июнь 2016 г.) отмечается рост доли людей, отрицательно оценивающих работу главы государства, – на 4 п.п. (с 16 до 20%).

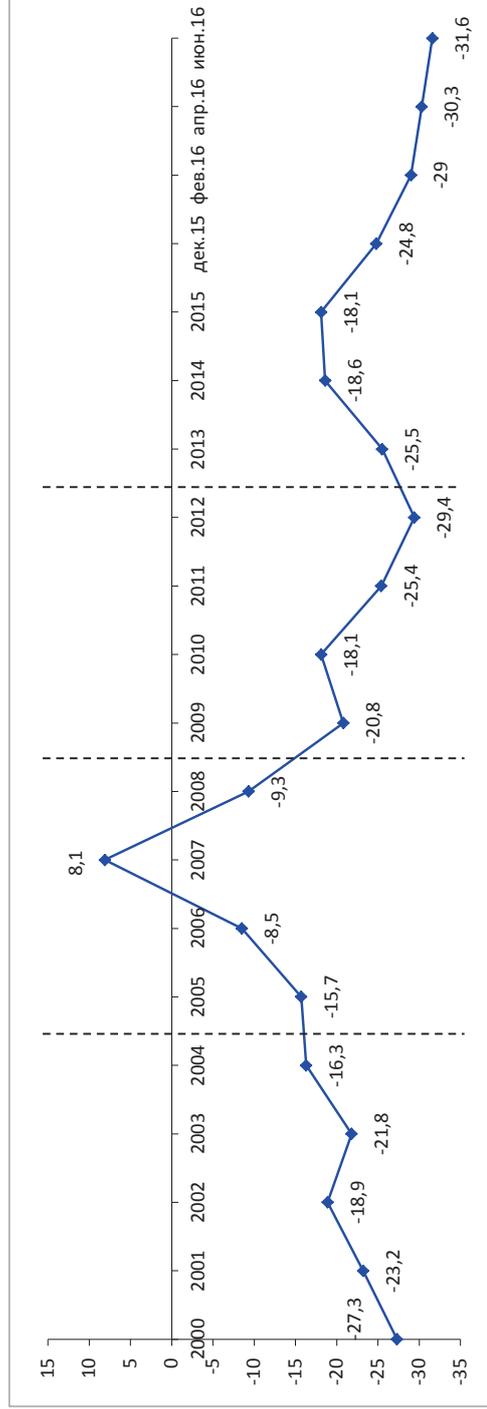
* Пунктирными линиями выделены президентские сроки: январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева; май 2012 г. – н.в. – III президентский срок В.В. Путина

** Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?» Варианты ответов: «богатые», «люди среднего достатка», «бедные», «нищие», «затрудняюсь ответить».

*** Снижение показателя означает увеличение доли негативных оценок. Показатель ниже 0 – преобладание отрицательных оценок над положительными.

Оценка успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан*
(в % от числа опрошенных)**

Динамика разницы между положительными и отрицательными оценками успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан* (в процентных пунктах)***

С 2000 по 2007 г. (в периоды первого и второго президентских сроков В. Путина) наблюдался рост доли положительных (на 21 п.п., с 26 до 47%) и снижение отрицательных (на 14 п.п., с 53 до 39%) оценок успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан. На 2007 год приходится «пик» соотношения доли положительных и отрицательных характеристик (+8 п.п.), что означает наиболее благоприятные оценки общественного мнения.

Однако за весь период с 2000 г. по настоящее время 2007 год был единственным периодом, когда удельный вес положительных оценок деятельности главы государства по решению экономических проблем населения был выше, чем доля отрицательных суждений (47 и 39% соответственно).

С 2008 по 2012 г. (период президентского срока Д. Медведева) доля негативных оценок увеличилась на 12 п.п. (с 46 до 58%).

С 2012 по 2015 г. (третий президентский срок В. Путина) динамика общественного мнения несколько стабилизировалась, но по большому счету существенных позитивных изменений не произошло: доля положительных оценок успешности действий Президента по подъему экономики увеличилась на 5 п.п. (с 29 до 34%), отрицательных – снизилась на 6 п.п. (с 58 до 52%).

В краткосрочной динамике сохраняется тревожная ситуация: доля негативных суждений существенно (почти в 2 раза) выше удельного веса положительных оценок (57–59% против 28%). По последним данным (на июнь 2016 г.) показатель отклонения положительных и негативных оценок достиг своего «дна» за весь период с 2000 г. по настоящее время (-32 п.п.).

* Пунктирными линиями выделены президентские сроки: январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева; май 2012 г. – н.в. – III президентский срок В.В. Путина

** Формулировка вопроса: «Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан?» Варианты ответов: «очень успешно», «довольно успешно», «без особого успеха», «совершенно не успешно», «затрудняюсь ответить».

*** Снижение показателя означает увеличение доли негативных оценок. Показатель ниже 0 – преобладание отрицательных оценок над положительными.

Рисунок 2. Динамика социальной самоидентификации населения (доля людей, субъективно относящих себя к категориям «бедных и нищих» и «богатых и среднеобеспеченных», в % от числа опрошенных)

долю тех, кто относит себя к «богатым и среднеобеспеченным» категориям населения (42 против 45%; *рис. 2*).

Обеспокоенность населения динамикой материального положения и экономической ситуации отражается на оценке эффективности управления. Как показывают результаты проведенных социологических измерений, с 2012 по 2015 г. в российском обществе отмечался рост поддержки деятельности Президента, обусловленный началом третьего президентского срока В. Путина (в 2012 г.), позже — событиями «крымской весны». За этот период уровень поддержки главы государства увеличился на 17 п.п. (с 52 до 69%), а доля отрицательных оценок уменьшилась почти в 2 раза (с 33 до 18%; *вкладка 1*).

Однако в первой половине 2016 г., вместе с обострением экономической повестки и снижением актуальности международной проблематики в оценках обще-

ственного мнения, уровень одобрения деятельности Президента незначительно снизился. В декабре 2015 г. он составлял 70%, в феврале — июне 2016 г. — 67–68%.

За период с 2008 по 2015 г. доля отрицательных суждений об успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан увеличилась на 6 п.п. (с 46 до 52%); к июню 2016 г. она составила уже 59%. При этом удельный вес положительных оценок в 2008–2015 гг. снизился на 3 п.п. (с 37 до 34%), а в феврале — июне 2016 г. он составил 28% (*см. вкладку 1*).

Следует отметить, что приведенные выше данные отражают динамику общественного мнения жителей конкретного региона (Вологодской области). Социологические исследования, выполняемые на уровне конкретного субъекта Российской Федерации, дают важную информацию об оценках всего российского общества,

позволяют глубже рассматривать региональную специфику общественных настроений. Особенно если такие исследования основаны на системном, научном подходе и осуществляются в мониторинговом режиме. В свете этого нельзя не отметить, что данные, получаемые ИСЭРТ РАН в ходе 20-летних мониторинговых опросов жителей Вологодской области, коррелируют с общероссийскими исследованиями, проводимыми ВЦИОМ и Левада-Центром¹⁴. Причём, как отмечают эксперты, пессимизм относительно будущего возник не вчера, поэтому сегодня «абсолютное доминирование темы кризиса у россиян вполне логично»¹⁵.

¹⁴ Данные Левада-Центра:

Каждому десятому жителю РФ не хватает средств на покупку продуктов питания. Более 80% россиян уверены в продолжении экономического кризиса в стране. Почти 40% граждан РФ уверены, что экономический кризис может продлиться еще как минимум год или даже два года. Около 20% опрошенных полагают, что «кризис будет очень продолжительным, его последствия будут проявляться на протяжении многих лет». 44% россиян называют кризис основной внутренней угрозой для России. Это рекордный показатель за последние десять лет, ранее не поднимался выше 37%. (Источник: Кризис стал абсолютной доминантой для россиян [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2016. — 25 мая. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-05-25/1_crisis.html)

Данные ВЦИОМ:

«Беспокойство относительно экономических проблем растет: так, показатель, отражающий опасения россиян относительно подорожания товаров и обесценивания сбережений, поднялся в марте 2016 г. до 22 п. (с 13 п. в декабре 2015 г.)... Убежденность граждан в том, что кризис — явление стихийное и неуправляемое, растет. Наглядным индикатором глубины кризиса в массовом сознании являются ценники в магазинах. Рост цен вызывает существенно больше опасений, чем возможная потеря работы или сокращение зарплаты. Обычные граждане не знают, как можно повлиять на рост цен, на ситуацию в мировой политике — и страхи обнаруживаются прежде всего там, где люди не видят возможностей лично контролировать ситуацию». (Источник: Карта страхов: весне навстречу! [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ. — 2016. — 1 апр. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115647>)

¹⁵ Соловьева О. Кризис стал абсолютной доминантой для россиян [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2016. — 25 мая. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-05-25/1_crisis.html

Тем не менее, одновременно с ростом негативного восприятия собственного материального положения, ситуации в экономике, с нарастающей поляризацией населения по уровню доходов, в России наблюдается и другой процесс: «При общем падении всего и вся каким-то „непостижимым” образом значительно выросли прибыли крупного и среднего частного капитала... В 2015 г. прибыли крупного и среднего бизнеса выросли в номинальном выражении в полтора раза, а в реальном, с поправкой на официальный дефлятор Росстата, — на 42,2%». Таким образом, **фраза «российская экономика переживает тяжелейший кризис» — всего лишь словесный штамп, поскольку в обществе, разделенном на классы, не существует такого единого для всех по своим следствиям явления, как экономический кризис „вообще”.** «**Это не кризис, а чистой воды проявление всеобщего закона капиталистического накопления, который, как писал Маркс, „обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала”**»¹⁶. Рост прибылей крупного и частного капитала вполне коррелирует с высказываниями представителей Правительства об отсутствии кризиса в стране, однако обнажает другую проблему — оторванности власти от общества. «Говорить о кризисе доверия преждевременно, однако очевидно, что экономические трудности, переживаемые страной сегодня, вносят существенные коррективы во взаимоотношения власти и общества. Произошедшие изменения проявились, прежде всего, в снижении

¹⁶ Фролов А. Под знаком Марса. Записки обозревателя [Электронный ресурс] // Советская Россия. — Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=603035>

уровня доверия большинству государственных и общественных институтов, растущем отчуждении граждан от сферы политики...»¹⁷ Возможно поэтому «россияне хотели бы видеть будущий парламент, во-первых, более профессиональным (причем профессионалами наши сограждане считают не партийных функционеров и чиновников, а экономистов, юристов, ученых других отраслей знаний). Во-вторых, более адекватно репрезентирующим основные социальные группы и слои общества (учителя, врачи, военные, крестьяне). И, в-третьих, таким, где нашлось бы место гражданским активистам и известным стране общественным деятелям, многие из которых уже набрались опыта и политического “веса”»¹⁸.

В то время как В. Путин был вынужден практически «с нуля» решать исторические по своей значимости задачи восстановления суверенитета и статуса России на международном уровне, а впоследствии — защищать интересы страны от геополитических противников, которым, мягко говоря, неудобно иметь рядом с собой сильную Россию, — отдельные представители Правительства, преследующие исключительно частнокапиталистические интересы, «еще глубже залезали в кошельки наемных работников и мелких буржуа, не трогая крупнокапиталистических прибылей, хотя по элементарной фискальной логике следовало бы действовать противоположным образом — ведь кошельки и без того тощат, а прибыли скандально

растут... Действовала иная логика — логика корыстных классовых интересов»¹⁹.

Социально-психологические аспекты кризиса 2012 – 2016 гг.

В отличие от двух предыдущих кризисов, которые пережило российское общество после «шоковой терапии» (1999 и 2008 гг.), специфика современной экономической ситуации в стране заключается в том, что **обострение проблемы социальной несправедливости происходит одновременно с ростом патриотических настроений, вызванных напряженной международной обстановкой и, в частности, событиями «крымской весны».**

Усиление консолидации и патриотических настроений в связи с вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации затронуло все слои населения. «“Крымский консенсус” объединил бизнесмена и рабочего, домохозяйку и телезвезду, социалиста и настоящего либерала... Эмоции многосоставные, глубокие, образные, но схлынувшие и превратившиеся в глубокое общенародное чувство, имя которому “Крымнаш”; плохо идентифицируемое, но тотально внедрившееся в национальное сознание»²⁰.

Эффект от событий «крымской весны» был мощным, но непродолжительным. За это время экономическая повестка дня «ушла в тень», но эффективных управленческих решений, которые бы позволили вывести динамику уровня и качества жизни населения на устойчивый позитивный тренд, не принималось.

¹⁷ Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды: Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. — М.: ИС РАН, 2016. — С. 23.

¹⁸ Там же, с. 24.

¹⁹ Фролов А. Под знаком Марса. Записки обозревателя [Электронный ресурс] // Советская Россия. — Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=603035>

²⁰ Скоробогатый П. Крымская планка // Эксперт. — 2016. — №12. — С. 40.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в российском обществе наблюдаются две противоположные тенденции: с одной стороны, улучшение эмоционального состояния (с 2009 по 2015 г. соответствующий индекс возрос со 115 до 143 п.) и стабильно низкий уровень протестного потенциала (17–20% с 2007 г.), с другой стороны, рост доли людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне (с 48 до 61% в период с 2013 по 2015 г.), и снижение индекса потребительских настроений (с 92 до 77 п. за период с 2012 г.; *вкладка 2*). Эти, казалось бы, парадоксальные данные на самом деле вполне закономерны. Они показывают, что **люди живут сегодняшним днем и боятся заглядывать в будущее. Как отмечают эксперты, население привыкает жить в условиях экономического кризиса и это является его главной угрозой**²¹.

Россияне «смогли постепенно привыкнуть к мысли о том, что „прекрасное далёко” может оказаться реально далеким»²², а неуверенность в будущем ведет к желанию реализовывать свои потребности в настоящем, причем как можно быстрее. В результате мы наблюдаем кризис нравственности,

²¹ Зубаревич Н.: «Приспосабливаясь к кризису, люди, особенно живущие в провинции, увеличивают опору на личное хозяйство, увеличивают посадки картошки. Люди просто пытаются выживать в предлагаемых обстоятельствах» (источник: Забелина Н. Население привыкает к бедности [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2016. – 13 янв. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-01-13/4_prices_2.html). В статье автор приводит высказывания различных экспертов об экономической ситуации в стране.

²² Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды // Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. – М.: ИС РАН, 2016. – С. 3.

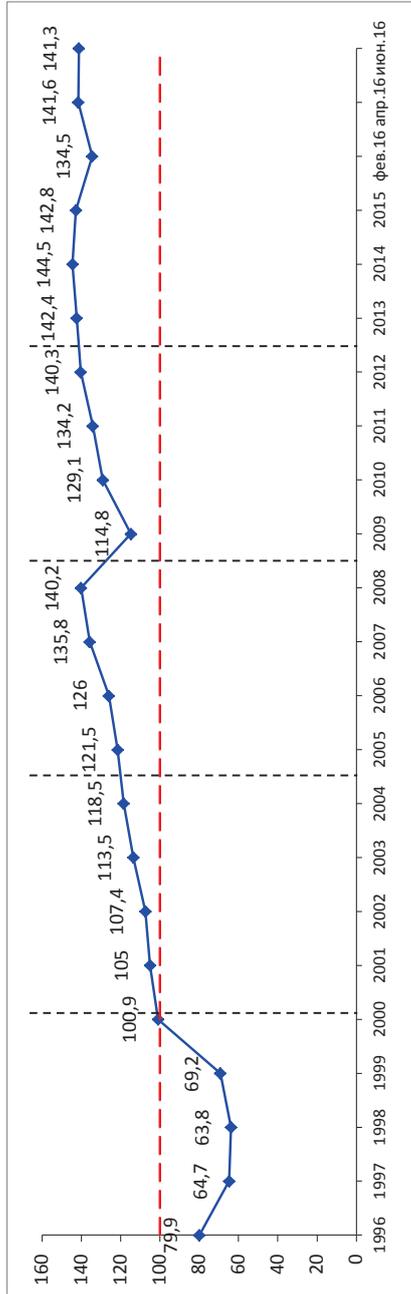
о конкретных проявлениях которого практически ежедневно сообщается в средствах массовой информации²³.

Еще совсем недавно люди отмечали, что в стране стало больше согласия, сплоченности; что они готовы объединяться для достижения совместных целей. Всплеск этих настроений (по понятным причинам) отмечался в 2014 г. после событий «крымской весны». Однако с тех пор доля разделяющих это мнение становится всё меньше: за период с 2014 по 2016 г. удельный вес людей, считающих, что сегодня в стране «больше согласия и сплоченности, чем несогласия, разобщенности», снизился на 17 п.п. (с 55 до 38%), а доля тех, кто «готов объединяться для достижения общих целей», – на 7 п.п. (с 29 до 22%; *рис. 3*).

Другими словами, кризисные явления, начавшиеся в России задолго до крымских событий и антироссийских санкций, уже давно вышли за рамки экономики. Это многолетний процесс, приобретший сегодня комплексный характер. Его особенность и опасность состоит в латентности протекания, поскольку, как правило, чем очевиднее «обрушение» различных сторон общественной жизни, тем скорее и решительнее принимаются меры. Кризис же последних лет развивался «в тени» частичных международных успехов России, о которых постоянно упоминали СМИ, регулярно обращаясь к ментальным, духовным и патриотическим чувствам населения. По мнению некоторых

²³ Например: информация, прошедшая в СМИ о свадьбе сына олигарха Гучериева, опасном вождении автомобиля сыном топ-менеджера «Транснефти» Алмазова, о массовой драке при дележе территории Хованского кладбища, убийстве семьи полковника А. Гошта, криминальных действиях коллекторов и т.д.

Динамика показателей, характеризующих социально-психологическое состояние населения

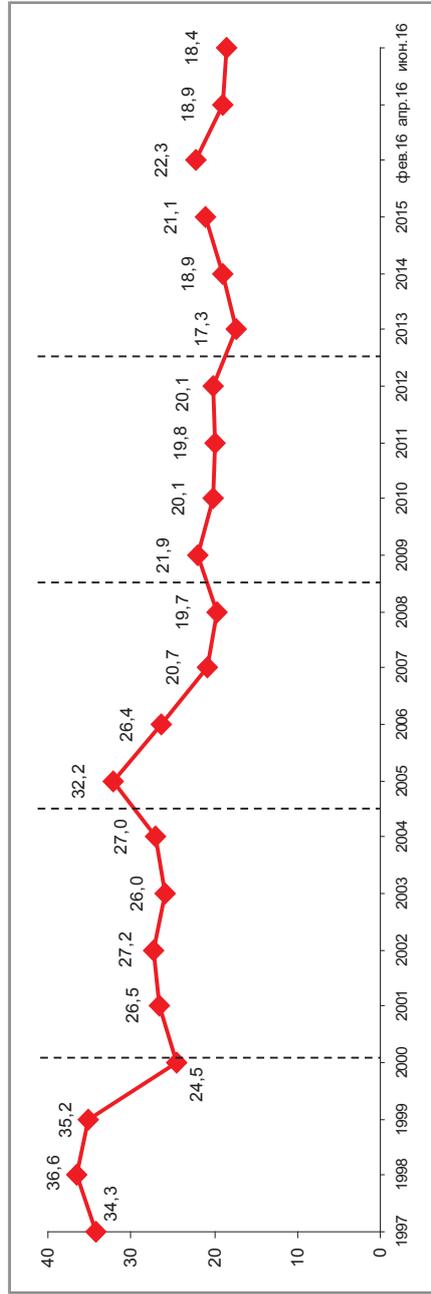

За период с 2000 по 2008 г. (первый и второй президентские сроки В.Путина) индекс социального настроения увеличился на 39 пунктов (со 101 до 140 п.).

Снижение индекса отмечается в 2009 г., то есть в наиболее острый период мирового финансового кризиса (по сравнению с 2008 г. – на 25 пунктов, со 140 до 115 п.).

Однако в последующие годы позитивная динамика индекса социального настроения продолжилась. В 2009–2012 гг. (во время президентского срока Д. Медведева) был достигнут докризисный уровень (рост на 25 пунктов, со 115 до 140 п.). С 2012 по 2015 г. (третий президентский срок В. Путина) рост индекса несколько замедлился (на 3 пункта, со 140 до 143 п.).

Динамика индекса социального настроения* (в пунктах)**

Динамика потенциала протеста* (в % от числа опрошенных)***

* Пунктирными линиями выделены президентские сроки: январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева; май 2012 г. – н.в. – III президентский срок В.В. Путина.

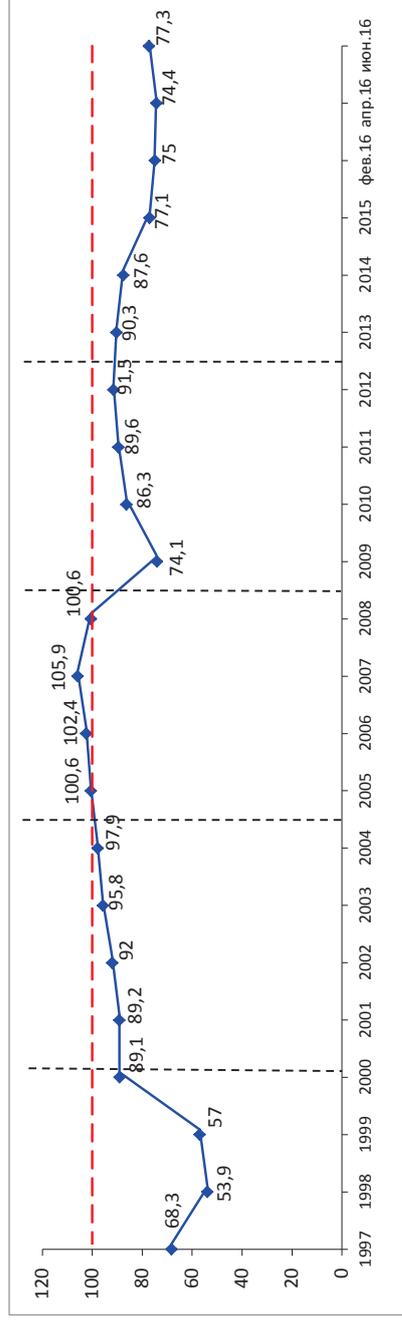
** Формулировка вопроса: «Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?» Варианты ответов: «прекрасное настроение», «нормальное, равное состояние», «испытываю напряжение, раздражение», «испытываю страх, тоску», «затрудняюсь ответить».

*** Формулировка вопроса: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» Варианты ответов: «мои интересы достаточно защищены», «подишу обращение к властям», «выйду на митинг, демонстрацию», «буду участвовать в забастовках, других акциях протеста», «если надо, возьму оружие, пойду на баррикады», «ничего не буду делать», «затрудняюсь ответить».

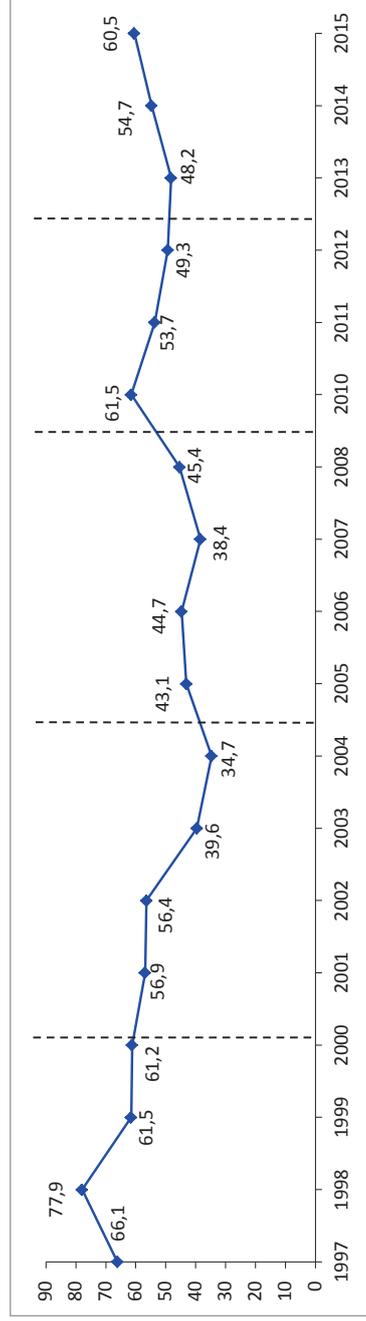
С обострением экономической проблематики в конце 2015 – начале 2016 г. социальное настроение людей ухудшилось (в феврале 2016 г. индекс составил 135 п.), однако к середине года индекс вернулся к среднему уровню за 2015 г. (141–142 п.).

В течение первого и второго президентских сроков В. Путина уровень протестного потенциала снизился на 5 п.п. (с 25 до 20%). Незначительный рост (на 5 п.п., с 27 до 32%) отмечался только в 2005 г., когда была проведена неудачная реформа монетизации льгот.

В последующие годы (как президентства Д. Медведева, так и третьего президентского срока В. Путина) уровень протестных настроений существенно не изменился и сохранялся в пределах 17–22%.

Динамика индекса потребительских настроений* (в пунктах)**

Доля людей, сталкивающихся с проблемой отсутствия уверенности в завтрашнем дне* (в % от числа опрошенных)***

Индекс потребительских настроений (ИПН) имел положительную динамику в 2000–2007 гг. (первые два президентских срока В. Путина; рост на 17 пунктов, с 89 до 106 п.).

После мирового финансового кризиса (2009 г.) и до настоящего времени ИПН находится в области отрицательных значений, что означает преобладание пессимистических прогнозов относительно перспектив материального благополучия.

Причем с 2012 г. (начало третьего президентского срока В.Путина) по 2015 г. отмечается снижение ИПН (на 15 пунктов, с 92 до 77 п.).

Существенных позитивных изменений не наблюдается и в краткосрочной динамике ИПН: в первой половине 2016 г. (февраль – июнь) он составил 75–77 п., при этом в апреле ИПН опустился до значения 2009 г. (74 п.) – периода мирового финансово-го кризиса.

Доля людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне, с 2000 по 2008 г. (первый и второй президентские сроки В. Путина) снизилась на 16 п.п. (с 61 до 45%).

С 2008 по 2012 г. (президентский срок Д. Медведева) доля людей, неуверенных в своем будущем, увеличилась на 4 п.п. (с 45 до 49%).

Негативная динамика продолжилась и после начала третьего президентского срока В. Путина: с 2012 по 2015 г. доля тех, кто испытывает неуверенность в завтрашнем дне, возросла на 12 п.п. (с 49 до 61%), вернувшись на уровень 1999–2000 гг.

* Пунктирными линиями выделены президентские сроки: январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева; май 2012 г. – н.в. – III президентский срок В.В. Путина.

** Индекс потребительских настроений (ИПН) – ключевой индикатор мониторинга общественного мнения, отражающий восприятие людьми текущей экономической ситуации в стране, регионе, а также оценку личного благосостояния и ожидания населения относительно перспектив их развития в ближайшем будущем..

*** Формулировка вопроса: «С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошлом году?» Вариант ответа: «отсутствие уверенности в завтрашнем дне». Вопрос задается один раз в году, в феврале 2016 года оценивались итоги 2015 года.

Рисунок 3. Показатели, характеризующие динамику социальной консолидации в обществе (в % от числа опрошенных)

экспертов, «то, что сегодня именуется российскими национальными интересами на международной арене, есть на деле интересы Газпрома, Роснефти и еще десятка олигархических монополий, хотя большинство народа этого пока не видит»²⁴. Потому что существует «неразрывная связь капитала с войной» и только крупный капитал является «единственным выгодоприобретателем» в военных действиях. Развитие всего общества в целом, несмотря ни на какие «всплески» патриотических настроений и национальной идентичности, не может иметь крепкого фундамента без решения насущных, повседневных проблем, без устойчивого развития уровня и качества жизни.

²⁴ Фролов А. Под знаком Марса. Записки обозревателя [Электронный ресурс] // Советская Россия. – Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=603035>

Внутренняя экономическая политика накануне выборов: проблемы управления и актуальность эффективных действий.

Как в медицине несвоевременная диагностика усугубляет диагноз, так и в политике и экономике «затягивание узлов» со временем приводит к необходимости принятия всё более трудных решений. В России необходимость принятия таких решений назрела уже давно, но их нет, поскольку в российской политической элите, ответственной за реализацию данной задачи, наблюдается раскол интересов. **Есть ощущение, что сложились две России: одна «глубоко встроена в западный мир», другая – это «новая плеяда русских государственников, которые неизбежно сопровождают державный рост»**²⁵. Первая группа аккумулирует

²⁵ Проханов А.А. «Государство Полярной звезды» [Электронный ресурс] // Газета «Завтра». – 2016. – 17 марта.

«достаточно сильные позиции прозападной „агентуры влияния”, тех компрадорских сил, чьи интересы и активы находятся в сфере влияния „коллективного Запада” и которым любой ценой, „хоть тушкой, хоть чучелом”, нужны от Запада гарантии неприкосновенности этих интересов и активов». Вторая группа «готова добиваться таких гарантий „с позиции силы”, используя военно-политический потенциал России»²⁶.

Борьба между этими группами ведется уже более 15 лет, с тех пор как начался первый президентский срок В. Путина, несколько «осадившего» потребности компрадорской прозападной части элиты, ставшие необузданными в 1990-х гг. В последние годы эта борьба становится всё более жесткой, бескомпромиссной, но реально никаких «переломов» в ту или иную сторону в ней не происходит, что мешает принятию эффективных управленческих решений в сфере экономики, а в конечном итоге ставит под угрозу и социальную стабильность, и национальную безопасность.

Наглядным примером несогласованности позиций в высших эшелонах власти может стать диалог между президентом РФ В. Путиным и экс-министром финансов РФ А. Кудриным на заседании Экономического совета, проходившем 25 мая 2016 г., когда в ответ на предложение последнего «снизить конфронтацию с Западом», в

²⁶ Гордеев А. Спор Путина и Кудрина [Электронный ресурс] // Газета «Завтра». – 2016. – 2 июня. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/nagornyyj-2/>

Сегодня в правительстве Д.А. Медведева его либерально-финансовая часть реализует то самое движение к хаосу, которое является стержнем политики правящих мировых элит. В результате падения рубля, приватизации, «реформ» медицины и образования и т.п. мы слабеем, а не усиливаемся. Потому что **либералы проводят политику в интересах тех, кто хочет нашего ослабления. По сути, это есть не что иное, как предоставление мировому гегемону, олицетворяемому США, преимуществ в потенциальной схватке с нами. При этом президент Путин не может не учитывать стремления части уже российской элиты, которая видит смысл и цель своей жизни в том, чтобы влиться в элиту мировую.** Представители этого направления «мысли» всячески торпедируют, саботируют и противятся любым действиям, направленным на защиту интересов России, если они хоть в чём-то вступают в противоречие с интересами США. Что с точки зрения желающих «влиться» может поставить под сомнение этот процесс и даже (о ужас!) сделать его нереализуемым. Президент не может не учитывать этих настроений части элиты – это объясняет его терпимость к высказываниям и поступкам некоторых наиболее «ярких» представителей «вливальщиков».

(Источник: Стариков Н. России не привыкать быть в авангарде человечества // Официальный блог. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/66219>)

том числе – путём уступок по Донбассу и Крыму, главой государства было заявлено, что Россия не будет торговать своим суверенитетом²⁷. Напомним, что похожий обмен мнениями с теми же действующими лицами состоялся 25 апреля 2013 года в ходе прямой линии с Президентом. Только тогда «возражения Путина Кудрину были осторожны и деликатны. Сопровождались непрерывными комплиментами в адрес „лучшего министра финансов”²⁸. Это

²⁷ Там же.

²⁸ Проханов А. Путин или Кудрин? [Электронный ресурс] // Газета «Завтра». – 2013. – 2 мая. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/putin-ili-kudrin/>

говорит как о затяжном и нагнетающемся характере конфликта двух сил российской элиты — «силовой» и «компрадорской», так и об усилении решительности Президента в стремлении четко расставить все точки над «i» в вопросах внутренней политики.

Вообще, второе заседание президиума Экономического совета при Президенте РФ стало весьма показательным мероприятием для понимания сложившейся на сегодняшний день ситуации в управленческой элите.

- Во-первых, сам Совет был собран впервые за два года²⁹, что свидетельствует, с одной стороны, об актуализации вопросов экономического характера, с другой — об отсутствии системной работы над их решением.

- Во-вторых, он в очередной раз³⁰ показал неэффективность работы Правительства по решению ключевых задач экономической политики. «Фактически и Столыпинский клуб, и команда единомышленников Кудрина уже стали параллельными центрами выработки экономических решений. Если бы правительство Медведева могло самостоятельно предлагать удовлетворительные программы, никаких параллельных структур не потребовалось бы»³¹.

²⁹ Последнее заседание президиума Экономического совета состоялось 30 января 2014 г.

³⁰ «Есть поручение президента по итогам заседания Государственного совета по развитию малого и среднего бизнеса и по итогам форума «Опоры России». Но проблема в том, что очень хорошо проработанные экспертами предложения не реализуются. К примеру, по итогам Государственного совета было 21 поручение, но, по нашим оценкам, из них исполнено только три... Есть разные позиции Минтруда, Минэкономразвития и Минфина. Не хватает арбитра внутри правительства, который при наличии различных мнений вынесет окончательное решение» (источник: Скоробогатый П., Гавриленко Д. Кто теряет поручения Президента // Эксперт. — 2016. — №19. — С. 50-51).

³¹ Башкатова А. Путину предстоит скрестить экономического ужа с предвыборным ужом [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2016. — 21 мая. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-05-24/4_senatory.html

- В-третьих, на заседании Совета В. Путин отметил, «что резервы и ресурсы, которые в начале двухтысячных двигали нашу экономику вперед, не работают так, как прежде», и призвал «наметить ключевые ориентиры экономической политики до 2025 года, определить основные факторы роста экономики и развития социальной сферы»³². Таким образом, как и 10 лет назад, перед российской экономикой встает задача поиска новых точек роста, альтернативных ценам на нефть. Разница лишь в том, что в 2005—2007 гг. ситуация к этому **располагала**, а сегодня она к этому **вынуждает**.

- В-четвертых, заседание Совета проходило «за закрытыми дверями». Другими словами, обсуждение ключевых проблем, волнующих население, не стало достоянием общественности, несмотря на то, что власть уделяет повышенное внимание декларированию такого важного для себя направления деятельности, как «предоставление возможностей гражданам Российской Федерации, общественным объединениям участвовать в политической жизни общества»³³.

- Наконец, в-пятых (и это главное), результатом заседания Совета стало то, что Президент вновь оказался в ситуации необходимости находить компромиссное решение между двумя вариантами выхода из экономического кризиса. «С одной стороны, денежно-стимулирующая программа Столыпинского клуба, которая предпо-

³² Стенограмма заседания президиума Экономического совета от 25 мая 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/51996>

³³ Положение о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва // Официальный сайт проекта «Предварительное голосование 22 мая 2016 г.». — Режим доступа: <http://pg.er.ru/images/docs/file/polozhenie-o-predvaritelnom-golosovanii.pdf>

лагают подпитку экономики льготными кредитами, с другой стороны, кудринская программа, суть которой состоит в экономии и институциональных реформах»³⁴.

Таким образом, как и в середине «тучных» 2000-х, российская экономика встает перед необходимостью поиска новых точек роста, а российская власть — перед необходимостью принятия управленческих решений, объективно обеспечивающих реализацию основных положений Стратегии национальной безопасности — 2015, которая предусматривает «устранение структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации» для «предотвращения угроз национальной безопасности»³⁵.

Однако и неэкономические факторы, которые мешали провести соответствующие реформы 10 лет назад, сохранились:

- решение дилеммы приходится на период преддверия президентских выборов;
- в готовности США воспользоваться любой нестабильной ситуацией внутри России сомневаться не приходится;
- кроме того, Президент по-прежнему вынужден лавировать между интересами общества и интересами той части либерального крыла Правительства, которая выражает интересы олигархического капитала.

Нелегкий выбор, который предстоит сделать В. Путину, заключается в том, что какие бы действия он не предпринял для «реанимации» российской экономики и решения исторической задачи вывода

страны на позитивный тренд развития, они неизбежно связаны с риском роста протестных настроений: «Если реформы, то это конфликт с элитами или с массами. Но если идти по пути стагнации, то не будет средств на соцрасходы и рано или поздно люди тоже выйдут на улицу»³⁶.

Тот факт, что назревание экономической проблематики в обществе и напряженности отношений внутри политической элиты приходится на период выборов в Государственную Думу, является особым, катализирующим фактором. Результаты социологических измерений свидетельствуют о том, что в первой половине 2016 г. представители самых разных слоев населения (в том числе по уровню доходов) более негативно оценивают своё материальное положение и перспективы его развития, чем в предыдущие предвыборные периоды. Так, индекс социальной самоидентификации в большинстве социально-демографических категорий населения (в 8 из 14) в июне 2016 г. был ниже, чем в июне 2011 и 2007 гг. (в целом по области — 94, 97 и 104 пункта соответственно; *вкладка 3*).

С февраля по июнь 2016 г. социальная самоидентификация улучшилась практически во всех социально-демографических категориях населения. Однако нельзя трактовать это как исключительно позитивный результат. Эти данные подтверждают мнение экспертов о том, что люди привыкают жить в условиях кризиса и находят новые источники поддержания своего благосостояния (к середине года — преимущественно за счет приусадебных участков). Вместе с тем прогнозы относительно дальнейших

³⁴ Башкатова А. Питерский форум переборщил с нелепыми заявлениями [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2016. — 20 июня. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-06-20/1_forum.html

³⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (пункт 26): утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2015. — 31 дек. — Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

³⁶ Папченкова М., Прокопенко А. Путину предстоит выбрать одну из двух моделей роста экономики [Электронный ресурс] // Ведомости. — 2016. — 20 мая. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/20/641726-putinu-predstoit-vibrat-model-rosta-ekonomiki>

Динамика индекса социальной самоидентификации* (в пунктах)**

Категории населения	1999 г.		2003 г.		2007 г.		2011 г.		2016 г.		Изменение +/- июнь 2016 г. к...								
	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	июн. 2011	июн. 2007	июн. 2003	июн. 1999					
Пол																			
Мужской	72,4	68,3	-4	91,1	88,7	-2	98,5	107,2	+9	93,8	98,8	+5	90,9	98,7	+8	0	-9	+10	+30
Женский	67,3	62,3	-5	77,6	80,7	+3	93,8	102,0	+8	90,8	96,0	+5	88,0	90,1	+2	-6	-12	+9	+28
Возраст																			
До 30 лет	72,6	74,6	+2	104,7	96,5	-8	106,7	114,5	+8	99,1	103,2	+4	98,6	98,6	0	-5	-16	+2	+24
30-55 лет	72,0	65,1	-7	81,0	85,4	+4	98,7	107,2	+8	92,3	98,4	+6	88,9	96,3	+7	-2	-11	+11	+31
Старше 55 лет	61,8	56,2	-6	65,5	68,7	+3	82,0	90,6	+9	85,9	90,7	+5	84,5	87,9	+3	-3	-3	+19	+32
Образование																			
Среднее и н/среднее	65,3	61,1	-4	70,4	75,4	+5	79,7	91,5	+12	86,1	86,9	+1	84,1	85,5	+1	-1	-6	+10	+24
Среднее специальное	70,2	64,8	-5	85,3	80,9	-4	98,6	109,0	+10	84,3	94,1	+10	87,0	96,9	+10	+3	-12	+16	+32
Высшее и н/высшее	75,0	70,6	-4	92,9	97,5	+5	109,2	113,4	+4	104,9	112,3	+7	98,3	101,6	+3	-11	-12	+4	+31
Доходные группы																			
20% наименее обеспеченных	49,5	49,1	0	66,4	56,0	-10	62,8	76,2	+13	66,6	75,7	+9	68,2	73,2	+5	-3	-3	+17	+24
60% среднеобеспеченных	66,2	59,4	-7	71,5	81,7	+10	96,7	102,8	+6	88,5	93,9	+5	88,6	93,4	+5	-1	-9	+12	+34
20% наиболее обеспеченных	104,5	97,9	-7	116,1	114,2	-2	128,7	136,2	+8	124,0	125,0	+1	116,1	119,8	+4	-5	-16	+6	+22
Территории																			
Вологда	65,3	66,5	+1	86,9	89,0	+2	110,6	116,2	+6	91,1	97,0	+6	94,5	97,7	+3	+1	-19	+9	+31
Череповец	81,4	72,2	-9	82,0	84,7	+3	109,7	123,1	+13	110,1	113,5	+3	92,5	98,8	+6	-15	-24	+14	+27
Районы	65,7	59,8	-6	82,2	80,8	-1	82,6	89,8	+7	83,5	89,1	+6	84,8	89,3	+5	0	-1	+9	+30
Область	69,6	65,0	-5	83,2	83,9	+1	95,9	104,3	+8	92,0	97,4	+5	89,4	93,9	+5	-4	-10	+10	+29

* Данные результаты мониторинга общественного мнения в 1999, 2003, 2007, 2011, 2016-м – годах проведения выборов в Государственную Думу РФ.

** Индекс социальной самоидентификации – разница между долей людей, субъективно относящих себя к категории «богатых и среднеобеспеченных», и удельным весом людей, считающих себя «бедными и нищими».

В большинстве (8 из 14) социально-демографических категорий населения индекс социальной самоидентификации в июне 2016 г. был ниже, чем в июне 2011 г. (на 2–10 пунктов) и июне 2007 г. (на 2–20 п.). Другими словами, субъективное восприятие людьми своего материального положения за несколько месяцев до выборов 2016 г. остается более негативным, чем в аналогичный период предыдущих выборов в Государственную Думу.

Тот факт, что в целом по области индекс социальной самоидентификации в 2007 и в 2011 г. был выше, чем в июне 2016 г., свидетельствует о том, что ухудшение субъективных оценок материального положения лишь частично связано с последствиями мирового финансового кризиса.

Динамика индекса потребительских настроений (в пунктах)

Категории населения	1999 г.		2003 г.		2007 г.		2011 г.		2016 г.		Изменение + / – июнь 2016 г. к...								
	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	июн.	июн.	июн.	июн.	июн.	1999			
Пол																			
Мужской	46,5	47,2	+1	93,5	99,6	+6	106,2	106,0	0	89,6	91,4	+2	75,2	79,0	+4	-12	-27	-21	+32
Женский	45,1	46,4	+1	85,4	93,0	+8	102,5	101,8	-1	87,8	92,9	+5	74,7	75,9	+1	-17	-26	-17	+30
Возраст																			
До 30 лет	52,3	54,3	+2	104,7	109,6	+5	115,0	112,8	-2	97,3	97,9	+1	80,6	84,8	+4	-13	-28	-25	+31
30-55 лет	45,0	46,1	+1	87,6	93,6	+6	105,2	105,0	0	87,8	91,2	+3	73,6	75,6	+2	-16	-29	-18	+30
Старше 55 лет	41,6	41,5	0	74,4	87,3	+13	93,2	93,4	0	82,6	89,1	+7	73,4	75,1	+2	-14	-18	-12	+34
Образование																			
Среднее и н/среднее	45,3	43,4	-2	81,1	92,5	+11	97,2	98,1	+1	83,6	85,8	+2	70,5	75,5	+5	-10	-23	-17	+32
Среднее специальное	44,7	47,8	+3	86,9	95,3	+8	101,7	104,1	+2	83,1	90,5	+7	75,2	77,4	+2	-13	-27	-18	+30
Высшее и н/высшее	47,8	50,6	+3	97,8	100,4	+3	113,3	109,9	-3	98,4	101,3	+3	79,8	79,3	-1	-22	-31	-21	+29
Доходные группы																			
20% наименее обеспеченных	41,3	43,4	+2	75,3	75,3	0	88,8	82,6	-6	71,9	76,5	+5	63,6	67,1	+3	-9	-16	-8	+24
60% среднеобеспеченных	43,7	44,6	+1	82,3	93,5	+11	103,1	104,9	+2	86,7	92,6	+6	73,7	75,9	+2	-17	-29	-18	+31
20% наиболее обеспеченных	56,2	57,5	+1	109,9	111,6	+2	121,7	121,0	-1	105,8	107,0	+1	90,6	90,6	0	-16	-30	-21	+33
Территории																			
Вологда	46,1	53,4	+7	91,0	105,2	+14	101,8	99,7	-2	92,5	92,9	0	76,2	78,7	+3	-14	-21	-27	+25
Череповец	52,4	49,0	-3	88,3	95,8	+8	111,1	115,1	+4	103,7	102,5	-1	74,9	77,9	+3	-25	-37	-18	+29
Районы	42,4	42,2	0	88,0	90,6	+3	101,9	99,9	-2	79,1	86,8	+8	74,3	76,1	+2	-11	-24	-15	+34
Область	45,7	46,8	+1	88,8	95,8	+7	104,1	103,7	0	88,6	92,3	+4	75,0	77,3	+2	-15	-26	-19	+31

Индекс потребительских настроений (ИПН) в июне 2016 г. во всех социально-демографических категориях населения был значительно (на 15 – 30 пунктов) ниже, чем в июне 2011, 2007 и 2003 гг. Это свидетельствует о том, что в предвыборный период 2016 г. ожидания людей относительно перспектив экономической ситуации в стране и динамики развития собственного материального положения существенно пессимистичнее, чем перед всеми думскими выборами, которые были в России за период с 2000 г. по настоящее время.

Динамика индекса оценки деятельности Президента (в пунктах)

Категории населения	1999 г.		2003 г.		2007 г.		2011 г.		2016 г.		Изменение +/-				
	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	фев.	июн.	июн. к фев.	июн. 2011	июн. 2007	июн. 2003	июн. 1999
Пол															
Мужской	33,6	29,1	146,2	143,0	164,4	162,9	125,0	133,7	147,8	139,7	+9	+6	-23	-3	+111
Женский	31,4	27,8	154,8	150,2	168,5	166,9	141,2	146,1	155,3	153,4	+5	+7	-14	+3	+126
Возраст															
До 30 лет	35,2	26,2	163,9	153,4	170,2	168,9	138,5	137,6	154,5	153,0	-1	+15	-16	0	+127
30-55 лет	30,4	26,5	148,4	144,7	164,1	165,8	124,2	142,4	147,4	144,6	+18	+2	-21	0	+118
Старше 55 лет	33,9	34,0	143,8	146,6	167,9	160,6	145,9	140,3	156,6	147,6	-6	+7	-13	+1	+114
Образование															
Среднее и н/среднее	35,5	34,7	135,2	140,4	156,0	158,3	126,3	134,3	145,2	136,7	+8	+2	-22	-4	+102
Среднее специальное	30,4	27,4	155,3	152,1	166,5	168,6	131,3	143,3	149,9	148,7	+12	+5	-20	-3	+121
Высшее и н/высшее	30,0	19,9	161,7	148,2	177,2	168,8	143,5	144,8	161,8	158,9	+1	+14	-10	+11	+139
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	28,0	33,9	136,0	134,3	145,3	142,0	113,5	128,8	126,2	138,6	+15	+10	-3	+4	+105
60% среднеобеспеченных	32,8	27,9	151,2	149,6	172,4	169,3	139,4	141,8	159,7	144,7	+2	+3	-25	-5	+117
20% наиболее обеспеченных	35,1	25,0	162,4	158,6	178,4	175,3	142,0	153,2	155,9	162,3	+11	+9	-13	+4	+137
Территории															
Вологда	39,9	30,1	161,1	163,8	162,2	165,8	138,2	138,0	150,5	147,5	0	+10	-18	-16	+117
Череповец	28,6	19,3	142,0	119,4	177,5	175,7	147,8	150,4	168,2	160,9	+3	+11	-15	+42	+142
Районы	30,8	32,8	151,6	154,1	163,4	159,6	125,0	136,8	143,4	139,4	+12	+3	-20	-15	+107
Область	32,4	28,4	151,2	147,1	166,7	165,2	134,0	140,6	152,0	147,3	+7	+7	-18	0	+119

Во всех социально-демографических категориях населения индексы оценки деятельности Президента в июне 2016 г. был выше, чем в июне 2011 г. (на 2 — 15 п.). Это связано с событиями неэкономического характера, произошедшими за период с 2011 по 2016 г. (вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, успехи международной политики Президента).

Тем не менее в феврале — июне 2016 г. в 12 из 14 социально-демографических категорий отмечается снижение индекса поддержки главы государства, что свидетельствует о снижении актуальности успехов международной политики как фактора, обеспечивающего устойчивый рост уровня одобрения деятельности Президента. В преддверии выборов 2016 года внутренняя экономическая повестка дня играет для людей более значительную роль, чем защита геополитических интересов страны.

Динамика индекса оценки успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан* (в пунктах)

Категории населения	2003 г.			2007 г.			2011 г.			2016 г.			Изменение +/- июнь 2016 г. к...		
	фев.	июн.	июн. к фев.	фев.	июн.	июн. к фев.	фев.	июн.	июн. к фев.	фев.	июн.	июн. к фев.	июн. 2011	июн. 2007	июн. 2003
Пол															
Мужской	78,4	76,2	-2	107,3	110,7	+3	66,4	76,4	+10	72,1	71,6	-1	-5	-39	-5
Женский	69,0	71,9	+3	106,1	115,8	+10	75,9	77,6	+2	70,1	65,9	-4	-12	-50	-6
Возраст															
До 30 лет	95,0	90,1	-5	122,2	126,6	+4	77,6	77,7	0	70,3	71,8	+2	-6	-55	-18
30-55 лет	65,5	69,0	+3	104,2	116,7	+13	64,0	75,3	+11	72,2	64,9	-7	-10	-52	-4
Старше 55 лет	65,7	68,8	+3	97,4	96,6	-1	78,9	79,2	0	69,9	71,3	+1	-8	-25	+3
Образование															
Среднее и н/среднее	66,1	72,8	+7	92,7	111,2	+19	68,1	71,9	+4	67,9	63,3	-5	-9	-48	-10
Среднее специальное	71,6	74,3	+3	110,7	116,3	+6	69,1	85,2	+16	70,6	67,9	-3	-17	-48	-6
Высшее и н/высшее	80,5	75,0	-5	116,4	113,2	-3	76,9	74,1	-3	75,6	75,6	0	+2	-38	+1
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	53,4	71,5	+18	93,1	94,4	+1	51,8	73,8	+22	58,6	51,6	-7	-22	-43	-20
60% среднеобеспеченных	65,4	69,1	+4	104,7	112,3	+8	74,2	77,9	+4	67,4	66,9	-1	-11	-45	-2
20% наиболее обеспеченных	90,6	87,0	-4	132,7	135,4	+3	78,4	78,8	0	85,2	84,0	-1	+5	-51	-3
Территории															
Вологда	90,4	63,4	-27	105,4	101,4	-4	77,0	73,9	-3	76,7	68,1	-9	-6	-33	+5
Череповец	61,2	68,9	+8	117,5	136,1	+19	80,0	73,0	-7	65,2	69,1	+4	-4	-67	0
Районы	71,2	82,3	+11	101,9	107,9	+6	64,9	80,7	+16	71,2	68,2	-3	-13	-40	-14
Область	72,9	73,8	+1	106,7	113,5	+7	71,6	77,1	+5	71,0	68,4	-3	-9	-45	-5

*Вопрос задаётся с 2000 года.

В большинстве социально-демографических категорий населения индекс успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан был в июне 2016 г. существенно ниже, чем в июне 2011, 2007 и 2003 гг. Таким образом, за последние 16 лет (с 2000 по 2016 г.) вопросы экономического характера в преддверии думских выборов еще никогда не были так актуальны для населения.

Лишь в июне 2007 г. в большинстве социально-демографических групп индекс был выше 100 пунктов, что означает преобладание позитивных оценок успешности действий главы государства по подъему экономики над отрицательными. С тех пор ни в одной из анализируемых категорий значение индекса не превышало отметку в 90 пунктов.

перспектив своего материального благополучия, а также оценка эффективности государственной политики по решению экономических проблем становятся всё хуже и хуже.

Динамику прогнозов относительно будущего российской экономики и своего личного благосостояния отражает индекс потребительских настроений, который в июне 2016 г. был значительно (на 10–20 пунктов) ниже, чем в июне 2011, 2007 и 2003 гг. (см. вкладку 3). Ни в одной из социально-демографических категорий индекс потребительских настроений (по данным на июнь 2016 г.) не превышает отметку в 90 пунктов. Другими словами, за весь период с 2000 г. по настоящее время ожидания людей еще не были такими пессимистичными, как сегодня, за несколько месяцев до сентябрьских выборов в Государственную Думу.

Поддержка деятельности Президента во всех социально-демографических категориях населения остается более высокой, чем в 2011 г., однако, по мнению некоторых экспертов, это является «последней соломинкой, в которую вцепилось массовое сознание, дабы не окончательно погрузиться в беспросветный пессимизм»³⁷. По крайней мере, тот факт, что оценка успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан в июне 2016 г. является более негативной, чем в 2011 и 2007 гг. (в целом по области — 68, 77 и 114 пунктов соответственно), наглядно свидетельствует о том, что экономическая проблематика — ключевой фактор предстоящих выборов.

Важно также отметить, что, в отличие от предыдущего предвыборного периода

³⁷ Фролов А. Под знаком Марса. Записки обозревателя [Электронный ресурс] // Советская Россия. — Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=603035>

(февраль — июнь 2011 г.), в первой половине 2016 г. в большинстве социально-демографических групп наблюдается ухудшение оценки эффективности государственного управления. Это касается как оценки деятельности Президента в целом, так и его работы по решению материальных проблем населения в частности (см. вкладку 3). Что также многое говорит об остроте экономической повестки дня в оценках общественного мнения и о более тревожной ситуации, складывающейся накануне сентябрьских выборов 2016 г. по сравнению с предыдущими предвыборными периодами.

Сегодня эксперты отмечают, что действующая власть сохранит свои позиции на ближайших думских и президентских выборах, но что будет дальше, прогнозировать никто не берется, «слишком много неизвестных»³⁸. Нельзя забывать, что Россия — один из главных игроков на международной арене, поэтому думские и президентские выборы в нашей стране — это вопрос не только внутренний, но и внешний. В условиях гибридной войны разрыв между властью и обществом может стать «зацепкой» для вероятных геополитических противников (как это было при распаде СССР). Таким образом, «...отказ от либеральной экономики — это не просто вопрос сохранения и развития страны. Это вопрос сохранения мира во всем мире. И это ничуть не преувеличение... Цена нашего избирательного голоса — это не вопрос победы той или иной партии или кандидата. Речь идет о войне и мире в планетарном масштабе»³⁹.

³⁸ Гармоненко Д. Ходорковский переносит дату падения режима [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2016. — 28 апр. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2016-04-28/1_hodor.html (мнение директора Левада-Центра Л. Гудкова)

³⁹ Стариков Н. России не привыкать быть в авангарде человечества // Официальный блог Н. Старикова. — Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/66219>

Перед непростыми решениями

Новый политический цикл должен, прежде всего, внести ясность в решение внутренних экономических и политических вопросов. Он должен показать, насколько решения Президента продиктованы необходимостью лавировать между различными группами (учитывать интересы и либеральной бюрократии, и общества) и насколько он придерживается своей долгосрочной стратегической линии, выработанной еще в конце 1990-х годов⁴⁰.

Как показывают результаты проведенных исследований, уже сегодня проблема сохранения кризисной ситуации в экономике, отсутствия альтернативных, инновационных точек роста, позитивной динамики уровня жизни всё больше уходит своими корнями в самую суть российского общества, в его социальную структуру и общественное сознание. Привыкание к кризису чревато глубочайшими последствиями, поскольку, научившись справляться со своими материальными проблемами самостоятельно, не надеясь на эффективную политику государства, люди могут потерять всякий интерес и доверие к власти. А без этого доверия невозможно говорить о социальной стабильности и устойчивом фундаменте народной поддержки, необходимом для защиты национальных интересов России на международной арене.

⁴⁰ Речь идет о предвыборной статье В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованной в «Российской газете» 30 декабря 1999 г. Авторский взгляд на этот документ более подробно представлен в предыдущем номере журнала (Ильин В.А. Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 9-21).

Если в самое ближайшее время Кремль не примет целый комплекс давно назревших и даже перезревших мер, направленных на развитие социально-экономического потенциала России, устранение накопившихся и продолжающих расти между различными регионами и социальными группами внутри страны конфликтных потенциалов, если открытое и скрытое сопротивление „компрадоров” не будет преодолено и нейтрализовано, эта „партия измены” в условиях „гибридной агрессии” со стороны „коллективного Запада” неизбежно сыграет роль „пятой колонны”, которая поведёт за собой социально недовольные российские массы.

(Источник: Гордеев А. Спор Путина и Кудрина // Газета «Завтра». – 2016. – Вып. №22 (1174). – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/nagornyyij-2/>)

Смена экономической модели требует в первую очередь перемен в системе государственного управления. Прошедший в июне 2016 г. Петербургский международный экономический форум показал, что у российских властей «нет четкого понимания, что происходит с экономикой страны. Нередко прогнозы строятся на ощущениях и противоречат друг другу. Некоторые официальные лица как будто существуют в параллельной реальности и предлагают настолько необычные новации, что россиянам остается только гадать, откуда чиновники черпают свое вдохновение»⁴¹. «Реформаторами не должны стать правительственные чиновники, которые уже находились у руля прошлой „сырьевой” модели экономики. При всем их профессиональном опыте над ними будут довлеть старые принципы,

⁴¹ Башкатова А. Питерский форум переборщил с нелепыми заявлениями [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2016. – 20 июня. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-06-20/1_forum.html

Прошедший в июне 2016 г. Петербургский международный экономический форум показал, что «чиновники противоречат сами себе, не решив даже, что именно происходит с российской экономикой. Вместо серьезного анализа они ссылаются в основном на ощущения. Из выступлений на ПМЭФ можно было составить сборник самых нелепых официальных заявлений.

Юбилейный, уже 20-й по счету, Петербургский форум продемонстрировал две вещи. Во-первых, у российских властей нет четкого понимания, что происходит с экономикой страны. Нередко прогнозы строятся на ощущениях и противоречат друг другу. Во-вторых, некоторые официальные лица как будто существуют в параллельной реальности и предлагают настолько необычные новации, что россиянам остается только гадать, откуда чиновники черпают свое вдохновение.

(Источник: Башкатова А. Питерский форум переборщил с нелепыми заявлениями [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2016. – 20 июня. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-06-20/1_forum.html)

догмы и страхи... Управлять развитием, по нашему мнению, должны люди, имеющие опыт в создании новых производств, управлении инвестициями, развитии предпринимательской среды»⁴².

Пока неизвестно, какие решения примет Президент, но, на наш взгляд, можно с уверенностью констатировать, что сохранение неразберихи в системе управления, которую отмечают эксперты, будет по-прежнему препятствовать эффективному решению внутренних экономических проблем. А это значит, что классовое неравенство и социальное расслоение

⁴² Папченкова М., Прокопенко А. Путину предстоит выбрать одну из двух моделей роста экономики [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2016. – 20 мая. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/20/641726-putinu-predstoit-vibrat-model-rosta-ekonomiki>

будут только увеличиваться, и то, что сегодня называют кризисом, завтра может перейти в более глубокую фазу.

Опираясь на оценки экспертов и динамику социологических измерений, отражающих общественное мнение, следует отметить, что за три месяца до выборов в российском обществе как никогда актуальна экономическая повестка дня. Вероятно, она станет ключевым фактором, который будет влиять на выбор избирателей 18 сентября 2016 г.

По всей видимости, итоги выборов могут серьезно повлиять на динамику социально-экономических процессов и общественных настроений, при этом очевидно, что без принятия Президентом мер, обеспечивающих вывод страны на позитивный темп развития, невозможно избежать углубления соци-

альной напряженности и, следовательно, невозможно будет эффективно обеспечивать национальную безопасность на международной арене.

В первую очередь, груз ответственности за ситуацию в стране лежит на плечах главы государства, на которого общество возлагает особые надежды и который в настоящий момент имеет высокий уровень доверия среди всех слоев населения.

В силу непростой ситуации, сложившейся в российской политической элите, осторожность и аккуратность управленческих решений, принимаемых В. Путиным, вполне понятны и объяснимы, но, на наш взгляд, эффективными их можно было называть только до определенного этапа – до того момента, как началась рецессия российской экономики.

К сожалению, во властной вертикали не выстроена эффективная система саморегулирующихся механизмов; нет организационных структур и эффективно действующих инструментов, которые не только могли бы, но и были бы обязаны вместе с главой государства сформулировать и реализовать адекватный ответ российской экономики на встающие перед ней внешние и внутренние вызовы. Нет четкой системы планирования и прогнозирования, нет персональной ответственности чиновников высшего уровня за достижение целевых показателей, а следовательно, и на всех других уровнях власти.

Во многих случаях депутаты Федерального Собрания, являясь свидетелями вопиющих фактов в экономической или политической жизни, не имеют достаточных полномочий для того, чтобы вовремя вмешаться, поскольку неэффективно функционирует система парламентских расследований, законодательно не прописаны процедуры персонального утверждения в комиссиях и на заседаниях Федерального Собрания всех членов кабинета министров (пока что они утверждаются единым пакетом).

Несмотря на укрепление авторитета Общероссийского народного фронта, остается слабо организованной система общественного контроля, которая могла бы стать дополнительным средством повышения эффективности деятельности органов власти всех уровней. Только при системном характере организации на федеральном уровне эффективность результатов гражданских расследований будет реально ощутимой по всем направлениям внутренней политики.

Неизменный характер вопросов населения, задаваемых Президенту в ходе ежегодных «прямых линий» (о состоянии дорог, тарифах ЖКХ, административных барьерах для бизнеса, невозможности «достучаться» до чиновников и т.д.), говорит о том, что насущные проблемы людей неэффективно решаются компетентными органами: жители самых разных регионов России вынуждены обращаться непосредственно к главе государства с жалобами на нижестоящие инстанции управленческой системы.

С какой скоростью будут решаться назревшие проблемы во власти и в обществе, насколько эффективными станут решения Президента – это во многом будет зависеть от итогов приближающихся выборов. Причем не только от их конечного результата, но и от прозрачности процедур голосования на всех этапах выборного процесса, способных вызвать широкий общественный резонанс как в положительную, так и в отрицательную сторону.

* * *

Народная поддержка, которую всё ещё имеет Президент РФ, в новом политическом сезоне открывает «окно» возможностей для реализации мер, направленных на повышение эффективности государственного управления. Но как долго будет оставаться высоким доверие населения главе государства? Удастся ли использовать фундамент народной поддержки в целях наведения порядка в системе управления и приведения ее в соответствие с интересами национальной безопасности? Ответы на эти вопросы зависят от политической воли Президента.

Литература

1. Валиахметов, Т.Р. Здоровье как интегральный показатель качества жизни [Электронный ресурс] / Т.Р. Валиахметов // Российский экономический Интернет-журнал. – 2006. – №4. – Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2006/Valiahmetov.pdf>
2. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник РАН. – 2012. – Т.82. – №7. – С. 587-603.
3. Зоркая, Н. Россия и Европа 2000–2015: результаты совместного проекта Левада-Центра и Фонда Фридриха Науманна / Н. Зоркая, Е. Лёзина // Вестник общественного мнения. – 2015. – №3-4. – С. 181-193.
4. Ильин, В.А. Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 9-21.
5. Локосов, В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала / В.В. Локосов // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – №5. – С. 71-75.
6. Миркин, Я.М. Внезапный поворот [Электронный ресурс] / Я.М. Миркин // Журнал новой экономической ассоциации. – 2015. – №2(26). – С. 196-201. – Режим доступа: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-26.pdf>
7. Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. – М.: ИС РАН, 2016. – 32 с.
8. Скоробогатый, П. Крымская планка / П. Скоробогатый // Эксперт. – 2016. – №12. – С. 40-43.
9. Скоробогатый, П. Кто теряет поручения Президента / П. Скоробогатый, Д. Гавриленко // Эксперт. – 2016. – №19. – С. 50-55.
10. Смолин, О.Н. Не надоело врать? Шокирующие признания специалиста по российской статистике [Электронный ресурс] / О.Н. Смолин // Советская Россия. – 2011. – 12 нояб. – Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425>
11. Фролов, А. Под знаком Марса. Записки обозревателя [Электронный ресурс] / А. Фролов // Советская Россия. – Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=603035>

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

State Duma Election 2016 *Economic Policy of the President Assessed by the People*

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

References

1. Valiakhmetov T.R. Zdorov'e kak integral'nyi pokazatel' kachestva zhizni [Health as an integral indicator of the quality of life]. *Rossiiskii ekonomicheskii Internet-zhurnal* [Russian economic Internet journal], 2006, no. 4. Available at: <http://www.e-rej.ru/Articles/2006/Valiahmetov.pdf>

2. Glazyev S.Yu., Lokosov V.V. Otsenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossiiskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Estimation of the maximum critical values of indicators of the state of Russian society and their use in the management of socio-economic development]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2012, vol.82, no. 7, pp. 587-603.
3. Zorkaya N., Lezina E. Rossiya i Evropa 2000–2015: rezul'taty sovmestnogo proekta Levada-Tsentra i Fonda Fridrikha Naumanna [Russia and Europe 2000–2015: the results of the joint project of Levada-Center and the Friedrich Naumann Foundation]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion], 2015, no. 3-4, pp. 181-193.
4. Ilyin V.A. Tret'ya chetyrehletka prezidenta V.V. Putina: protivorechivye itogi – zakonomernyi rezul'tat [President Vladimir Putin's third four-year term: contradictory outcomes – an expected result]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 2, pp. 9-21.
5. Lokosov V.V. Metod predel'no kriticheskikh pokazatelei i otsenka chelovecheskogo potentsiala [Method of critically threshold indicators and the assessment of human potential]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law], 2012, no. 5, pp. 71-75.
6. Mirkin Ya.M. Vnezapnyi povorot [A sudden turn]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2015, vol. 26, no. 2, pp. 196-201. Available at: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-26.pdf>
7. *Rossiiskoe obshchestvo vesnoi 2016-go: trevogi i nadezhdy: informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obshcherossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniya* [Russian society in the spring of 2016: concerns and hopes: the information-analytical summary on the results of a nationwide sociological research]. Moscow: IS RAN, 2016. 32 p.
8. Skorobogatyi P. Krymskaya planka [Crimean plank]. *Ekspert* [Expert], 2016, no. 12, pp. 40-43.
9. Skorobogatyi P., Gavrilenko D. Kto teryaet porucheniya Prezidenta [Who loses the instructions of the President.]. *Ekspert* [Expert], 2016, no. 19, pp. 50-55.
10. Smolin O.N. Ne nadoelo vrat'? Shokiruyushchie priznaniya spetsialista po rossiiskoi statistike [Are you not tired of lying? Shocking revelations of a specialist in Russian statistics]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], 2011, November 12. Available at: <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425>
11. Frolov A. Pod znakom Marsa. Zapiski obozrevatelya [Under the sign of Mars. Notes of an explorer]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia]. Available at: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=603035>

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в апреле – июне 2016 г., а также в среднем за последние 6 опросов (август 2015 – июнь 2016 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

Оценка деятельности власти

В апреле – июне 2016 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (67%). Поддержка главы государства остается стабильной с начала года, при этом более высокой, чем в 2011–2014 гг. (59–64%). Вместе с тем за период с августа 2015 по июнь 2016 г. (последние 6 опросов) отмечаются незначительные негативные изменения: доля положительных оценок деятельности Президента сократилась на 5 п.п. (с 72 до 67%).

Аналогичная динамика общественного мнения отмечается и в оценках деятельности Председателя Правительства РФ: с февраля по июнь 2016 г. она остается стабильной (53–55%), однако за период с августа 2015 по июнь 2016 г. отмечается снижение доли положительных суждений (на 8 п.п., с 61 до 53%).

В первом полугодии 2016 г. отмечается последовательное увеличение доли отрицательных характеристик деятельности как Президента (в феврале – 16%, в апреле – 18%, в июне – 20%, итого – на 4 п.п.), так и Правительства (в феврале – 23%, в апреле – 26%, в июне – 29%, итого – на 6 п.п.).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ составляет 80–82% по данным ВЦИОМ (за апрель – первую половину июня 2016 г.) и Левада-Центра (за апрель–май). Доля отрицательных оценок работы главы государства по данным ВЦИОМ составляет 12–13%, по данным Левада-Центра – 17–19%. В целом результаты общероссийских исследований существенно не меняются с начала года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	72,0	69,3	69,7	68,1	66,9	67,4	68,9	0	+10	-6
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	17,8	18,1	16,5	16,1	17,9	20,1	17,8	0	-8	+6
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-	59,3	48,9	54,2	58,1	60,7	58,1	57,9	54,9	53,5	52,8	56,3	-2	-3	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	22,5	21,0	21,7	22,6	25,7	28,6	23,7	+2	-1	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	41,5	38,7	39,7	35,1	34,9	38,2	38,0	-1	-8	-18
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	35,4	36,0	35,3	38,2	39,6	40,3	37,5	+1	+7	+15

* Вопрос задается с 2008 г.

С апреля по июнь 2016 г. оценка успешности действий Президента по решению ключевых проблем страны существенно не изменилась:

- доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по укреплению международных позиций России, составляет 51–52%;
- по наведению порядка в стране – 48–50%;
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – 36–38%;
- по подъему экономики и росту благосостояния населения – 28%.

За первую половину 2016 г. (февраль – июнь) оценки населения остаются стабильными. Однако в сравнении со средними показателями за 2014–2015 гг. отмечается заметное ухудшение общественного мнения о деятельности главы государства по решению проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан: в 2014–2015 гг. доля положительных суждений составляла 34–35%, в феврале – июне 2016 г. – 28%.

За последние 6 опросов (с августа 2015 по июнь 2016 г.) доля отрицательных оценок эффективности решения Президентом экономических проблем в стране увеличилась на 6 п.п. (с 53 до 59%); с начала 2016 г. – на 2 п.п. (с 57 до 59%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? * (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	52,2	50,7	53,2	50,9	50,7	52,2	51,7	0	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	32,4	33,1	31,5	29,1	30,9	29,0	31,0	0	-3	+6
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>119,8</i>	<i>117,6</i>	<i>121,7</i>	<i>121,8</i>	<i>119,8</i>	<i>123,2</i>	<i>120,7</i>	<i>0</i>	<i>+8</i>	<i>-13</i>
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	51,7	48,6	50,5	47,7	48,1	49,7	49,4	-1	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	37,9	38,7	38,0	37,2	38,2	37,5	37,9	0	-12	+4
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>113,8</i>	<i>109,9</i>	<i>112,5</i>	<i>110,5</i>	<i>109,9</i>	<i>112,2</i>	<i>111,5</i>	<i>-1</i>	<i>+25</i>	<i>-8</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	42,6	38,1	41,0	36,9	35,6	38,3	38,8	-2	+6	-6
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	41,7	44,3	43,7	44,3	45,3	42,2	43,6	+2	-5	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>100,9</i>	<i>93,8</i>	<i>97,3</i>	<i>92,6</i>	<i>90,3</i>	<i>96,1</i>	<i>95,2</i>	<i>-4</i>	<i>+11</i>	<i>-12</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	36,6	32,1	30,9	28,0	27,6	27,5	30,5	-4	0	-17
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	52,6	54,3	55,7	57,0	57,9	59,1	56,1	+4	0	+17
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>84,0</i>	<i>77,8</i>	<i>75,2</i>	<i>71,0</i>	<i>69,7</i>	<i>68,4</i>	<i>74,4</i>	<i>-7</i>	<i>0</i>	<i>-34</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2015 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца не изменилась и остается стабильной с начала 2016 г. Уровень поддержки «Единой России» составляет 35–36%, ЛДПР – 7–10%, КПРФ – 7–9%, «Справедливой России» – 3–4%. По сравнению с 2015 г. отмечается снижение поддержки «Единой России» (на 3 п.п., с 39 до 36%) и рост сторонников ЛДПР (на 4 п.п., с 6 до 10%).

С апреля по июнь 2016 г. существенно уменьшилась доля людей, считающих, что никакая из перечисленных партий не отражает их интересы (на 5 п.п., с 35 до 30%), что, по-видимому, может быть связано с ростом ажиотажа вокруг праймериза «Единой России».

В сравнении с предыдущими выборными периодами следует отметить, что доля людей, чьи интересы не выражает ни одна из основных политических партий, в июне 2016 г. примерно соответствует уровню 2011 г. (29%), но остается значительно более высокой, чем в 2007 г. (почти в 2 раза, 30% в 2016 г. против 18% в 2007 г.).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
															2015	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	38,5	38,0	39,0	35,1	34,1	36,0	36,8	-2	+6	+7
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	5,9	6,1	7,1	6,9	8,2	10,3	7,4	+1	0	0
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	7,1	6,9	6,5	9,4	7,2	8,0	7,5	0	-3	+1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	3,5	3,3	3,7	2,7	2,7	4,0	3,3	0	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	0,1	0,1	0,4	0,5	0,2	0,3	0,3	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	31,8	33,8	32,3	30,5	31,7	34,9	29,7	32,2	0	+3	+14
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	12,2	11,1	13,3	12,9	13,7	12,7	11,7	12,6	0	-1	-9

Оценки социального самочувствия в апреле – июне 2016 г. существенно не изменились:

- доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», сохраняется на уровне 67–68%;
- удельный вес считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 76–78%.

По сравнению с началом года незначительно увеличилась доля жителей области, считающих себя «богатыми» или «среднеобеспеченными» (на 3 п.п., с 40% в феврале до 43% в июне 2016 г., что соответствует средним показателям за 2013–2014 гг.). Удельный вес людей, субъективно относящих себя к «бедным и нищим» слоям населения, снизился на 4 п.п. (с 51% в феврале до 47% в июне 2016 г.).

Индекс потребительских настроений за период с апреля по июнь 2016 г. увеличился на 3 пункта (с 74 до 77 п., что соответствует среднему значению за 2015 г.).

Однако, несмотря на некоторые позитивные изменения в апреле – июне 2016 г., говорить о положительной картине самооценок социального самочувствия, материального положения и прогнозных ожиданий пока не представляется возможным:

- за последние 6 опросов (с августа 2015 по июнь 2016 г.) доля отрицательных оценок социального настроения и запаса терпения увеличилась на 3 п.п. (с 24 до 27% и с 13 до 16% соответственно);

- удельный вес «бедных и нищих» по-прежнему превосходит долю тех, кто относит себя к «богатым и среднеобеспеченным» категориям населения (по данным на июнь 2016 г. – 47% против 43%);
- индекс потребительских настроений (77 п.) остается существенно ниже 100 пунктов, что означает преобладание отрицательных оценок населения в характеристике своего материального положения и перспектив его развития.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	73,1	70,4	69,6	63,4	67,0	68,0	68,6	0	+5	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	23,5	25,4	24,3	28,9	25,4	26,7	25,7	0	-3	-2
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	82,2	78,2	78,0	73,1	77,5	78,2	77,9	-1	+3	+4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	13,3	13,9	12,7	16,1	16,4	15,7	14,7	0	-1	+1
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	39,9	39,2	38,9	39,9	40,9	42,8	40,3	+2	-3	-8
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	50,5	50,2	50,5	51,4	49,4	47,1	49,9	-1	+6	+7
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,9	77,7	77,7	75,0	74,4	77,3	76,7	0	-13	-29

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Доля людей, положительно характеризующих свое социальное настроение, за последние два месяца не изменилась в 9 из 14 социально-демографических категорий населения. В некоторых группах с апреля по июнь отмечается рост позитивных настроений:

- среди мужчин (на 4 п.п., с 66 до 70%);
- людей в возрасте до 30 лет (на 6 п.п., с 75 до 81%);
- людей, по самооценке доходов относящихся к категории 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 4 п.п., с 81 до 85%).

Вместе с тем в апреле – июне 2016 г. отмечается снижение доли положительных оценок социального настроения среди людей старше 55 лет (на 4 п.п., с 64 до 60%).

В целом по сравнению с началом года во всех социально-демографических категориях населения (кроме людей старше 55 лет) отмечается улучшение эмоционального состояния.

С августа 2015 по июнь 2016 г. во всех социально-демографических категориях населения (кроме 20% наиболее обеспеченных жителей области и людей в возрасте до 30 лет) отмечается незначительное (на 1–6 п.п.) уменьшение доли положительных оценок социального настроения.

В среднем за последние 6 опросов во всех группах удельный вес тех, кто характеризует свое настроение как «нормальное, прекрасное», соответствует среднему значению за последние 3 года (2013–2015 гг.).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
	2015	2011	2017												
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	75,2	69,8	69,9	63,9	66,5	70,0	69,2	0	+5	+3
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	71,3	70,9	69,2	63,1	67,5	66,5	68,1	0	+6	+6
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	78,9	82,8	76,9	69,9	75,4	81,2	77,5	0	+8	+6
30–55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	72,1	68,0	69,0	62,1	66,0	68,3	67,6	0	+5	+3
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	70,8	66,0	65,9	61,5	63,7	59,8	64,6	-1	+6	+10
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	70,2	65,7	64,6	57,8	62,4	62,9	63,9	0	+7	+6
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	75,3	70,3	67,7	60,7	67,3	69,3	68,4	-2	+5	+4
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	74,1	75,8	76,9	72,9	71,5	73,3	74,1	+1	+6	+5
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	55,7	54,2	49,8	42,6	51,3	52,0	50,9	-1	+6	-1
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	77,7	70,1	72,2	66,3	67,6	69,3	70,5	0	+5	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	85,1	87,1	78,8	77,9	81,0	85,2	82,5	+1	+7	+8
Территории															
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	77,9	77,6	73,6	65,1	69,1	71,5	72,5	-1	+5	+9
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	74,9	71,4	73,2	66,4	70,5	72,5	71,5	+1	0	+3
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	69,4	65,9	65,0	60,9	63,9	63,7	64,8	0	+8	+3
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	73,1	70,4	69,5	63,5	67,1	68,1	68,6	0	+6	+5

Заключение

К середине 2016 г., после заметного ухудшения в декабре 2015 — феврале 2016 г., социальное самочувствие людей несколько стабилизировалось. Улучшились оценки социального настроения и запаса терпения, более позитивным стало восприятие своего материального положения и перспектив его развития.

Однако нельзя сказать, что в восприятии своего благосостояния и экономической ситуации в стране произошли существенные позитивные изменения. Люди по-прежнему чаще относят себя к «бедным и нищим», чем к «богатым и среднеобеспеченным» слоям населения (47 и 43% соответственно); индекс потребительских настроений остается ниже 100 пунктов (77 п.), что означает преобладание пессимистических прогнозов благосостояния и перспектив российской экономики. Таким образом, актуальность материальных проблем сохраняется и остается ключевым фактором в формировании отношения к деятельности органов власти.

Незначительные положительные изменения, произошедшие в апреле — июне 2016 г., не привели к улучшению общественного мнения об эффективности государственного управления. Уровень поддержки Президента и Правительства остается стабильным (67 и 53% соответственно). Так же как и оценка успешности решения главой государства ключевых проблем страны. При этом экономическая политика Президента по-прежнему оценивается негативно (доля отрицательных оценок успешности решения главой государства проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан в 2 раза превышает удельный вес положительных характеристик — 59 и 28% соответственно). Люди привыкают к кризису, и, по мнению некоторых экспертов, это может стать «самым серьезным последствием кризиса»².

Ажиотаж вокруг предварительного голосования, проведенного «Единой Россией» 22 мая 2016 г., несколько снизил аполитичность людей (доля считающих, что ключевые политические партии в стране не выражают их точку зрения, снизилась с 35 до 30%), однако это практически не отразилось на поддержке самой партии власти (она сохранилась на уровне 34–36%). Поэтому очевидно, что по мере приближения сентябрьских выборов в Государственную Думу роль экономической повестки как фактора, влияющего на электоральные предпочтения населения, будет усиливаться. И если широкие слои населения не почувствуют на себе снижение инфляции, возобновление роста российской экономики, на которые власть рассчитывает «в ближайшей перспективе»³, это может существенно усложнить ситуацию на избирательных участках.

² Забелина Н. Население привыкает к бедности [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2016. — 13 янв. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-01-13/4_prices_2.html

³ Стенограмма выступления В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.2

УДК [323/324+338](470+571)''2015'':316.653, ББК 65.9(2Рос)+66.3(2Рос)+60.52(2Рос)

© Фёдоров В.В.

От редакции. В регулярно публикуемых в нашем журнале результатах социологических измерений, проводимых ИСЭРТ РАН в Вологодской области, как правило, даются сопоставления с показателями исследований ведущих федеральных социологических центров: Левада-Центра, ВЦИОМ, ФОМ, Института социологии, ИСПИ РАН и др. В данной статье генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения В.В. Фёдоров даёт развернутое освещение результатов социологических опросов по территории России, выполненных ВЦИОМ в 2015 году. Статья публикуется в авторской редакции.

Российское общество в 2015 году: что мы узнали о нем благодаря социологическим опросам

**Валерий Валерьевич
ФЁДОРОВ**

Всероссийский центр изучения общественного мнения
Россия, г. Москва
fedorov@wciom.com

Аннотация. В современной общественно-политической истории России совершенно явно выделяются несколько важных периодов, каждый из которых характеризуется особыми условиями политической жизни и специфическим состоянием общественного сознания. Рубежным событием, вехой, маркирующей переход от одного этапа этой истории к другому, является присоединение Крыма и Севастополя к Российской Федерации в марте 2014 г. Это событие (точнее, процесс, стартовавший, по одним оценкам, осенью 2013 г., по другим – в феврале 2014 г.) ознаменовало резкий поворот во внешней политике России, её отношениях с Западом и Востоком. Во внутренней политике присоединение Крыма привело к феноменальному росту и расширению базы поддержки политики В. Путина и его лично: он, без преувеличения, из политического лидера стал лидером нации. Тренд, заданный присоединением Крыма, развивался на протяжении 2014–2015 гг., причем особенностью этого развития стало то, что позитивный эффект Россия получила почти сразу, а негативные последствия – лишь со временем. И по мере удаления от марта 2014 г. эти отложенные отрицательные последствия стали все больше проявляться, тогда как полученные бонусы – отчасти исчерпываться, а отчасти забываться, отходить на второй план. К негативным последствиям следует отнести конфликт с Западом и усилия ряда влиятельных стран по международной изоляции России, войну на Украине и обвал российско-украинских связей во всех областях, западные санкции в отношении финансового и сырьевого секторов российской экономики, связанные с ними ослабление российской валюты и рост цен на предметы импорта, а за ними, по цепочке – на продовольственные и непродовольственные товары широкого спроса. Таким образом, цена, уплачиваемая российским обществом за присоединение Крыма, со временем росла, а не падала.

Ключевые слова: опрос общественного мнения, Россия, кризис, политика, экономика.

Кризис на мировом нефтяном рынке, стартовавший осенью 2014 г., нанес дополнительный и очень тяжелый удар по России, к нему добавилось замедление экономики КНР, вызвавшее резкое падение цен на сырье — от металлов и до угля — во всем мире. Весь 2015 год прошел под знаком кризиса, затронувшего практически все сырьедобывающие страны, но Россию — в особенности (в 2015 г. наша страна потеряла 3,7% ВВП против роста на 0,6% в 2014 г.).

Главной интригой года в этой связи стало то, насколько устойчив окажется режим власти Владимира Путина, совсем недавно получивший столь сильный «крымский» импульс для своего укрепления, в ситуации экономического кризиса, падения доходов бюджета, высокой инфляции, снижения жизненного уровня широких слоев населения. И все это — на фоне продолжающегося конфликта с Западом и малой экономической эффективности провозглашенного Москвой «разворота на Восток». Уровень цен, курс рубля и стоимость барреля нефти — вот те общедоступные индикаторы, драматическое движение которых в 2015 г. наэлектризовало общественную атмосферу. Они сместили оценочные приоритеты россиян, снизили чувствительность к риторике мировой роли и миссии нашей страны, заставили больше думать о своих доходах, ценах, рабочих местах и т.п.

С учетом намеченных на сентябрь 2016 г. выборов в Государственную Думу «партия власти» оказалась вынуждена срочно корректировать свою идеологию и риторику, приспособив ее к резко ухудшившейся геополитической и социально-экономической обстановке. Напротив, оппозиция получила возможность «проехать на кри-

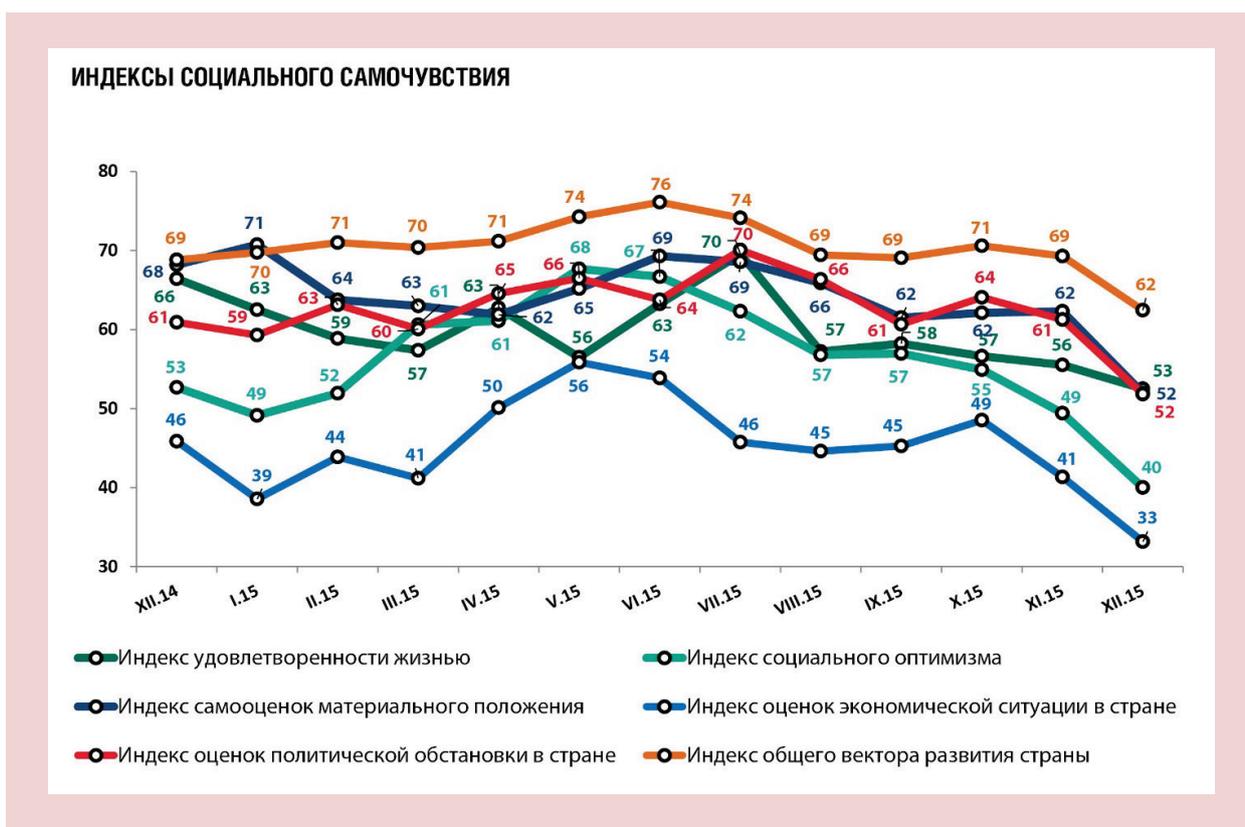
зисе», используя его для усиления своих позиций перед выборами и отойдя от слишком явной поддержки политики Путина, по крайней мере, во внутренних вопросах.

В настоящей статье мы рассмотрим результаты ряда опросов общественного мнения, проведенных ВЦИОМ по всероссийской репрезентативной выборке в 2015 г., чтобы понять, как эволюционировали представления россиян по актуальным вопросам повестки дня, как менялись политические установки и предпочтения, как россияне реагировали на главные вызовы и угрозы прошедшего года и как это повлияло — и, возможно, еще повлияет — на политический курс руководства России.

Социальное самочувствие

Если новый, 2015-й год россияне встречали скорее со смешанными эмоциями, то по истечении двенадцати месяцев социологические опросы совершенно явно указали на снижение практически всех аспектов социального самочувствия. Так, общая удовлетворенность собственной жизнью за год упала с 66 до 52 пунктов, самооценка материального положения — с 68 до 52, а индекс социального оптимизма — с 53 до 40 пунктов. Т.е. показатели, характеризующие собственную жизнь россиян, за год ушли вниз в среднем на 13–16 пунктов.

Индикаторы, описывающие представления людей о ситуации в стране в целом, показали примерно такое же снижение, но надо иметь в виду, что они уже к началу 2015 года существенно отставали от других. Индекс оценок экономического положения страны снизился с 46 до 33 пунктов, индекс оценок политической ситуации — с 61 до 52 пунктов, индекс правильности общего вектора развития страны — с 69 до 62 пунктов.

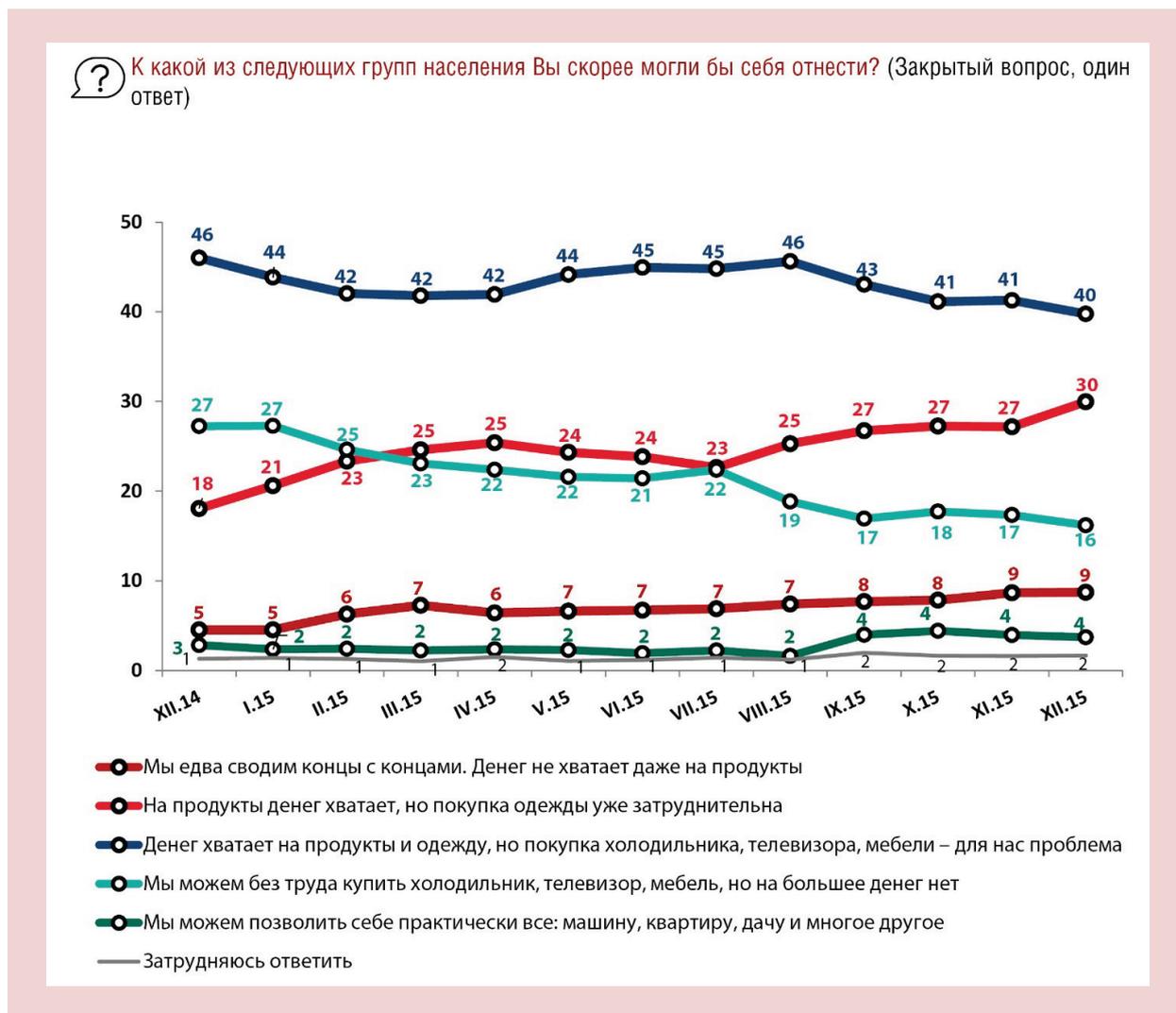

Как видим, социальное самочувствие россиян в 2015 г. существенно ухудшилось, но этот вполне очевидный вывод требует двух важных уточнений. Во-первых, даже снизившись, большинство показателей продолжают оставаться на исторически высоких отметках и сохраняется значительный запас прочности по сравнению, скажем, с серединой 2000-х годов. Во-вторых, мы не видим картины последовательного падения всех показателей на протяжении года — напротив, с января по май включительно фиксировалась восходящая динамика и только летом, когда надежды на завершение кризиса не нашли подтверждения в повседневной экономической реальности, рост прекратился. Главное же падение пришлось на период с августа по декабрь, что хорошо коррелирует с двумя процессами: новым витком мирового нефтяного кризиса (и новым витком ослабления рубля) и прямым вступлением России

в сирийский конфликт (тогда как в начале 2015 г. соглашение «Минск-2» породило надежды на умиротворение в Донбассе и тем самым позитивно повлияло на социальное самочувствие россиян).

Экономика и жизнь

Итак, 2015-й год начинался большими надеждами на экономическую стабилизацию и прекращение войны на Украине, а завершился большими разочарованиями — из-за новой войны и новой волны кризиса. Разберем отдельные составляющие этого разочарования и начнем с материального фактора. Он не был самым важным в наметившемся ухудшении социального самочувствия россиян (в этом качестве экономический кризис конкурирует со страхами, порожденными военной опасностью), но внес в него большую лепту. Социологические опросы показывают значительный рост всего за год двух самых бедных групп россиян — тех, кто едва сводит концы с

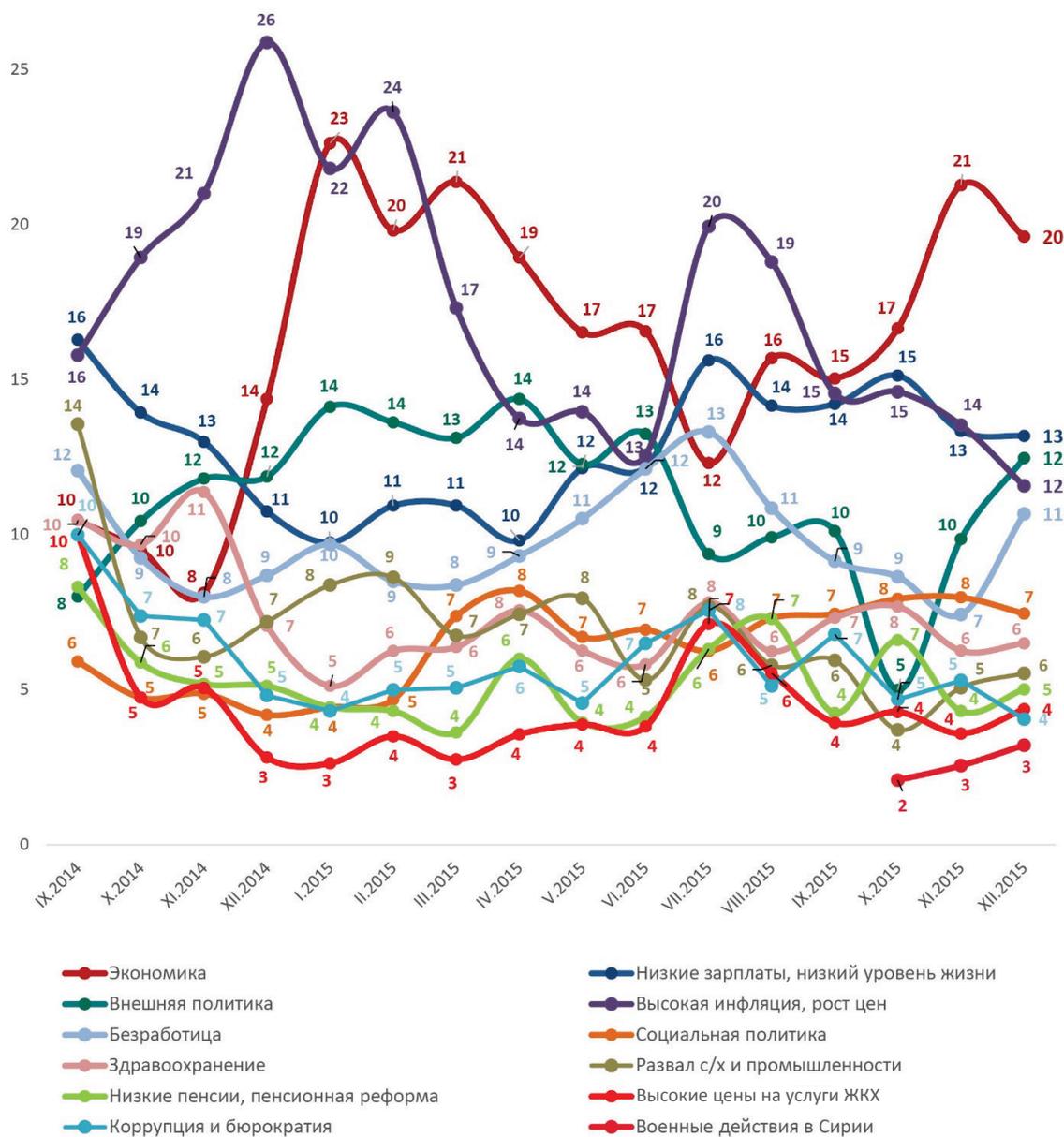

концами, а их доходов едва хватает даже на продукты питания (с 5 до 9%), и тех, кто нормально питается, но для кого покупка одежды уже представляет проблему (с 18 до 30%). Одновременно упала доля «среднего» и «предсреднего» потребительских слоев – тех, кто обеспечен продуктами и одеждой, но не может позволить себе приобрести бытовую технику (с 46 до 40%), и тех, кому не по карману покупка машины, квартиры и дачи (с 27 до 16%).

Такие подвижки говорят о по-настоящему глубоком снижении реальных доходов населения (Росстат оценил их падение на 10% за 2015 год), а еще больше – о снижении социального оптимизма, желания

брать кредиты и «играть в долгую» на фоне резко выросшей экономической нестабильности. Неслучайно к концу года положение дел в экономике стало главной проблемой страны, по мнению россиян (число тех, кто упомянул её в числе пяти наиболее важных проблем России, выросло с 10 до 20% за двенадцать месяцев). Два других места в первой тройке проблемного рейтинга заняли две связанные проблемы – низкие зарплаты, низкий уровень жизни (13%) и инфляция, рост цен (12%). При этом инфляционный шок, характерный для весны 2015 г., к декабрю сошел на нет: население адаптировалось к новому уровню цен и темпу инфляции (за год она почти достигла 13%).

Какие проблемы Вы считаете наиболее важными для страны в целом? (Открытый вопрос, не более пяти ответов. Представлены 12 наиболее популярных ответов)

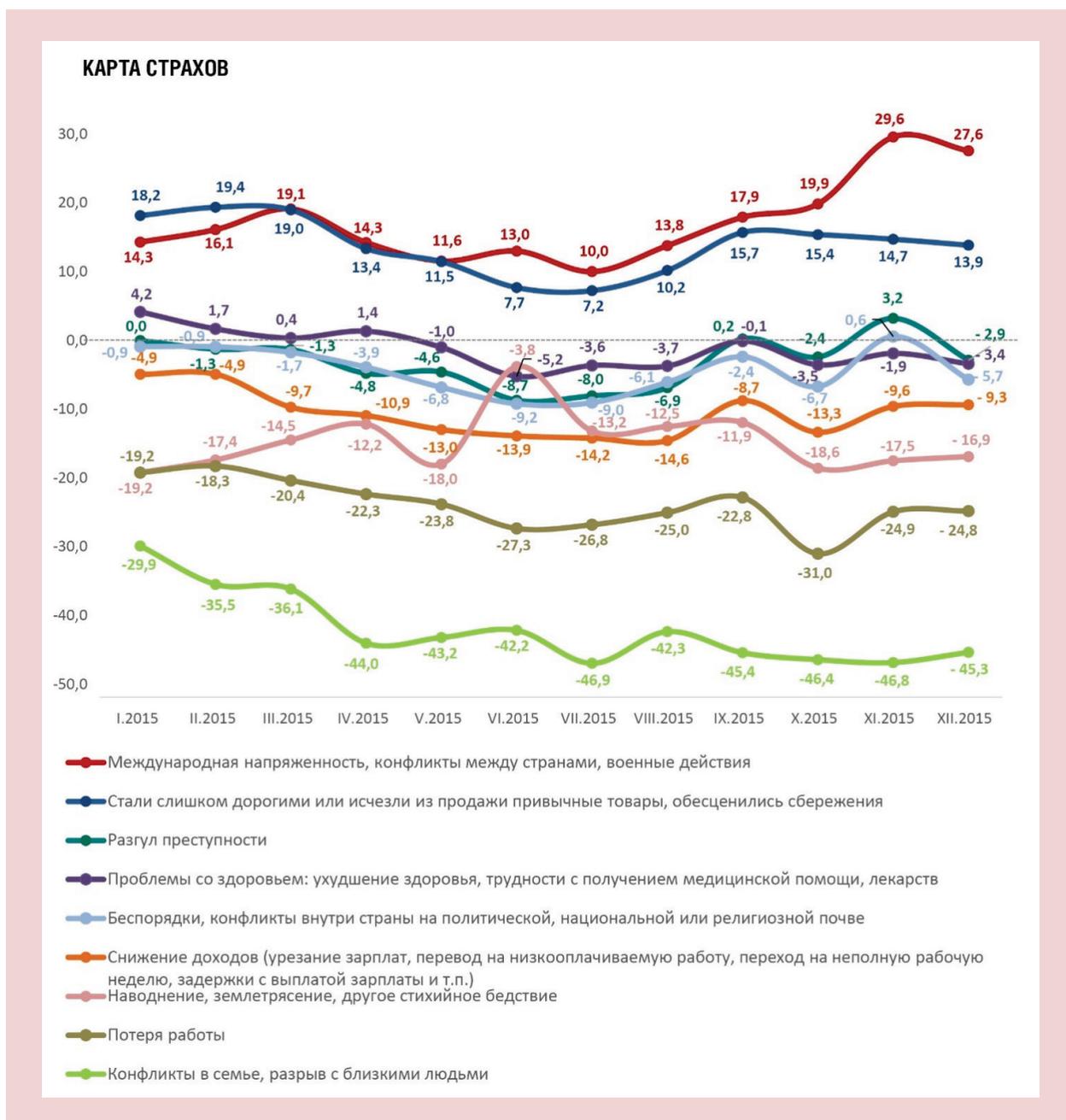
Еще одна проблема социально-экономического характера – безработица – заняла место №4 в проблемном рейтинге с 11% обеспокоенных ею. Все остальные – политические, социетальные и прочие – проблемы в 2015 г. стали гораздо менее актуальными для жителей нашей страны,

но в основном не благодаря каким-то позитивным сдвигам в их решении, а в силу обострения социально-экономической проблематики. Именно это властно оттеснило на задний план те «продвинутые» заботы, характерные для более «тучных» лет.

Карта страхов

Другой исследовательский инструмент ВЦИОМ, «Карта страхов», демонстрирует несколько иную расстановку приоритетов россиян в том, что касается опасений на ближайшее будущее. Первое место в этом списке занял страх роста международной напряженности, конфликтов между странами, включая военные. Этот страх последовательно рос на протяжении всего года (с 14 до 28 пунктов), причем максимальная

точка (30 пунктов) зафиксирована в ноябре 2015 г., запомнившаяся уничтожением Турцией российского бомбардировщика Су-24 в воздушном пространстве Сирии. Страх международных конфликтов, снижавшийся по мере «замораживания» боевых столкновений в Донбассе, вновь пошел в рост после начала бомбардировок Сирии российской военной авиацией (конец сентября) и достиг максимума в момент, когда стартовал российско-турецкий конфликт на этой почве.

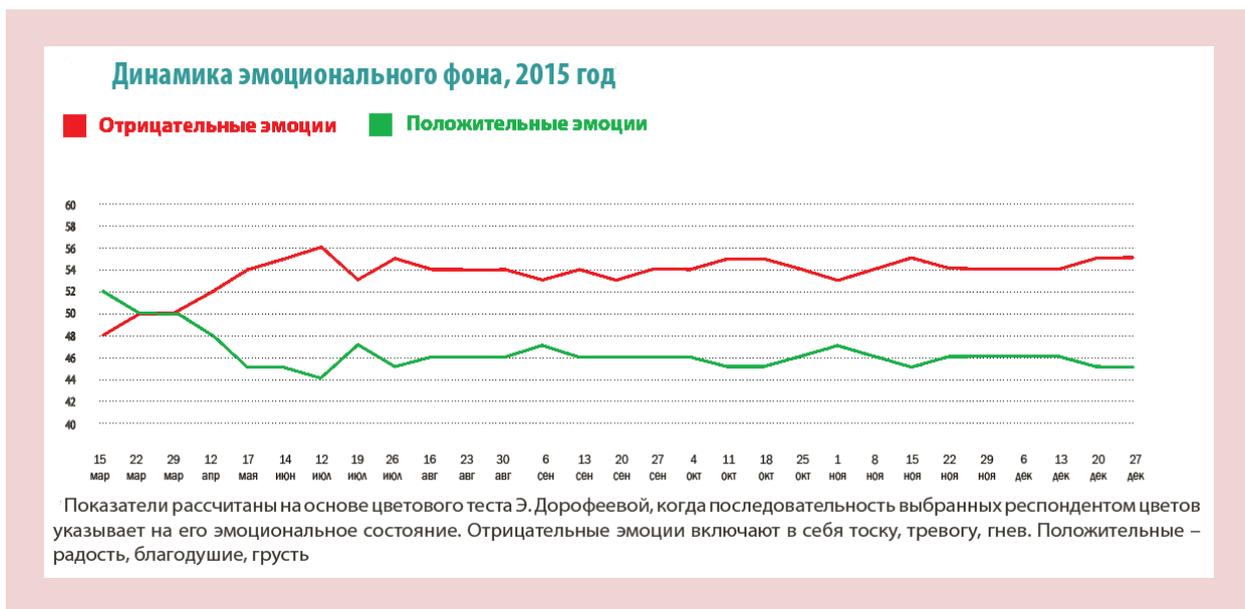

На столь драматическом фоне страх чрезмерного роста цен, который в январе 2015 г. был первым в рейтинге страхов россиян (18 пунктов против 14 у страха военных конфликтов), уже к середине года отошел на второе место и, несмотря на высокий темп роста инфляции, зафиксированной Росстатом (почти 13% за год), к декабрю еще больше снизился (до 14 пунктов, т.е. вдвое меньше, чем страх военной напряженности в этом же месяце). Обращает на себя внимание также низкая озабоченность россиян потерей работы (-19 пунктов в январе, -25 в декабре 2015 г.) и снижением своих доходов (-5 в январе, -9 в декабре), которая по мере развертывания кризиса не выросла, а, наоборот, упала. Происходящее объясняется действием известного закона Маслоу, согласно которому по мере актуализации первичных потребностей (безопасность) вторичные (благополучие) становятся менее значимыми. А именно это и происходит в момент, когда испытывающая экономические трудности страна оказывается на грани вступления в войну с мощным соседом (Турция).

Еще один важный показатель состояния российского общества — это динамика его эмоционального фона. Замеры ВЦИОМ показывают, что начиная с марта 2015 г. негативные эмоции, испытываемые нашими респондентами, устойчиво превышают позитивные, причем этот «навес» к концу года достиг 12%. Число «оптимистов», сохраняющих бодрость духа в условиях международной конфронтации, когда не исключено вступление России в большую войну, не превышает 46%. Таким образом, изобиловавший внутренними и внешними проблемами 2015-й год прошел на тяжелом и еще усугубляющемся эмоциональном фоне и оставил это непростое наследие следующему году.

От Великой Победы — к войне в Сирии

Впрочем, как минимум одно объединяющее и необычайно позитивное событие, получившее огромный резонанс и давшее большой импульс к консолидации российского общества перед лицом увеличивающихся трудностей, все-таки можно назвать. Это 70-летний юбилей Великой Победы, запомнившийся не только традиционным военным парадом, но и беспрецедентной

по количественному охвату и эмоциональному накалу акцией «Бессмертный полк», когда россияне в Москве прошли по Красной площади с портретами своих предков, принимавших участие в Великой Отечественной войне.

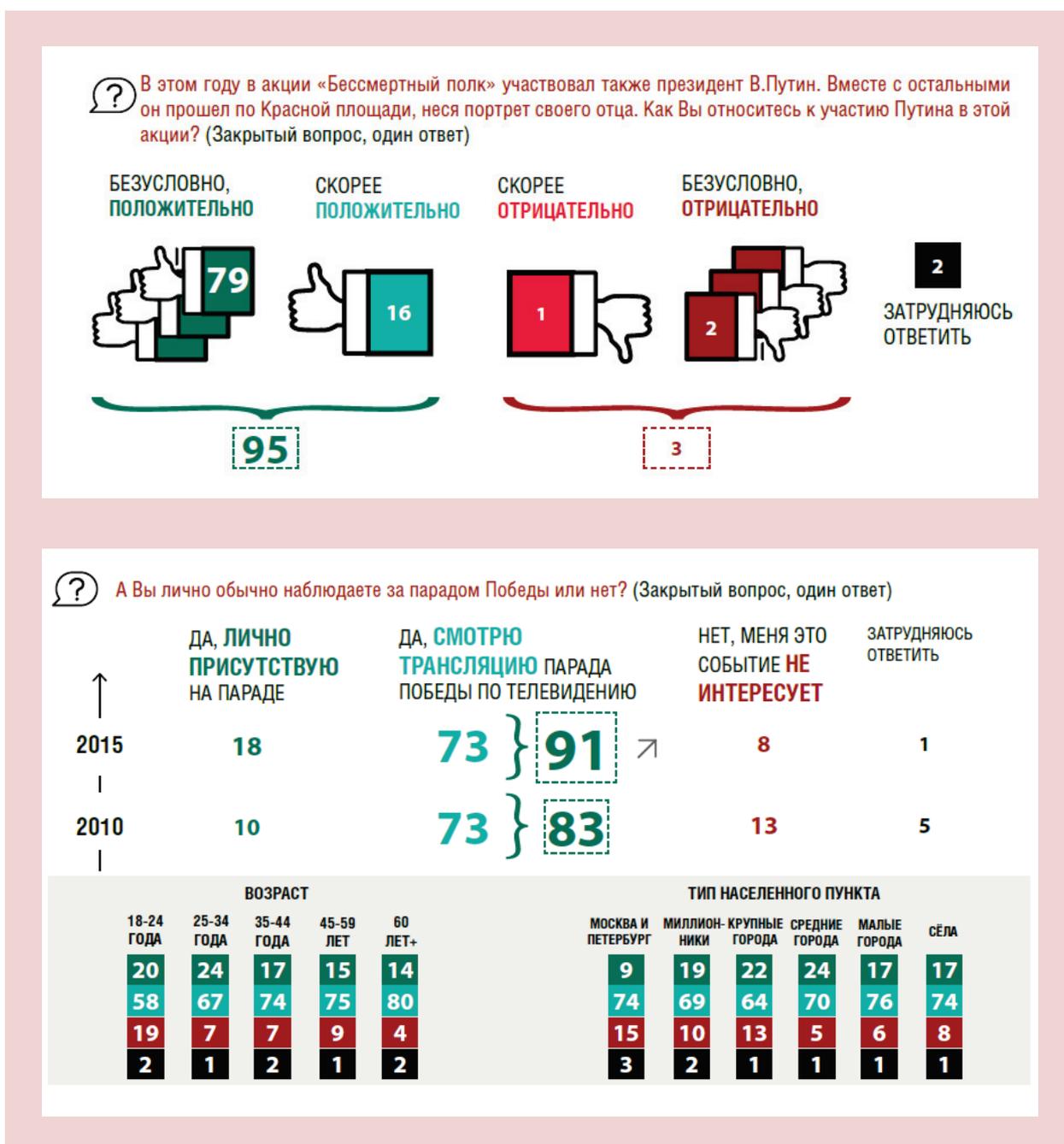
О «Бессмертном полке» слышали 93% опрошенных россиян в возрасте 18 лет и старше (включая 89% в самой молодой группе – от 18 до 24 лет). Положительно оценили акцию 96% опрошенных (в т.ч. 81% – «безусловно положительно»). 93% поддержали предложение сделать «Бессмертный полк» важным постоянным элементом празднования Великой Победы. Личное участие Владимира Путина в этом шествии одобрили 95% опрошенных, что говорит и об огромном политическом успе-

хе организаторов «Бессмертного полка», сумевших превратить траурное мероприятие в демонстрацию объединения российской нации не только вокруг памяти об общих победах и потерях, но и вокруг её политического лидера.

Участие политических активистов, включая лидеров партий, в общегражданских мероприятиях россияне обычно склонны оценивать скорее скептически, усматривая в этом стремление «примазаться» и «проехаться» на информационном поводе, получить незаработанный политический капитал. Но в случае с «Бессмертным полком» Путин, несший портрет своего отца-фронтовика, был воспринят совершенно органично, как «свой», один из нас, а не чужак из циничного мира политики.

 По Вашему мнению, зачем проводится акция «Бессмертный полк»? (Открытый вопрос, любое число ответов)

73	ПАМЯТЬ («акция посвящена памяти погибших родственников на войне», «для того, чтобы помнили о Великой Отечественной войне», «память и уважение ветеранам войны», «чтобы мы хранили в памяти наших героев»)
5	ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ («в качестве воспитания подрастающего поколения», «для воспитания молодежи», «молодое поколение должно знать о погибших на войне», «чтоб наши дети знали историю России»)
4	ДЛЯ ПОДНЯТИЯ УРОВНЯ ПАТРИОТИЗМА («воспитание патриотизма», «для укрепления патриотизма», «поднять патриотические чувства», «это патриотическое движение»)
4	ДАТЬ УВАЖЕНИЯ («благодарность за Победу», «воздать честь победителям», «день уважения воинам-победителям», «честь и слава нашим воинам»)
2	ДЛЯ ЕДИНЕНИЯ ЛЮДЕЙ («для объединения народа», «для сплоченности народа», «чтоб консолидировать общество», «это объединяет людей»)
1	ДЛЯ ВETERANОВ («ветеранам приятно», «поддержка ветеранов», «ради ветеранов»)
1	ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ («показать всему миру, что война – это плохо», «чтоб не было войны, учились на ошибках», «чтобы не допустить войн», «чтобы этого больше не произошло»)
1	ЧТОБЫ НЕ ИСКАЖАЛИ ИСТОРИЮ («поддержать правду истории», «показать всем, что нельзя переписывать историю», «чтобы знал весь мир, что войну выиграл Советский Союз», «чтобы не зарождалась ложь об этой войне»)
<1	ДЛЯ ПОДНЯТИЯ ДУХА («для поддержания боевого духа народа», «для поднятия духа россиян», «поддержка страны, духа российского», «чтобы поднять дух россиян»)
<1	ОТВЛЕЧЕНИЕ НАРОДА ОТ ПРОБЛЕМ («отвлеч народ от проблем», «отвлечь народ от экономических проблем и заставить любить Путина», «создаем культ, отвлекаем от экономических проблем», «чтобы запудрить мозги народу»)
4	ДРУГОЕ («пропаганда власти», «в честь 70-летия Победы», «найти родственников», «чтоб списать деньги»)
12	ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

Другой, более привычный элемент празднования — военный парад на Красной площади призван продемонстрировать стране и миру мощь российской армии и её боеготовность, а также подтвердить амбиции России как великой державы. В этом качестве его обычно критикуют отече-

ственные либералы-западники, тогда как традиционалисты-«евразийцы», напротив, гордятся им. Опросы показывают, что парад 2015 г. стал высокорейтинговым зрелищем, которое наблюдали девять из каждых десяти россиян (91% по сравнению с 83% пять лет назад).

Еще важнее, что парад не разделил, а объединил наше общество — на платформе гордости за свои Вооруженные Силы, уважения к армии и готовности противостоять геополитическим и военным вызовам. С учетом того что противостояние Западу как минимум с весны 2014 г. стало краеугольным камнем политики Путина, парад и эмоции россиян по его поводу однозначно сработали на укрепление его авторитета и базы поддержки его курса. Наметившееся желание и верхов, и низов российского общества смягчить негативные последствия и снизить температуру противостояния с Западом не перешло в готовность радикально поменять курс, отказаться от поддержки Дон-

басса, вернуть Крым в состав Украины и сделать далеко идущие уступки Западу на остальных участках двусторонней конфронтации.

Число сторонников нового «разворота к Западу» при абстрактной формулировке кажется значительным (22%), хотя и втрое уступает численности адептов прежнего курса (68%). Но когда речь заходит о возможных конкретных уступках, становится очевидным, что ни одна из них не набирает даже такого уровня поддержки: только 3–5, максимум 7% готовы вернуть Крым Украине, отказаться от поддержки Донбасса и проч.

Таким образом, глубина кризиса и снижение популярности режима еще далеко

 Скажите, какое из приведенных суждений ближе к Вашей точке зрения? (Закрытый вопрос, один ответ)

РОССИИ **СЛЕДУЕТ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ОТСТАИВАТЬ СВОЮ ПОЗИЦИЮ**, ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО ПРИВЕДЕТ К УХУДШЕНИЮ ОТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ ЗАПАДА

РОССИИ СЛЕДУЕТ **ПОДДЕРЖИВАТЬ ХОРОШИЕ ОТНОШЕНИЯ** СО СТРАНАМИ ЗАПАДА, ДАЖЕ ЕСЛИ В НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИХОДИТСЯ УСТУПАТЬ

ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

 Как Вы оцениваете решение президента Путина направить в Сирию российскую военную авиацию для борьбы с террористической организацией «Исламское государство»? (Закрытый вопрос, один ответ)

ЦЕЛИКОМ ОДОБРЯЮ

СКОРЕЕ ОДОБРЯЮ

СКОРЕЕ НЕ ОДОБРЯЮ

ОПРЕДЕЛЕННО НЕ ОДОБРЯЮ

8

ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

66

27

не достигли того момента, за которым следует сдача геополитических позиций при равнодушном попустительстве со стороны общества. В отличие от 1989–1991 гг., когда советские люди без особенных негативных эмоций наблюдали распад сферы влияния СССР в Восточной Европе и мире, сегодня россияне настроены жестко бороться за сохранение доминирования своей страны на постсоветском пространстве вопреки действиям Запада.

В этом контексте становится понятным одобрительное отношение нашего общества к вовлечению в войну в Сирии, которое было считано как подтверждение растущей геополитической мощи России, заставляющее другие страны, и прежде всего США, считаться с ней не только в этом, но и в других вопросах. Решение президента направить военную авиацию в Сирию поддержали две трети опрошенных, высказались против 27%.

«Афганский синдром», терзавший наше общество на протяжении 1980–1990-х гг., пока не прочитывается в реакциях россиян на помощь Сирии, но при этом налицо ряд жестких ограничений, которых президент Путин должен придерживаться, если не хочет, чтобы участие в сирийской войне подорвало его базу поддержки. Речь идет о том, что участие российских войск в наземных операциях армии Башара Асада должно быть исключено (такую меру поддержали бы лишь 5% россиян). Если эти требования будут выполняться, то новая война на Ближнем Востоке не даст внутренним критикам Путина новых серьезных аргументов.

Навстречу выборам-2016

Экономический кризис, конфронтация с Западом, вовлечение России в новый и опасный конфликт на Ближнем Востоке в условиях нерешенной ситуации в Донбассе — все эти факторы оказали понижающее воздействие на рейтинг президента Путина

и других ключевых политических институтов его режима. Тем не менее это воздействие было в основном нивелировано умелой политикой Путина, а также накопленным им значительным запасом авторитета и поддержки подавляющего большинства россиян. Среднемесячный уровень одобрения работы Путина как главы государства ни разу за год не опускался ниже 86%, а доля не одобряющих его в этом качестве оставалась на отметке 7–9%.

Столь же стабильным, хотя и на более низком уровне и с несколько большей амплитудой колебаний, оставался и рейтинг одобрения работы Дмитрия Медведева на посту главы правительства (67–72%), а также работы правительства в целом (63–69%). Премьер и кабинет продолжают пользоваться защитой «президентского зонтика», харизмы Путина, а последний пока не видит необходимости «сдавать» министерскую команду, чтобы сохранить собственное положение.

? В целом Вы **одобряете** деятельность: (Закрытый вопрос, один ответ)

? В целом Вы **не одобряете** деятельность: (Закрытый вопрос, один ответ)

Тем не менее болевые точки президентского курса и правительственной политики на протяжении 2015 года проявились весьма явственно, что создает высокую вероятность снижения рейтинга главы государства, премьера и кабинета по мере разворачивания кампании по выборам в Государственную Думу 2016 года. Внешнеполитический курс и внутренняя политика как таковая являются наиболее популярными аспектами режима, образуя его своеобразную «цитадель»: первый в январе 2015 г. поддерживали 71% россиян (65% в декабре), второй – 68% (в декабре 63%). За год оба аспекта потеряли часть сторонников, но продолжают получать одобрение двух третей россиян. Гораздо сложнее дело обстоит с экономической (47% одобряющих в январе, 25% в декабре) и социальной (45 и 25% соответственно) политикой – это слабые, уязвимые места в обороне режима.

В российской конституционной конфигурации отвечает за экономику и социальную сферу не президент, а правительство, и именно премьер Медведев, как уже объявлено, возглавит кандидатский список правящей партии на парламентских выборах 2016 г. Получается, что премьер, который по должности отвечает за социально-экономические неудачи последнего времени, призван разъяснять избирателям причины трудностей и вдохновлять их вновь отдать голоса «Единой России». Между тем её поддержка и так незначительно, но падала по мере исчерпания «крымского эффекта» и углубления экономического кризиса: за год число планирующих голосовать за неё снизилось с 59 до 53% (среднемесячные значения).

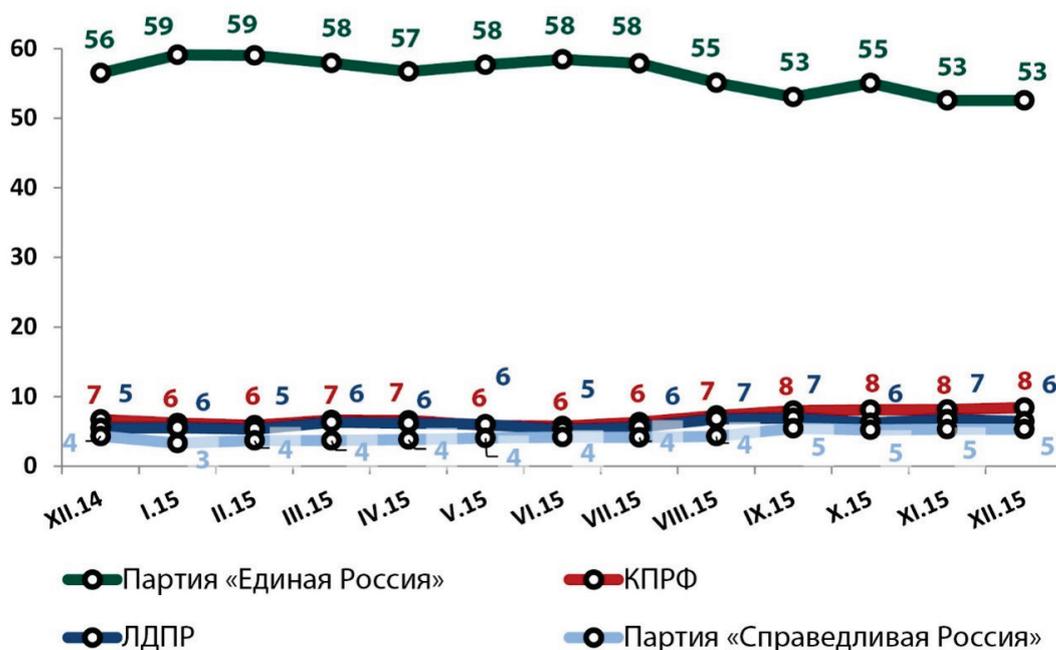
И хотя уровень поддержки оппозиционных партий – как парламентских, так и пока не представленных в Думе – за год практически не вырос, понятно, что имен-

Скажите, пожалуйста, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу России, за какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали (Закрытый вопрос, один ответ)

ПАРЛАМЕНТСКИЕ

но они станут бенефициарами процесса ослабления «Единой России». По предварительным прогнозам, правящая партия к сентябрю 2016 г. вряд ли улучшит свой результат по сравнению с предыдущими выборами 2011 г. (49%), а то и ухудшит его на фоне разворачивающегося кризиса и согласованной атаки оппозиционных сил на «Единую Россию».

Однако общую политическую стабильность это вряд ли сильно поколеблет в силу трех важных факторов. Во-первых, число депутатских мандатов у «Единой России» и её союзника — Общероссийского народного фронта — может не сократиться, а только вырасти благодаря тому, что впервые после 2007 г. в этот раз депутатов

будут избирать не только по спискам, но и по мажоритарным округам (а здесь «партия власти» сохраняет серьезное преимущество). Во-вторых, парламентская оппозиция конкурирует с «Единой Россией», но признает безоговорочное лидерство Владимира Путина, а по действующей Конституции полномочия Думы весьма ограничены и сильно уступают президентским. В-третьих, «несистемная оппозиция», т.е. политики, жестко противостоящие Путину, не имеют сколько-нибудь серьезной поддержки избирателей и вряд ли её получают к сентябрю 2016 г.

А значит, режим Владимира Путина пройдет испытание выборами, несмотря на негативный информационный, эмо-

циональный и экономический фон. В то же время наметившееся ослабление «Единой России», если оно будет зафиксировано результатами выборов, заставит режим действовать более осторожно, маневрировать, заключать коалиции с партиями си-

стемной оппозиции, обновить состав правительства и скорректировать в тех или иных аспектах его политику — чтобы к президентским выборам 2018 г. подойти в хорошей форме и обеспечить переизбрание Путина на новый шестилетний срок.

Сведения об авторе

Валерий Валерьевич Фёдоров — кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения, вице-президент Союза социологов России, член ESOMAR, главный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (Россия, Москва, fedorov@wciom.com)

Fedorov V.V.

Russian Society in 2015: What We Learned About It from Sociological Polls

Valerii Valer'evich Fedorov — Ph.D. in Political Sciences, Director General of VTsIOM, Vice-President of the Union of Sociologists of Russia, ESOMAR member, chief editor of the journal “Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes” (fedorov@wciom.com)

Abstract. Modern socio-political history of Russia can be quite clearly divided into several important periods, each of which is characterized by particular political environment and specific social consciousness. The accession of Crimea and Sevastopol to the Russian Federation in March 2014 is one of the landmark events, a milestone that marks the transition from one phase of this history to the next. This event (or rather, process that started, according to some estimates, in the autumn of 2013, or in February 2014) indicated a sharp turn in Russian foreign policy and in its relations with the West and East. The accession of Crimea has led to phenomenal growth and expansion of support for the policy pursued by Vladimir Putin and for his personality: without exaggeration, he has become not just a political leader but the leader of the nation. The trend set by the accession of Crimea was evolving in 2014–2015; a special feature of this development was that Russia obtained the positive effect almost immediately, and negative consequences followed only after a while. And the farther our life from March 2014, the more pronounced these deferred negative consequences; while the benefits gained are being partly exhausted and partly forgotten as they recede into a background. Negative consequences include the conflict with the West and the efforts of several influential countries to isolate Russia in the international arena, the war in Ukraine and the collapse of Russian-Ukrainian relations in all areas, Western sanctions against the financial and commodity sectors of Russia's economy, the weakening of the Russian currency and growth of prices for imported goods and then — for food and non-food commodities. Thus, in the course of time, the price paid by Russian society for the accession of Crimea grew rather than fell.

Key words: public opinion poll, Russia, crisis, politics, economy.

О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества*

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
tvu@vscc.ac.ru

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
lukin_ev@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития межрегионального экономического сотрудничества регионов. В качестве основной гипотезы обоснован тезис о том, что укрепление межрегиональных связей является важным фактором развития экономики региона. Этот тезис подтвержден анализом и обобщением ряда научных теорий. На материалах промышленно развитого региона России (Вологодской области) апробирован разработанный авторами методический инструментарий активизации межрегионального взаимодействия в качестве фактора развития экономики индустриального региона. Общая логика использования данного инструментария подразумевает осуществление трех основных взаимосвязанных этапов: информационно-аналитического, целевого и реализационного. Информационно-аналитический этап предполагает сбор, систематизацию и анализ материалов, составляющих необходимую информационную базу.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00136 «Анализ и прогнозирование развития региональной социально-экономической системы на основе применения межотраслевых балансов».

На целевом этапе определяются возможные варианты решения проблем, касающихся межрегионального сотрудничества области, формируются целевые ориентиры и задачи (с учетом общенациональных целей и региональных задач промышленного развития), выделяются приоритетные направления деятельности в данной сфере и просчитываются возможные последствия их реализации. На формирование ее механизма направлен реализационный этап, включающий конкретный набор применяемых инструментов, которые выбираются в соответствии с существующими условиями и возможностями государственного управления. В статье предложен методический подход к прогнозированию развития региональной промышленности с учетом изменений в экономике страны в связи с планируемым проведением модернизации и реализацией крупных инвестиционных проектов, а также последующего возможного роста объемов межрегиональных поставок из региона промышленной продукции. Подход основан на принципах теории общего экономического равновесия, балансовом методе «затраты-выпуск» и методологии системы национальных счетов. Предлагаемый авторами инструментарий может использоваться региональными органами власти при разработке стратегий социально-экономического развития, оценке направления и степени влияния межрегионального сотрудничества на развитие территории. В статье сформулированы перспективные цели, задачи и направления укрепления межрегионального сотрудничества региона.

Ключевые слова: регион, межрегиональное сотрудничество, перспективы, механизм регулирования, прогнозирование, межотраслевой баланс.

Решение актуальнейшей задачи развития региональной социально-экономической системы обуславливает необходимость поиска источников ее роста. Одним из таких источников выступает межрегиональная интеграция на основе стимулирования развития и укрепления экономического взаимодействия субъектов Федерации. Межрегиональное экономическое взаимодействие обеспечивает потребительский рынок товарами, которые не выпускаются на территории региона, а местных производителей — устойчивыми поставками сырья и комплектующих материалов; способствует стимулированию развития внутреннего рынка товаров и увеличению внутреннего спроса на продукцию, диверсификации экономики, устранению территориальных барьеров, затрудняющих перемещение производственных, инвестиционных и трудовых ресурсов между регионами.

Вместе с тем в процессе реформирования российской экономики межрегиональ-

ные связи, существовавшие внутри страны, а также между бывшими республиками СССР, были практически полностью разрушены. Это и значительное снижение экономической активности, свертывание производств привели в середине 1990-х годов к глубокому спаду экономики регионов и страны в целом, следствием которого стало резкое ухудшение благосостояния населения [4].

Ошибочность проводимой политики, необходимость усиления регулирующей роли государства, в том числе в развитии межрегионального взаимодействия, признается большинством ученых-экономистов и политиков. Между тем региональные органы государственной власти не уделяют этим вопросам должного внимания и недостаточно эффективно используют механизмы воздействия на хозяйствующие субъекты, формирующие межрегиональные потоки товаров и услуг. Отсутствует оценка влияния сотрудничества регионов

на их экономику. Региональные законы, направленные на его развитие, не предусматривают конкретных методов и рычагов его стимулирования. Разрабатываемые в регионах целевые программы, ориентированные, как правило, на отдельные направления или сферы деятельности, зачастую имеют формальный характер, недостаточно финансируются, а выполнение мероприятий слабо контролируется [10]. К тому же составляемые прогнозы социально-экономического развития и развития промышленности не учитывают должным образом укрепление межрегиональных связей.

В свете этого актуальной задачей является разработка методов их активизации как одного из действенных факторов экономического развития региона. Воспроизводственный подход к управлению экономикой доказывает, что для производства необходимы экономические ресурсы, не только имеющиеся у региона, но и завезенные из других регионов, а также присутствие спроса в других территориях на выпускаемую в нем продукцию [23]. Это обуславливает зависимость регионов от межрегиональной экономической интеграции и делает экономическое сотрудничество между ними существенным фактором развития их промышленности. Важность межрегионального сотрудничества подтверждается рядом научных теорий.

Основы теории межрегионального взаимодействия были заложены еще в XVIII веке в теории абсолютных и относительных преимуществ (А. Смит, Д. Рикардо), суть которой заключается в том, что одни страны (регионы) могут производить товары более эффективно и по более низкой цене, чем другие, и на этой основе имеют абсолютные преимущества, реализуемые через торговлю [18].

Значительный вклад в формирование теории межрегионального взаимодействия внесли классические теории размещения: теория локализации И.Г. Тюнена, теория центральных мест В. Кристаллера, теории промышленного штандорта В. Лаунхардта и А. Вебера. В их рамках ключевое внимание уделялось географическим (расстояние) и экономическим (размеры и структура затрат) факторам эффективности размещения и функционирования экономического объекта (предприятие, город, район). Штандортные теории получили свое продолжение в концепции интеграции территорий как инструмента повышения конкурентоспособности стран (регионов) в условиях конкуренции за пространство и ресурсы; в частности, этим аргументировалась необходимость интеграционного объединения стран Европы (концепция Средней Европы Ф. Науманна [5]). Кроме того, эти теории стали основой для формирования большинства современных пространственных теорий развития [34], которые начали развиваться быстрыми темпами с 1930-х гг. и были основаны в отличие от классических теорий размещения на принципе общего, а не частичного равновесия.

Разработанная А. Лешем теория пространственного экономического равновесия представляет собой модель территориальной самоорганизации общества и его экономической жизни. Он создал концепцию экономического ландшафта, определяющим фактором которого являются сбытовые зоны, образующие сеть экономических районов, при этом главная роль отводится максимизации прибыли, а не снижению издержек (сырьевых и транспортных) [1].

Как показывают экономико-географические теории (представленные в основном советскими учеными – Н.Н. Баранским, Н.Н. Колосовским, М.К. Бандманом и др.), укрепление межрегионального экономического взаимодействия выступает фактором конкурентоспособности региона за счет усиления технологической специализации, кооперирования и агломерационного эффекта [17].

В целом наиболее значимыми положениями теории межрегионального взаимодействия явились следующие:

1. Основу богатства населения различных территорий составляют разделение труда и последующий обмен его результатами.

2. Источниками специализации экономики территории выступают пространственный рост, неравномерность в размещении ресурсов, растущая конкуренция.

3. Существует прямая зависимость между эффективностью размещения факторов производства (территориально-отраслевая организация хозяйства) и производительностью.

В середине XX века экономисты стали по-новому формулировать причины, которые определяют направление и структуру торговых потоков между странами и регионами. Так, шведские ученые Э. Хекшер и Б. Олин дополнили теорию сравнительных преимуществ, предложив теорему «выравнивания цен на факторы производства». Ее суть состоит в том, что каждая страна (регион) специализируется на производстве тех товаров, для которых отношение факторов производства, которые она имеет, является наиболее благоприятным. Другими словами, страна (регион) экспортирует те товары, для производства которых общая стоимость всех затрат ниже, чем в других странах (регионах), а продажа дает прибыль.

В 1948 г. П. Самуэльсон и В. Столпер представили свою теорему, являющуюся улучшенным доказательством теоремы Хекшера–Олина: в случае однородных факторов производства, совершенной конкуренции, идентичности технологии и полной мобильности обмен товаров выравнивает цену факторов производства между странами (регионами). В концепциях торговли, основанных на трудах Д. Рикардо, Э. Хекшера, Б. Олина и П. Самуэльсона, торговля рассматривается не только как взаимовыгодный обмен, но и как инструмент сокращения разрывов в развитии между территориями.

Вторая половина XX века ознаменовалась резким ростом мировой торговли и увеличением конкуренции между странами и регионами. В результате стали появляться теории конкурентных преимуществ отдельных территорий. В частности, М. Портер выявил закономерности в конкуренции территорий: чем более развита конкуренция на внутреннем рынке, тем больше вероятность успеха страны (региона) на международных рынках (и наоборот, ослабление конкуренции на национальном рынке может привести к потере конкурентных преимуществ) [31].

Исследуя торговое взаимодействие территорий, П. Кругман отметил, что международная торговля все больше имеет природу межрегиональной торговли, потому что факторы производства и компетенции в принятии стратегических решений постепенно перемещаются на региональный уровень. Движущей силой торговли при конкуренции и подобию факторов производства является выигрыш, получаемый странами в результате дифференциации товарного предложения и экономии от масштаба; конкурентоспособность стран и регионов с дефицитом факторов производ-

ства определяется преимуществом использования специальных форм организации и концентрации производства [24; 27; 28].

Последний тезис был развит в теориях и концепциях развития кластеров. В них исследовались структуры и формы организации экономической деятельности в пространстве (вертикально и горизонтально интегрированные организации, кластеры, сети), факторы конкурентоспособности экономических агентов, способы их взаимодействия [33]. К представителям этих научных теорий относятся прежде всего М. Портер, М. Энрайт, Д. Хамфри, Э. Шмитц, М. Сторпер. Кластерная форма организации производства позволяет:

- увеличивать производительность труда и стимулировать инновационный процесс путем создания для этого благоприятных условий [31];

- эффективнее использовать преимущества близости (концентрации), создать благоприятные условия для проявления эффекта масштаба, снижения операционных издержек [14];

- оптимизировать цепочки добавления стоимости, что приводит к улучшению воспроизводственной структуры региональной экономики.

В трудах отечественных ученых также большое внимание уделяется вопросам развития межрегионального взаимодействия территорий. Во времена СССР исследования были направлены на решение проблемы рациональной территориальной организации хозяйства и поиск методов планирования и регулирования экономического развития. Наиболее известные отечественные ученые-регионалисты – В.С. Немчинов, А.Е. Пробст, Р.И. Шнипер, А.Г. Гранберг. Среди исследователей, посвятивших свои работы формированию и развитию межрегиональных экономических отношений, координированному функ-

ционированию регионов в крупных экономических районах (в т. ч. в федеральных округах) в современных российских условиях, следует выделить А.И. Татаркина [19-21], С.Ю. Глазьева [3], П.А. Минакира [11], О.А. Романову [15], Р.А. Латыпова [8], И.М. Рукину [16], К.В. Павлова [13].

Вместе с тем многие аспекты методологии формирования региональной политики в сфере межрегиональных связей и методов ее реализации еще не имеют достаточного научного обоснования. Среди них такие актуальные вопросы, как увязка регионального компонента с общенациональной политикой, определение приоритетов государственной поддержки, последовательность реализации программных мероприятий в регионах, координация их осуществления в отраслевом разрезе.

Общая логика активизации межрегионального экономического взаимодействия подразумевает осуществление трех основных взаимосвязанных этапов: информационно-аналитического, целевого и реализационного (*табл. 1*).

Информационно-аналитический этап предполагает сбор, систематизацию и анализ материалов, составляющих информационную базу для развития межрегионального сотрудничества и включающих данные, предоставленные органами статистики; данные соответствующих структурных подразделений органов власти; данные экспертных оценок, полученные путем проведения специальных опросов.

По нашему мнению, спектр вопросов, рассматриваемых на данном этапе, должен включать: оценку современного состояния, основных тенденций и закономерностей развития межрегиональных связей; анализ конъюнктуры промышленного рынка региона; выявление и систематизацию предпосылок, ограничений и проблем развития межрегиональных связей.

Таблица 1. Принципы развития межрегионального сотрудничества*

Принцип	Суть принципа
Целенаправленность	Формирование политики в сфере межрегионального сотрудничества должно опираться на систему стратегических и тактических целей промышленного развития региона
Комплексность	Необходимость учета при разработке и реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества совокупности экономических, социальных, экологических, политических и других факторов развития региона
Системность	Определение целевых ориентиров и задач промышленного развития региона и механизмов его реализации должно осуществляться с учетом связей, характеризующих взаимозависимость его развития с другими регионами и страной в целом
Адаптивность	Формирование политики в сфере межрегионального сотрудничества должно осуществляться с учетом возможных изменений внешней среды, которые могут обусловить корректировку целей, задач, основных направлений и механизмов их реализации
Эффективность	Необходимость доказательства того, что именно предлагаемый набор целей, задач, основных направлений, выбранных в качестве приоритетных, набор регулирующего инструментария реализации политики обеспечат достижение требуемого результата
Консенсус интересов	Необходимость выявления и удовлетворения интересов всех субъектов хозяйствования и управления, вступающих в экономические отношения, при разработке и реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества
* Составлено по [12].	

Для диагностики состояния и тенденций развития межрегиональных связей региона на практике применяется большой набор различных методов и подходов: сравнение; приведение показателей в сопоставимый вид; применение относительных и средних величин [9]; группировка информации; методы факторного, корреляционного, многомерного сравнительного анализа [25; 26; 35]; методы экспертной диагностики [36] и др. Для анализа конъюнктуры промышленного рынка региона, с учетом возможностей региональной статистики, используются показатели, характеризующие направления, структуру и объемы предложения и спроса на продукцию внутрирегионального, межрегионального и внешних рынков [12].

На целевом этапе определяются возможные варианты решения проблем межрегиональных связей региона, формируются целевые ориентиры и задачи развития

межрегионального сотрудничества (с учетом общенациональных целей и региональных задач промышленного развития), выделяются приоритетные направления в этой сфере, просчитываются возможные последствия их реализации.

В качестве методической базы на данном этапе могут использоваться методы SWOT и PEST-анализа. Это позволит дать характеристику состояния и оценку влияния внешней среды на исследуемый объект с целью выработки методов и способов адаптации и реагирования на изменения во внешнем окружении, а также агрегировать результаты детальных обследований и обоснований в суждения, касающиеся преимуществ или недостатков исследуемого объекта.

Для аргументирования целей, задач и направлений развития межрегионального сотрудничества региона может использоваться и методический подход [2; 22], ос-

нованный на построении матриц перспектив развития межрегионального торгово-экономического сотрудничества региона на базе методологии портфельного анализа. Данный подход поможет проводить диагностику состояния межрегиональных связей, разрабатывать систему дифференцированных направлений их развития в разрезе групп регионов-потребителей и поставляемых товаров.

Чтобы определить потенциальные возможности наращивания межрегионального вывоза продукции промышленных предприятий региона, применяем следующий алгоритм действий [10]:

- анализируем структуру промышленного комплекса региона, выявляем ключевые производимые товары, исследуем возможности для увеличения объемов их производства;

- оцениваем принятые национальные, региональные и отраслевые стратегии и программы развития промышленности на предмет возможного участия в них предприятий региона (в качестве поставщиков продукции и объектов модернизации);

- определяем контрагентов для поставок (при этом следует учитывать географию их расположения, существующие и требующиеся контрагентам объемы поставок);

- оцениваем возможный рост объемов межрегионального вывоза по конкретным товарам и по отраслям в целом.

Полученные данные могут быть использованы для оценки последствий реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества. Количественной характеристикой такой политики выступает изменение объемов промышленного производства региона с учетом межрегиональных поставок. Оценить влияние межрегиональной деятельности на промышленное производство региона позволяют межотраслевые модели балансового типа¹ [4; 29; 30; 32]. В них используется основное уравнение межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор объема выпуска продукции;
 A – матрица коэффициентов прямых затрат;
 y – вектор конечного продукта.

С помощью такого уравнения возможно рассчитать, какой должен быть объем выпуска x во всех отраслях экономики региона, если планируется изменение конечного спроса y . Алгоритм расчета при этом следующий:

1. На основе данных таблицы использования товаров и услуг² рассчитывается матрица прямых затрат A вида товар/отрасль. Для этого определяется доля прямых затрат F_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$a_{ij} = F_{ij} / X_j. \quad (2)$$

¹ В период плановой экономики межотраслевые балансы (МОБ) использовались для оценки влияния межрегионального взаимодействия на экономику. По данным последнего отчетного МОБ экономических районов СССР за 1987 г. доля межрегионального вывоза в структуре поставок произведенной продукции в 11 экономических районах составляла 20–26%, доля межрегионального ввоза в потребление – 23–32%. Согласно расчетам, при изменении межрегиональных связей на 1% изменение внутреннего конечного продукта районов варьируется в пределах от 0,49 до 0,92% (источник: Манцев Д.А. СНГ: межгосударственное регулирование экономической интеграции. – М.: РАГС, 2003. – 238 с.).

В 1990-е гг. в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН и в Совете по изучению производительных сил для оценки влияния межрегиональных связей были разработаны модели экономического взаимодействия регионов и оптимизационные межрегиональные модели.

² Таблица использования товаров и услуг характеризует использование товаров и услуг на промежуточное потребление в отраслях экономики и конечное потребление, валовое накопление и экспорт; входит в состав системы таблиц «затраты-выпуск».

Элемент a_{ij} матрицы A показывает расход товара i непосредственно при производстве единицы продукции отрасли j .

2. На основе данных таблицы ресурсов товаров и услуг³ вычисляется корректирующая матрица W вида отрасль/товар. Матрица W используется для преобразования матрицы прямых затрат A вида товар/отрасль в симметричную матрицу прямых затрат $A \cdot W$. Для этого рассчитывается доля затрат X_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$w_{ij} = X_{ij} / X_j. \quad (3)$$

3. Рассчитывается симметричная матрица прямых затрат $A \cdot W$ вида товар/товар.

4. Вычисляется симметричная матрица полных затрат:

$$B = (E - A \cdot W)^{-1}. \quad (4)$$

Элемент b_{ij} матрицы B характеризует потребность в валовом выпуске отрасли i , который необходим для получения в процессе материального производства единицы конечного продукта отрасли j . Благодаря этому имеется возможность рассматривать валовые выпуски отраслей x_i в виде функции планируемых значений y_j конечных продуктов отраслей:

$$x_i = f(y_1, y_2, \dots, y_n) = \sum_{j=1}^n b_{ij} y_j. \quad (5)$$

5. Путем перемножения матрицы полных затрат вида товар/товар и вектора конечного потребления (y) рассчитывается объем товарной продукции для каждого производимого в экономике товара:

$$x = (E - B \cdot W)^{-1} \cdot y. \quad (6)$$

³ Таблица ресурсов товаров и услуг показывает формирование ресурсов товаров и услуг за счет внутреннего производства и импорта, а также основные компоненты образования цен покупателей по товарным группам; входит в состав системы таблиц «затраты-выпуск».

На основании полученных матричных зависимостей может быть оценен объем производства во всех отраслях промышленности региона при планируемом росте спроса в других регионах на производимые товары.

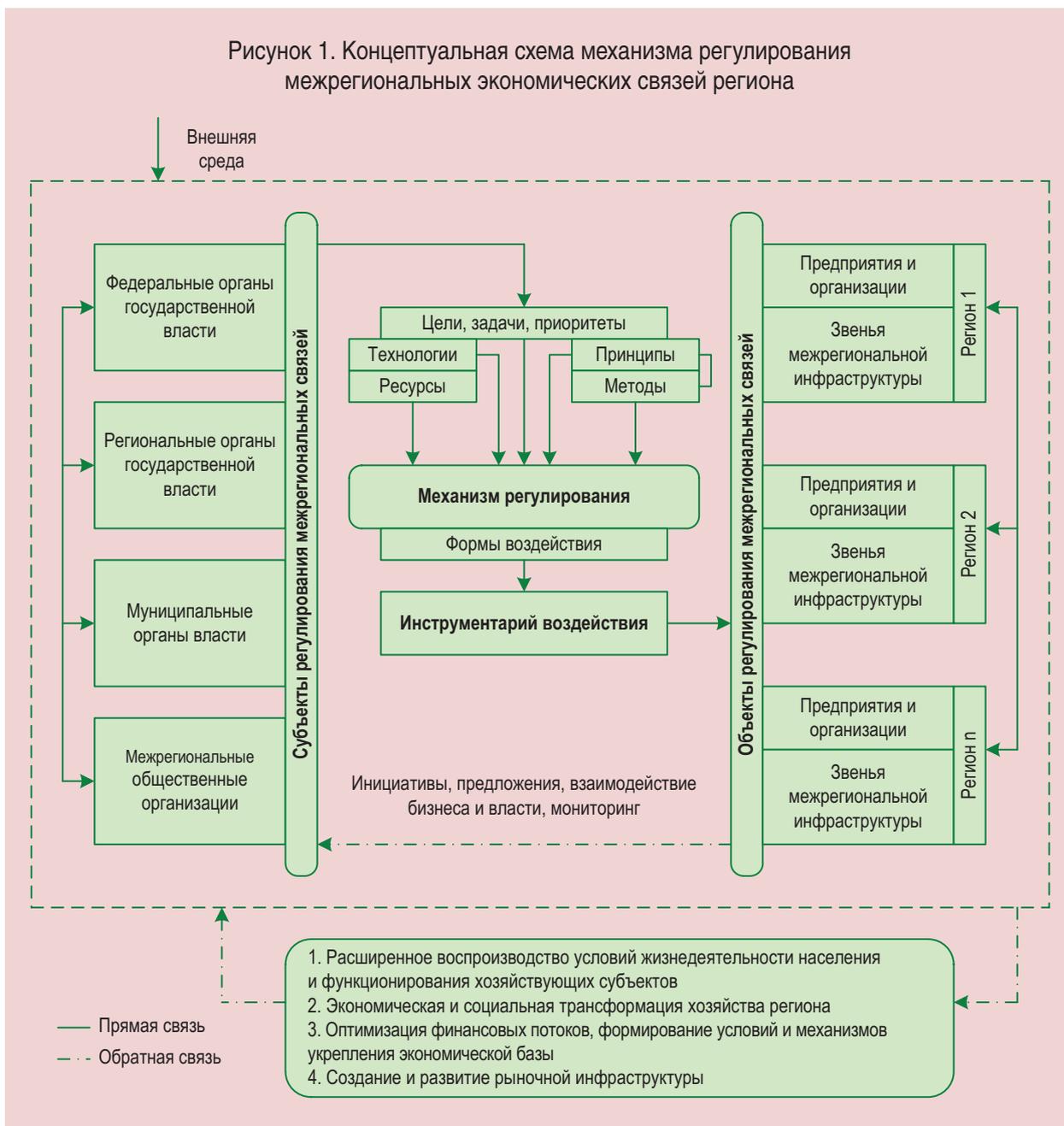
Реализационный этап направлен на формирование механизма реализации мероприятий в сфере межрегионального сотрудничества и включает конкретный набор применяемых инструментов, которые выбираются в соответствии с существующими условиями и возможностями государственного управления. Концептуальная схема такого механизма представлена на рисунке 1.

Анализ подходов по данной проблематике [6; 7] позволяет типологизировать инструментарий реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества по ряду признаков:

- пространственному признаку – методы, применяемые на макро-, мезо- и микроуровне;
- направленности воздействия объектов – административные, правовые, экономические и программно-целевые методы;
- характеру воздействия на объект – прямые и косвенные методы;
- содержательной функции метода регулирования – макроэкономические, ресурсные, институциональные и информационные методы.

Применительно к региональному уровню, на наш взгляд, может быть использована классификация по содержательной функции методов реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества (табл. 2). При этом в качестве отдельного блока предлагается рассматривать программно-целевой метод, представляющий

Рисунок 1. Концептуальная схема механизма регулирования межрегиональных экономических связей региона

собой форму реализации политики, в основе которой лежит взаимоувязывание целей и задач развития с ресурсными возможностями и ограничителями их реализации.

Таким образом, алгоритм активизации межрегионального экономического взаимодействия в качестве фактора развития экономики региона может быть представлен в виде схемы, включающей три этапа:

информационно-аналитический, целевой и реализационный. Важным элементом является также разработка системы обратной связи, позволяющей выявить степень воздействия применяемых мер на промышленное развитие, оценить результативность и действенность реализуемой политики. Апробация данного алгоритма проведена на материалах Вологодской области.

Таблица 2. Характеристика методов регулирования межрегионального сотрудничества региона

Методы регулирования	Сущность метода	Основные направления регулирования
Ресурсные	Методы прямого воздействия на объект, обеспечивающие хозяйствующие субъекты региона воспроизводственными ресурсами в целях решения задач их эффективного функционирования	Прямое финансирование; экономическое регулирование (инструменты налоговой, кредитной, внешнеэкономической политики, государственное регулирование цен и тарифов)
Институциональные	Методы, направленные на формирование организационно-экономической и правовой среды, соответствующей рыночным принципам и задачам промышленного развития территории	Нормативно-правовое регулирование; административно-экономическое регулирование; развитие отношений собственности; развитие новых организационно-правовых форм
Информационные	Методы, направленные на обеспечение органов управления полной, своевременной и достоверной информацией о межрегиональном сотрудничестве	Проведение мониторинга промышленного развития региона; оценка вариантов и перспектив функционирования отраслей; выработка рекомендаций
Программно-целевые	Методы, направленные на формирование и реализацию программ развития в соответствии с поставленными целями и задачами, ресурсными возможностями и ограничениями	Программы развития межрегиональных связей региона; программы развития отраслевых комплексов; программы, нацеленные на решение отдельных проблем их развития

Промышленность Вологодской области представляет собой многоотраслевой комплекс, обеспечивающий выпуск важнейших видов продукции для народного хозяйства страны: 17,7% объема общероссийского производства проката черных металлов; 7,5% – синтетического аммиака; 6,9% – пиломатериалов; 6,6% – стальных труб; 2% – цельномолочной продукции. Отрасли промышленности формируют более 38% валового регионального продукта, около 26% занятых в экономике, почти 40% налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Для функционирования региональной промышленности большое значение имеет взаимодействие с другими регионами. Результаты регулярно проводимого нами опроса руководителей крупных и средних промышленных предприятий Вологодской области позволяют сделать вывод о том, что подавляющее большинство предприятий (94%) сотрудничают с регионами РФ. Основной формой сотрудничества является торговля: продажа готовой

продукции (79%), поставка сырья (61%) и закупка сырья (21%). Реже используются такие перспективные формы, как производственная кооперация (20%), обмен технологиями (14%), инвестиционная деятельность (12%) и привлечение специалистов из других регионов (9%).

Значительная часть производимой промышленностью области продукции реализуется на внутрироссийском рынке. Высокая зависимость от рынка других регионов страны характерна для производства стальных труб, проката черных металлов, деловой древесины, цельномолочной продукции (табл. 3).

Область реализует в регионы РФ продукции значительно больше, чем в них приобретает: вывоз превышает ввоз в 1,5–2 раза (в докризисные годы – в 2,5 раза). В последние годы межрегиональный товарооборот области демонстрирует отрицательную динамику. Основу товарооборота (в разные годы от 82 до 90%) составляет продукция производственно-технического назначения. Межрегиональные взаи-

Таблица 3. Структура поставок ключевых товаров, произведенных в Вологодской области в 2014 г., % к итогу*

Вид продукции	Собственная территория	Другие субъекты РФ	Экспорт
Прокат черных металлов	13,7	43,9	42,4
Стальные трубы	10,0	81,3	8,7
Минеральные удобрения	4,0	19,2	76,8
Деловая древесина	53,5	40,4	6,1
Пиломатериалы	33,4	11,2	55,4
Мясо	75,1	24,9	0
Цельномолочная продукция	61,6	38,4	0

* Составлено по: Ввоз и вывоз потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения по Вологодской области в 2014 году: стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 211 с.

моотношения Вологодской области носят в основном ресурсно-сырьевой характер, к тому же в вывозе наблюдается сильная моноструктурность – 80–85% составляет продукция невысокого передела металлургического производства. Другими важными статьями поставок выступают продукция химического и лесопромышленного комплексов, а также продовольственные товары, сырьевой основой которых служит молочно-мясное животноводство. Тенденцией последних лет является переориентация промышленными предприятиями области направлений своих поставок с внешних рынков на внутренние. Это характерно для деловой древесины, пиломатериалов, бумаги, проката черных металлов, стальных труб. Исключением стали минеральные удобрения, доля межрегиональных поставок которых несколько сократилась.

Однако потенциал межрегионального сотрудничества используется не в полной мере. К основным проблемам, сдерживающим развитие межрегиональной торгово-экономической деятельности области и не позволяющим использовать ее потенциал для развития промышленности, относятся следующие.

1. Несбалансированная структура промышленности. За годы реформ в ней не

произошло позитивных изменений. В 2014 г. удельный вес производства машин и оборудования в общем объеме отгруженной продукции составил лишь 4,5%, тогда как на долю металлургического производства пришлось 56%.

2. Высокая степень морального и физического износа основных промышленных фондов. Уровень износа в целом по промышленности области в 2014 г. составил 45,9%.

3. Узкий ассортимент вывозимой за пределы области продукции, основу которого составляет небольшая группа товаров с низкой степенью переработки. На российском рынке область представлена в основном сырьем и продукцией невысокого передела. Это становится причиной уязвимости региональной экономики и для внешних шоков.

Развитие промышленности региона в значительной степени зависит от изменения ситуации на внутренних и внешних рынках сбыта продукции. Для Вологодской области, как и для страны в целом, характерной чертой развития промышленного сектора экономики в последние годы является негативная тенденция, связанная со сжатием сложившихся товарных рынков под влиянием ряда причин.

Во-первых, рынки резко сжались после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Во-вторых, имело место значительное падение цен на основные экспортируемые областью товары (стальной прокат и удобрения).

В-третьих, существенно сократился российский внутренний рынок потребительских товаров, что произошло в результате комбинированного влияния ряда факторов – потери населением сбережений в результате существенной инфляции и сокращением текущих доходов населения в силу спада производства и нарастания масштабов неплатежей.

Перечисленные факторы повлекли за собой снижение спроса и замедление темпов роста или спад производства практически во всех взаимосвязанных отраслях промышленного комплекса региона (табл. 4).

Сложившаяся конъюнктура промышленного рынка и тенденции его развития обуславливают необходимость формирования и реализации активной политики по укреплению межрегионального сотрудничества. Для этого важно определить целевые ориентиры и основные направления его развития на долгосрочную и среднесрочную перспективу, а также выработать соответствующие формы и методы их реализации.

Целями развития межрегиональных отношений Вологодской области в среднесрочной и долгосрочной перспективе являются совершенствование меж- и внутриотраслевой структуры межрегиональных отношений; использование устойчивых товаропотоков для привлечения финансовых ресурсов из регионов-контрагентов; совершенствование территориально-географической структуры межрегиональных отношений.

Обоснование первоочередных задач и основных направлений укрепления межрегионального сотрудничества как фактора развития промышленного комплекса региона и организация стимулирования его эффективного функционирования предполагает определение перспектив развития такого сотрудничества. Дать прогноз состояния внутреннего спроса и возможностей наращивания поставок продукции предприятиями региона на межрегиональные рынки позволяет оценка планов развития промышленности РФ.

Подобная оценка приведена для металлургической отрасли промышленности Вологодской области. Отрасль является крупным игроком национального рынка. Внутренний спрос на ее продукцию в последние годы достаточно активно растет, все чаще поставки продукции, ранее отправлявшейся на экспорт, переориентируются на российский рынок. Ключевые

Таблица 4. Индекс физического объема производства ключевых отраслей промышленности Вологодской области, % к предыдущему году*

Отрасль промышленности	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2008 г., %
Промышленное производство в целом	95,3	90,5	111,8	105,6	101,3	102,5	103,7	115,0
Металлургия	92,2	87,3	114,5	107,6	98,9	106,5	101,7	115,2
Химическое производство	97,4	106,8	103,5	102,4	105,0	99,9	109,0	129,4
Деревопереработка	96,9	94,3	106,8	113,9	104,6	106,4	103,0	131,5
Пищевое производство	101,4	98,5	113,5	100,0	99,7	99,3	103,1	114,1
Машиностроение	112,0	68,3	116,7	104,0	114,3	86,6	106,9	87,7

* Составлено по: Промышленное производство Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 146 с.

предприятия отрасли – Череповецкий металлургический комбинат ОАО «Северсталь» (кокс, чугун, сталь, сортовой и листовой прокат, лист с полимерным покрытием), ОАО «Северсталь-метиз» (стальной прокат, профиль, проволока, канаты, сетка, гвозди), ООО «Северсталь ТПЗ-Шексна» (трубы для строительной индустрии и машиностроения).

Энергетическая стратегия России дала ясную картину спроса на продукцию металлургов (нефте- и газопроводы, портовая и транспортная инфраструктура) по целому ряду инфраструктурных проектов топливно-энергетического комплекса. Максимальный вклад в развитие отрасли генерирует машиностроительный комплекс. Стратегия развития автомобильной промышленности определила долгосрочный спрос на прокат высокого качества (табл. 5). Целевые показатели, заложенные в Стратегию развития транспортно-

го машиностроения и Стратегию развития железнодорожного транспорта по выпуску подвижного состава и элементов транспортной инфраструктуры, позволяют сформировать долгосрочное видение рынка сбыта продукции и обоснованно инвестировать в развитие современных производственных мощностей.

Потенциальными потребителями металлургической продукции Вологодской области выступают предприятия автомобилестроения в Санкт-Петербурге, Калининграде, Москве, Калуге, Нижнем Новгороде, Ульяновске, Тольятти; тяжелого машиностроения – в Электростали, Подольске, Сызрани, Орске, Екатеринбурге, Красноярске, Иркутске; транспортного машиностроения – в Москве, Волчанске и др.

Увеличение поставок продукции вологодского металлургического производства на российский рынок сдерживается из-за недостаточной конкурентоспособности

Таблица 5. Прогноз развития рынка машиностроительной продукции России, тыс. шт.*

Сегмент рынка	Год								2020 г. к 2013 г., %
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Легковые автомобили	1964	2093	2235	2397	2690	2907	3048	3150	160,4
Легкие коммерческие автомобили	203	204	210	220	243	261	272	280	137,9
Грузовые автомобили	158	175	192	209	237	257	270	280	177,2
Автобусы	29	28	28	28	31	33	34	35	120,7
Тракторы	16,1	16,8	17,6	18,4	19,3	20,2	21,1	21,9	136,0
Зерноуборочные комбайны	6,4	6,6	6,8	7,0	7,2	7,4	7,7	7,9	123,4
Кормоуборочные комбайны	1,1	1,1	1,2	1,2	1,3	1,4	1,4	1,5	136,4
Бульдозеры	1,9	2,4	2,8	3,0	3,2	3,5	3,7	4,0	В 2,1 р.
Экскаваторы	2,5	3,0	3,6	3,8	4,0	4,3	4,7	5,0	В 2,0 р.
Автогрейдеры	1,0	1,3	1,5	1,8	2,0	2,3	2,5	2,8	В 2,8 р.
Строительные погрузчики	0,5	0,8	1,5	2,5	3,0	3,5	4,0	4,5	В 9,0 р.
Маневровые тепловозы	0,26	0,26	0,26	0,23	0,25	0,28	0,30	0,42	161,5
Магистральные тепловозы	60	60	150	180	190	220	290	320	В 5,3 р.
Грузовые вагоны	62,8	63,2	59,6	65	62,4	64	65	65	103,5
Пассажирские вагоны	0,30	0,35	0,55	0,62	0,62	0,75	0,92	0,98	В 3,3 р.
Магистральные электровозы	0,45	0,45	0,45	0,50	0,50	0,55	0,63	0,7	156,7
Металлорежущие станки	4,0	4,9	5,1	5,4	5,6	5,9	6,2	6,5	162,5
Кузнечно-прессовые машины	2,3	2,5	2,7	2,8	3,0	3,1	3,3	3,4	147,8

* Составлено по: Стратегия развития автомобильной промышленности РФ на период до 2020 г.; Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года; Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года.

продукции, не всегда отвечающей возрастающим запросам металлопотребляющих отраслей (машиностроение, строительный сектор, нефтяная, газовая отрасли, железнодорожный транспорт). В этой связи приоритетным направлением в развитии металлургического комплекса будет повышение конкурентоспособности за счет улучшения технического и технологического состояния ведущих предприятий области. В Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа до 2020 г. в числе мер, направленных на решение этой задачи, предусматривается расширение лизинга современного оборудования, развитие кредитного сотрудничества предприятий комплекса с банками СЗФО, улучшение сопровождения инвестиционных проектов и создание условий для привлечения инвестиций (в том числе за счет налогового стимулирования), а также поддержка научно-проектной сферы металлургического комплекса и системы специального образования на основе расширения сотрудничества с предприятиями.

В рамках Стратегии развития металлургической промышленности РФ до 2020 г. предусматривается реконструкция и модернизация производств на предприятиях металлургического комплекса в целях обеспечения выпуска конкурентоспособной продукции с высокой долей добавленной стоимости.

В целом, в соответствии со стратегиями развития отдельных отраслей экономики РФ, в среднесрочной перспективе прогнозируется рост емкости внутреннего рынка продукции черной металлургии на 30–40% (табл. 6) и, следовательно, возможность пропорционального увеличения поставок вологодской металлической продукции.

Выявленные тенденции экономического взаимодействия регионов и прогнозные данные, представленные в стратегических и тактических документах развития РФ, регионов и отраслей экономики, позволяют определить перспективы развития межрегиональных связей региона, сформулировать основные направления и задачи для их реализации.

Первое. Возможно наращивание поставок продукции черной металлургии на внутренний рынок, которое будет обусловлено повышением её качества и конкурентоспособности металлопродукции за счет улучшения технологического уровня производства ведущих предприятий и ожидаемым ростом производства практически во всех основных металлопотребляющих секторах (в первую очередь в машиностроении) российской экономики. Перспективными направлениями расширения поставок продукции металлургической отрасли на внутренний рынок должно быть продвижение новых эффективных видов продукции с высокой добавленной стоимостью, заключение долгосрочных согла-

Таблица 6. Прогноз потребления металлопродукции в РФ, млн. т*

Вид продукции	2013 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2020 г. к 2013 г., %
Чугун	45,9	48,9	50,9	52,0	106,5
Готовый прокат черных металлов, в т.ч.	38,0	50,4	57,8	62,0	132,6
сортовой	19,1	23,8	26,8	28,5	124,6
листовой	19,3	26,6	31,0	33,5	137,8
Стальные трубы, млн. т	9,0	13,1	14,7	16,2	145,6

* Составлено по: Стратегия развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года.

шений с партнерами. Для формирования устойчивого спроса на внутреннем рынке и сохранения предложения — на внешнем потребуются:

- повышение конкурентоспособности продукции путем наращивания в ней удельного веса современной высокотехнологичной металлургической продукции;
- укрепление позиций на приоритетных рынках — машиностроительном и топливно-энергетическом.

Второе. Расширение межрегиональных поставок продукции химической отрасли будет сдерживаться вероятным увеличением ее себестоимости и снижением конкурентоспособности в связи с повышением цен на продукцию естественных монополий, ухудшающимся состоянием материально-технической базы предприятий. Перспективы развития химической отрасли видятся в создании новых конкурентоспособных производств, базирующихся на современном оборудовании, в расширении списка выпускаемой продукции. В качестве первоочередных задач выступают:

- наращивание производства минеральных удобрений и фосфорной кислоты, модернизация действующих предприятий по производству серной кислоты;
- диверсификация отрасли путем расширения производства полимерных материалов и сжиженных газов и создания предприятий по производству газохимической продукции, т.е. товаров, которые будут иметь устойчивый спрос как на внутреннем, так и на внешних рынках;
- расширение номенклатуры выпускаемой продукции с учетом потребностей на внутреннем и внешнем рынках сбыта;
- организация эффективного маркетинга продукции.

Третье. Перспективы увеличения предложения продукции легкой и пищевой отраслей промышленности будут сопряжены

с ростом спроса на данные виды товаров внутри региона и за его пределами. Это в первую очередь касается продовольственной, а именно молочно-мясной продукции. Рост доходов и платежеспособного спроса населения в других регионах России обеспечит возможности роста поставок в них непродовольственных товаров, изготавливаемых из металла, древесины и льна.

Для реализации потенциала и конкурентных преимуществ легкой промышленности региона необходимо осуществить:

- технологический прорыв, который обеспечил бы качественное обновление ассортимента продукции и техническое переоснащение, улучшение технологической базы производства, совершенствование организации труда;
- проведение комплекса мероприятий по организации товаропроводящей сети.

Для развития пищевой промышленности целесообразно:

- формирование вертикально интегрированных структур, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельхозпродукции и продовольствия, что будет способствовать снижению совокупных издержек при движении продукции до потребителя;
- применение современных технологий переработки сырья, использование энерго- и ресурсосберегающих технологий, внедрение эффективных систем качества, что повысит конкурентоспособность выпускаемой продукции.

Четвертое. Повышение конкурентоспособности и технологического уровня продукции машиностроительной отрасли региона (за счет модернизации и внедрения на предприятиях систем управления качеством на базе стандартов серий ISO 9000 и ISO 14000) выступит определяющим фактором ее вывоза. Активизация машиностроительных предприятий области на

внутреннем рынке создаст условия для увеличения объемов поставок. В то же время их товарная структура в перспективе останется традиционной (подшипники качения, оптические приборы и инструменты, электрическая аппаратура высоко- и низковольтного типа, дерево- и металлообрабатывающие станки). Исходя из вышесказанного задачами функционирования отрасли являются следующие:

- восстановление научно-технического потенциала;
- использование современных наукоемких технологий (электронно-ионно-плазменные технологии, робототехнические системы и др.) и новых материалов (композиты, полимеры, специальные сплавы и т.д.);
- производство конкурентоспособной на мировых рынках продукции с улучшенными потребительскими свойствами.

Пятое. Перспективы наращивания межрегиональных поставок лесопромышленной продукции в определяющей степени зависят от развития лесоперерабатывающих производств (главных потребителей древесного сырья) и сфер конечного потребления лесопродукции — гражданского строительства (главным образом деревянного домостроения).

Основными направлениями развития деревообрабатывающей отрасли выступает обеспечение эффективного использования лесного потенциала региона, формирование устойчивого лесопромышленного комплекса. При этом главными задачами следует считать такие, как:

- углубление степени переработки древесного сырья за счет технического перевооружения действующих производств;
- развитие производственной кооперации между лесозаготовителями и лесопереработчиками региона;

- создание производств, перерабатывающих низкосортную древесину и отходы для энергетических целей;

- развитие транспортной инфраструктуры с учетом размещения предприятий по производству и переработке лесопродукции.

Прогнозируемые на основе межотраслевой модели⁴ с учетом оценки перспектив развития межрегиональных поставок объемы промышленного производства Вологодской области в отраслевом разрезе на период до 2020 г. представлены в *таблице 7*.

При интенсификации работы по укреплению межрегионального сотрудничества «локомотивами» роста производства промышленной продукции области в перспективе выступают четыре отрасли: черная металлургия, лесопромышленный и машиностроительный комплексы, химическая промышленность. Именно они покажут наибольшие приросты абсолютных объемов производства за счет его современной структуры и наличия материальных, сырьевых и финансовых ресурсов. Влияние этих отраслей на региональную экономику будет иметь как прямой (увеличение объемов производства товаров и пополнение бюджета), так и мультипликативный (рост занятости и зарплаты населения, перераспределение инвестиционных потоков) эффект.

Отметим также наиболее существенные резервы отраслевого развития промышленности Вологодской области: в металлургии

⁴ При расчетах нами был сделан ряд допущений. Из-за отсутствия статистических данных матрица коэффициентов полных затрат для Вологодской области была экспертно оценена на основе матрицы коэффициентов полных затрат для России в целом. Разбивка добавленной стоимости по отраслям промышленности области проводилась исходя из данных по стране и имеющихся данных о структуре выпуска продукции по Вологодской области.

Таблица 7. Прогноз промышленного производства Вологодской области до 2020 г. (в ценах 2013 г.)

Отрасль промышленности	Единица измерения	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2020 г.
Промышленность в целом	Млрд. руб.	429,9	479,9	542,9	637,4
	% к 2013 г.	100,0	111,6	126,3	148,3
Черная металлургия	Млрд. руб.	245,4	257,6	274,8	294,4
	% к 2013 г.	100,0	105,0	112,0	120,0
Химическая	Млрд. руб.	66,2	82,7	102,5	125,7
	% к 2013 г.	100,0	125,0	155,0	190,0
Пищевая	Млрд. руб.	30,7	34,1	39,9	49,1
	% к 2013 г.	100,0	111,0	130,0	160,0
Деревообработка	Млрд. руб.	20,7	24,9	31,1	38,3
	% к 2013 г.	100,0	120,0	150,0	185,0
Машиностроение	Млрд. руб.	18,8	23,5	30,1	37,6
	% к 2013 г.	100,0	125,0	160,0	200,0
Электроэнергетика	Млрд. руб.	32,2	33,8	35,8	38,0
	% к 2013 г.	100,0	105,0	111,0	118,0
Прочие	Млрд. руб.	15,3	23,3	28,8	54,2
	% к 2013 г.	100,0	152,3	188,2	354,2

предполагается увеличение производства стали, качественных видов проката, высокотехнологичной продукции для машиностроения; в химической промышленности – новых видов минеральных удобрений; в лесопромышленном комплексе ожидается рост производства мебели, фанеры и бумаги; в машиностроении – продукции для металлургии и тяжелого машиностроения, других отраслей промышленности; в пищевой отрасли максимальный прирост предусматривается в молочно-мясной подотрасли.

Развитие промышленного производства будет сопровождаться непрерывным ростом производительности труда, повышением зарплаты работников, ускорением инвестиционных процессов, внедрением инноваций, увеличением прибыли предприятий.

В результате выхода в 2020 г. на указанные объемы производства существенно изменится структура промышленности региона. Доля металлургии снизится до 46% (против 57% в 2013 г.), но соответственно

возрастет доля продукции других отраслей промышленности, что позволит значительно диверсифицировать структуру производства, упрочнить экономическую и бюджетную безопасность региона. Причем представленные данные рассматриваются как необходимые и вместе с тем вполне реалистичные. Исключая по существу инерционный (пессимистический) вариант развития, они предполагают возможности перехода к оптимистическому варианту, при котором за семилетний срок объемы промышленного производства области вырастут в 1,6–1,7 раза.

Приведенные расчеты показывают эффективность укрепления межрегиональных связей для развития региональной промышленности. Реализация выделенных в этой сфере направлений будет опираться на комбинацию стимулирующих воздействий (посредством методов и форм регулирования), выбор и применение которых необходимо осуществлять с учетом сложившейся в регионе социально-экономической ситуации и возможностей

государственного регулирования экономики. Для Вологодской области можно рекомендовать следующие мероприятия:

- формирование и реализация двусторонних программ развития межрегиональных экономических отношений;
- участие в работе и развитии автономной некоммерческой организации «Стратегическое партнерство по экономическому и социальному развитию Северо-Западного федерального округа»;
- создание кооперативных взаимоотношений между участниками одного производственного процесса;
- поддержка выставочного и ярмарочного бизнеса, содействие привлечению предприятий к участию в российских и международных выставках;
- создание информационно-организационной системы межрегиональных связей региона с размещением ее в сети Интернет.

Выполнение вышеперечисленных задач, реализация предложенных и ряда других мероприятий позволит активировать межрегиональное экономическое сотрудничество.

Таким образом, в условиях модернизации экономики и приобретения регионами существенной независимости в принятии

решений важным фактором их развития выступает укрепление экономического сотрудничества с другими регионами страны. Оно помогает снабжать внутрорегиональный рынок потребительскими товарами и продукцией производственно-технического назначения, обеспечивая производителям устойчивый ввоз сырья и комплектующих материалов; стимулирует внутренний рынок и увеличивает внутренний спрос, способствует диверсификации экономики и снижению барьеров при перемещении ресурсов.

Активизация экономического сотрудничества регионов должна основываться на институциональном и нормативно-правовом сопровождении данного процесса, развитии транспортной, информационной и другой инфраструктуры, использовании стратегического планирования социально-экономического развития, прогнозирования и моделирования внутреннего спроса, а также ряда других экономических инструментов. Все это позволит выработать концепцию механизма госрегулирования межрегионального сотрудничества. Ее реализация укрепит межрегиональные связи регионов и будет способствовать преодолению негативных тенденций в их развитии.

Литература

1. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. — М.: Дело, 1996. — 720 с.
2. Булатов, А.Н. Стратегическая матрица перспектив промышленно-торговой межрегиональной кооперации / А.Н. Булатов // Российский экономический интернет-журнал. — 2010. — № 4. — С. 133-145.
3. Глазьев, С.Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России / С.Ю. Глазьев, Г.Г. Фетисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 1 (25). — С. 23-35.
4. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 495 с.
5. Исаев, Б.А. Геополитика / Б.А. Исаев. — СПб.: Питер, 2007. — 512 с.
6. Кириченко, В. Реформационный процесс и становление государственной политики России / В. Кириченко // Российский экономический журнал. — 1999. — № 8. — С. 3-21.
7. Кистанов, В.В. Региональная экономика России / В.В. Кистанов, Н.В. Копылов. — М.: Финансы и статистика, 2002. — 584 с.

8. Латыпов, Р.А. Управление межрегиональными экономическими связями / Р.А. Латыпов, А.П. Мищенко. – Казань, 2005. – 146 с.
9. Лукин, Е.В. Промышленность региона: состояние и проблемы развития / Е.В. Лукин, А.О. Ларионов // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 37-48.
10. Лукин, Е.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография / Е.В. Лукин, Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 148 с.
11. Минакир, П.А. Пространственные эффекты в экономике и управлении / П.А. Минакир // Экономика и управление. – 2011. – № 5 – (67). – С. 22-33.
12. Москвина, О.С. Промышленная политика – ядро модернизации экономики / О.С. Москвина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. – 136 с.
13. Павлов, К.В. Межрегиональные социально-экономические отношения / К.В. Павлов, Л.А. Попова, В.В. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера. – 2011. – № 1. – С. 112-125.
14. Пилипенко, В.И. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве. Теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы / В.И. Пилипенко. – М.: Ойкумена, 2005. – 494 с.
15. Романова, О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы / О.А. Романова // Экономика региона. – 2011. – № 2. – С. 40-48.
16. Рукина, И.М. Регионы России: развитие экономических связей и процессов интеграции в условиях перехода к рыночным отношениям / И.М. Рукина. – М.: Альфа-Доминанта, 2003. – 75 с.
17. Савельев, Ю.В. Теоретические основы современной межрегиональной конкуренции / Ю.В. Савельев // Журнал экономической теории. – 2010. – № 2. – С. 86-98.
18. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
19. Татаркин, А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации / А.И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 42-59.
20. Татаркин, А.И. Развитие экономического пространства РФ на основе кластерных принципов / А.И. Татаркин, Ю.Г. Лаврикова, А.Г. Высокинский // Федерализм. – 2012. – № 1 (65). – С. 45-60.
21. Татаркин, А.И. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход / А.И. Татаркин, О.А. Романова // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 19-31.
22. Ускова, Т.В. Межрегиональное сотрудничество региона: оценка и перспективы развития / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 5. – С. 119-131.
23. Шнипер, Р.И. Региональные проблемы рынковедения / Р.И. Шнипер, А.С. Новоселов. – Новосибирск: Наука, 1993. – 433 с.
24. Fujita, M. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A. Venables. – The MIT Press, 1999. – 367 p.
25. Harris, G.D. The market as a factor in the localization of production / G.D. Harris // Annals of the Association of American Geographers. – 1954. – Vol. 44. – Pp. 315-348.
26. Kilkenney, M. Transport Costs and Rural Development / M. Kilkenney // Journal of Regional Science. – 1998. – № 38-2. – Pp. 293-312.
27. Krugman, P. Globalization and the Inequality of Nations / P. Krugman, A. Venables // Quarterly Journal of Economics. – 1995. – Vol. 110. – Pp. 857-880.
28. Krugman, P. Economics / P. Krugman, R. Wells. – Worth Publishers, 2006. – 864 p.
29. Leontieff, W. Multiregional input-output analysis in «International conference on input-output techniques» / W. Leontieff, A. Straut. – Geneva, 1961. – 119 p.
30. Miller, R.E. Input-Output Analysis Foundations and Extensions / R.E. Miller, P.D. Blair. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 784 p.
31. Porter, M. Competitive Advantage of Nations / M. Porter. – New York: Free Press, 1998. – 896 p.
32. Raa, T. The Economics of Input-Output Analysis / T. Raa. – New York: Cambridge University Press, 2005. – 212 p.

33. Rastvortseva, S.N. Identification and assessment of regional clusters / S.N. Rastvortseva, N.A. Cherepovskaya // *Economy of Region*. – 2013. – № 4. – Pp. 123-133.
34. Rastvortseva, S.N. The issues of regional competitiveness in the works by the researchers of the swiss school of territorial production systems / S.N. Rastvortseva, N.A. Grinyova // *Economy of Region*. – 2010. – № 4. – Pp. 60-63.
35. *Regional Development in Russia: Past Policies and Future Prospects*. – Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2000. – 205 p.
36. Storey, D. Issues of Integration, Participation and Empowerment in Rural Development: the Case of Leader in the Republic of Ireland / D. Storey // *Journal of Rural Studies*. – 1999. – № 15-3. – Pp. 307-315.

Сведения об авторах

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, зав. отделом, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, и.о. зав. лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, lukin_ev@list.ru)

Uskova T.V., Lukin E.V.

About the Prospects for Development of the Region on the Basis of Interregional Cooperation

Tamara Vital'evna Uskova – Doctor of Economics, Deputy Director for Science, Head of the Department, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, tvu@vscc.ac.ru)

Evgenii Vladimirovich Lukin – Ph.D. in Economics, Acting Head of the Laboratory, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, lukin_ev@list.ru)

Abstract. The paper considers issues related to the development of interregional economic cooperation. The primary hypothesis is the thesis that the strengthening of interregional relations is an important factor in regional economic development. This thesis is confirmed by analysis and generalization of several scientific theories. Using an industrialized region of Russia (Vologda Oblast) as a case study, the authors test their own methodological tools of activation of interregional cooperation as a factor in the development of economy in an industrialized region. The general logic of using this tool involves three main interrelated steps: informational-analytic, target and implementation. The information-analytical step involves collection, systematization and analysis of the materials that constitute the necessary information base. The target step defines possible solutions to the problems related to interregional cooperation of the Vologda Oblast, forms the targets and objectives (taking into account national goals and regional tasks of industrial development), highlights the priorities of work in this area and calculates possible consequences of their implementation. The mechanism for this activity is formed at the implementation phase, which includes a specific set of tools that are selected in accordance with the current conditions and opportunities of the government. The paper puts forward a methodological approach to forecasting the development of regional industry taking into account changes in the economy in connection with the planned modernization and

implementation of major investment projects and the possible subsequent growth of regional supplies of industrial products. The approach is based on the principles of the theory of general economic equilibrium, “input-output” balance method and methodology of the system of national accounts. The tools proposed by the authors can be used by regional authorities in developing strategies for economic and social development, assessing the direction and degree of influence of interregional cooperation on the development of the territory. The paper outlines the goals, objectives and directions of development of interregional relations.

Key words: region, regional cooperation, prospects, regulation mechanism, forecasting, input-output balance.

References

1. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic theory in retrospect]. Moscow: Delo, 1996. 720 p. [in Russian].
2. Bulatov A.N. Strategicheskaya matritsa perspektiv promyshlennno-torgovoi mezhregional'noi kooperatsii [Strategic matrix of the prospects of industrial and commercial interregional cooperation]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal* [Russian economic online journal], 2010, no. 4, pp. 133-145. [in Russian].
3. Glazyev S.Yu., Fetisov G.G. O strategii ustoychivogo razvitiya ekonomiki Rossii [On the strategy of sustainable development of Russia's economy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [], 2013, vol. 25, no. 1, pp. 23-35. [in Russian].
4. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki* [Bases of regional economy]. Moscow: GU VShE, 2004. 495 p. [in Russian].
5. Isaev B.A. *Geopolitika* [Geopolitics]. Saint Petersburg: Piter, 2007. 512 p.
6. Kirichenko V. Reformatsionnyi protsess i stanovlenie gosudarstvennoi politiki Rossii [The process of reforms and the development of public policy in Russia]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 1999, no. 8, pp. 3-21. [in Russian].
7. Kistanov V.V., Kopylov N.V. *Regional'naya ekonomika Rossii* [Regional economy in Russia]. Moscow: Finansy i statistika, 2002. 584 p. [in Russian].
8. Latypov R.A., Mishchenko A.P. *Upravlenie mezhregional'nymi ekonomicheskimi svyazyami* [Management of interregional economic ties]. Kazan, 2005. 146 p. [in Russian].
9. Lukin E.V., Larionov A.O. Promyshlennost' regiona: sostoyanie i problemy razvitiya [Industry of the region: state and development problems]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, vol. 75, no. 1, pp. 37-48. [in Russian].
10. Lukin E.V., Uskova T.V. *Mezhregional'noe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: sostoyanie, problemy, perspektivy: monografiya* [Interregional economic cooperation: status, problems and prospects: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 148 p. [in Russian].
11. Minakir P.A. Prostranstvennye efekty v ekonomike i upravlenii []. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], 2011, vol. 67, no. 5, pp. 22-33. [in Russian].
12. Moskvina O.S. *Promyshlennaya politika – yadro modernizatsii ekonomiki* [Industrial policy – the core of economic modernization]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2003. 136 p. [in Russian].
13. Pavlov K.V., Popova L.A., Fauzer V.V. Mezhregional'nye sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya [Interregional socio-economic relations]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa* [Corporate governance and innovation development of the North], 2011, no. 1, pp. 112-125. [in Russian].
14. Pilipenko V.I. *Konkurentosposobnost' stran i regionov v mirovom khozyaistve. Teoriya, opyt malykh stran Zapadnoi i Severnoi Evropy* [Competitiveness of countries and regions in the world economy. The theory and experience of small countries of Western and Northern Europe]. Moscow: Oikumena, 2005. 494 p. [in Russian].
15. Romanova O.A. Usloviya i faktory strukturnoi modernizatsii regional'noi promyshlennoi sistemy [Conditions and factors of structural modernization of a regional industrial system]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2011, no. 2, pp. 40-48. [in Russian].
16. Rukina I.M. *Regiony Rossii: razvitie ekonomicheskikh svyazei i pro-tsessov integratsii v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam* [Russia's Regions: development of economic relations and processes of integration in the conditions of transition to market relations]. Moscow: Al'fa-Dominanta, 2003. 75 p. [in Russian].

17. Savel'ev Yu.V. Teoreticheskie osnovy sovremennoi mezhregional'noi konkurentsii [Theoretical bases of modern interregional competition]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [], 2010, no. 2, pp. 86-98. [in Russian].
18. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Eksmo, 2007. 960 p. [in Russian].
19. Tatarkin A.I. Formirovanie regional'nykh institutov prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii [Forming of the regional institutions of spatial development of the Russian Federation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2012, vol. 24, no. 6, pp. 42-59. [in Russian].
20. Tatarkin A.I., Lavrikova Yu.G., Vysokinskii A.G. Razvitie ekonomicheskogo prostranstva RF na osnove klasternykh printsipov [Development of economic space of the Russian Federation on a basis of cluster principles]. *Federalizm* [Federalism], 2012, vol. 65, no. 1, pp. 45-60. [in Russian].
21. Tatarkin A.I., Romanova O.A. Promyshlennaya politika i mekhanizm ee realizatsii: sistemnyi podkhod [The industrial policy and the mechanism of its realization: the system approach]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2007, no. 3, pp. 19-31. [in Russian].
22. Uskova T.V., Lukin E.V. Mezhhregional'noe sotrudnichestvo regiona: otsenka i perspektivy razvitiya [Interregional cooperation of the region: assessment and prospects]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2014, no. 5, pp. 119-131. [in Russian].
23. Shniper R.I., Novoselov A.S. *Regional'nye problemy ryunkovedeniya* [Regional issues of market study]. Novosibirsk: Nauka, 1993. 433 p. [in Russian].
24. Fujita M., Krugman P., Venables A. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. The MIT Press, 1999. 367 p.
25. Harris G.D. The market as a factor in the localization of production. *Annals of the Association of American Geographers*, 1954, vol. 44, pp. 315-348.
26. Kilkeny M. Transport costs and rural development. *Journal of Regional Science*, 1998, no. 38-2, pp. 293-312.
27. Krugman P., Venables A. Globalization and the inequality of nations. *Quarterly Journal of Economics*, 1995, vol. 110, pp. 857-880.
28. Krugman P., Wells R. *Economics*. Worth Publishers, 2006. 864 p.
29. Leontieff W., Straut A. *Multiregional Input-Output Analysis in "International Conference on Input-Output Techniques"*. Geneva, 1961. 119 p.
30. Miller R.E., Blair P.D. *Input-Output Analysis Foundations and Extensions*. New York: Cambridge University Press, 2009. – 784 p.
31. Porter M. *Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 1998. 896 p.
32. Raa T. *The Economics of Input-Output Analysis*. New York: Cambridge University Press, 2005. 212 p.
33. Rastvortseva S.N., Cherepovskaya N.A. Identification and assessment of regional clusters. *Economy of Region*, 2013, no. 4, pp. 123-133.
34. Rastvortseva S.N., Grinyova N.A. The issues of regional competitiveness in the works by the researchers of the Swiss school of territorial production systems. *Economy of Region*, 2010, no. 4, pp. 60-63.
35. *Regional Development in Russia: Past Policies and Future Prospects*. Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2000. 205 p.
36. Storey D. Issues of integration, participation and empowerment in rural development: the case of leader in the Republic of Ireland. *Journal of Rural Studies*, 1999, no. 15-3, pp. 307-315.

Стратегическое управление развитием предприятий оборонно-промышленного комплекса с использованием двойных технологий ресурсного подхода

**Петр Михайлович
БРОВКО**

Дальневосточный федеральный университет
690950, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8
petr_1883@mail.ru

**Галина Владимировна
ПЕТРУК**

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690016, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41
Galina.Petruk@vvsu.ru

Аннотация. Основной целью выполненного авторами исследования выступало изучение особенностей современного состояния и стратегического управления развитием предприятий, входящих в оборонно-промышленный комплекс, в условиях динамичной среды глобального рынка и определение наиболее эффективных направлений их развития на примере российского вертолётостроения. Методология и инструментарий исследования базируются на сопоставлении и сравнительной оценке деятельности ведущих корпораций России и стран зарубежья, занимающихся разработкой и производством вертолётов. Анализ современного состояния и стратегического управления отрасли вертолётостроения проведен на базе информации, имеющейся в открытом доступе. Источник основных проблем функционирования предприятий ОПК, в частности вертолётостроения, лежит в плоскости особенностей стратегического управления его развитием, которое определяют крупные холдинги под пристальным вниманием государства. Одним из наиболее актуальных направлений развития предприятий данной отрасли является диверсификация производства

по линии гражданской продукции, с одной стороны, с целью увеличения объёмов выпуска продукции и улучшения финансового положения и, с другой стороны, для снижения зависимости предприятий от государственного оборонного заказа. Разработка двойных технологий и выпуск продукции двойного назначения позволяет не только сохранять мощный оборонно-промышленный комплекс, но и ускорять развитие экономики в целом. Предложен алгоритм формирования оптимальной стратегии диверсификации производства на основе использования «двойных технологий». Получаемая от реализации продукции, созданной на базе «двойных технологий», прибыль позволит компенсировать часть расходов на разработку военной техники.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, ключевые компетенции, ресурсы предприятий, вертолётостроение, ресурсный подход, диверсификация.

Введение. Современные условия развития экономики в России, характеризующиеся стохастичностью и неустойчивостью социально-экономических процессов, вызванные ужесточением конкуренции на глобальных рынках, определяют необходимость поиска новых решений в области управления стратегическим развитием предприятий промышленности. Особенно остро данная проблема стоит перед компаниями, входящими в оборонно-промышленный комплекс (ОПК), который выступает основой наукоёмкого, высокотехнологичного промышленного сектора России.

Одним из средств, способных повысить экономическую эффективность функционирования отечественных промышленных предприятий, входящих в оборонно-промышленный комплекс, является использование ресурсного подхода в управлении их стратегическим развитием.

До настоящего времени многие теоретические и практические аспекты формирования, выбора и эффективной реализации стратегии развития предприятий ОПК посредством применения ресурсного подхода остаются слабо апробированными, недостаточно разработанными и требуют проведения дальнейших исследований.

Цель данного исследования состоит в изучении особенностей современного состояния и стратегического управления развитием предприятий, входящих в ОПК, в условиях динамичной среды глобального рынка и определении наиболее эффективных направлений их развития на примере российского вертолётостроения.

Специфические особенности функционирования и стратегического управления развитием российского оборонно-промышленного комплекса рассматривались в работах В.Л. Макарова и А.Е. Варшавского [3], Б.Н. Кузыка [5], В.Н. Рассадина [8], А.В. Соколова [9] и др. Однако в силу того, что проблема стратегического управления предприятиями ОПК комплексная и многомерная, до сих пор остается множество вопросов, требующих дальнейшей разработки. Одним из теоретических подходов в методологии стратегического управления предприятиями выступает ресурсный, основы которого были заложены в работах зарубежных исследователей Й. Шумпетера [13], Э. Пенроуз [17], Б. Вернелфельта [20], К. Прахалада и Г. Хамела [18], Р. Гранта [15], Д. Коллиза [14], Д. Тиса [19] и др. Данный подход как способ управления предприятиями рассматривался в работах В.С. Катькало [4], В.С. Ефремова и

И.А. Ханькова [1, 2] и др. Однако специфика стратегического управления, присущая предприятиям оборонно-промышленного комплекса, накладывает особый отпечаток на использование ресурсного подхода в управлении ими и актуализирует дополнительные исследования в данном направлении.

Методы и методология. Методология и инструментарий настоящего исследования базируются на сопоставлении и сравнительной оценке деятельности ведущих корпораций России и зарубежных стран, занимающихся вертолётостроением. К основным методам исследования можно отнести: экономико-статистический, сравнительный анализ (при сопоставлении показателей деятельности анализируемых предприятий), графическое описание, финансово-экономический анализ (при оценке экономических показателей предприятий).

Состояние и тенденции развития предприятий оборонно-промышленного комплекса в современной России и зарубежных стран. В высокотехнологичном секторе российской экономики оборонно-промышленный комплекс характеризуется высокой наукоёмкостью, значительной капиталоемкостью, сложностью выпускаемой продукции, перспективностью в модернизации национальной экономики. ОПК является неотъемлемым элементом системы укрепления обороноспособности государства, обеспечения его национальной безопасности. Доля производства военной продукции на предприятиях ОПК доминирует над выпуском гражданской.

Как показал анализ, для мировых компаний оборонно-промышленного комплекса характерны следующие тенденции развития:

– увеличение в последние десятилетия затрат на разработку и производство высокотехнологичной техники в несколько раз, что обуславливает необходимость для предприятия иметь доступ к дешевому и долгосрочному капиталу, обладать достаточным производственным потенциалом;

– рост стоимости изделий и повышение их функциональных возможностей приводят к сокращению поставок военной продукции, что вынуждает производителей наращивать активность на гражданских сегментах рынка, в том числе с помощью использования «двойных технологий»;

– повышение требований к качеству продукции и удорожание её стоимости обусловили переход к продаже не отдельного изделия, а его жизненного цикла.

Эти тенденции изменили модель управления стратегическим развитием предприятий ОПК: как в России, так и за рубежом наблюдается концентрация производителей высокотехнологичной оборонной продукции, особенно производителей авиационной техники. Так, например, ведущая авиастроительная корпорация США Boeing поглотила ряд вертолетных компаний: в 1960 г. компанию Vertol Aircraft, в 1996 г. корпорацию Rockwell, а в 1997 г. концерн McDonnell Douglas, который перед этим сам поглотил компанию Douglas и авиастроительное подразделение корпорации Hughes (разработчика вертолета AH-64 «Apache»). В Европе наблюдается аналогичная тенденция. Например, вторая в мире по объему продаж корпорация BAE Systems была основана в 1960 г. как British Aircraft Corporation путем объединения ведущих авиастроительных компаний Великобритании. В 1977 г. она преобразуется в государственную корпорацию British

Aerospace, а после приватизации в 1999 г. объединяется с британской корпорацией Marconi Electronic Systems, имеющей активы в авиации, производстве электроники и судостроении. В результате данного слияния образовалась корпорация BAE Systems, поглотившая ряд компаний по выпуску бронетехники и артиллерии и ставшая ведущей военно-промышленной корпорацией Великобритании. Позже BAE Systems провела реструктуризацию, продав часть своих европейских активов, и переориентировалась на рынок США.

В 2004 г. BAE Systems поглотила американского лидера в области производства артиллерии United Defense, а в 2007 г. приобрела крупного производителя бронетехники – компанию Armor Holdings. В результате BAE Systems заняла ведущее место на рынке вооружений США [6].

Аналогично путем поглощения французской военной электронной корпорацией Thomson-CSF британской компании Racal был создан концерн Thales.

Чтобы не быть вытесненными с мирового рынка высокотехнологичной продукции, не потерять имеющийся научно-технологический потенциал, в России провели интеграцию предприятий разработчиков и производителей оборонной высокотехнологичной продукции в государственные корпорации. К примерам интеграции предприятий ОПК относится формирование холдинга АО «Вертолеты России», который объединяет предприятия, осуществляющие:

– разработку вертолетов – ПАО «МВЗ им. М.Л. Миля», ПАО «Камов», ПАО «Казанский вертолетный завод»;

– серийное производство вертолетов – ПАО «Казанский вертолетный завод»

(«КВЗ»), АО «Улан-Удэнский авиационный завод» («У-УАЗ»), ПАО «Ростовский вертолетный завод» («Роствертол»), ПАО «Кумертауское авиационное производственное предприятие» («КумАПП»), ПАО ААК «Прогресс»;

– производство агрегатов и комплектующих изделий – ПАО «Ступинское машиностроительное производственное предприятие», ПАО «Редуктор-ПМ»;

– сервис вертолетной техники – ПАО «Вертолетная сервисная компания», авиаремонтные заводы в Новосибирске, Саратове, Чите, Санкт-Петербурге и Калининграде.

Интеграция благоприятно сказалась на развитии отечественного вертолётостроения, о чём свидетельствуют увеличение выпуска продукции, капиталовложений в разработку и производство новой техники, модернизация производственной базы, привлечение дополнительного персонала на предприятия. Однако, несмотря на положительные сдвиги в развитии отрасли, российские производители уступают зарубежным конкурентам по показателям производительности труда (*табл. 1*).

Разрыв в производительности труда обусловлен различиями в системе организации производственных процессов на российских и зарубежных предприятиях. Иностранные компании специализируются на выполнении работ на отдельных стадиях производственного процесса, которые вносят существенный вклад в создание рыночной ценности (маркетинг, разработка продукта, финальная сборка и испытания, послепродажное обслуживание), передавая выполнение остальных работ внешним поставщикам. В России же производственный цикл изделия практически полностью сконцентрирован внутри

Таблица 1. Характеристика мировых производителей вертолётной техники

Производитель	Показатели				
	Поставлено машин, шт.	Выручка, млрд. долл. США	Прибыль от продаж, млрд. долл. США	Затраты на НИОКР, млрд. долл. США	Производительность труда, тыс. долл. США
АО «Вертолеты России»					
2012	290	4,04	0,64	0,16	96,4
2014	271	4,4	1,02	0,19	96,7
Airbus Helicopter					
2012	475	7,3	0,4	0,38	383,6
2014	471	8,5	0,54	0,39	371,5
Bell					
2012	261	4,2	0,63	0,18	353,2
2014	249	4,2	0,52	0,16	487,9
Составлено по : http://www.bellhelicopter.textron.com , http://www.russiauhelicopters.aero.ru , http://www.airbus-group.com					

отдельного предприятия, что приводит к снижению гибкости российских производителей. Необходимо подчеркнуть, что практически все предприятия вертолётостроения имеют узконаправленную номенклатуру выпускаемых изделий.

Еще одной особенностью, воздействующей на развитие отечественных и зарубежных предприятий ОПК, является политика государственных заказов. Например, основным заказчиком продукции, создаваемой компанией Lockheed Martin, является Пентагон (58% объема продаж), поставки другим американским правительственным министерствам и агентствам составляют 27% от объема продаж корпорации [16]. Вследствие высокой стоимости современной военной техники (например, стоимость самолета пятого поколения превышает 100 млн. долл. США, ударных вертолетов четвертого поколения – 20–25 млн. долл. США) правительства сокращают закупки военной техники. Это заставляет компании наращивать активность на рынке гражданской продукции. Так, в 2014 году компания Boeing поставила 723 гражданские и 184 военные машины соответственно. В портфеле заказов компании Boeing 440 млрд. долл. США приходится на

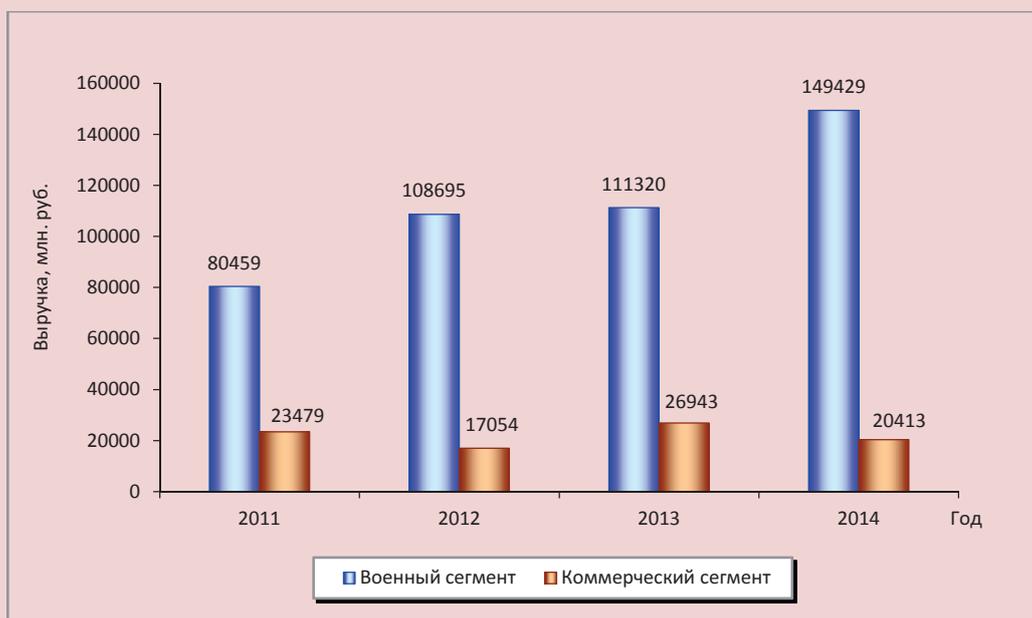
гражданскую продукцию и 62,3 млрд. долл. США – на военные заказы [10].

В России работа предприятий ОПК в целом и вертолётостроения в частности связана с политикой поставки военной техники в рамках государственного оборонного заказа и программ военно-технического сотрудничества. Так, программа перевооружения армии до 2020 года, принятая Правительством РФ, предполагает закупку более 1000 вертолетов для нужд Вооруженных Сил [12].

На *рисунке 1* показана структура выручки холдинга АО «Вертолеты России» за период 2011–2014 гг. по сегментам [11].

Данная структура продаж рискованна для холдинга АО «Вертолеты России», так как в случае сокращения госзаказа предприятия окажутся на грани закрытия. Это в конечном итоге приведет к потере научно-технической мощи вертолётостроения, включающей кадровые (научно-технический персонал), организационные, информационные, материально-технические элементы. Развитие высокотехнологичного производства – очень длительный, трудоёмкий и затратный процесс, что не допускает и мысли о потере созданного потенциала.

Рисунок 1. Динамика выручки АО «Вертолёты России» по сегментам, 2011–2014 гг.

Составлено по <http://www.russiahelicopters.aero.ru>

Поскольку предприятия ОПК в целом и вертолётостроения в частности входят в состав крупных интегрированных систем (холдингов, корпораций), то формирование стратегии развития предприятий оборонного комплекса происходит на уровне руководящего звена корпорации под пристальным и контролирующим вниманием со стороны государства, которое обеспечивает основную долю финансирования стратегии и детально определяет направления развития всей корпорации. В сложившихся условиях отдельные предприятия ОПК, входящие в состав интегрированной структуры, как правило, полностью лишены возможности участвовать в выборе своей стратегии развития.

Таким образом, из проведенного анализа вытекает следующая взаимосвязь проблем состояния, связанная со стратегическим развитием предприятий вертолётостроения:

- стратегию развития отдельных предприятий формирует холдинг, который вынужден ориентироваться преимущественно на государственный оборонный заказ, так как из-за недостаточного развития финансовых рынков и институтов отечественные предприятия находятся в прямой зависимости от государственного финансирования;

- в стратегии развития холдинга приоритетно построение конкурентоспособной корпорации, в которой все предприятия гармонично встроены в цепочку жизненного цикла производимой продукции. Это даст холдингу возможность наладить выпуск продукции, соответствующий спросу на мировом рынке. Однако в холдинге интеграция предприятий в единую систему еще не закончена, преобладает разобщенность различных звеньев хозяйственной системы, в результате снижаются возможности холдинга в производстве и поставке

на рынок востребованной гражданской продукции. В этих условиях руководство холдинга вынуждено ориентироваться на хорошо отлаженное производство военной продукции, уступая свои позиции на многих сегментах внутреннего и внешнего рынка и недополучая дополнительный доход.

Важнейшим хозяйственным звеном холдинга АО «Вертолеты России» выступает производственная система, куда входят пять серийных предприятий (их структура включает все стадии производства): ПАО «Казанский вертолетный завод», АО «Улан-Удэнский вертолетный завод», ПАО «Ростовский вертолетный завод», ПАО «Кумертауское авиационное производственное предприятие» и ПАО ААК «Прогресс» (табл. 2).

Из данных таблицы 2 можно сделать вывод, что наиболее прочные позиции в отрасли по совокупности показателей в динамике занимает ПАО «Казанский вертолетный завод». Оно опережает другие производственные предприятия по показателям выручки, производительности труда, эффективности использования капитала.

ПАО «КВЗ» обладает мощным инженеринговым центром, который разрабатывает вертолеты собственной конструкции, запущенные в серийное производство. Помимо проведения собственных ОКР, предприятие выступает соисполнителем по разработкам ведущего ОКБ: оно проводит совместные ОКР с ПАО «МВЗ им. М.Л. Миля» по вертолету Ми-38.

Остальные производственные предприятия ориентированы на совершенствование ранее выпускавшейся продукции и частичное улучшение применяемых технологических процессов, что снижает производственный потенциал холдинга «Вертолеты России».

Следует отметить, что на предприятиях вертолётостроения сложилась модель производства, включающая в единый комплекс практически все стадии основного и вспомогательного производства. При данной производственной модели невозможно наладить рентабельный выпуск новой продукции без достаточной загрузки имеющихся избыточных мощностей. Но на рынок гражданской продукции поставляются небольшие партии машин, выполненные в соответствии с индивидуальными требованиями заказчика. Неадекватная современным требованиям производственная модель обуславливает более низкий по сравнению с зарубежными компаниями уровень производительности труда в отечественном вертолётостроении.

Кроме того, российские производственные предприятия недостаточно полно встроены в систему поддержания жизненного цикла реализуемого изделия. В процессе производства они уделяют мало внимания характеристикам, определяющим последующее послепродажное обслуживание машины у потребителя. В результате снижается конкурентоспособность отечественной вертолётной техники на мировом рынке, поскольку сейчас заказчик требует предоставить прогнозируемый расчет эксплуатационных затрат и планируемые мероприятия послепродажного обслуживания поставляемой техники в течение нескольких лет эксплуатации.

Чтобы повысить конкурентоспособность российского вертолётостроения на глобальном рынке, нарастить выпуск востребованной продукции, увеличить производительность труда на предприятиях, государством была разработана программа «Развитие авиационной промышленности

Таблица 2. Характеристика производственных предприятий холдинга АО «Вертолёты России»

Показатель	ПАО «КВЗ»			АО «У-УАЗ»			ПАО «Роствертол»			ПАО «КумАПП»			ПАО ААК «Прогресс»		
	2008	2011	2014	2008	2011	2014	2008	2011	2014	2008	2011	2014	2008	2011	2014
1. Выручка, млн. руб.	11166	32180	53750	7614	24584	38408	7913	19986	36938	1303	5727	3990	3335	10331	18391
2. Чистая прибыль, млн. руб.	1541	4328	12744	2216	5210	11106	327	2124	3044	0,08	0,084	-2519	17	2,5	216
3. Численность занятых, чел.	6650	6815	6770	5570	6336	6127	6659	7771	8665	4122	4520	3646	4261	6177	5992
4. Величина капитала предприятия, млн. руб.	16996	39152	66939	11082	26051	75796	10889	35408	107417	4121	17517	19969	15219	24678	52172
5. Стоимость основных средств, млн. руб.	1454	3043	6333	1264	2564	10319	1788	3172	11376	1340	2356	5837	1203	2884	5186
6. Инвестиции во внеоборотные активы, млн. руб.	159	1391	2842	15	521	871	148	851	3804	12	144	124	28	581	374
7. Величина нематериальных активов, млн. руб.	79	279	768	-	-	-	57	44	1320	125	83	42	-	-	-
8. Рентабельность (убыточность) продаж, %	13,8	13,45	23,71	29,1	21,19	23,9	4,13	10,63	8,24	0,01	0,0001	-63,13	0,51	0,02	1,17
9. Выручка на одного занятого, млн. руб.	1,68	4,72	7,94	1,37	3,88	6,27	1,19	2,57	4,26	0,32	1,27	1,09	0,78	1,67	3,07
10. Фондовооруженность, млн. руб.	0,22	0,45	0,94	0,23	0,4	1,59	0,27	0,41	1,31	0,33	0,52	1,60	0,28	0,47	0,87
11. Величина капитала предприятия на одного занятого, млн. руб.	2,56	5,74	9,89	1,99	4,11	11,71	1,64	4,56	12,40	1,00	3,88	5,48	3,57	4	8,71
12. Доля нематериальных активов в величине капитала, %	0,46	0,71	1,15	-	-	-	0,52	0,12	1,23	3,03	0,47	0,21	-	-	-

Составлено по: <http://www.russiahelicopters.aero.ru>

на 2013–2025 годы» [7], которая предполагает совершенствование производственной модели путем выведения ряда второстепенных переделов на аутсорсинг. Также программа предусматривает в качестве приоритетного направления расширение выпуска гражданской продукции, объём которой к 2025 году должен увеличиться почти в три раза. Аналогичные задачи ставятся и другим предприятиям оборонно-промышленного комплекса, на которых доля гражданской продукции должна составлять 50% от общего выпуска. Решить данную задачу без диверсификации производства на оборонных предприятиях весьма затруднительно. Следует отметить, что попытки диверсификации на российских предприятиях предпринимались уже неоднократно и в большинстве своём не дали положительного результата. Одной из причин этого было игнорирование научных подходов, учитывающих особенности производственной деятельности предприятий ОПК и условия ведения хозяйственной деятельности на мировом рынке.

Использование ресурсного подхода в стратегическом управлении предприятием. Ресурсная концепция стратегического управления возникла в начале 90-х годов XX века в ответ на ужесточение конкурентной борьбы в глобальной экономике. В её основе лежит положение о том, что компания получает конкурентное преимущество на рынке вследствие наличия у неё уникальных ресурсов и способностей, обеспечивающих получение ренты. Соединение ресурсов в наборы, позволяющие осуществлять отличительные действия, образует компетенции компании, причём их формирование происходит в рамках определенной организационной структу-

ры, которую трудно воспроизвести конкурентам. Это обуславливает уникальность компетенций компании, защищает их от имитации конкурентами [4, 19].

В высокотехнологичных отраслях, где изменения деловой среды являются постоянными, особую актуальность с целью обеспечения конкурентоспособности компании приобретает управленческая способность координировать и перемещать внешние и внутренние компетенции в соответствии с изменениями деловой среды.

Основываясь на результатах проведенного исследования проблем стратегического развития предприятий отечественного ОПК и опираясь на положения ресурсного подхода, авторы полагают, что одним из наиболее актуальных направлений стратегического развития оборонных предприятий является диверсификация производства, с одной стороны, с целью увеличения объёмов выпуска продукции и улучшения финансового положения, а с другой – для снижения зависимости предприятий от государственного оборонного заказа. Осуществить диверсификацию производства возможно с помощью выпуска продукции двойного назначения.

В пользу такого подхода к диверсификации свидетельствует опыт зарубежных компаний, который подтверждает, что диверсификация производства с помощью «двойных технологий» позволит эффективнее использовать достижения НИОКР, уникальное оборудование, высококвалифицированный персонал [8]. Расширение номенклатуры гражданской продукции поможет добиться устойчивых позиций на внутреннем и внешнем рынках.

Предлагаемый подход к диверсификации производства очень трудно реализовать на практике, поэтому крупнейшие

корпорации мира проводят политику связанной диверсификации, механизм которой наиболее полно описывается в «ресурсной концепции». Компании растут через диверсификацию путем использования имеющихся у них компетенций создания ценности. В компетенции заключены знания, часть которых трудно передается новичкам. Поэтому освоение производства продукции, не связанной с имеющимися у компании компетенциями, сопряжено с большими затратами ресурсов и требует переобучения персонала новым моделям поведения.

В российской практике 80–90-х гг. использовалась политика диверсификации на предприятиях оборонного комплекса, которая провалилась вследствие перехода к производству потребительских товаров гражданского назначения, далеко отличных от особенностей основного производства предприятий ОПК. Одной из главных причин провала диверсификации в оборонной промышленности было отсутствие должного внимания к вопросам финансирования проводившихся мероприятий.

Предлагаемая ресурсной концепцией модель диверсификации отличается от ранее применявшихся на предприятиях отечественного ОПК тем, что компаниям необходимо осваивать выпуск не любой продукции, а продукции, которая отвечает только их ключевым компетенциям. Успех от внедрения новых продуктов определяется способностью предприятия развивать свои компетенции создания ценности путем совершенствования действующих процессов и систем. Другими словами, предприятие ОПК может воспользоваться «двойными технологиями», которые применимы как для гражданской продукции, так и для оборонной.

Задача каждой организации, решившей использовать связанную диверсификацию производства на основе «двойных технологий», состоит в выборе и экономическом обосновании конкретной оптимальной стратегии диверсификации.

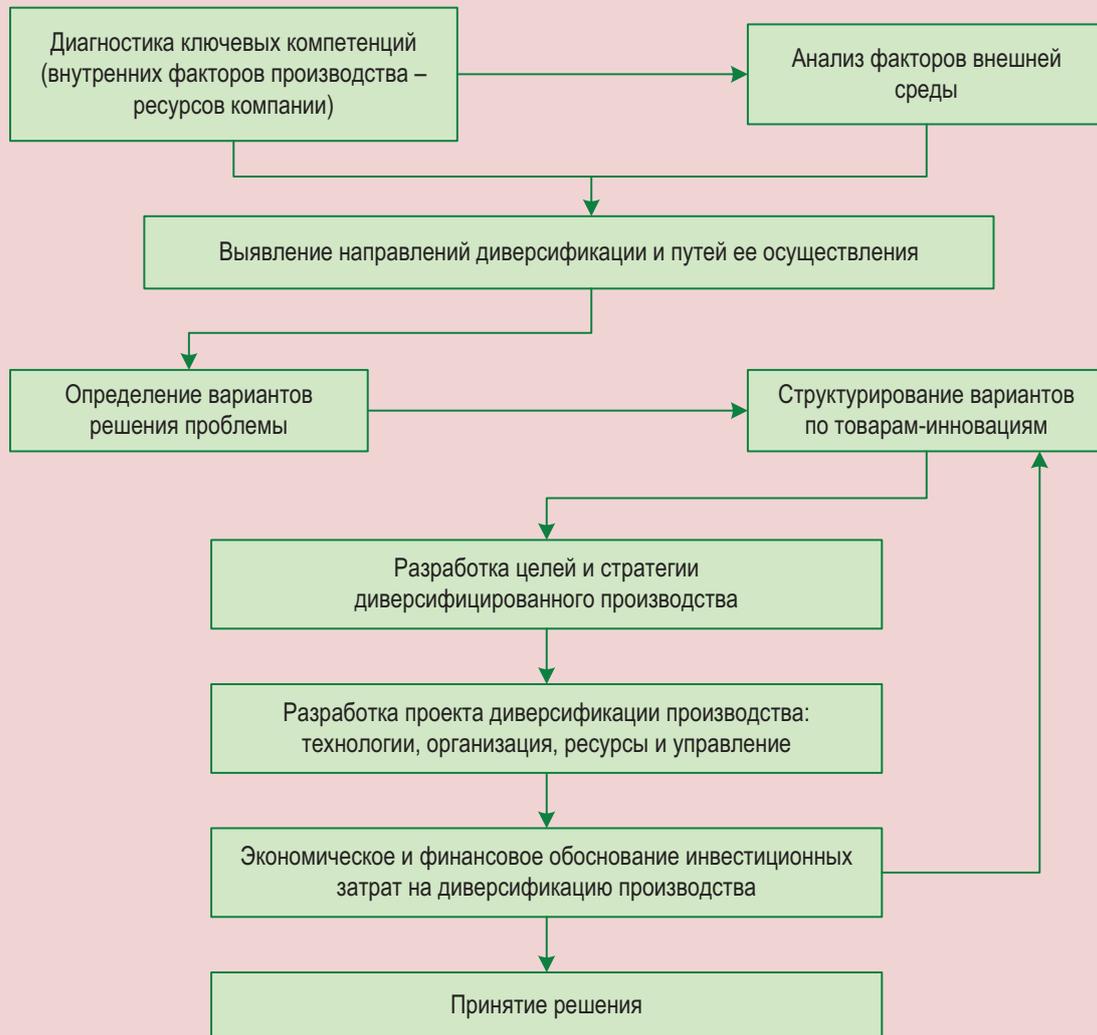
Методика формирования стратегии диверсификации производства представляет собой комплекс процедур, некоторые из которых требуют проведения исследований не только маркетингового, но и технико-экономического характера. Эти процедуры необходимо проводить последовательно-параллельно, чтобы снизить сроки подготовки производства новых видов продуктов.

В рамках ресурсного подхода к диверсификации производства необходимо разработать дополнительный инструментарий подготовки и организации производства в условиях предприятий ОПК.

Авторами предлагается процедура формирования оптимальной стратегии диверсификации производства (рис. 2).

Практика показывает, что при диверсификации производства создать товары-инновации высокого качества без достаточного инвестирования средств в необходимый для этого производственный потенциал – невозможно. Например, создание новых образцов авиационной техники как оборонного, так и гражданского назначения требует крупных капиталовложений в проведение фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследований, в современные технологии проектирования и производства, в проведение испытаний и сертификации, в создание системы послепродажного обслуживания. Чтобы получить один рубль готового продукта в вертолётостроении, необходимо затратить 25–30 руб. в течение 5–10 лет. Поиск источников финансирования и рас-

Рисунок 2. Принципиальная схема выбора стратегии диверсификации производства на основе ресурсного подхода

деление финансовых ресурсов является важной составляющей процесса диверсификации производства.

В связи с этим составная часть методики проведения диверсификации должна решать вопросы организационного и экономического характера, к которым относятся следующие:

- установление рангов источников инвестирования для обновления технического оборудования и технологии;

- выбор механизма формирования финансовых средств для осуществления диверсификации;

- классификация факторов, использование которых в управлении способствует активизации и эффективности воспроизводственной деятельности в диверсифицированном производстве;

- отбор функций управления диверсификацией производства по линии гражданской продукции;

- разработка методического инструментария финансовых расчетов в процессах воспроизводства на основе диверсификации;
- разработка алгоритма управления процессами диверсификации как составляющей хозяйственной деятельности;
- разработка алгоритма расчета инвестиционного дохода в процессах воспроизводства потенциала для диверсификации;
- разработка системы показателей и коэффициентов оценки производственно-хозяйственной деятельности, использования основных фондов и капитальных вложений, рыночной устойчивости промышленного предприятия в новых условиях, вызванных диверсификацией;
- разработка методики управления венчурным капиталом (в случаях его использования) с применением механизмов риск-менеджмента.

Предприятия ОПК, осуществляющие диверсификацию производства сейчас, в большинстве случаев полагают, что вновь осваиваемые направления деятельности должны компенсировать возможный спад производства оборонной продукции и тем самым улучшать их экономическое положение. В то же время часто решения о диверсификации – о выпуске новой продукции, выходе на новые рынки – принимаются стихийно, без необходимой проработки влияния принимаемого решения на стратегию развития компании. На самом же деле это крайне важные для предприятия решения, безусловно, носящие стратегический характер, поэтому планирование и реализация данных решений должны тщательно прорабатываться руководством предприятий ОПК с использованием современных научных подходов и инструментов управления.

Предлагаемая авторами методика выбора стратегии диверсификации производства поможет усовершенствовать инструментарий принятия решений на предприятиях ОПК и вертолётостроения, в частности, что будет способствовать повышению эффективности осуществления функций управления, связанных с выпуском гражданской продукции. При этом нужно отметить, что диверсификация производства не будет эффективной, если не будут проводиться меры по совершенствованию производственной модели предприятий ОПК, повышению их способности к внедрению новых продуктов и технологий.

Расширение номенклатуры выпускаемой на предприятиях оборонно-промышленного комплекса гражданской продукции позволит развивать компетенции создания рыночной ценности отечественных компаний, что в свою очередь усилит их позиции на мировом рынке, станет импульсом для расширения высокотехнологичного производства в России.

Заключение.

Проведенное исследование показало, что источник основных проблем функционирования предприятий ОПК России, и в частности вертолётостроения, лежит в плоскости особенностей стратегического управления его развитием, которое определяют крупные холдинги под пристальным вниманием государства. Поэтому стратегия развития предприятий отрасли, входящих в холдинг, ориентируется преимущественно на государственный оборонный заказ, что определяет их прямую зависимость от государственного финансирования.

Одним из наиболее актуальных направлений развития российского вертолётостроения, повышения его конкурентоспо-

способности является диверсификация производства по линии гражданской продукции, с одной стороны, с целью увеличения объёмов выпуска продукции и улучшения финансового положения, а с другой — для снижения зависимости предприятий от государственного оборонного заказа. Как показывает опыт крупнейших корпораций мира, наиболее эффективна политика связанной диверсификации. Компании растут через диверсификацию путем использования имеющихся у них компетенций создания ценности.

Реализация стратегии связанной диверсификации невозможна без теоретически обоснованного методического инструментария. В настоящее время в теории и практике стратегического управления недостаточно полно разработано методическое обеспечение выбора стратегии диверси-

фикации. Предлагаемая в статье методика выбора стратегии диверсификации производства на основе ресурсного подхода позволит восполнить имеющийся пробел.

Разработка «двойных технологий» и выпуск продукции двойного назначения позволяют не только сохранять мощный оборонно-промышленный комплекс, но и ускорять развитие экономики в целом. Получаемая от реализации «двойных технологий» прибыль поможет компенсировать часть расходов на разработку военной техники. Адаптация положений ресурсного подхода к управлению стратегией развития предприятий ОПК в рамках интегрированных структур сможет стать действительным источником решения проблем входящих в него предприятий в части расширения выпуска востребованной на рынке продукции.

Литература

1. Ефремов, В.С. Развитие компании на основе использования ключевых компетенций / В.С. Ефремов, И.А. Ханыков // Менеджмент в России и за рубежом. — 2003. — №5. — С. 26-37.
2. Ефремов, В.С. Ключевая компетенция организации как объект стратегического анализа / В.С. Ефремов, И.А. Ханыков // Менеджмент в России и за рубежом. — 2002. — №2. — С. 8-33.
3. Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и научно-технологической безопасности: монография / рук. авт. кол. В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский. — М. : Наука, 2004. — 880 с.
4. Катъкало, В.С. Эволюция теории стратегического управления: монография / В.С. Катъкало. — 2-е изд. — СПб. : Высшая школа менеджмента, 2008. — 548 с.
5. Кузык, Б.Н. Оборонно-промышленный комплекс: прорыв в XXI век: монография / Б.Н. Кузык. — М. : Юнити-Дана, 1999. — 186 с.
6. Макушин, М.В. Зарубежный опыт интеграции предприятий — производителей вооружения и военной техники Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 1 / М.В. Макушин, А.М. Батьковский // Материалы XV Всероссийского симпозиума, Москва, 15–16 апреля 2014 г. / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. — М. : ЦЭМИ РАН, 2014. — С. 98-101.
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы» : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №303. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162188/
8. Рассадин, В.Н. Технологии двойного назначения в оборонной промышленности и перспективы их использования / В.Н. Рассадин, А. Санчес-Андрес // Проблемы прогнозирования. — №6. — 2001. — С. 35-42.
9. Соколов, А.В. Высокотехнологичное и наукоёмкое производство: проблемы и неопределенность будущего / А.В. Соколов, В.А. Бажанов // ЭКО. — 2014. — №1. — С. 15-25.
10. Сайт компании Boeing. — Режим доступа: <http://www.boeing.com>
11. Сайт АО «Вертолеты России». — Режим доступа: <http://www.russiahelicopters.aero.ru>

12. Федоров, Ю. Государственная программа вооружений – 2020: власть и промышленность // Индекс безопасности. – №4 (107). – Том 19. – С. 41-59.
13. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития / Й.А. Шумпетер; пер. В.С. Автономова и др. – М. : Директмедиа Паблшинг, 2008. – 401 с.
14. Collis, D.J. Competing on Resources: Strategy for the 1990s / D.J. Collis, C.A. Montgomery // Harvard Business Review. 1995. July–August. – P. 118-128.
15. Grant, R.M. The Resource-Based Theory of Competitive Advantage Implacations for Strategy Formulation / R.M. Grant // California Management Review. – 1991. – Vol. 33. – P. 114-135.
16. Hartung W. Prophets of War: Lockheed Martin and the Making of the Military-Industrial Complex / W. Hartung. – N.Y. : Nation Books, 2011.
17. Penrose, E.T. The growth of the firm – A case study: The Hercules Powder Company / E.T. Penrose // Business History Review. – 1960. – XXXIV (1). – P. 1-23.
18. Prahalad, C.K. The core competence of the corporation / C.K. Prahalad, G. Hamel // Harvard Business Review. – 1990. – Vol. 68 (3). – P. 79-91.
19. Teece, D.J. Dynamic Capabilities and Strategic Management / D.J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // Strategic Management Journal. – 1997. – Vol. 18. – N 7. – P. 509-134.
20. Wernerfelt, B.A. Resource – Based View of the Firm / B.A. Wernerfelt // Strategic Management Journal. – 1984. – Vol. 5. – N 2. – P. 171-180.

Сведения об авторах

Петр Михайлович Бровко – научный сотрудник, старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет (690950, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8, petr_1883@mail.ru)

Галина Владимировна Петрук – кандидат педагогических наук, преподаватель, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690016, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41, Galina.Petruk@vvsu.ru)

Brovko P.M., Petruk G.V.

Strategic Management of Development of the Military-Industrial Complex Enterprises with the Use of Dual Technologies under the Resource-Based Approach

Petr Mikhailovich Brovko – Research Associate, Senior Lecturer, Far Eastern Federal University (8, Sukhanov Street, Vladivostok, 690950, Russian Federation, petr_1883@mail.ru)

Galina Vladimirovna Petruk – Ph.D. in Pedagogy, Lecturer, Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogol Street, Vladivostok, 690016, Russian Federation, Galina.Petruk@vvsu.ru)

Abstract. The main goal of the present study is to consider the specifics of current state and strategic management of development of enterprises within the military-industrial complex in the dynamic environment of the global market and determine the most effective ways of their development on the example of Russian helicopter industry. Methodology and tools of the study are based on the comparison and comparative evaluation of major Russian and foreign corporations engaged in development and production of helicopters. The authors analyze current state and strategic management of the helicopter industry on the basis of information available in the public domain. The source of the main problems of functioning of military-industrial complex enterprises, in particular, in the helicopter industry, can be found in the

specifics of strategic management of its development, which is determined by major holdings under the close supervision of the government. One of the most important ways to develop enterprises of this industry is to diversify civil production in order to increase the output and improve the financial situation and, on the other hand, to reduce the dependence of enterprises on the state defense order. The development of dual-use technology and production of dual-use products makes it possible not only to maintain a powerful military-industrial complex, but also to accelerate the development of the economy as a whole. The authors of the paper put forward an algorithm of formation of an optimum strategy for diversification of production through the use of “dual technologies”. The profit obtained from the sales of products produced on the basis of “dual-use technology” will compensate for some of the military expenditures.

Key words: military-industrial complex, core competencies, resources of enterprises, helicopter industry, resource-based approach, diversification.

References

1. Efremov V.S., Khanykov I.A. Razvitie kompanii na osnove ispol'zovaniya klyuchevykh kompetentsii [Development of a company through the use of core competences]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad], 2003, no. 5, pp. 26-37. [in Russian].
2. Efremov V.S. Khanykov I.A. Klyuchevaya kompetentsiya organizatsii kak ob"ekt strategicheskogo analiza [Core competence of the organization as an object of strategic analysis]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad], 2002, no. 2, pp. 8-33. [in Russian].
3. *Innovatsionnyi menedzhment v Rossii: voprosy strategicheskogo upravleniya i nauchno-tekhnologicheskoi bezopasnosti: monografiya* [Innovation management in Russia: issues of strategic management of science, technology and security: monograph]. Supervised by V.L. Makarov, A.E. Varshavskii. Moscow: Nauka, 2004. 880 p. [in Russian].
4. Kat'kalo V.S. *Evolutsiya teorii strategicheskogo upravleniya: monografiya* [Evolution of strategic management theory: monograph]. 2nd edition. Saint Petersburg: Vysshaya shkola menedzhmenta, 2008. 548 p. [in Russian].
5. Kuzyk B.N. *Oboronno-promyshlennyy kompleks: proryv v XXI vek: monografiya* [The military-industrial complex: a breakthrough in the 21st century: monograph]. Moscow: Yuniti-Dana, 1999. 186 p. [in Russian].
6. Makushin M.V., Bat'kovskii A.M. Zarubezhnyi opyt integratsii predpriyatii – proizvoditelei vooruzheniya i voennoi tekhniki. Strategicheskoe planirovaniye i razvitiye predpriyatii. Sektsiya 1 [Foreign experience of integration of enterprises manufacturing weapons and military equipment. Strategic planning and enterprise development. Section 1]. *Materialy XV Vserossiiskogo simpoziuma, Moskva, 15–16 aprelya 2014 g.* [Proceedings of the 15th all-Russian symposium, Moscow, April 15–16, 2014]. Ed.by RAS Corresponding Member G.B. Kleiner. Moscow: TsEMI RAN, 2014. Pp. 98-101. [in Russian].
7. *Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii “Razvitie aviatsionnoi promyshlennosti na 2013–2025 gody”: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 303* [On the approval of the state program of the Russian Federation “Development of aircraft industry for 2013–2025”: Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 303]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162188/. [in Russian].
8. Rassadin V.N., Sanchez-Andres A. Tekhnologii dvoynogo naznacheniya v oboronnoi promyshlennosti i perspektivy ikh ispol'zovaniya [Dual-use technology in the defense industry and prospects of their application]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], no. 6, 2001, pp. 35-42. [in Russian].
9. Sokolov A.V., Bazhanov V.A. Vysokotekhnologichnoye i naukoemkoye proizvodstvo: problemy i neopredelennost' budushchego [High-tech and science-intensive production: challenges and uncertainties of the future]. *EKO*, 2014, no. 1, pp. 15-25. [in Russian].
10. *Website of Boeing Company*. Available at: <http://www.boeing.com>
11. *Website of Russian Helicopters Company*. Available at: <http://www.russiahelicopters.aero.ru>. [in Russian].
12. Fedorov Yu. Gosudarstvennaya programma vooruzheniya – 2020: vlast' i promyshlennost' [State Armaments Program 2020: the government and industry]. *Indeks bezopasnosti* [Security index], no. 4 (107), vol. 19, pp. 41-59. [in Russian].

13. Schumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya [The theory of economic development]. Translated by V.S. Avtonomov et al. Moscow: Direktmedia Publishing, 2008. 401 p. [in Russian].
14. Collis D.J., Montgomery C.A. Competing on resources: Strategy for the 1990s. *Harvard Business Review*, 1995, July–August, pp. 118-128.
15. Grant R.M. The resource-based theory of competitive advantage implacations for strategy formulation. *California Management Review*, 1991, vol. 33, pp. 114-135.
16. Hartung W. *Prophets of war: Lockheed Martin and the making of the military-industrial complex*. New York: Nation Books, 2011.
17. Penrose E.T. The growth of the firm – A case study: The Hercules Powder Company. *Business History Review*, 1960, vol. 34, no. 1, pp. 1-23.
18. Prahalad C.K., Hamel G. The core competence of the corporation. *Harvard Business Review*, 1990, vol. 68, no. 3, pp. 79-91.
19. Teece D.J., Pisano G., Shuen A. Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*, 1997, vol. 18, no. 7, pp. 509-134.
20. Wernerfelt B.A. Resource-based view of the firm. *Strategic Management Journal*, 1984, vol. 5, no. 2, pp. 171-180.

Финансовое состояние регионального энергоснабжения

**Лариса Викторовна
ЧАЙКА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
chayka@energy.komisc.ru

Аннотация. Для регионального управления развитием энергетической инфраструктуры важен мониторинг финансового состояния энергоснабжающих организаций, которое зависит от экономических условий, тарифного регулирования и бюджетных субсидий. В статье представлены показатели агрегированной финансовой статистики энергоснабжающей деятельности в регионах Европейского Севера России. С целью сравнительного анализа сформирован комплексный индикатор финансовой устойчивости. Выполнена оценка тенденций динамики просроченной задолженности и рентабельности. Анализ показал отраслевые и региональные особенности: относительно устойчивое финансовое положение в электроэнергетике, но неудовлетворительное – в теплоснабжении; нарастание негативных тенденций, таких как снижение платежеспособности, низкая и отрицательная рентабельность, накопление и высокие объемы просроченной задолженности. Финансовая неустойчивость становится общесистемной характеристикой теплоснабжения. Необходим многоэтапный процесс финансового оздоровления отрасли в целом. В первую очередь должны быть устранены внешние факторы финансовой неустойчивости: низкая платежная дисциплина, неэффективное тарифное регулирование, недостаточное бюджетное субсидирование тарифных дисбалансов. В стратегическом плане устойчивое финансовое состояние в энергоснабжении невозможно без технологической модернизации. Отраслевые особенности теплоснабжения в северных регионах не позволяют рассчитывать только на тарифные источники инвестиций, для масштабного обновления необходима государственная финансовая поддержка и формирование условий для привлечения частных инвестиций.

Ключевые слова: региональная энергетическая политика, регионы Европейского Севера России, энергоснабжение, финансовое состояние, устойчивость, финансовые результаты, коэффициенты.

Устойчивое финансовое состояние производственных предприятий является необходимым фактором успешного развития, а достигается оно в результате эффективно-го управления и благоприятных экономических условий. В энергоснабжении регионов Европейского Севера России (ЕСР)¹ на формирование финансовых потоков существенное влияние оказывает региональное госуправление в силу прямого тарифного регулирования и бюджетного субсидирования. Поэтому в рамках реализации региональной энергетической политики актуальны мониторинг и анализ финансово-экономических показателей энергоснабжающей деятельности с целью выявления негативных тенденций и корректировки мер регионального управления.

Ключевым фактором, влияющим на экономические показатели энергетических компаний (не только регулируемой, но и либерализованной части энергетического рынка в результате их системных связей), является тарифная политика, задачи совершенствования которой остаются исключительно актуальными [3, 10, 14]. Проблематика финансового состояния и институциональной организации сферы коммунального хозяйства и энергетики России освещается в исследованиях отечественных ученых-экономистов [7, 13, 15]. Методология финансовой устойчивости, комплексной оценки состояния и инструментарий финансового анализа развиваются в работах [1, 8, 16]. В процессе данного исследования апробировались различные методики определения уровня финансо-

вой устойчивости, платежеспособности (Д. Дюран), оценки риска банкротства (Э. Альтман и др.) предприятий [2, 12, 18], но применение в эконометрических моделях фирм агрегированных отраслевых показателей не может быть вполне корректным, поэтому оценивание финансового состояния выполнялось согласно рекомендациям [5, 9].

Для анализа финансовой устойчивости и платежеспособности используются относительные финансовые коэффициенты. Их значения, динамика и сопоставление по группам родственных предприятий применяются для интегральной оценки финансового состояния [5, 6, 9, 11]. Коэффициенты автономии, обеспеченности собственными средствами, текущей ликвидности характеризуют структуру баланса. Если величина указанных коэффициентов оказывается ниже их рекомендуемых значений, то структура баланса признается неудовлетворительной, а предприятия – неплатежеспособными [11].

Коэффициент автономии характеризует независимость финансового состояния от заемных источников и определяет долю собственных средств в общей сумме средств, авансируемых в производственную деятельность. Принято считать финансово независимым предприятие с удельным весом собственного капитала в общей его величине в размере не менее 30%, а в норме – не ниже 50%. Этому критерию финансовой независимости отвечают агрегированные показатели электроэнергетики регионов ЕСР (табл. 1), в теплоснабжении, напротив, высока финансовая зависимость от привлеченного капитала (за исключением НАО).

¹ Архангельская и Мурманская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ (НАО).

Таблица 1. Показатели финансовой устойчивости

Вид экономической деятельности, регион	Финансовые коэффициенты 2014 г./2015 г. *, их рекомендуемые значения, %			Расчетный комплексный индикатор финансовой устойчивости ($K_{\text{фy}}$)
	автономии ($K_{\text{авт}}$)	обеспеченности собственными оборотными средствами (K_{coc})	текущей ликвидности ($K_{\text{мл}}$)	
	не менее 30 (норма 50)	не менее 10 (норма 50)	не менее 150 (норма 200)	
Производство, передача и распределение электроэнергии, РФ	71/69	-8/-44	185/136	0,7/0,4
В т.ч.: Архангельская обл. (без НАО)	34/27	14/8	128/117	0,5/0,4
Республика Карелия	34/42	7/8	187/167	0,6/0,8
Республика Коми	62/51	33/30	158/155	0,9/0,8
Мурманская обл.	76/73	63/58	298/272	1,4/1,3
НАО	91/90	75/79	463/472	1,9/1,9
Производство, передача и распределение тепловой энергии в РФ:	47/47	-29/-31	101/101	0,3/0,3
В т.ч.: Республика Карелия	-13/-28	-55/-76	69/64	-0,3/-0,6
Архангельская обл. (без НАО)	4/17	-47/-41	77/88	-0,2/-0
Мурманская обл.	10/3	-48/-46	91/93	-0,2/-0,1
Республика Коми	16/14	-10/-9	98/98	0,2/0,2
НАО	87/86	71/67	549/310	2,0/1,5

* По данным ЕМИСС Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/emiss/
 В числителе – среднее отчетных показателей за 2014 г., в знаменателе – за 2015 г.

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами оценивает возможность предприятия рассчитаться по краткосрочным обязательствам, реализовав все свои оборотные активы. Этот показатель определяется как отношение собственных оборотных средств к стоимости текущих активов, его нормальное значение должно быть не менее 10%, рекомендуемое – около 50%. Отрицательный показатель собственных оборотных средств крайне негативно характеризует финансовое положение организации. Как видно из данных таблицы, теплоснабжающие предприятия в регионах ЕСП (кроме НАО) работают со значительным дефицитом собственных оборотных средств.

Коэффициент текущей ликвидности является показателем платежеспособности предприятий, индикатором краткосрочной финансовой устойчивости. Он

определяется как отношение стоимости текущих активов к наиболее срочным обязательствам предприятия. Из данных таблицы следует, что в теплоснабжении регионов (кроме НАО) недостаточно текущих активов для погашения текущих обязательств, в отличие от электроэнергетики.

С целью сравнительного анализа сформирован комплексный индикатор финансовой устойчивости, учитывающий нормируемые значения финансовых коэффициентов (по аналогии с [5]):

$$K_{\text{фy}} = 1/3(K_{\text{авт}}/50 + K_{\text{coc}}/50 + K_{\text{мл}}/200),$$

где $K_{\text{фy}}$ – расчетный комплексный индикатор финансовой устойчивости;

$K_{\text{авт}}$ – коэффициент автономии;

K_{coc} – коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами;

$K_{\text{мл}}$ – коэффициент текущей ликвидности.

Результаты расчета представлены в таблице: в электроэнергетике регионов финансовая устойчивость удовлетворительная, комплексный индикатор не ниже рекомендуемого диапазона, наилучшие показатели – в Мурманской области и НАО; в теплоснабжении (кроме НАО) – неудовлетворительная. Сравнение показателей 2014 г. и 2015 г. показывает незначительное изменение, но преимущественно не в сторону улучшения.

Статистика агрегированных финансовых результатов в энергоснабжении регионов ЕСР по показателям задолженности и рентабельности демонстрирует неблагоприятную ситуацию и негативную динамику, особенно в теплоснабжении (табл. 2, рис. 1, 2).

В период 2012–2014 гг. теплоснабжение регионов ЕСР являлось финансово-убыточной деятельностью (см. табл. 2): характерны устойчиво отрицательные значения рентабельности продукции и активов; в каждом из регионов высока доля убыточных организаций: всего, по данным Рос-

стата, на территории ЕСР на 1 января 2015 г. из 116 теплоснабжающих организаций 77 убыточны. В электроснабжении обобщенные финансовые результаты лучше, за исключением НАО, электроэнергетика в целом низкорентабельна, убыточны 34% организаций (16 из 47).

Просроченная дебиторская задолженность (ПДЗ) на 1 ноября 2015 г. в сумме по регионам ЕСР достигла в теплоснабжении 21 млрд. руб., в электроснабжении – 2,9 млрд. руб. Объем просроченной кредиторской задолженности (ПКЗ) составил 19,5 млрд. руб. по теплу и 0,7 млрд. руб. по электроэнергии. Среди регионов основные объемы просроченных долгов формируются в Республике Коми и Мурманской области. В сравнении со стоимостными объемами отпущенной в 2014 г. продукции это более 60 млрд. руб. тепловой энергии и 85 млрд. руб. электрической. Критически высокая долговая нагрузка сложилась в теплоснабжении, причем весь период с 2012 г. формировался её нарастающий тренд, тогда как в электроснабжении объемы долгов

Таблица 2. Финансовые результаты энергоснабжающей деятельности*, %

	Производство, передача и распределение электроэнергии					Производство, передача и распределение тепловой энергии				
	Рентабельность продукции**			Рентабельность активов***, 2014 г.	Доля убыточных организаций, на 01.01.15	Рентабельность продукции			Рентабельность активов, 2014 г.	Доля убыточных организаций, на 01.01.15
	2012 г.	2013 г.	2014 г.			2012 г.	2013 г.	2014 г.		
Мурманская обл.	0	-8	0	-1	54	-5	-6	-3	-2	71
Республика Карелия	6	5	4	5	25	-8	-5	-4	-10	66
Архангельская обл.	1	1	0	0	19	-4	-7	-11	-7	63
НАО	-2	-2	-6	-3	100	1	8	-26	-16	67
Республика Коми	3	4	4	8	29	-3	2	-7	-6	72
РФ	4	3	3	1	26	-4	-6	-8	-5	60

* Рассчитано по данным ЕМИСС Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/emiss/

** Отношение прибыли до налогообложения к полной себестоимости (включая коммерческие и управленческие расходы).

*** Отношение чистой прибыли к активам.

Рисунок 1. Динамика просроченной дебиторской (пдз) и кредиторской (пкз) задолженности теплоснабжающих организаций (в % к годовому объему услуг теплоснабжения в регионах)

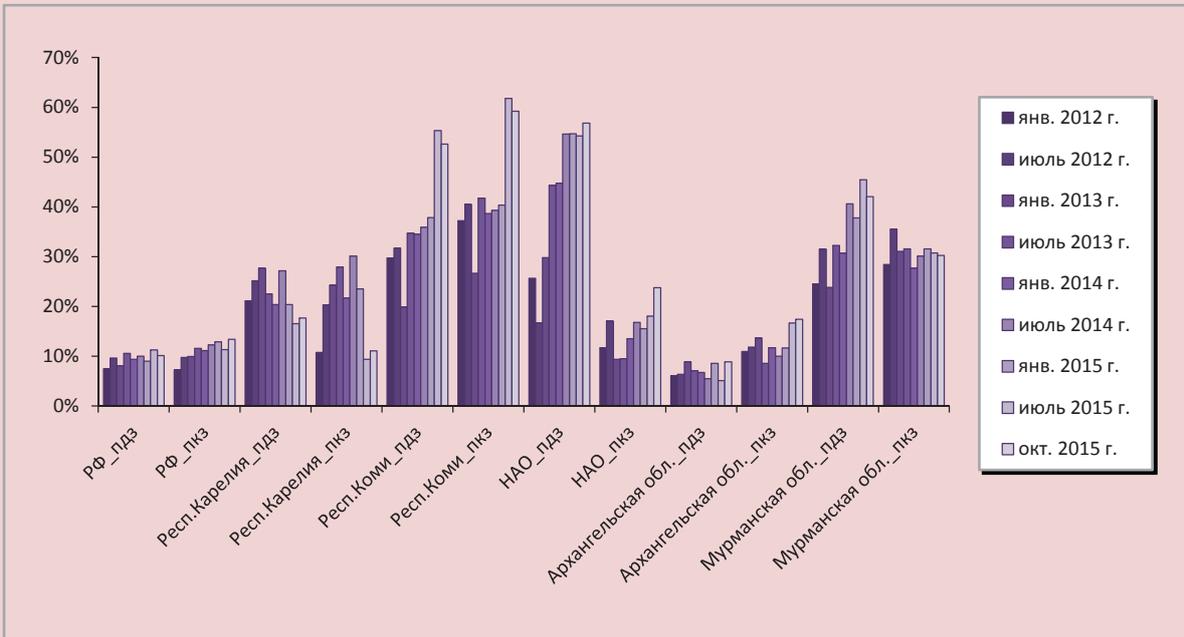
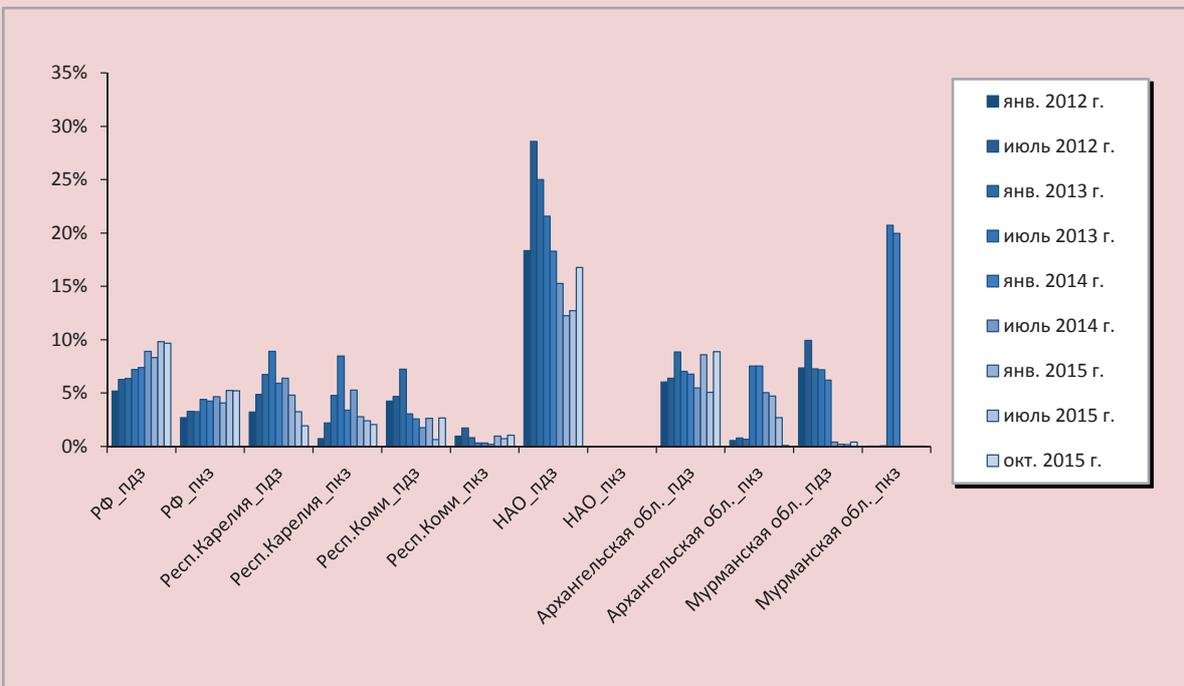

Рисунок 2. Динамика просроченной дебиторской (пдз) и кредиторской (пкз) задолженности электроснабжающих организаций (в % к годовому объему услуг электроснабжения в регионах)

были кратно ниже и в динамике ситуация улучшалась. Такая тенденция объясняется действующими более жесткими мерами платежной дисциплины на оптовом и региональных рынках электроэнергии (обеспечения, предоплаты и проч.), а также меньшим удельным весом проблемного по платежам коммунально-бытового потребления в общих объемах потребления электроэнергии (около 10%) в сравнении с рынком тепловой энергии (выше 50%).

Сравнение условий региональных рынков по относительным объемам ПДЗ и ПКЗ (в % к годовому объему производства продукции и услуг соответствующего вида деятельности в регионе) наглядно проявляет масштаб проблемы неплатежей. В динамике долговой нагрузки в теплоснабжении в период 2012–2015 гг. (см. рис. 1) следует выделить особенности: доля просроченных долгов в стоимостных объемах рынка значительно выше среднероссийского уровня; наихудшая ситуация сложилась в НАО, Республике Коми и Мурманской области, причем весь период активно увеличивалась ПДЗ (растущий тренд и критически высокие значения – свыше 40% стоимости годового объема производства); умеренно выправлялась ситуация в Карелии и относительно невысокие показатели достигнуты в Архангельской области. Рост ПДЗ приводит к недостатку средств у организаций теплоснабжения для погашения своих долговых обязательств, что демонстрирует автокорреляция динамических рядов.

В электроснабжении динамика долговой нагрузки (см. рис. 2) показывает, что, в отличие от электроэнергетического рынка России в целом, в трех регионах ЕСР наблюдался понижательный тренд и к октябрю 2015 г. были достигнуты относительно невысокие значения (до 5%).

Стабильно отрицательная рентабельность в региональном теплоснабжении (см. табл. 2) является в основном результатом списания значительных объемов безнадежных долгов, а также «сдерживающего» тарифного регулирования при недостаточном компенсационном субсидировании. Во многих районах ЕСР, особенно в сельских населенных пунктах, цены производителей тепловой энергии кратно превышают среднерегionalную стоимость услуг теплоснабжения и покупательную способность потребителей, поэтому применение льготных тарифов социально оправданно. В случае когда региональным регулятором тарифы устанавливаются ниже экономически обоснованных, небаланс выручки и затрат покрывается бюджетными субсидиями. Ежегодно на компенсацию теплоснабжающим организациям недополучаемых в результате тарифного регулирования доходов расходуются значительные бюджетные средства (в Мурманской области – около 2 млрд. руб., в Архангельской области и Коми – 1,3–1,5 млрд. руб., в НАО и Карелии – по 0,4 млрд. руб.) [17]. Эта практика запланирована региональными госпрограммами и на перспективный период до 2020 года. Наряду с этим необходимо отметить дефицитность бюджетов регионов ЕСР, что, естественно, приводит к предельно возможному сокращению всех расходов, в т.ч. на поддержание текущей деятельности и развитие энергетической инфраструктуры.

В общем говоря, из сравнения финансовой результативности в электро- и теплоснабжении следует, что наиболее неблагоприятная ситуация и негативные тенденции складываются в тепловом бизнесе. В соответствии с рекомендациями Росстата [9] финансовое состояние теплоснабжающей деятельности во всех регионах ЕСР требуется оценивать как «неудовлетвори-

тельное». В электроэнергетике структура баланса и платежеспособность сравнительно лучше, но наличие просроченных долгов и низкая рентабельность не позволяют оценить финансовое состояние как удовлетворительное.

В комплексе низкие значения коэффициентов ликвидности, хроническая нехватка оборотных средств, высокий удельный вес просроченной дебиторской задолженности свидетельствуют о возможных значительных финансовых затруднениях, в том числе и банкротстве [11].

Уже длительное время высокие объемы неплатежей на региональных рынках теплоснабжения указывали на отсутствие действенных механизмов обеспечения платежной дисциплины и необходимость введения специальных мер на уровне федерального права и регионального управления. В 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 03.11.2015 № 307-ФЗ, который направлен на укрепление платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов и которым введены штрафные санкции и требования предоставления финансовых гарантий. Однако энергетиками уже отмечается необходимость его дополнения в части исключения необеспеченных посредников, устранения значительных кассовых разрывов² и др.

Таким образом, с одной стороны, – неплатежи, тарифные дисбалансы и недостаточное или несвоевременное их бюджетное субсидирование – экзогенные факторы, максимально снижающие приток финансовых ресурсов в теплоснабжение. Эти условия вынуждают энергоснабжающие предприятия наращивать кредиторскую

задолженность или привлекать дорогостоящие займы для обеспечения эксплуатационной деятельности, что приводит к критическому росту обязательств и угрозе банкротства. С другой стороны, в теплоснабжении не полностью задействованы внутренние технологические и экономические резервы повышения эффективности, ввиду отсутствия стимулирующего к снижению затрат тарифного регулирования и строгого контроля за эффективностью операционной и инвестиционной деятельности, что нередко отмечается региональными ревизионными органами по фактам нерационального использования выделяемых бюджетных средств.

В теплоснабжении необходим многоэтапный процесс финансового оздоровления отрасли в целом: в первую очередь – устранение внешних условий неплатежеспособности и финансовой неустойчивости, затем – обеспечение финансового равновесия в длительном периоде. Поскольку основные причины неудовлетворительного финансового состояния заключаются во внешних факторах – дисбалансах тарифного регулирования и отсутствии платежной дисциплины, важно формировать корректирующие институциональные условия. В стратегическом плане устойчивое финансово-экономическое состояние производственных предприятий невозможно без технологической модернизации и инновационного развития [4]. Это утверждение в полной мере относится к энергетической инфраструктуре, в которой более половины производственных фондов нуждаются в ускоренной замене. Низкая эффективность устаревших технологий, износ оборудования и сетей, сверхнормативные потери служат причинами высокой себестоимости полезного отпуска энергии. Но при сложив-

² http://www.np-cpp.ru/rus/news/partnership_news/document5051.phtml; <http://www.eprussia.ru/epr/284/1191446.htm>

шемся неудовлетворительном финансовом состоянии теплоснабжения необходимая технологическая модернизация не может быть реализована за счет собственных или заемных средств. Поэтому первоочередной задачей региональной энергетической политики является создание условий финан-

сового оздоровления теплоснабжающей деятельности путем ужесточения платежной дисциплины, компетентного тарифного регулирования и контроля, исключения практики тарифных дисбалансов, осуществления госинвестиции в технологическую модернизацию.

Литература

1. Абдукаримов, И.Т. Эффективность и финансовые результаты хозяйственной деятельности предприятия: критерии и показатели, их характеризующие, методика оценки и анализа [Текст] / И.Т. Абдукаримов, Н.В. Тен // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – №5-6. – С. 11-21.
2. Анализ финансовой устойчивости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://investment-analysis.ru/analysis-financial-statements.html>
3. Антонов, Н.В. Тариф развития и инвестирование теплоснабжения муниципальных образований [Текст] / Н.В. Антонов, Л.И. Татевосова // Проблемы прогнозирования. – 2006. – №4 – С. 98-111.
4. Балычев, С.Ю. Анализ финансового состояния предприятия и внутренние механизмы его оздоровления [Текст] / С.Ю. Балычев, И.В. Булава, К.Н. Мингалиев // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – №31(160). – С. 18-25.
5. Беспалов, М.В. Комплексный анализ финансовой устойчивости компании: коэффициентный, экспертный, факторный и индикативный [Текст] / М.В. Беспалов // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2011. – №5. – С. 10-18.
6. Беспалов, М.В. Методика проведения анализа ликвидности и платежеспособности организации [Электронный ресурс] / М.В. Беспалов // Финансы: планирование, управление, контроль. – 2011. – №3 // КонсультантПлюс.
7. Болдырева, И.А. Оптимизация системы управления финансами в жилищно-коммунальной сфере как фактор достижения экономической безопасности [Текст] / И.А. Болдырева // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2011. – №47 (89). – С. 51-55.
8. Крылов, С.И. Методические аспекты анализа и прогнозирования финансового состояния промышленного предприятия [Текст] / С.И. Крылов, О.Е. Решетникова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2010. – №8 (32). – С. 2-8.
9. Методологические рекомендации по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций [Электронный ресурс] : утв. Госкомстатом России 28.11.2002. // КонсультантПлюс.
10. О ситуации с теплоснабжением в Российской Федерации: отчет Фонда энергетического развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.energofond.ru/novosti/otchet_o_situatsii_s_teplosnabgeniem_v_rossiyskoy_federatsii
11. Орехов, С.А. Методология финансового анализа и пути укрепления финансового состояния предприятия [Текст] / С.А. Орехов // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2010. – №1. – С. 87-90.
12. Платежеспособность (методика Д. Дюрана) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://investment-analysis.ru/metodFSA2/duran-solvency.html>
13. Ряховская, А.Н. Основы стабильного функционирования предприятий жилищно-коммунального хозяйства [Текст] / А.Н. Ряховская // Вестник финансового университета. – 2014. – №4. – С. 33-40.
14. Стратегия развития теплоснабжения и когенерации в Российской Федерации на период до 2020 года : проект. 2-я версия от 01.02.2016 г. [Электронный ресурс] / разработчики: НП «Энергоэффективный город», НП «Российское теплоснабжение». – Режим доступа: http://www.energsovet.ru/teplo_strateg.php
15. Фомин, Д.А. Финансовые аспекты жилищно-коммунального воспроизводства в РФ [Текст] / Д.А. Фомин // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №2. – С. 43-55.
16. Хотинская, Г.И. Финансовые индикаторы динамики развития жилищно-коммунального комплекса [Текст] / Г.И. Хотинская // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – №45(183). – С. 2-8.

17. Чайка, Л.В. Проблемы развития теплоснабжения в регионах Европейского Севера России [Текст] / Л.В. Чайка // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2015. – №3. – С. 75-83.
18. Яковлева, И.Н. Как спрогнозировать риск банкротства компании [Электронный ресурс] / И.Н. Яковлева. – Режим доступа : <http://www.cfin.ru/finanalysis/risk/bankruptcy.shtml>

Сведения об авторе

Лариса Викторовна Чайка – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, chayka@energy.komisc.ru)

Chaika L.V.

Financial Situation in Regional Energy Supply

Larisa Viktorovna Chaika – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, chayka@energy.komisc.ru)

Abstract. It is important to monitor the financial condition of energy supply organizations in regional management and development of energy infrastructure. This condition depends on economic factors, tariff regulation and budget subsidies. The article presents indicators of aggregated financial statistics on energy supply in the regions of Russia's European North. For the purpose of comparative analysis, the author formed a comprehensive indicator of financial stability and evaluated trends in the dynamics of past due debt and profitability. The analysis shows the following sectoral and regional characteristics: the financial situation in the electric power sector is relatively stable, but it is unsatisfactory in heat supply; the increase in negative trends, such as the decrease in repayment ability, low and negative profitability, and the accumulation of considerable arrears. Financial instability becomes a system-wide characteristic of heat supply. It is necessary to introduce a multi-step process of financial recovery of the industry as a whole. In the first place, external factors such as poor repayment discipline, inefficient tariff regulation and insufficient provision of budget subsidies for tariff misbalances must be resolved; otherwise, they will further aggravate financial instability. Strategically, a stable financial situation in energy supply can be achieved only through technological modernization. Specific features of heat supply in northern regions make it impossible to rely only on tariff sources of investment; large-scale renovation requires governmental financial support and the creation of conditions for attracting private investment.

Key words: regional energy policy, regions of the European North of Russia, energy supply, financial situation, stability, financial results, coefficients.

References

1. Abdukarimov I.T., Ten N.V. Effektivnost' i finansovye rezul'taty khozyaistvennoi deyatel'no-sti predpriyatiya: kriterii i pokazateli, ikh kharakterizuyushchie, metodika otsenki i analiza [Efficiency and financial results of economic activities of the enterprise: criteria and indicators characterizing them, the estimation and analysis technique]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-economic phenomena and processes], 2011, no. 5-6, pp. 11-21. [in Russian].
2. *Analiz finansovoi ustoichivosti* [The analysis of financial stability]. Available at: <http://investment-analysis.ru/analysis-financial-statements.html>. [in Russian].

3. Antonov N.V., Tatevosova L.I. Tarif razvitiya i investirovanie teplosnabzheniya munitsipal'nykh obrazovaniy [The rate of development and investment in heat supply of municipal formations]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2006, no. 4, pp. 98-111. [in Russian].
4. Balychev S.Yu., Bulava I.V., Mingaliev K.N. Analiz finansovogo sostoyaniya predpriyatiya i vnutrennie mekhanizmy ego ozdorovleniya [Analysis of financial situation of an enterprise and the internal mechanisms of its improvement]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2009, no. 31 (160), pp. 18-25. [in Russian].
5. Bespalov M.V. Kompleksnyi analiz finansovoi ustoichivosti kompanii: koeffitsientnyi, ekspertnyi, faktorni i indikativnyi [Comprehensive analysis of financial stability of the company: coefficient, expert, factor, and indicative analysis]. *Finansovyi vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskii uchet* [Financial bulletin: finances, taxes, insurance, accounting], 2011, no. 5, pp. 10-18. [in Russian].
6. Bespalov M.V. Metodika provedeniya analiza likvidnosti i platezhesposobnosti organizatsii [Methodology for analyzing the liquidity and solvency of an organization]. *Finansy: planirovanie, upravlenie, kontrol'* [Finance: planning, management, control], 2011, no. 3. [in Russian].
7. Boldyreva I.A. Optimizatsiya sistemy upravleniya finansami v zhilishchno-kommunal'noi sfere kak faktor dostizheniya ekonomicheskoi bezopasnosti [Optimization of the system of financial management in the housing and utilities sector as a factor in achieving economic security]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and solutions], 2011, no. 47 (89), pp. 51-55. [in Russian].
8. Krylov S.I., Reshetnikova O.E. Metodicheskie aspekty analiza i prognozirovaniya finansovogo sostoyaniya promyshlennogo predpriyatiya [Methodological aspects of analyzing and forecasting the financial situation of industrial enterprises]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and solutions], 2010, no. 8 (32), pp. 2-8. [in Russian].
9. Metodologicheskie rekomendatsii po provedeniyu analiza finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti organizatsii: utv. Goskomstatom Rossii 28.11.2002 [Methodological recommendations on analyzing financial and economic activity of organizations: approved by Goskomstat of Russia on November 28, 2002]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-legal system "ConsultantPlus"]. [in Russian].
10. *O situatsii s teplosnabzheniem v Rossiiskoi Federatsii: otchet Fonda energeticheskogo razvitiya* [About the situation in the heat supply sector in the Russian Federation: report of the Energy Development Fund]. Available at: http://www.energofond.ru/novosti/otchet_o_situatsii_s_teplosnabzheniem_v_rossiyskoy_federatsii. [in Russian].
11. Orekhov S.A. Metodologiya finansovogo analiza i puti ukrepleniya finansovogo sostoyaniya predpriyatiya [Methodology of financial analysis and the ways to strengthen the financial situation at the enterprise]. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy* [Innovation economy: information, analytics, forecasts], 2010, no. 1, pp. 87-90. [in Russian].
12. *Platezhesposobnost' (metodika D. Dyurana)* [Solvency (the method of D. Duran)]. Available at: <http://investment-analysis.ru/metodFSA2/duran-solvency.html>. [in Russian].
13. Ryakhovskaya A.N. Osnovy stabil'nogo funktsionirovaniya predpriyatii zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva [The principles of stable operation of housing and communal service enterprises]. *Vestnik finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], 2014, no. 4, pp. 33-40. [in Russian].
14. *Strategiya razvitiya teplosnabzheniya i kogeneratsii v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: Proekt. 2-ya versiya ot 01.02.2016 g.* [Strategy for development of heat supply and cogeneration in the Russian Federation for the period up to 2020: the Project. 2nd version dated February 01, 2016]. Developers: NP "Energoeffektivnyi gorod", NP "Rossiiskoe teplosnabzhenie". Available at: http://www.energsovet.ru/teplo_strateg.php. [in Russian].
15. Fomin D.A. Finansovye aspekty zhilishchno-kommunal'nogo vosproizvodstva v RF [Financial aspects of housing and utilities reproduction in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2015, no. 2, pp. 43-55. [in Russian].
16. Khotinskaya G.I. Finansovye indikatory dinamiki razvitiya zhilishchno-kommunal'nogo kompleksa [Financial indicators showing the dynamics of development of the housing and utilities sector]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and solutions], 2013, no. 45 (183), pp. 2-8. [in Russian].
17. Chaika L.V. Problemy razvitiya teplosnabzheniya v regionakh Evropeiskogo Severa Rossii [Problems of development of heat supply in the regions of the European North of Russia]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the market: formation of economic order], 2015, no. 3, pp. 75-83. [in Russian].
18. Yakovleva I.N. *Kak sprognostirovat' risk bankrotstva kompanii* [How to forecast the risk of bankruptcy of a company]. Available at: <http://www.cfin.ru/finanalysis/risk/bankruptcy.shtml>. [in Russian].

Неравенство в доходах, производственная структура и макроэкономическая динамика (региональный подход к анализу российской экономики)

Жюльен Веркей
Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO
Франция, Париж
julien.vercueil@inalco.fr

Аннотация. В течение последних десятилетий устойчивый экономический рост в развивающихся странах (а среди них страны БРИКС) привлекает особое внимание западного мира. Транснациональные компании заинтересованы в покупательной способности значительной части населения, поэтому такие страны представляются «землей обетованной» для наращивания потребительских расходов на товары длительного пользования, высокотехнологичные услуги и модные товары. Конечно, повышение доходов населения предполагает также значительные социально-экономические изменения в этих странах. И не случайно все большее число исследований направлено на изучение динамики распределения доходов в странах БРИКС и формирования в них социальной группы, которая называется в западных странах «средним классом» (Kharas (2010), SIEMS (2010), Levada (2012), Ernst and Young (2013), Kochhar R., Oates R. (2015)). В данной работе делается попытка оценить влияние недавних макроэкономических колебаний на уровень доходов российских семей. Развитие этих процессов в России рассматривается тремя различными способами. Во-первых, мы сравниваем эволюцию «среднего класса» в России и в странах БРИКС и Запада, отталкиваясь от определения этой группы на основе богатства, предложенного в Глобальном докладе о богатстве (научно-исследовательский институт Credit Suisse, 2015). Во-вторых, мы рассматриваем реалии России более подробно для того, чтобы показать, как можно трактовать региональные различия в распределении доходов, учитывая последние макроэкономические перемены в стране. С этой целью мы строим производственную типологию российских регионов и изучаем связь между каждым типом и уровнем неравенства в доходах, используя различные типы

источников доходов домохозяйств в качестве возможного объяснения региональных различий. На основе оценки существующих проблем делаются выводы о совершенствовании политики формирования доходов в России.

Ключевые слова: понятие среднего класса, производственная типология российских регионов, источники доходов населения, совершенствование распределения доходов.

1. Определение среднего класса на основе богатства

В 2015 г. в ежегодном *Глобальном докладе о богатстве* научно-исследовательский институт Credit Suisse продвигает определение среднего класса на основе богатства. Согласно этому подходу в так называемый «глобальный средний класс» входит население, обладающее ценными активами стоимостью 50 000–500 000 долларов США. В защиту данного определения авторы приводят тот факт, что с точки зрения экономического поведения и устремлений обладание определенным богатством – значимый показатель во всем мире. Кроме того, в отличие от выделения среднего класса на основе доходов, по критерию богатства «глобальный средний класс» характеризуется устойчивостью и относительной социально-экономической стабильностью, так как активы населения могут быть использованы в качестве буфера в период резкого падения доходов и, следовательно, рассматриваться как форма страхования (см.: научно-исследовательский институт Cr dit Suisse, 2015, с. 28).

Авторы выбрали США в качестве ориентира, при этом международное сопоставление проводится с использованием паритета покупательной способности. Основные результаты этого сравнения приведены в *таблице 1*.

С использованием данного критерия в России возникает ряд проблем. Во-первых, данные, на которых основывается вышеупомянутый анализ, сомнительны. Во-вторых, как нам кажется, такой подход занижает размер российского среднего класса по сравнению с другими странами. Как видно из данных таблицы 1, в относительном выражении эта группа в России находится на уровне Индии (соответственно, 4,1 и 3% населения), в то время как по уровню ВВП на душу населения, реальных доходов и потребительских расходов доля домохозяйств со средним уровнем дохода в России намного выше.

Поэтому в приведенном ниже анализе мы используем эти цифры для характеристики временных рядов (а не структурного анализа). Причем наша цель состоит прежде всего в том, чтобы сравнить влияние

Таблица 1. Определение среднего класса по критерию богатства: международное сравнение

Страна	Нижняя граница среднего класса по критерию богатства, долларов США (по ППС)	Средний класс, в % от всего населения	Выше среднего класса, в % от населения
Бразилия	28321	8,1	0,6
Россия	18737	4,1	0,5
Индия	13662	3,0	0,2
Китай	29245	10,7	0,6
США	50000	37,7	12,3
Франция	46183	49,2	12,5

Источники: научно-исследовательский институт Cr dit Suisse (2015 г.), с. 32, и (2015b), стр. 120.

последних экономических колебаний на развитие доходных групп населения стран БРИКС. Обратимся к данным *таблицы 2*.

Как видно из данных таблицы, в период с 2000 по 2007 год во всех приведенных странах наблюдался рост населения, принадлежащего к среднему классу по уровню богатства. Наиболее впечатляющий рост отмечен в Китае, где данная группа выросла более чем на 100 миллионов человек. В России с общим населением 143 млн. человек прирост составил 11 миллионов человек, что примерно равно данному показателю в США (свыше 300 миллионов человек, из которых более трети уже относились к среднему классу) и Индии (с населением около 1 млрд. человек). Кризисный период (приходился на 2007–2008 гг. согласно исследованию, проведенному Crédit Suisse Research Institute; хотя для ряда стран, таких как Россия, наиболее острым в падении ВВП был период с 2008 по 2009 г.). Кризис 2007–2008 гг. спровоцировал резкое падение численности среднего класса. В течение этих двух лет в Китае данную группу покинули 67 миллионов человек, в то время как в Соединенных Штатах и в Индии — 6,8 и 5,5 миллиона человек соответственно. В России падение было менее острым (покинули группу 2,5 миллиона человек). Такие парадоксальные результаты могут быть объяснены с точки зрения периода, выбранного для сравнения. Действитель-

но, с 2008 года Россия была единственной страной, в которой продолжилось падение численности среднего класса. В России численность среднего класса, выделенного по уровню богатства, сократилась на 9,2 миллиона человек, в то время как в Китае выросла на 8,5 миллиона, США — на 17 миллионов, а в Индии — на 0,7 млн. человек. Такие данные подтверждают «гипотезу расхождения». Согласно этой гипотезе, из-за разных моделей роста в странах БРИКС их макроэкономические траектории, как правило, стали расходиться, как только финансовый кризис 2007 года начал влиять на мировую экономику (Веркей (2015)).

Исходя из этих общих сравнительных наблюдений, мы намерены далее глубже рассмотреть возможные причины неравномерного распределения доходов в странах БРИКС с изменением мировой макроэкономической ситуации. Мы ориентируемся на Россию, модель роста которой качественно отличается от Китая или Индии. В России модель роста в целом «основана на ренте», на экспорте энергоресурсов, что приносит половину доходов государственного бюджета, помогая стабилизировать курс рубля и заполняя отечественную экономику необходимым количеством иностранной валюты для импорта промышленных товаров и оборудования. Для того чтобы связать модель роста с внешними трудностями, мы используем данные по

Таблица 2. Сравнительная динамика прироста (+), сокращения (–) численности среднего класса по уровню богатства, 2000–2015, млн. человек

Страна	2000–2007	2007–2008	2008–2015	В целом за 2000–2015	...из которых средний класс	...из которых выше среднего класса
Россия	11,1	-2,5	-9,2	-0,6	-0,7	0,1
Индия	12,5	-5,5	0,7	7,7	6,8	1
Китай	102	-67,3	8,5	43,3	38,5	4,8
<i>США</i>	<i>11,9</i>	<i>-6,8</i>	<i>17</i>	<i>22</i>	<i>12,9</i>	<i>9,1</i>
<i>Франция</i>	<i>6,2</i>	<i>-0,2</i>	<i>1,2</i>	<i>7,2</i>	<i>3,6</i>	<i>3,7</i>

Источник: научно-исследовательский институт Crédit Suisse (2015 г.).

регионам страны, предоставленные Росстатом (2015), по следующему кругу показателей: отраслевой состав с учетом добавленной стоимости; изменение доходов; их структура и распределение. Наша основная гипотеза состоит в том, что региональный уровень анализа может помочь понять последние изменения, влияющие на распределение доходов на макроуровне.

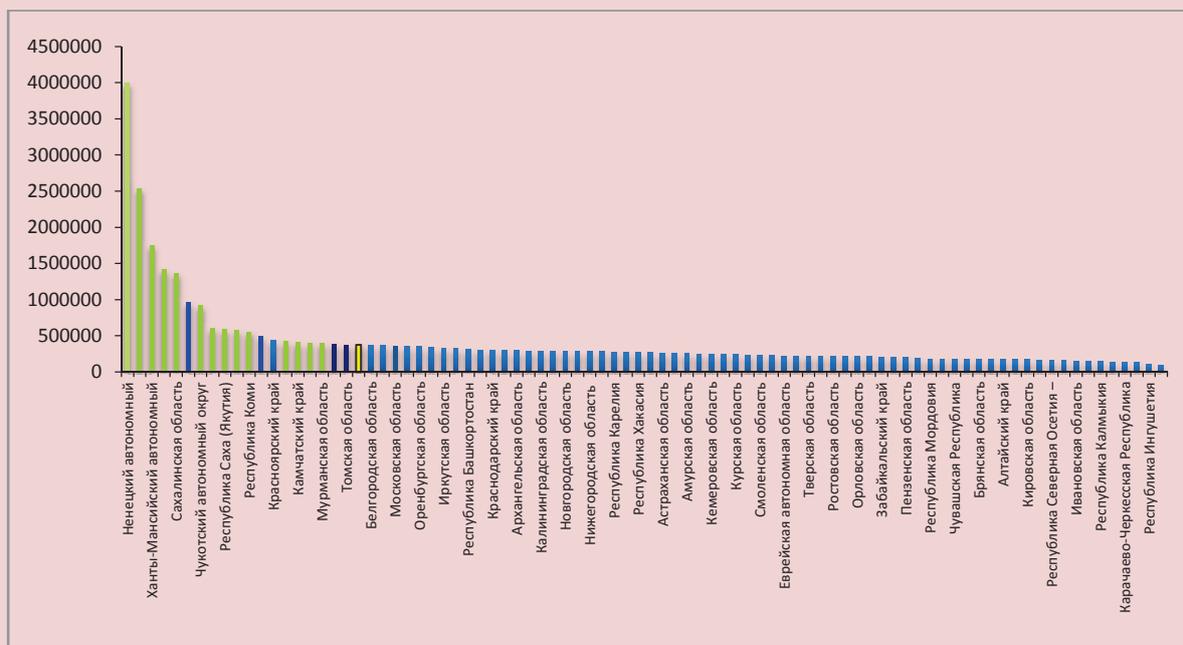
2. Региональное развитие и производственная структура внутри России

Население России в значительной степени урбанизировано: почти три четверти населения живет в городской местности. Все еще продолжаются процессы урбанизации и вестернизации населения. Жители восточных регионов регулярно покидают свои территории в темпе, превышающем естественный демографический прирост, что указывает на тенденцию эмиграции.

Крупнейшие западные города только выигрывают от этого. С 2005 года в Москве, Санкт-Петербурге и прилегающих регионах численность населения растет в 20 раз быстрее, чем в остальных. Здесь проживает 18,3% всего населения страны. В целом по стране насчитывается тридцать семь крупнейших городов (тех, которые имеют более 500 000 жителей), что составляет около 30% населения страны. Среди них 24 расположены в Европейской части страны.

Однако тенденции урбанизации и вестернизации не полностью соответствуют распределению производства. Например, региональное распределение ВВП на душу населения не показывает, что крупные города (*тёмно-синие столбцы на рис. 1*) производят больше богатства, чем некоторые относительно удаленные и малолюдные регионы (*зеленые столбцы*). Это происхо-

Рисунок 1. Производство поддушевого валового регионального продукта (2013, в текущих ценах)

Источник: Росстат (2015).

дит потому, что некоторые малонаселенные регионы богаты природными ресурсами, которые требуют капитальных затрат, экономии труда, развития производств, технологий. Следовательно, размер производства подшевного валового регионального продукта может быть очень высоким, поскольку он в значительной степени отражает уровень производительности добывающей промышленности. Что еще более важно, этот уровень производительности привязан к мировым ценам на сырье, экспортируемое Россией.

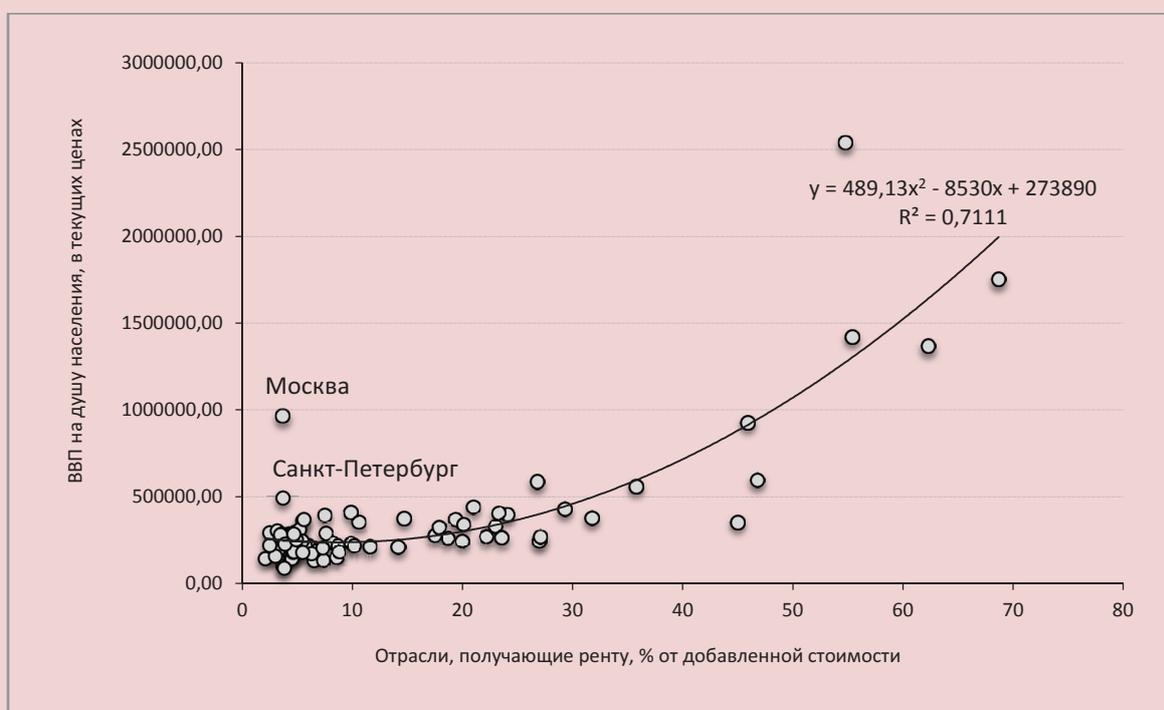
3. Производственная типология регионов

Первое наблюдение может проиллюстрировать вышеупомянутую связь на региональном уровне. Оно показывает сильную корреляцию между интенсивностью добычи сырья в регионе и размером ВВП на душу населения (рис. 2). Эта корреляция

предполагает, что, с учётом относительно небольшого числа регионов, получающих доход благодаря богатым природным ресурсам, необходима сильная фискальная и перераспределительная политика.

Для того чтобы изучить взаимосвязь между производственной структурой российских регионов и их особенностями с точки зрения распределения доходов, мы провели группировку регионов по производственной типологии. С этой целью мы использовали данные Росстата, представляющие распределение добавленной стоимости по отраслям. Отталкиваясь от 15 секторов, выделенных Росстатом, мы распределили их по отношению к мировым рынкам и конкуренции. «Отрасли, получающие ренту» — это те сектора экономики, которые могут получить прямую выгоду от роста цен на сырье. При росте мировых

Рисунок 2. Интенсивность добычи сырья и размер ВВП на душу населения в регионах России, 2014

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата (2015).

цен производители пользуются преимуществами олигополистической ситуации, поскольку они имеют эксклюзивный доступ к ресурсам. В данную категорию входят финансовые услуги (составляющие лишь 1,5% от общего объема добавленной стоимости) из-за существующих связей между нефтегазовыми компаниями и некоторыми российскими банками. «Сектора, не связанные с внешней торговлей» не включены в мировую конкуренцию либо из-за своего характера (некоторые услуги не могут быть импортированы), либо из-за национальных законов, касающихся их деятельности (общественных услуг). Напротив, товары «секторов, связанных с внешней торговлей» могут быть экспортированы или импортированы. Организации таких отраслей подвержены внешней конкуренции, даже если в некоторых случаях та или иная защита обеспечивается государством. В таблице 3 представлены результаты нашей реорганизации этих отраслей согласно данной типологии.

На национальном уровне российская экономика демонстрирует следующую структуру: на отрасли, получающие ренту, приходится 15,2% от внутренней добавленной стоимости; на сектора, не связанные с

внешней торговлей, — 63%; сектора, связанные с внешней торговлей, — 28%. Мы используем средний доход на душу населения в качестве ориентира для регионального анализа. Исходя из этого, мы выделяем 3 типа российских регионов.

Тип 1. Внешне ориентированные, получающие ренту регионы: этот тип объединяет регионы, в которых на отрасли, получающие ренту, приходится более 25% региональной добавленной стоимости (то есть почти вдвое больше, чем в среднем по стране).

Тип 2. Регионы, не связанные с внешней торговлей: в этих регионах на сектора, не связанные с внешней торговлей, приходится не менее 60% добавленной стоимости (равной или выше, чем в среднем по стране).

Тип 3. Экспортные регионы: в этих регионах на сектора, связанные с внешней торговлей, приходится более 30% национальной добавленной стоимости (больше, чем в среднем по стране).

Анализ 84 регионов по данным критериям позволяет составить региональную типологию (табл. 4). Шестнадцать регионов попадают в группу «получающие ренту», 36 — «регионы, не связанные с внешней

Таблица 3. Реорганизация секторов по их отношению к международной конкуренции

Добывающая промышленность			Производство и распределение воды, газа и энергии			Финансовые услуги		
Сектора, получающие ренту								
Строительство	Розничная торговля	Отели и рестораны	Транспорт	Связь	Центральное управление	Здравоохранение	Образование	Местное управление
Сектора, не связанные с внешней торговлей								
Промышленность			Сельское хозяйство			Рыболовство		
Сектора, связанные с внешней торговлей								
Источник: разработано автором.								

Таблица 4. Производственная типология российских регионов

Регионы, получающие ренту (16)	Регионы, не связанные с внешней торговлей (36)	Экспортные регионы (32)
Архангельская область	Республика Адыгея	Алтайский край
Чукотский автономный округ	Республика Алтай	Башкортостан
Иркутская область	Амурская область	Белгородская область
Кемеровская область	Астраханская область	Челябинская область
Ханты-Мансийский автономный округ	Брянская область	Чувашская Республика
Республика Коми	Республика Бурятия	Кабардино-Балкарская Республика
Магаданская область	Чеченская Республика	Республика Калмыкия
Мурманская область	Республика Дагестан	Калужская область
Оренбургская область	Еврейская автономная область	Карачаево-Черкесская Республика
Республика Саха-Якутия	Республика Ингушетия	Кировская область
Сахалинская область	Ивановская область	Костромская область
Республика Татарстан	Республика Хакасия	Курганская область
Томская область	Калининградская область	Курская область
Тюменская область	Камчатский край	Красноярский край
Удмуртская Республика	Республика Карелия	Липецкая область
Ямало-Ненецкий автономный округ	Хабаровский край	Республика Марий Эл
	Краснодарский край	Республика Мордовия
	Ленинградская область	Нижегородская область
	Магаданская область	Новгородская область
	г. Москва	Омская область
	Московская область	Оренбургская область
	Северная Осетия	Орловская область
	Новосибирская область	Пензенская область
	Приморский край	Пермский край
	Псковская область	Рязанская область
	Ростовская область	Самарская область
	Смоленская область	Саратовская область
	г. Санкт-Петербург	Тамбовская область
	Ставропольский край	Тульская область
	Свердловская область	Владимирская область
	Тверская область	Волгоградская область
	Республика Тыва	Вологодская область
	Ульяновская область	
	Воронежская область	
	Ярославская область	
	Забайкальский край	

торговлей» и 32 – «экспортные регионы». Можно отметить, что первая группа состоит из некоторых самых богатых по уровню ВВП регионов. В 2014 г. средний ВВП на душу населения в ней в два раза выше, чем в среднем по стране, и в три раза выше, чем в двух других группах.

4. От производственной структуры к распределению доходов: взгляд на российские регионы

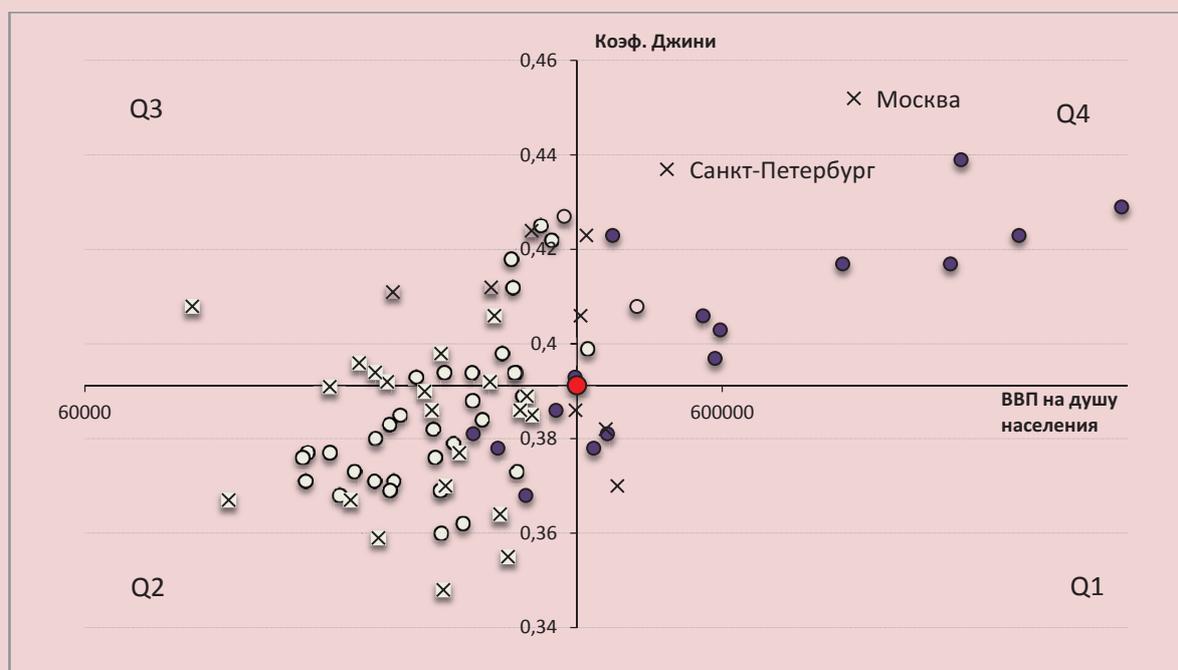
Используя данные Росстата и ППП, прогнозируемый МВФ, мы установили, что на национальном уровне 16% населения зарабатывает более 2000 долларов

США в месяц. В результате чего порог включения в средний класс, предложенный научно-исследовательским институтом Crédit Suisse, приводит к недооценке размеров российского «среднего класса» (к нему относится только 4% по критерию богатства). В то же время, как и в других развивающихся странах, распределение доходов в России является сильно концентрированным: менее 37% населения зарабатывает больше, чем в среднем по стране. Возникает вопрос: влияет ли тип региона с определенной структурой на распределение доходов.

Если мы объединим коэффициент Джини и ВВП на душу населения, то получим картину, подтверждающую наши первые предположения (см. рис. 2): получающие ренту регионы более продуктивны, чем другие, но также весьма неравномерны по уровню. Рисунок 3 распределяет рос-

сийские регионы по четырем квадрантам. Девять из них расположены в квадранте 4, в котором ВВП на душу населения и коэффициент Джини выше среднероссийского показателя. На противоположной стороне только два экспортных региона (из 32) имеют достаточно высокий уровень ВВП на душу населения. Они расположены в квадранте 4 и имеют долю секторов, получающих ренту, в добавленной стоимости, хотя и уступающих 30% порогу, но все же превосходят средний показатель по стране. Большинство (более двадцати) остальных экспортных регионов расположено в квадранте 2, где коэффициент Джини и уровень ВВП на душу населения ниже, чем в среднем по стране. Только в семи регионах, не связанных с внешней торговлей, ВВП на душу населения равен или превышает средний показатель. Среди них Москва, Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Рисунок 3. Типы регионов по уровню ВВП на душу населения и коэффициенту Джини

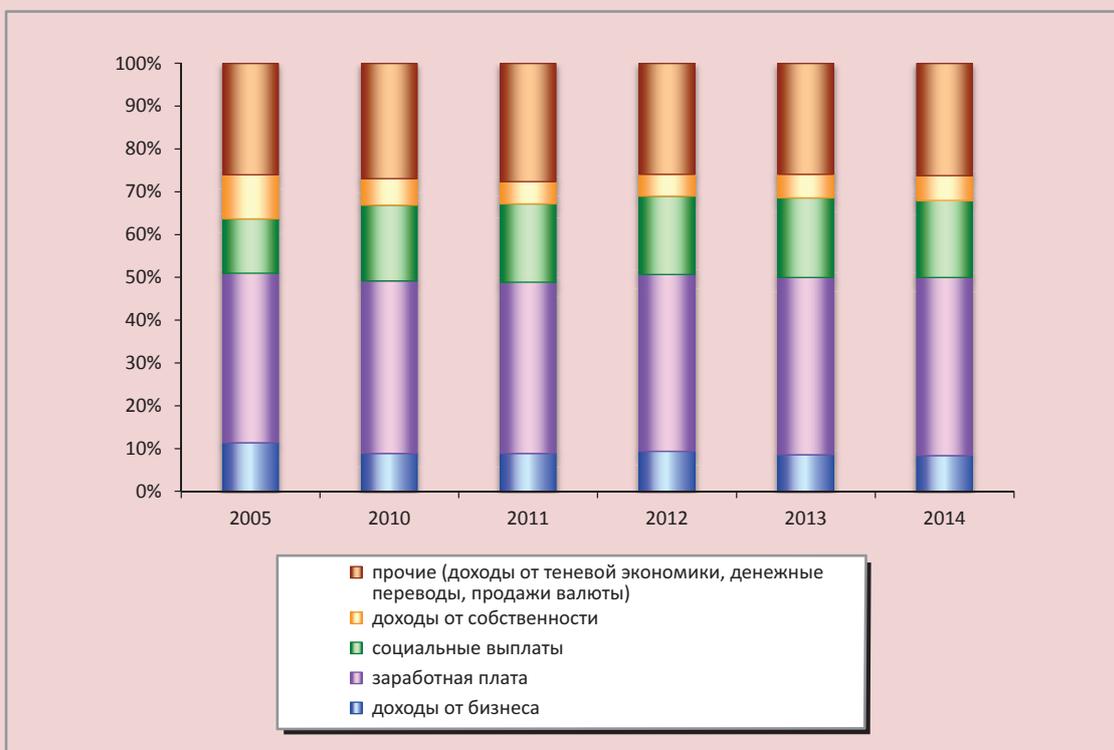
5. Кто что зарабатывает? Источники доходов и производственные типы регионов

На последнем этапе исследования мы используем данные Росстата об источниках дохода домохозяйств для уточнения типологии российских регионов. Можно выделить 5 источников доходов: зарплата, доходы от бизнеса, доходы от собственности, социальные выплаты и прочие доходы. Последняя категория состоит из скрытых доходов, денежных переводов и продажи валюты. В течение последнего десятилетия фундаментальная структура источников доходов населения не изменилась. Зарплата остается основным источником доходов – более 40% от их общего объема. Важны также социальные выплаты и прочие источники. Показав небольшое увеличение с 2005 г., они достигли почти 45% от общего дохода на-

селения в 2014 году. Оставшиеся 14–15% распределились между доходами от бизнеса (8–9%) и доходами от имущества (чуть меньше 6%; *рис. 4*).

На региональном уровне распределение источников доходов значительно варьируется. Например, заработная плата составляет 80% от общего объема доходов на Чукотке и менее 12% – в Республике Дагестан. В Республике Тыва социальные выплаты равны одной трети среднего дохода домохозяйств, тогда как в Ямало-Ненецком автономном округе – лишь 12%. Прочие доходы показывают еще большие колебания по регионам: в Дагестане и Адыгее они составляют более 50% от общей суммы доходов, тогда как в Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, а также в Магаданской области не превышают 2%.

Рисунок 4. Структура доходов домохозяйств, 2005–2014 гг.

Источник: Росстат (2015).

Таблица 5. Производственная типология и основные источники доходов

Источник дохода	Внешне ориентированные, получающие ренту регионы	Регионы, не связанные с внешней торговлей	Экспортные регионы
Зарплата (в среднем по стране: 42%)	Чукотский АО (80%), Ямало-Ненецкий АО (79%), Ханты-Мансийский АО (72%), Магаданская область (71%), Тюменская область (65%), Мурманская область (61%), Республика Коми (59%), Республика Саха-Якутия (59%), Иркутская область (55%), Сахалинская область (51%).	Камчатский край (63%), Хабаровский край (57%), г. Москва (52%), г. Санкт-Петербург (50%).	Красноярский край (55%)
Социальные выплаты (в среднем по стране: 18%)	Кемеровская область (25%)	Республика Тыва (33%), Республика Карелия (30%), Республика Алтай (27%), Республика Ингушетия (26%), Псковская область (25%).	Республика Калмыкия (30%), Курганская область (27%), Республика Марий-Эл (27%), Республика Мордовия (26%), Костромская область (26%), Орловская область (26%), Алтайский край (25%).
Прочие доходы (в среднем по стране: 26%)		Республика Дагестан (51%), Республика Адыгея (50%), Чеченская Республика (43%), Республика Ингушетия (42%), Московская область (42%), Краснодарский край (40%).	Кабардино-Балкарская Республика (41%), Республика Башкортостан (36%), Омская область (36%), Карачаево-Черкесская Республика (36%), Нижегородская область (36%).
Источник: составлено автором на основе данных Росстата (2015).			

Для того чтобы связать региональные различия со структурой неравенства доходов в России, мы рассмотрели взаимосвязь между производственной типологией регионов и основными источниками доходов в них. Оказалось, что для получающих ренту регионов характерна более высокая доля заработной платы в совокупном доходе. Это обосновано ролью добывающих компаний, доминирующих в местной экономике: как правило, их доля на местном рынке труда значительна, предлагаемый ими уровень заработной платы достаточно привлекателен, так как они стараются привлечь и удержать работников в некомфортных, суровых местах проживания. В то же время экспортные регионы выигрывают от социальных

выплат. Некоторые из них, самые бедные, в основном сельскохозяйственные, полагаются также на прочие источники доходов (денежные переводы, продажи валюты и доходы от теневой экономики). Наконец, среди регионов, не связанных с внешней торговлей, различаются 2 подгруппы. В первой зарплата является основным источником доходов, ее уровень гораздо выше среднероссийского показателя. Эти регионы (Камчатка, Москва, Санкт-Петербург и др.) – самые богатые в этой категории. Они сумели извлечь выгоду из развития отраслей, не связанных с внешней торговлей (в основном это услуги, строительство и недвижимость), за счет привлечения части доходов регионов, которые получают ренту и с которыми они

тесно связаны. Именно в этих регионах проживает большая часть российского среднего класса. Вторая подгруппа состоит из самых бедных регионов, которые не связаны с внешней торговлей, в которых теневая экономика, денежные переводы, продажа валюты — главные источники дохода местного населения. Географически эти регионы расположены преимущественно на Северном Кавказе, одном из самых проблемных регионов РФ в плане бедности, безработицы, неравенства, различных нелегальных поставок и криминальной экономики (табл. 5).

Вывод: производственная структура требует усиления перераспределительной политики.

Хотя и очень предварительно, данное исследование позволило сделать некоторые интересные эмпирические выводы в отношении связи между производственной структурой России и распределением доходов.

Во-первых, исследование показало, что средний класс в России от недавних кризисов пострадал сильнее, чем в странах БРИКС. Одной из причин такого воздействия является зависимость российской экономики от цен на сырье, которая раскрывает роль производственной структуры и модели роста экономики за счет оптимизации распределения доходов.

Во-вторых, исследование демонстрирует, что на региональном уровне неравенство

доходов в России остается значительным. Частично данное неравенство может быть объяснено неравномерным распределением природных ресурсов по регионам страны.

В-третьих, простая производственная типология регионов позволяет раскрыть силы, которые, как правило, управляют распределением доходов в России. Получающие ренту регионы не только богаче, но для них также характерно увеличение доли заработной платы в доходах населения. Однако этот источник дохода может оказаться уязвимым, поскольку мировые цены на сырье нестабильны и не могут контролироваться российскими предприятиями. Кроме того, относительно бедные, не связанные с внешней торговлей и экспортные регионы полагаются на денежные переводы и скрытые доходы, которые особенно уязвимы в макроэкономической среде.

В-четвертых, социальные выплаты теоретически могут ослабить остроту данных проблем. Но они зависят от способности государства ограничить зависимость бюджета от цен на сырье, что не было сделано в России в последнюю четверть прошлого века. Таким образом, поскольку мировые цены на нефть будут подвержены высокой неопределенности в следующем десятилетии, фискальная и перераспределительная политика будут оставаться одной из наиболее актуальных проблем российской экономики.

Литература

1. Global Wealth Report (2015a). — Zurich : Credit Suisse AG, 2015.
2. Global Wealth Databook (2015b). — Zurich: Credit Suisse AG, 2015.
3. Hitting the Sweet Spot. The Growth of the Middle Class in Emerging Markets. — Ernst and Young, 2013.
4. Kharas H. The Emerging Middle Class in Developing Countries: Working Paper N285 / H. Kharas; OECD Development centre, 2010.
5. Kochhar R. A Global Middle Class in More Promise than Reality / R. Kochhar, R. Oates. — Washington D.C.: Pew Research Center, 2015.

6. Russian Public Opinion – 2012–2013. – Moscow : Levada Center, 2013.
7. Regiony Rossii. Sotsial'no-Ekonomicheskije Pokazateli [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators]. – Moscow: Rosstat, 2015.
8. The Great Equalizer. The Rise of the Emerging Market Global Middle Class. SIEMS Issue Report, Skolkovo, 2010.
9. Vercueil J. Les pays émergents. Brésil- Russie- Inde- Chine... Mutations économiques, crises et nouveaux défis / J. Vercueil. – Paris: Bréal, 2015.

Сведения об авторе

Жюльен Веркей – профессор, доцент экономики, директор отдела международной торговли, Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO (Франция, Париж, julien.vercueil@inalco.fr)

Julien Vercueil

Income inequalities, Productive Structure and Macroeconomic Dynamics. A Regional Approach to the Russian Case

Julien Vercueil – Professor, Professor in Economics, Assistant Director of International Trade Department, National Institute for Oriental Studies INALCO, (Paris, France, julien.vercueil@inalco.fr)

Abstract. During the past decades, sustained economic growth in emerging countries (and among them, BRICS countries) has attracted much attention in the western world. Multinational companies have been lured by the growing purchasing power of a significant part of the population, often presented as the “promised land” of consumer spending in durable goods, high tech services and fashion products. Of course, increasing incomes imply also significant socio-economic changes within these countries as well. A growing number of studies have been carried in order to track the evolution of income distribution in BRICS countries, and the formation and composition of a social group usually called “middle class” in western countries (Kharas (2010), SIEMS (2010), Levada (2012), Ernst and Young (2013), Kochhar R., Oates R. (2015)). In this paper we try to assess the impact of recent macroeconomic fluctuations on Russian households income levels. We analyse the Russian trajectory in three different ways. First, we compare the evolution of the “middle class” in Russia with other (B)RIC and western countries, using the wealth-based definition of this group proposed in the Global Wealth Report (Crédit Suisse Research Institute, 2015). Second, we go deeper into the Russian case in order to show how regional disparities regarding incomes distribution can be interpreted, considering the country’s recent macroeconomic trajectory. For this purpose, we build a productive typology of the Russian regions and study the link between each type and the level of income inequalities, using the varying structures in sources of household’s incomes as a possible explanation of regional variations. We conclude by an assessment of the remaining challenges for incomes policy in Russia.

Key words: concept of “middle class”, productive typology of the Russian regions, income sources, evolution of income distribution.

References

1. *Global Wealth Report (2015a)*. Zurich: Credit Suisse AG, 2015.
2. *Global Wealth Databook (2015b)*. Zurich: Credit Suisse AG, 2015.

3. *Hitting the Sweet Spot. The Growth of the Middle Class in Emerging Markets*. Ernst and Young, 2013.
4. Kharas H. *The Emerging Middle Class in Developing Countries: Working Paper N285*. OECD Development centre, 2010.
5. Kochhar R., Oates A. *Global Middle Class in More Promise than Reality*. Washington D.C.: Pew Research Center, 2015.
6. *Russian Public Opinion – 2012–2013*. Moscow: Levada Center, 2013.
7. *Regiony Rossii. Sotsial'no-Ekonomicheskie Pokazateli* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators]. Moscow: Rosstat, 2015. [in Russian].
8. *The Great Equalizer. The Rise of the Emerging Market Global Middle Class. SIEMS Issue Report, Skolkovo, 2010*.
9. Vercueil J. *Les pays émergents. Brésil- Russie- Inde- Chine... Mutations économiques, crises et nouveaux défis*. Paris: Bréal, 2015.

Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России*

**Елена Витальевна
ЧИСТОВА**

Центр экономической безопасности
Институт экономики Уральского отделения РАН
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29, оф. 523
elvitvas@ya.ru

**Валерий Петрович
ЧИЧКАНОВ**

Центр экономической безопасности
Институт экономики Уральского отделения РАН
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29, оф. 523
elvitvas@ya.ru

Аннотация. В статье оценивается возможность повышения пенсионного возраста ослабить влияние старения на пенсионную систему России. Проведено исследование, заключающееся в построении демографических прогнозов на основе гипотез о выделении в процессах воспроизводства населения общемировых демографических тенденций и проявлений российских особенностей развития. Демографический прогноз строится на основе метода передвижки возрастов по трем сценариям. В прогнозе учтены положения уже одобренного законопроекта, предусматривающего постепенное увеличение до 65 лет (ежегодно по полгода) предельного возраста нахождения на государственной гражданской службе как для мужчин, так и для женщин. Для изучения эффектов повышения пенсионного возраста до 65 лет для всех категорий граждан России принято следующее допущение. Увеличение пенсионного возраста начинается в 2016 г., осуществляется темпом 6

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-00574 «Информационно-аналитическая система «Антикризис»: диагностика регионов, оценка угроз и сценарное прогнозирование с целью сохранения и усиления экономической безопасности и повышения благосостояния России»).

месяцев в год и закончится для мужчин в 2026 г., а для женщин — 2036 г. Таким образом, к 2036 г. установленный выход на пенсию составит 65 лет для обоих полов. Полученные прогнозы показали, что старение населения в России является неизбежным процессом. В зависимости от того, будут ли демографические процессы лежать в русле общемировых тенденций или проявятся российские особенности развития, процесс старения населения будет происходить в первом случае — «сверху», во втором случае — «снизу». Прогноз подтвердил известный парадокс, что если ситуация со снижением смертности будет улучшаться и дальше, как это происходило в последние годы, то темпы старения, негативно влияющие на сбалансированность пенсионной системы, окажутся еще более высокими, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Прогнозные расчеты показали, что, во-первых, демографическая нагрузка на трудоспособное население продолжит усиливаться при реализации всех сценариев демографического развития России, причем наиболее существенно — по сценарию, характеризующему успешно проводимую демографическую политику. Во-вторых, значительным потенциальным резервом снижения демографической нагрузки на трудоспособное население является численность женщин пенсионного возраста. Представляется, что повышение пенсионного возраста реализуемо, но должно быть тщательно подготовлено и проходить постепенно, а также сопровождаться рядом дополнительных мер.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионный возраст, демографический прогноз, старение населения, общемировые демографические тренды, российские особенности.

Введение

Одним из основных вызовов современного пенсионного обеспечения является старение населения. Данное явление стало всеобщей тенденцией, в том числе и для России. В *таблице 1* представлена динамика изменения доли лиц пожилого возраста в различных странах. Согласно международным критериям, население считается старым, если доля в нем людей в возрасте 65 лет и более превышает 7% [12]. По данному показателю в 2015 г. Россия занимала 47-е место (13,4%) [3].

Однако в отличие от развитых стран в России основной демографической причиной старения населения является не рост продолжительности жизни, а снижение рождаемости, т.е. происходит старение «снизу». Как следствие, в настоящее время возрастная структура российского населения выглядит относительно более молодой, чем в развитых странах. Тем не менее за 25 лет возросла доля лиц пенсионного возраста — с 18,5 до 24,0%; в 2015 г. на 100

человек трудоспособного возраста приходилось 41 человек старше трудоспособного возраста. Отмеченные возрастные пропорции не только сохраняются, но и увеличиваются, что приводит к росту демографической нагрузки на экономику и усилению разбалансированности бюджета пенсионной системы.

Повышение пенсионного возраста выглядит наиболее простым инструментом, обеспечивающим сокращение численности пенсионеров, расходов пенсионной системы и увеличение выплат страховых взносов за счет повышения численности их плательщиков. В России законодательно установленный возраст выхода на пенсию является самым низким из всех стран, имеющих общегосударственную систему обязательного пенсионного обеспечения [35]. Пенсионный возраст для мужчин наступает с 60 лет, для женщин — с 55 лет. Он был установлен еще в 1932 г. на основе обследований рабочих, выходящих на пенсию по инвалидности, и с тех пор не повышался,

Таблица 1. Доля лиц в возрасте 65 лет и более в общей численности населения, %

Страны	1981	1991	2001	2011	2015
Аргентина	8,3	9,2	10,0	10,5	10,9
Бразилия	3,8	4,1	5,2	6,9	7,8
Индия	3,7	3,9	4,5	5,2	5,6
Китай	4,6	5,4	6,8	8,4	9,6
Мексика	3,9	4,3	5,1	6,0	6,5
Соединенные штаты Америки	11,5	12,6	12,3	13,3	14,8
Южноафриканская Республика	3,1	3,2	4,1	5,0	5,0
Япония	9,3	12,4	17,7	23,6	26,3
<i>Страны Восточной Европы, в т.ч.</i>	<i>10,9</i>	<i>11,4</i>	<i>13,4</i>	<i>14,7</i>	<i>15,5</i>
Российская Федерация	10,3	10,6	12,7	13,1	13,4
Украина	11,8	12,4	14,2	15,8	15,3
Чешская Республика	13,3	12,8	13,8	15,9	18,1
<i>Страны Северной Европы, в т.ч.</i>	<i>13,2</i>	<i>13,7</i>	<i>14,6</i>	<i>16,3</i>	<i>17,7</i>
Великобритания	15,1	15,8	15,9	16,4	17,8
Финляндия	12,1	13,6	15,1	17,6	20,5
<i>Страны Южной Европы, в т.ч.</i>	<i>9,7</i>	<i>10,7</i>	<i>13,8</i>	<i>16,1</i>	<i>17,5</i>
Италия	13,3	15,2	18,4	20,8	22,4
Испания	11,2	13,7	16,7	17,4	18,8
<i>Страны Западной Европы, в т.ч.</i>	<i>14,0</i>	<i>14,4</i>	<i>15,5</i>	<i>17,2</i>	<i>18,2</i>
Германия	15,5	15,0	16,6	20,8	21,2
Франция	13,8	14,3	16,2	17,3	19,1

Источник: World DataBank [3].
Примечание. Группировка стран Европы по версии ООН [1].

хотя характер и условия труда заметно изменились [34]. В то же время в развитых странах пенсионный возраст для мужчин составляет 65 лет, а для женщин – равен или приближается к нему. Повышение пенсионного возраста является распространенным ответом на старение населения [14]. Необходимо отметить два основных момента в международном опыте повышения пенсионного возраста. Во-первых, происходит отказ от гендерных различий в возрасте выхода на пенсию или сокращение их. Во-вторых, процесс повышения пенсионного возраста носит долгосрочный характер, осуществляется постепенно и имеет переходный период.

С целью определения возможности повышения пенсионного возраста ослабить влияние старения на пенсионную систему России проведено исследование, заключа-

ющееся в построении прогнозов на основе гипотез о выделении в процессах воспроизводства населения общемировых демографических тенденций и проявлений российских особенностей развития.

Теоретико-методологические основы построения прогноза

Потенциальные варианты дальнейшего демографического развития России зависят от причин происходящих изменений. В глобальном контексте российские демографические тенденции, с одной стороны, тесно переплетаются с переменами развитых стран, с другой – демонстрируют свою специфику. Существует несколько теорий демографического развития, которые можно разделить на две группы.

Первую группу составляют теории, согласно которым все страны в своем развитии проходят последовательные стадии, а

определяющие их детерминанты универсальны для общемирового процесса. К таким теориям можно отнести концепцию человеческого капитала [4]. В рамках данной концепции впервые показана область практического применения теории капиталовложений в «человеческий фактор». Мобилизация огромных ресурсов, включая расходы на здравоохранение, охрану окружающей среды, развитие научных исследований, а также существенный пересмотр законодательных актов, связанных с охраной здоровья, позволили развить социальную инфраструктуру и тем самым ограничить неблагоприятное воздействие факторов физической и социальной среды на демографическое развитие. В результате происходит изменение модели смертности по причинам смерти, смещение центра тяжести с причин, слабо связанных с возрастом, на причины, сильно связанные с ним. Такие трансформации легли в основу теории эпидемиологического перехода [27]. Наряду с теорией эпидемиологического перехода в современной науке применяется теория второго демографического перехода [2; 5], объясняющая возникновение новых паттернов социально-демографического поведения, вызванных определенной социально-экономической средой. Демографические изменения связаны не только с естественным воспроизводством населения, но и с его возросшей мобильностью. Иммиграция вносит значимый вклад в динамику численности местного населения и в изменение его состава. Это позволило Д. Коулмену сформулировать концепцию третьего демографического перехода — особой фазы развития населения страны, в течение которой наиболее значимый вклад в динамику численности населения вносит миграция [20; 21].

Специфика России состоит в запаздывании основных этапов переходов, которое отражает наложение нерешенных проблем развития предыдущих этапов на последующие стадии переходов, а также в тенденциях и особенностях социального и экономического развития регионов. Вторая группа объединила теории, объясняющие специфику развития России. Особое значение с точки зрения особенностей демографического развития имеет функционирование институтов. Под воздействием резких изменений внешней среды — экономической, политической, природной и др. — возникают деструктивные состояния в функционировании институтов, так называемые «институциональные ловушки»¹. По мнению Н. Римашевской, реформы 1990-х гг. нанесли ущерб социально-демографическому развитию посредством существенного снижения качества условий и уровня жизни, социальных напряжений и нестабильности, непреодолимых трудностей адаптации перехода к рынку [33]. Совокупность патологических процессов, которые в ходе реформ вызвали развитие сверхвысокой и сверххранней смертности лиц трудоспособного возраста, ухудшение состояния здоровья и отрицательный естественный прирост населения, Б. Величковским обозначена как социальный стресс [10].

На основе проведенной систематизации современных теоретических подходов к исследованию демографического развития России отмечен двойственный характер этого развития (*рис. 1*). С одной стороны, демографические процессы проходят в рамках глобальных закономерностей развития, под воздействием изменения системы ценностей и образа жизни, а также

¹ Институциональные ловушки — неэффективные, устойчиво сохраняющиеся формы поведения [26].

отношения к образованию, здравоохранению и другим отраслям социальной сферы. Такие изменения приводят к определенным качественным демографическим трансформациям:

- рост среднего возраста заключения брака и материнства снижает вклад в рождаемость молодых женщин;
- переход к эффективным методам планирования семьи сокращает распространенность аборт;
- широкое распространение форм супружества, отличных от традиционной модели брака, приводит к росту числа детей, рожденных вне брака;
- расширение возможностей женщин и равноправие мужчин и женщин на рынке труда приводит к сдвигу времени рождений детей к более поздним возрастам, женщины получили возможности исполь-

зования периода своей жизни до рождения ребенка в образовательных, экономических целях;

- современное здравоохранение резко увеличивает шансы на выживание, поэтому снижение смертности сопровождается уменьшением соотношения ее экзогенных и эндогенных компонент: экзогенная смертность становится более контролируемой и ее вклад уменьшается;
- изменение структуры заболеваний выводит на первое место среди угроз здоровью и жизни человека заболевания неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистые заболевания и рак;
- эндогенные факторы развития организма, связанные с его естественным старением, являются неустранимыми, как и сам процесс старения, ведут к смещению смертности в старшие возрастные группы.

С другой стороны, современные демографические тенденции в России обусловлены социально-экономическими изменениями, спровоцировавшими российские аномалии (высокий уровень смертности, особенно у мужчин и от предотвратимых причин), и проводимой демографической политикой, обеспечившей с 2012 г. определенный естественный прирост населения.

Таким образом, возможны три сценария демографического развития России. Во-первых, сложная текущая экономико-политическая конъюнктура в стране может вызвать ухудшение материального положения населения и неуверенность в экономической стабильности в будущем, что приведет к сохранению высокой смертности и незначительной рождаемости, поддерживающей естественный прирост на нулевом уровне. Во-вторых, в результате активно проводимой демографической политики потенциально достижимы существенное повышение продолжительности жизни (что будет находиться в русле демографических закономерностей) и рост уровня рождаемости (проявление особенностей развития). В-третьих, в дальнейшем Россия может вступить в «завершающие» этапы демографических переходов и эпидемиологического перехода и будет находиться в тренде западноевропейского воспроизводства населения, что предполагает наличие значительного старения населения и распространение нуклеарных семей. Вне зависимости от того, по какому сценарию будет происходить демографическое развитие России, иждивенческая нагрузка на трудоспособное население будет возрастать. Однако масштаб этой нагрузки будет зависеть не только от сценария, но и от принятия решения о повышении пенсионного возраста.

В настоящее время планирование бюджета Пенсионного фонда РФ осуществляется на основе государственной отчетности по форме 94 (Пенсии), которая содержит сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий², а также по статистическим данным о численности и смертности населения с использованием аналитического и экстраполяционного методов прогнозирования [11; 36]. Эти методы не в полной мере учитывают изменения в возрастно-половой структуре населения, что может обуславливать возникновение ошибок в прогнозе. Кроме того, метод экстраполяции предполагает допущение о сохранении силы и характера воздействия определяющих детерминант развития ретроспективного периода в будущем, что не всегда соответствует действительности.

При прогнозировании численности пенсионеров логично использовать метод компонент, или метод передвижки возрастов. Он полностью соответствует логике старения и обновления населения. Данный метод позволяет не только рассчитать общую численность пенсионеров, но и составить их распределение по полу и возрасту. Его применение основано на использовании уравнения демографического баланса:

$$P = P_0 + (N - M) + (I - E),$$

где P – общая численность населения;

P_0 – численность населения на начало года;

N – число родившихся;

M – число умерших;

I – число прибывших;

E – число выбывших.

² В форму не входят пенсионеры силовых, а также ряда других ведомств и категорий госслужащих, т.е. пенсионеры, не состоящие на учете в органах, осуществляющих пенсионное обеспечение [7].

Разница между переменными N и M называется естественным приростом населения, если $N > M$, или естественной убылью, если $N < M$, а разницу между переменными I и E принято называть чистой миграцией или миграционным сальдо. В данной формуле переменные N , M , I и E являются компонентами изменения численности населения за год. Суть метода заключается в том, что данные о численности отдельных возрастно-половых групп передвигаются каждый год в следующий возраст с учетом смертности населения и повозрастного сальдо миграции. Численность нулевой возрастной группы определяется на основании прогноза годового числа рождений и младенческой смертности. Прогноз же годового числа рождений строится на основе числа женщин детородного возраста и частоты деторождения у женщин данного возраста.

Для оптимизации процесса прогнозирования используется программа для расчета демографического прогноза [30], основанная на рассматриваемом методе. Данная программа написана на языке VBA и реализована в виде макроса для Microsoft Excel. Чтобы построить прогноз, необходимы исходные данные на начало первого года прогноза:

- численность населения по пятилетним возрастным группам и полу;
- коэффициент суммарной рождаемости;
- средний возраст матери при рождении ребенка;
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин и женщин;
- коэффициент младенческой смертности;
- число прибывших (иммигрантов);
- коэффициент выбытия (эмиграции).

Относительно возрастных вероятностей дожития, возрастных вероятностей родить

ребенка и возрастного состава мигрантов в программе применены ряд зависимостей, которые существенно облегчают процесс прогнозирования. В прогнозе участвуют 202 возрастные (101 для мужчин и 101 для женщин) вероятности дожития и 35 возрастных вероятностей родить ребенка. Вероятности в разных возрастах достаточно жестко связаны друг с другом, и существуют вполне надежные модели этих взаимосвязей. Возрастные вероятности дожития тесно коррелируются с ожидаемой продолжительностью жизни при рождении. Поэтому для каждого значения ожидаемой продолжительности жизни можно с довольно большой точностью предсказать все возрастные показатели дожития. Возрастной состав мигрантов более всего подвержен колебаниям, но и он не совсем произволен. Существует определенная объективная логика формирования возрастного распределения эмигрантов и иммигрантов, на основе которой можно более или менее точно определить, каким будет возрастной состав прибывающих в страну и выбывающих из нее [7]. Поэтому достаточно установить итоговые характеристики смертности, рождаемости и миграции, а существующие модели в программе перейдут от них к возрастным показателям.

Демографический прогноз до 2036 г. строится по сценариям на основе трех гипотез относительно будущих тенденций демографического развития России. В основу сформированных гипотез легло выделение в процессах воспроизводства населения общемировых демографических тенденций и проявлений российских особенностей развития. Первая гипотеза заключается в том, что в процессах воспроизводства населения России на период прогноза превалирует отклонение от общемирового демографического тренда под воздействием российских особенностей

при сохранении текущего уровня миграции населения. Вторая гипотеза предполагает, что в ближайшие два десятилетия уровень смертности в России будет находиться в русле общемировых демографических закономерностей, но с некоторым запаздыванием, а уровни рождаемости и миграции в результате активной демографической политики возрастут. Согласно третьей гипотезе, к концу прогнозного периода население России полностью перенимает социально-демографическую модель поведения населения развитых стран, что вызовет снижение смертности (значительное старение населения) и уровня репродуктивности (распространение малодетных нуклеарных семей). Исходя из предполагаемых гипотез, сформированы значения отдельных показателей по трем сценариям (табл. 1).

Данный метод может быть использован для оценки последствий повышения пенсионного возраста в России. Основой такой оценки являются прогнозы численности пенсионеров по старости при действующем трудовом законодательстве и потенциальном его изменении в части увеличения пенсионного возраста. Условия его повышения пока официально не представлены в виде законопроекта, поэтому предполагается в прогнозе учесть положения уже одобренного законопроекта, пред-

усматривающего постепенное увеличение до 65 лет (ежегодно по полгода) предельного возраста нахождения на государственной гражданской службе как для мужчин, так и для женщин [32]. Сейчас для этих категорий граждан действует общий порядок. Для изучения эффектов повышения пенсионного возраста до 65 лет для всех категорий граждан России принято следующее допущение. Увеличение пенсионного возраста начинается в 2016 г., осуществляется темпом 6 месяцев в год и закончится для мужчин в 2026 г, а для женщин – 2036 г. Таким образом, к 2036 г. установленный выход на пенсию составит 65 лет для обоих полов.

Результаты прогноза

Результаты проведенных расчетов представлены в таблице 2. Согласно полученным прогнозам будет происходить сокращение общей численности населения России по всем сценариям. Наиболее существенное снижение численности произойдет по первому сценарию демографического развития России, за 2015–2036 гг. оно составит 11,2 млн. человек или 7,7%. Так, в рамках этого сценария тенденция старения населения «снизу» сохранится. Во втором сценарии заложены параметры, характеризующие успешную реализацию проводимой демографической политики в России, что позволило построить относительно благоприятный прогноз. Согласно

Таблица 1. Значения показателей по трем сценариям прогноза на 2036 г.*

Показатель	Сценарий 1	Сценарий 2	Сценарий 3
Коэффициент суммарной рождаемости, ед.	1,79	2,15	1,98
Средний возраст матери при рождении ребенка, лет	30,2	32,3	33,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин, лет	69,7	70,9	73,3
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении женщин, лет	78,5	79,9	83,2
Коэффициент младенческой смертности, чел./1000 родившихся	5,9	4,0	4,0
Миграционный прирост, тыс. чел.	270	300	350
* Составлено по: [8; 24; 25].			

Таблица 2. Прогноз демографических показателей России на 2036 г.

Показатель	Факт 2015	Прогноз		
		Сценарий 1	Сценарий 2	Сценарий 3
Численность населения, млн. чел.	146,3	135,1	145,2	141,1
Численность трудоспособного населения, млн. чел.	85,4 (100,8)	80,2 (88,7)	82,1 (91,1)	81,6 (90,6)
Доля населения трудоспособного возраста, %	58,4 (68,9)	59,3 (65,7)	56,6 (62,7)	57,9 (64,2)
Численность старше трудоспособного населения, млн. чел.	35,2 (19,8)	39,5 (25,8)	42,3 (27,9)	42,0 (27,6)
Доля населения старше трудоспособного возраста, %	24,0 (13,5)	29,2 (19,1)	29,1 (19,2)	29,8 (19,6)
Число лиц старше трудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста, чел.	411,7 (196,5)	492,9 (290,4)	514,7 (305,9)	514,4 (304,8)
Примечание. В скобках стоит значение показателя при повышении пенсионного возраста до 65 лет.				

этому сценарию численность населения уменьшится на 1,1 млн. человек, т.е. на 0,8%. Такой прогноз вполне вероятен, если принимать во внимание те положительные демографические тенденции, которые произошли в России за последние годы. Расчет прогноза по третьему сценарию показал, что население в 2036 г. сократится на 3,6% и составит 141,1 млн. человек. В значения показателей этого сценария заложена следующая логика. Тенденции снижения смертности и роста продолжительности жизни являются более устойчивыми и носят всеобщий характер в отличие от уровня рождаемости, который значительно варьируется в развитых странах. Поэтому по третьему сценарию значение коэффициента суммарной рождаемости предполагается практически на уровне простого воспроизводства населения.

Согласно полученным расчетам, прогнозируется изменение возрастной структуры населения России. По всем сценариям уменьшится численность и доля детей. По первому и третьему сценариям доля населения моложе трудоспособного возраста в 2036 г. составит 12%, по второму сценарию – 14,3% (против 18% в 2015 г.). Кроме того, в России беспрецедентно увеличится

численность и доля пожилого населения. За 2015–2036 гг. их доля вырастет с 24 до 29% (по первому и второму сценарию) или до 30% (по третьему). Наиболее высокая численность лиц старше трудоспособного возраста будет по второму и третьему сценариям: она составит 42 млн. человек, что на 20% больше, чем в 2015 г. Относительно прогноза удельного веса лиц трудоспособного возраста результаты по трем сценариям схожи. В 2036 г. эта доля колеблется от 57 до 59% в зависимости от сценария, что находится на текущем уровне – 58,4%.

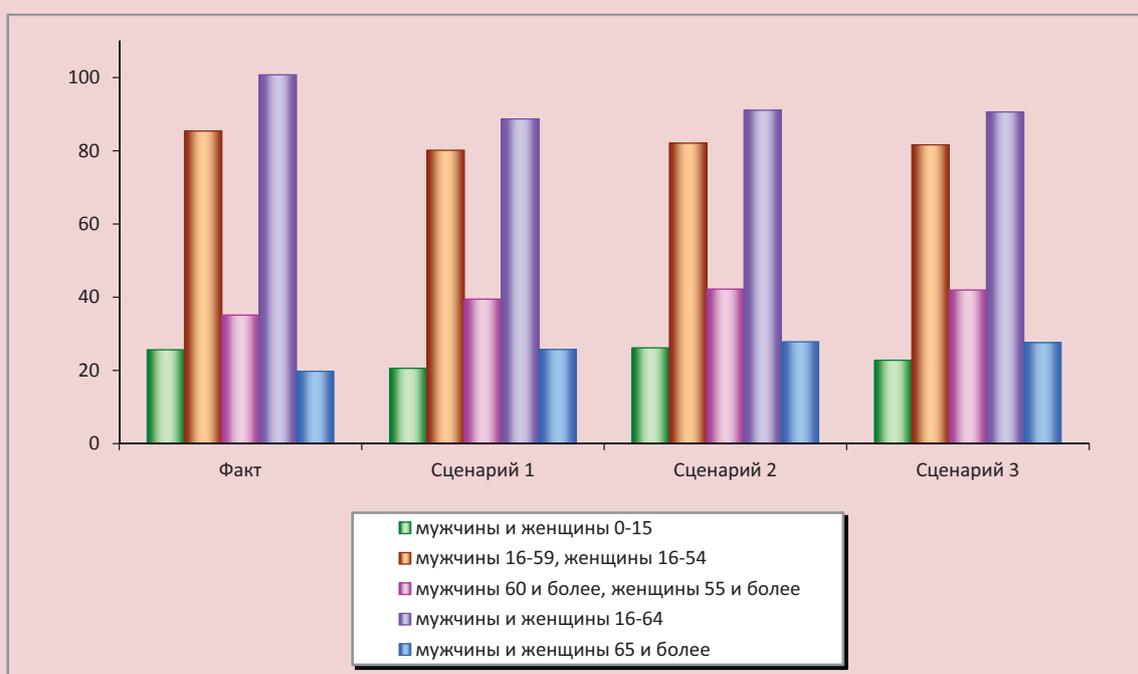
Такие прогнозируемые изменения возрастной структуры определяют существенное усиление демографической нагрузки на трудоспособное население. Причем это усиление будет происходить только за счет роста численности лиц старше трудоспособного возраста. Если в 2015 г. нагрузка пожилыми составляла 412 человек на 1000 лиц в трудоспособном возрасте, то к 2036 г. она может вырасти, по разным сценариям, до 493–515 на 1000. Таким образом, вне зависимости от сценария демографического развития в России будет возрастать демографическая нагрузка на трудоспособных граждан из-за дальнейшего старения населения.

Повышение пенсионного возраста является наиболее обсуждаемым ответом на старение населения, обеспечивающим долгосрочную устойчивость пенсионной системы. Некоторые авторы [22; 23] утверждают, что такому ответу нет и альтернативы с точки зрения систематического поддержания соотношения между числом пенсионеров и работников. По полученным прогнозам, при постепенном увеличении пенсионного возраста к 2036 г. это соотношение сократится. В зависимости от сценария на 1000 человек трудоспособного возраста будет приходиться 290–305 человек старше трудоспособного возраста. Причем в первую очередь это сокращение произойдет за счет снижения численности лиц пенсионного возраста на 34–35% по сравнению с расчетом с неизменным пенсионным возрастом, численность же лиц трудоспособного населения увеличится лишь на

11% (рис. 2). При повышении пенсионного возраста доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения в 2036 г. составит 19–20%, при неизменном возрасте – 29–30%.

С повышением пенсионного возраста гендерная пропорция трудоспособного населения не изменится, в отличие от структуры населения пожилого возраста. Как прогнозируется, без повышения пенсионного возраста в 2036 г. удельный вес мужчин составит 33%, а в случае повышения пенсионного возраста – 35%. Такой сдвиг характерен для всех сценариев демографического развития России. По результатам полученных прогнозов проведен расчет среднего возраста пожилого населения. В 2015 г. средний возраст мужчин старше трудоспособного возраста составлял 69 лет, при условии сохранения пенсионного возраста на прежнем уровне к 2036 г. он уве-

Рисунок 2. Прогноз численности населения России по основным возрастным группам на 2036 г., млн. чел.

личится на 1 год, а при повышении — на 4 года. Средний возраст женщин старше трудоспособного возраста в 2015 г. был равен 68 годам, в 2036 г. прогнозируется его увеличение на 1 год (при неизменном пенсионном возрасте) и на 7 лет (при повышении). Необходимо отметить, что значения этого показателя несущественно варьируются по сценариям.

Таким образом, полученные результаты прогнозирования показали, что, во-первых, демографическая нагрузка на трудоспособное население продолжит усиливаться при реализации всех сценариев демографического развития России, причем наиболее существенно — по второму сценарию, характеризующему успешно проводимую демографическую политику. Вместе с тем необходимо учитывать, что полученный прогноз относится к возрастной структуре населения. Численность же реальных плательщиков пенсионных взносов намного меньше численности лиц трудоспособного возраста (за счет существования экономически неактивного населения, безработных, неформально занятых), а численность пенсионеров больше численности лиц пенсионного возраста (из-за наличия досрочных пенсий по старости, пенсий по инвалидности). И, во-вторых, значительным потенциальным резервом снижения демографической нагрузки на трудоспособное население является численность женщин пенсионного возраста. С учётом различия в продолжительности жизни мужчин и женщин можно говорить о большей оправданности с демографической точки зрения повышения пенсионного возраста для женщин.

Заключение и выводы

Полученные прогнозы показали, что старение населения в России является неизбежным процессом. В зависимости от

того, будут ли демографические процессы лежать в русле общемировых тенденций или проявятся российские особенности развития, процесс старения населения будет происходить в первом случае «сверху», во втором случае «снизу». Прогноз подтвердил известный парадокс, что если ситуация со снижением смертности будет улучшаться и дальше, как это происходило в последние годы, то темпы старения, негативно влияющие на сбалансированность пенсионной системы, окажутся еще более высокими, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

В мире разработаны два основных ответа на старение населения. Первый подход состоит в переходе от распределительной системы к накопительной. Источником пенсионных выплат вместо взносов работников становятся собственные обязательные накопления пенсионера, сделанные в период его трудовой активности [13]. Однако такой подход предполагает наличие эффективно работающих пенсионных фондов. Ключевым показателем, характеризующим эффективность их работы, является доходность. Средняя доходность негосударственных пенсионных фондов (НПФ) в 2014 г. составила 4,81% годовых [28] (при инфляции равной 11,35%). Кроме того, ограничивает развитие российских НПФ недоверие граждан к частным институтам, осуществляющим пенсионное страхование. Не способствуют повышению доверия населения к пенсионным преобразованиям слабая информированность и низкая финансовая грамотность населения. Согласно социологическим опросам, почти треть респондентов не знают, где находятся их пенсионные накопления, 41% опрошенных не знают, о какой сумме идет речь, а большинство опрошенных граждан (51%) ничего не предпринимают со своими

пенсионными накоплениями [6]. Такие результаты опроса вполне ожидаемы. Для того чтобы решить отказаться от накопительной части пенсии полностью либо оставить и инвестировать соответствующие средства через НПФ, гражданам необходимо оценить большое количество факторов, касающихся функционирования финансового рынка (опыт НПФ и управляющей компании, структуру активов, конъюнктуру доходности, инфляцию и др.).

Второй подход, состоящий в повышении пенсионного возраста, приводит к увеличению плательщиков пенсионных взносов за счет сокращения получателей пенсий. Результаты прогнозных расчетов подтвердили наличие возможности существенно ослабить влияние старения населения на пенсионную систему России путем повышения пенсионного возраста до 65 лет, особенно это относится к женщинам. Учитывая, что значительным потенциальным резервом снижения демографической нагрузки на пенсионную систему является численность женщин пенсионного возраста, которые к тому же сейчас живут дольше границы пенсионного возраста и дольше мужчин, целесообразно было бы для начала выровнять границы пенсионного возраста мужчин и женщин на уровне 60 лет. Такой подход во многом закрепляет существующее положение дел. Во-первых, в сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности [19]. По данным выборочных обследований населения, проводимых Росстатом по проблемам занятости, доля женщин, занятых в экономике, составляет 48% [18]. Причем отмечена следующая закономерность: с увели-

чением стажа работы эта доля возрастает. Удельный вес женщин, занятых в экономике, со стажем 10 лет и более составляет 52%. Во-вторых, возрастает трудовая активность женщин пенсионного возраста: в 2005 г. на 100 женщин в возрасте 60–72 лет приходилось 13 работающих женщин этого же возраста, а в 2015 г. уже – 18. Повышается средний возраст женщин, занятых в экономике, за тот же период он увеличился на 1,1 года и в 2015 г. составил 41,2 года [16; 17]. Аналогичные тенденции наблюдаются в занятости мужчин.

Тем не менее, согласно социологическим опросам, абсолютное большинство опрошенных не поддерживают постепенное повышение пенсионного возраста на 5 лет. При этом более половины респондентов (56%) планируют продолжать работать после вступления в пенсионный возраст, но с увеличением возраста доля готовых продолжать трудовую деятельность снижается [31]. Эта готовность во многом зависит от состояния здоровья, которое у пожилого населения в России является достаточно низким. На сегодняшний день лиц старше трудоспособного населения регистрируется в среднем по 2 заболевания [26]. Среди доводов против повышения пенсионного возраста специалисты называют также высокий уровень инвалидизации населения, который при повышении общеустановленного пенсионного возраста вызовет резкий скачок числа получателей пенсий по инвалидности [15]. Поэтому вопрос о повышении пенсионного возраста до сих пор остается неоднозначным и непопулярным среди населения. Представляется, что повышение пенсионного возраста реализуемо, но должно быть тщательно подготовлено и проходить постепенно, а также сопровождаться рядом дополнительных мер. Эти меры в первую очередь должны быть

направлены на повышение здоровья населения, доходности пенсионных накоплений, информированности и финансовой грамотности населения, а также на устранение стимулов к неформальному трудоу-

стройству как со стороны работодателя, так и со стороны наемных работников. Только в комплексе эти меры предоставят гражданам возможность обеспечения достойного уровня пенсии.

Литература

1. Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. – Режим доступа: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm>.
2. Lesthaege, R. The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation [Текст] / R. Lesthaege. – Brussels: IPD Working Paper, 1992. – P. 53.
3. Population ages 65 and above (% of total) [Электронный ресурс] // World Data Bank. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.65UP.TO.ZS>.
4. Shultz, T. Investment in Human Capital [Текст] / T. Shultz. – N.Y., London, 1971. – P. 26-28.
5. Van de Kaa, D. J. Europe's Second Demographic Transition [Текст] / D. J. Van de Kaa // Population Bulletin. – 1988. – Vol. 42. – №1.
6. Агеева, Е.В. Изменение роли пенсионных накоплений в системе обязательного пенсионного страхования [Текст] / Е.В. Агеева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25. – № 3. – С. 495–502.
7. Андреев, Е.М. Предсказывать трудно – особенно будущее [Электронный ресурс] / Е.М. Андреев // Демоскоп Weekly. – 2001. – № 33-34. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/033/progn01.php>.
8. Васильева, Е.В. Проблема управляемости социально-демографическими процессами региона [Текст] / Е.В. Васильева // Государственное управление: электронный вестник. – 2013. – № 38. – С. 5-21.
9. Организация и проведение комплексного мониторинга положения инвалидов в России в свете Конвенции ООН о правах инвалидов [Электронный ресурс] / С.А. Васин, Ю.М. Горлин, Е.Е. Гришина, М.А. Елисеева, Т.М. Малева, Л.Г. Рагозина, А.В. Рамонов, А.О. Тындик. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/09/30/1100430112/Васин%20и%20др.%20Организация....pdf>.
10. Величковский, Б.Т. Жизнеспособность Нации. Роль социального стресса и генетических особенностей популяции в развитии демографического кризиса и изменении состояния здоровья населения России [Текст] / Б.Т. Величковский. – М.: РАМН, 2009. – 176 с.
11. Габдрахманов, Н.К. Метод передвижки возрастов в прогнозировании численности пенсионеров Республики Татарстан [Текст] / Н.К. Габдрахманов, В.А. Рубцов // Экологический консалтинг. – 2014. – № 2. – С. 29-35.
12. Гонтмахер Е. Проблема старения населения в России [Текст] / Е. Гонтмахер // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №1. – С. 22-29
13. Гурвич, Е.Т. Долгосрочные демографические вызовы и пенсионная политика [Текст] / Е.Т. Гурвич // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – №9. – С. 193-196.
14. Гурвич, Е.Т. Принципы новой пенсионной реформы [Текст] / Е.Т. Гурвич // Вопросы экономики. – 2011. – №4. – С. 4-31.
15. Доклад Минздравсоцразвития. Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом влияния мирового финансового кризиса [Электронный ресурс] // Лаборатория пенсионной реформы. – Режим доступа: <http://pensionreform.ru/607959>.
16. Занятое население по возрасту [Электронный ресурс] // Обследование населения по проблемам занятости – 2006. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_30/IssWWW.exe/Stg/d040/labor201.htm.

17. Занятое население по возрасту [Электронный ресурс] // Обследование населения по проблемам занятости. – 2015. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm.
18. Занятое население по полу, видам экономической деятельности и стажу на основной работе – 2015 [Электронный ресурс] // Обследование населения по проблемам занятости. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm.
19. Кон, И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции [Электронный ресурс] / И.С. Кон // Демоскоп Weekly. – 2010. – №447-448. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0447/analit05.php>.
20. Коулмен, Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии [Текст] / Д. Коулмен // Миграции и развитие. – М.: Мысль, 2007. – С. 12-48.
21. Коулмен, Д. Третий демографический переход? [Электронный ресурс] / Д. Коулмен // Демоскоп Weekly. – 2007. – №299-300. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php>.
22. Кудрин, А. Старение населения и угроза бюджетного кризиса [Электронный ресурс] / А. Кудрин, Е. Гурвич // Демоскоп Weekly. – 2012. – №511-512. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/analit01.php>.
23. Лельчук, А. Пенсионный возраст [Электронный ресурс] / А. Лельчук // Лаборатория пенсионной реформы. – Режим доступа: <http://pensionreform.ru/71358>.
24. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 606 // Система ГАРАНТ.
25. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ.
26. Общая заболеваемость населения старше трудоспособного возраста (с 55 лет у женщин и с 60 лет у мужчин) по России в 2014 году [Текст]: стат. сборник / ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России. – М., 2015. 198 с.
27. Омран, А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения [Текст] / А. Омран // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. – М., 1977. – С. 57-91.
28. Пенсионные накопления 2014 год [Электронный ресурс]. – М., 2015. – Режим доступа: <http://pensionreform.ru/files/97896/PensionSavingsinRussia.2014.pdf>.
29. Полтерович, В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы [Текст] / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – Т.35. – №2.
30. Программа демографического прогноза [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2016. – июнь. – №689–690. – Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/app/progn01.php.
31. Результаты опросов общественного мнения по пенсионной тематике [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gosmintrud.ru/pensions/razvitie/199>.
32. Решения, принятые на заседании Правительства 22 октября 2015 года [Электронный ресурс] / Правительство России. – Режим доступа: <http://government.ru/news/20199/>.
33. Римашевская, Н.М. Человек и реформы: секреты выживания [Текст] / Н.М. Римашевская. – М.: ИСЭПН РАН, 2003.
34. Синявская, О. Как повышать пенсионный возраст в России [Электронный ресурс] / О. Синявская // Отечественные записки. – 2005. – №3. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyu-vozzrast-v-rossii>.
35. Соловьев, А.К. Демографические условия повышения пенсионного возраста в России [Текст] / А.К. Соловьев // Народонаселение. – 2015. – № 2 (68). – С. 39-51.
36. Трофимова, Н.А. Использование селективных таблиц смертности для прогнозирования численности получателей различных видов пенсий [Текст] / Н.А. Трофимова // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 2. – С. 127-136.

Сведения об авторах

Елена Витальевна Чистова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр экономической безопасности, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, оф. 523, elvitvas@ya.ru)

Валерий Петрович Чичканов – доктор экономических наук, член-корреспондент, ведущий научный сотрудник, Центр экономической безопасности, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, оф. 523, elvitvas@ya.ru)

Chistova E.V., Chichkanov V.P.

Forecasting the Effects of Raising the Retirement Age on Russia's Demographic Structure

Elena Vital'evna Chistova – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Centre for Economic Security. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 523, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, elvitvas@ya.ru)

Valerii Petrovich Chichkanov – Doctor of Economics, Corresponding Member, Leading Research Associate, Centre for Economic Security. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 523, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, elvitvas@ya.ru)

Abstract. The paper assesses the possibility of raising the retirement age to mitigate the effects of ageing on the pension system of Russia. The authors make demographic forecasts based on hypotheses about the presence of global demographic trends in population reproduction and manifestations of development features specific for Russia. The demographic forecast is based on the age shifting method according to three scenarios. The forecast takes into account the provisions of a draft law that has already been approved and that provides for a gradual increase in age limit for civil servants, both men and women, to 65 years (by six months each year). The following assumption is made for the purpose of studying the effects of raising the retirement age to 65 years for all categories of Russian citizens. The increase in the retirement age begins in 2016 at the rate of 6 months per year, and it will end for men in 2026 and for women – in 2036. Thus, by 2036, the official retirement age will be 65 years for both sexes. The resulting forecasts show that population ageing in Russia is an inevitable process. Depending on whether demographic processes are in line with global trends or whether certain specific Russian features of development are revealed, ageing process will occur in the first case – “from above”, in the second case – “from below”. The forecast has confirmed a well-known paradox that if the situation regarding the decline in mortality is improved further, as has happened in recent years, then the pace of ageing that negatively affects the balance of the pension system will be even higher, at least in the medium term. Forecast calculations have shown that, first, demographic burden on the working population will continue to increase under any demographic development scenario implemented in Russia, and most significantly, under a scenario that describes a successful demographic policy. Second, the number of retirement age women is a significant potential reserve for decreasing the demographic burden on able-bodied population. It appears that raising the retirement age is feasible but it should be carefully prepared so as to be implemented gradually and accompanied by several additional measures.

Key words: pension system, retirement age, demographic forecast, population ageing, global demographic trends and Russian peculiarities.

References

1. Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings. *United Nations Statistics Division*. Available at: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm>.
2. Lesthaege R. *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation*. Brussels: IPD Working Paper, 1992. P. 53.
3. Population ages 65 and above (% of total). *World Data Bank*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.65UP.TO.ZS>.
4. Shultz T. *Investment in Human Capital*. New York, London, 1971. Pp. 26-28.
5. Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*, 1988, vol. 42, no. 1.
6. Ageeva E.V. Izmenenie roli pensionnykh nakoplenii v sisteme obyazatel'nogo pensionnogo strakhovaniya [Changing the role of pension savings in the compulsory pension insurance system]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], 2015, vol. 25, no. 3, pp. 495-502. [in Russian].
7. Andreev E.M. Predskazyvat' trudno – osobenno budushchee [Predicting is not an easy thing – especially predicting the future]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2001, no. 33-34. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/033/progn01.php>. [in Russian].
8. Vasil'eva E.V. Problema upravlyaemosti sotsial'no-demograficheskimi protsessami regiona [Problem of controllability of socio-demographic processes in the region]. *Gosudarstvennoe upravlenie: elektronnyi vestnik* [Electronic bulletin on public administration], 2013, no. 38, pp. 5-21. [in Russian].
9. Vasin S.A., Gorlin Yu.M., Grishina E.E., Eliseeva M.A., Maleva T.M., Ragozina L.G., Ramonov A.V., Tyndik A.O. *Organizatsiya i provedenie kompleksnogo monitoringa polozheniya invalidov v Rossii v svete Konventsii OON o pravakh invalidov* [Organization and implementation of comprehensive monitoring of the situation regarding persons with disabilities in Russia in light of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. Available at: <https://www.hse.ru/data/2014/09/30/1100430112/Vasin%20i%20dr.%20Organizatsiya....pdf>. [in Russian].
10. Velichkovskii B.T. *Zhiznesposobnost' Natsii. Rol' sotsial'nogo stressa i geneticheskikh osobennostei populyatsii v razvitiu demograficheskogo krizisa i izmenenii sostoyaniya zdorov'ya naseleniya Rossii* [Viability of the nation. The role of social stress and genetic characteristics of the population in the development of demographic crisis and changes in health status of Russia's population]. Moscow: RAMN, 2009. 176 p. [in Russian].
11. Gabdrakhmanov N.K., Rubtsov V.A. Metod peredvizhki vozrastov v prognozirovanii chislennosti pensionerov Respubliki Tatarstan [The age-shifting method in forecasting the number of pensioners in the Republic of Tatarstan]. *Ekologicheskii konsalting* [Ecological consulting], 2014, no. 2, pp. 29-35. [in Russian].
12. Gontmakher E. Problema stareniya naseleniya v Rossii [Population ageing in Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2012, no. 1, pp. 22-29. [in Russian].
13. Gurvich E.T. Dolgosrochnye demograficheskie vyzovy i pensionnaya politika [Long-term demographic challenges and the pension policy]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2011, no. 9, pp. 193-196. [in Russian].
14. Gurvich E.T. Printsipy novoi pensionnoi reformy [Roadmap for the New Pension Reform]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2011, no. 4, pp. 4-31. [in Russian].
15. Doklad Minzdravsotsrazvitiya. Itogi pensionnoi reformy i dolgosrochnye perspektivy razvitiya pensionnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii s uchetom vliyaniya mirovogo finansovogo krizisa [Report of the Health Ministry. The results of the pension reform and the long-term prospects of the pension system of the Russian Federation taking into account the impact of the global financial crisis]. *Laboratoriya pensionnoi reformy* [Laboratory for the pension reform]. Available at: <http://pensionreform.ru/607959>. [in Russian].
16. Zanyatoe naselenie po vozrastu [Employed population by age]. *Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti – 2006* [Population Survey on Employment – 2006]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_30/IssWWW.exe/Stg/d040/labor201.htm. [in Russian].
17. Zanyatoe naselenie po vozrastu [Employed population by age]. *Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti. – 2015* [Population Survey on Employment – 2015]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm. [in Russian].
18. Zanyatoe naselenie po polu, vidam ekonomicheskoi deyatel'nosti i stazhu na osnovnoi rabote – 2015 [Employed population by sex, economic activity and duration of employment on the main job – 2015]. *Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti* [Population Survey on Employment]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm. [in Russian].

19. Kon I.S. Tri v odnom: seksual'naya, gendernaya i semeinaya revolyutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2010, no. 447-448. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0447/analit05.php>. [in Russian].
20. Coleman D. Immigratsii i etnicheskie sdvigi v stranakh s nizkoi rozhdadnost'yu – tretii demograficheskii perekhod v deistvii [Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition]. *Migratsii i razvitie* [Migrations and development]. Moscow: Mysl', 2007. Pp. 12-48. [in Russian].
21. Coleman D. Tretii demograficheskii perekhod? [A third demographic transition?]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2007, no. 299-300. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php>. [in Russian].
22. Kudrin A., Gurvich E. Starenie naseleniya i ugroza byudzhetnogo krizisa [Population ageing and the threat of fiscal crisis]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2012, no. 511-512. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/analit01.php>. [in Russian].
23. Lel'chuk A. Pensionnyi vozrast [Retirement age]. *Laboratoriya pensionnoi reform* [Laboratory for the pension reform]. Available at: <http://pensionreform.ru/71358>. [in Russian].
24. O merakh po realizatsii demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 07.05.2012 № 606 [About the measures for implementation of demographic policy of the Russian Federation: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2012 No. 606]. *Sistema GARANT* [GARANT System]. [in Russian].
25. Ob utverzhdenii Kontseptsii demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 09.10.2007 № 1351 (s izmeneniyami i dopolneniyami) [About the approval of the concept for demographic policy of the Russian Federation for the period till 2025: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of October 09, 2007 No. 1351 (with amendments and supplements)]. *Sistema GARANT* [GARANT System]. [in Russian].
26. *Obshchaya zaboлеваemost' naseleniya starshe trudosposobnogo vozrasta (s 55 let u zhenshchin i s 60 let u muzhchin) po Rossii v 2014 godu: stat. sbornik* [General morbidity of the population older than working age (55 years for women and 60 years for men) in Russia in 2014: statistics collection]. Moscow, 2015. 198 p. [in Russian].
27. Omran A. Epidemiologicheskii aspekt teorii estestvennogo dvizheniya naseleniya [The epidemiological transition: a theory of the epidemiology of population change]. *Problemy narodonaseleniya. O demograficheskikh problemakh stran Zapada* [Population issues. On the demographic problems of Western countries]. Moscow, 1977. Pp. 57-91. [in Russian].
28. *Pensionnye nakopleniya 2014 god* [Retirement savings 2014]. Moscow, 2015. Available at: <http://pensionreform.ru/files/97896/PensionSavingsinRussia.2014.pdf>. [in Russian].
29. Polterovich V.M. Institucional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and mathematical methods], 1999, vol. 35, no. 2. [in Russian].
30. Programma demograficheskogo prognoza [Program for demographic forecast]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2016, June, no. 689–690. Available at: www.demoscope.ru/weekly/app/progn01.php. [in Russian].
31. Rezul'taty oprosov obshchestvennogo mneniya po pensionnoi tematike [The results of public opinion polls on the topic of pensions]. *Ministerstvo truda i sotsial'noi zashchity Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation]. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/pensions/razvitie/199>. [in Russian].
32. Resheniya, prinyaty na zasedanii Pravitel'stva 22 oktyabrya 2015 goda [Decisions taken at the Cabinet meeting on October 22, 2015]. *Pravitel'stvo Rossii* [The Government of Russia]. Available at: <http://government.ru/news/20199/>. [in Russian].
33. Rimashevskaya N.M. *Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya* [An individual and reforms: the secrets of survival]. Moscow: ISEPN RAN, 2003. [in Russian].
34. Sinyavskaya O. Kak povyshat' pensionnyi vozrast v Rossii [How to raise the retirement age in Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2005, no. 3. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii>. [in Russian].
35. Solov'ev A.K. Demograficheskie usloviya povysheniya pensionnogo vozrasta v Rossii [Demographic aspects of raising the retirement age in Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2015, vol. 68, no. 2, pp. 39-51. [in Russian].
36. Trofimova N.A. Ispol'zovanie selektivnykh tablits smertnosti dlya prognozirovaniya chislennosti poluchatelei razlichnykh vidov pensii [The use of selective tables on mortality to forecast the number of recipients of different types of pension]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2010, no. 2, pp. 127-136. [in Russian].

DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.8

УДК 37.014.54:332.1 (470.12), ББК 65.240

© Леонидова Г.В., Головчин М.А., Ласточкина М.А., Устинова К.А.

«Работники знаний» и модернизация региона*

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
galinaleonidova@mail.ru

**Максим Александрович
ГОЛОВЧИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
mag82@mail.ru

**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
mashkop@mail.ru

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ustinova-kseniya@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

Аннотация. Профессиональное образование выступает основным звеном подготовки кадров и выполняет функцию «драйвера» модернизационных процессов. Носителями специфических квалификаций и знаний, которые предоставляет система профобразования, является особая категория «работников знаний». Профессиональная деятельность этой группы стратегически важна для трансформирующейся экономики. В статье на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта выделены критерии отнесения населения к «работникам знаний»: образовательный уровень, трудоустройство в «интеллектуалоемких» отраслях. В исследовании определены специфические характеристики «работников знаний», представлена их типология в зависимости от должностной принадлежности (профессиональные менеджеры, новые рабочие, дипломированные техники, ученые, специалисты-новаторы). Основной акцент сделан на определении уровня реализации трудового потенциала квалифицированных специалистов в контексте модернизации экономики. Определена зависимость уровня модернизации регионов от занятости работников с профессиональным образованием. В то же время обращается внимание, что на осуществление модернизации территорий в большей степени влияет не столько подготовка «работников знаний», сколько реализация их потенциала на рынке труда. Этот тезис подтверждается результатами корреляционного анализа, которые свидетельствуют об отсутствии прямой связи между численностью студентов колледжей и вузов и уровнем модернизации территорий. С позиции эффективной реализации накопленного потенциала в исследовании показана важность включения в трудовой процесс выпускников образовательных организаций в соответствии с полученной специальностью. Выявлены проблемы, сдерживающие трудоустройство по специальности. В исследовании показано, что замедление модернизационных процессов обуславливается преимущественно экономическими и когнитивными аспектами, в частности, к разбалансированности составляющих индекса вторичной модернизации приводит недостаточное число ученых и инженеров, людей, подающих патентные заявки, маленькая доля затрат на научные исследования и конструкторские разработки в ВРП. Выявлено, что одним из способов совершенствования человеческого капитала является повышение инновационной активности молодежи; обоснован тезис о прямом положительном влиянии развития компетенций на участие в исследованиях и научных разработках. Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегических планов развития инновационных отраслей и социального предпринимательства в регионах России.

Ключевые слова: регион, модернизация, образование, рынок труда, «работники знаний», «сверхквалификация».

Как показывает мировой опыт, ключевая роль в модернизационных процессах отводится человеческим ресурсам, главным фактором экономического роста и главной ценностью общества становится человеческий капитал как совокупность знаний, умений, компетенций работника [17, с. 3-15].

Этот тезис подтверждается в одной из работ А. Крюгера и М. Линдаля «Образование для экономического роста», в которой показано, что увеличение запасов чело-

веческого капитала у населения с высшим образованием сопровождается достижением высокого технологического и экономического уровня в масштабах национальной экономики [21, с. 1101-1136]. Низкий уровень инвестиций в высшее образование в европейских странах по сравнению с США (1,4% ВВП против 3% ВВП) в начале 2000-х гг. рассматривался зарубежными исследователями в качестве одной из причин отставания стран Европы по темпам экономического роста [22, с. 757-777].

Соответственно ведущая роль в трансформации общества и экономики отводится образованию, подготовке будущих «генераторов и воплощений инновационных идей». Среди таковых – люди с высоким образовательным уровнем, работающие на основе знаний и посредством их, способные создавать новое знание, новый продукт, новый метод и т.п. [2, с. 50]. Для обозначения этой группы экспертами ОЭСР применяется термин «human resources in science and technology». По оценкам сотрудников ОЭСР, доля этой категории специалистов среди занятого населения в развитых странах ЕС превышает 35% (в США – более 40%) [23, с. 88]. В её состав входят получившие третичное образование (т.е. среднее и высшее профессиональное, а также послевузовское) и/или занятые в различных видах интеллектуальной деятельности (наука, образование, информационно-коммуникационные технологии), предполагающих высокую квалификацию и инновационный потенциал.

В научном плане тема человеческих ресурсов получила заметный импульс в развитии в конце XX – начале XXI века. Среди зарубежных исследователей, которые затрагивали этот вопрос, были П. Вайзе, Х. Гаго, Я. Дай, М. Кастельс, Б. Кхадрия, С. Нас, Ч. Фанг. Среди отечественных – М.Ю. Барбашин, В.В. Боброва, Э.Д. Вильховченко, Л.В. Докашенко, В.Л. Иноземцев, И.П. Цапенко, М.А. Юревич и др. Отдельно стоит упомянуть работы К. Канибано, Т. Поуга, И. Чоу, А. Экеленда, посвященные методологии оценки спроса и предложения на высококвалифицированных специалистов.

Обобщение отечественных и зарубежных исследований по данной проблематике позволило установить, что группа «работников знаний» неоднородна. П. Друкер,

например, критерием отнесения к «работникам знаний» считал владение интеллектом, памятью, знаниями, инициативой, личным опытом и выделял две категории «работников знаний»:

- *управленцы*;
- *специалисты* (менеджеры определенного уровня, консультанты, программисты, пользователи программного обеспечения и т.п.) [19].

Более дифференцированный подход к типологизации «работников знаний» использовал Э.Д. Вильховченко. Им выделено четыре подгруппы в зависимости от принадлежности к той или иной должности: 1) *профессиональные менеджеры* (носители специальных знаний по маркетингу, инжинирингу, управлению интеллектуальными и человеческими ресурсами); 2) *ученые, специалисты-новаторы* (носители экспертных знаний, обладатели дипломов и научных степеней); 3) *дипломированные техники* (вспомогательный персонал, работающий в кооперации со специалистами); 4) *новые рабочие* или «когнитариат» (рабочие, занятые преимущественно в автоматизированном, опытно-внедренческом производстве, наукоемких сферах сервиса) [2, с. 50].

Системный подход к интерпретации категории «работники знаний» представлен в документе «Руководство Канберры» (Canberra Manual), подготовленном Европейской комиссией совместно с Организацией экономического сотрудничества и развития в 1995 г. В нем помимо видов экономической деятельности, в которых заняты «работники знаний», определены также образовательные и квалификационные характеристики этой категории [24].

Каждый исследователь внес свой вклад в расширение представлений о характерных чертах «работников знаний». Обобщение разных точек зрения позволило вы-

делить специфические особенности этой группы, связанные с образованием и квалификацией, сферой занятости, характером труда (табл. 1).

Необходимо отметить, что большинство исследователей для определения сущности категории «работников знаний» прибегают к таким субъективным характеристикам, как активность, стремление к самореализации,

инновационность мышления, мобильность и т.д., которые в силу своей природы практически не поддаются вычислению. В рамках нашего исследования мы выбрали «рабочие» показатели, которые позволят дать объективный анализ положения этой социально-профессиональной группы в обществе, – уровень образования и занятость на рынке труда.

Таблица 1. Специфические характеристики, присущие «работникам знаний», представленные в работах зарубежных и отечественных ученых

Автор	Характеристики
Druker P. (1994)	- Владение своими собственными средствами производства: неразрывно принадлежащими интеллектом, памятью, знаниями, инициативой, личным опытом
Castells M. (1999)	- Высокая насыщенность информацией и знаниями
Иноземцев В.Л. (2000)	- Высокие стандарты образования (выше, чем у большинства граждан) - Занятость в новейших отраслях промышленности и сфере услуг - Возможность приобретать необходимые средства производства в личную собственность - Возможность индивидуального производства информационных продуктов - Востребованность представителей этого слоя в разных структурных элементах социальной иерархии - Исключительная мобильность
Khadria B. (2004)	- Представители этого слоя имеют третичное образование в сфере науки и техники и заняты по научно-техническим специальностям, где выше квалификация не требуется
Nås S.O. (2008)	- Образовательный уровень - Занятость - Тип рабочего места (университет, научно-исследовательский институт)
Вильховченко Э.Д. (2010)	- Постоянное повышение планки уровня своего образования - Умножение применяемых в работе знаний - Активная и грамотная предприимчивость, высокая производительность и ответственность за результаты деятельности - Способность на основе своих знаний создавать новое знание, новый продукт, новый метод и т.д.
Fang H., Dai Y. (2011)	- Ядро научных и технологических процессов, необходимое для поддержания производства, распространения и применения научных и технологических знаний
Докашенко Л.В., Боброва В.В. (2011)	- Отсутствие жесткой зависимости от организации - Возможность производить информационный продукт самостоятельно, имея необходимые средства производства в личной собственности - Предлагают работодателю не способности к труду, а его результат, не рабочую силу, а потребительскую стоимость, воплощенную в инновационном продукте (технологии)
Цапенко И.П., Юревич М.А. (2014)	- Вовлеченность в интеллектуальную деятельность, которая связана с разработкой и применением новых и обновленных (в том числе социальных) технологий - Активное участие в созидании интеллектуального общества знаний
Барбашин М.Ю. (2014)	- Стремление к осуществлению задач самореализации, общественной пользы, служения профессиональному долгу - Ориентация на творческую работу и социальную инициативу - Осознание необходимости перемен при взаимодействии общества и государства
Источник: составлено авторами.	

Несмотря на различие позиций, современные исследователи сходятся на том, что увеличение численности «работников знаний» на рынке труда, особенно в период трансформаций и экономической нестабильности, сопровождается аллокационным эффектом, заключающимся в том, что население с более высоким образовательным уровнем обладает лучшими адаптационными способностями. В целом дипломированные специалисты успешнее приспосабливаются к непредвиденным изменениям в экономической, институциональной и технологической среде, а значит, являются незаменимыми для развития инновационной экономики.

Однако такие результаты достигаются преимущественно в условиях соответствия накопленного потенциала требованиям экономического развития. В обратной ситуации возникает ряд проблем, связанных с неэффективным использованием или недоиспользованием человеческого капитала, что препятствует модернизации экономики. На индивидуальном уровне к их числу можно отнести трудоустройство не по специальности, необходимость дополнительных инвестиций в переподготовку и повышение образовательного уровня, безработицу.

Из-за нехватки профессионального опыта, асимметрии информации молодые специалисты сталкиваются со значительными сложностями при приеме на работу. По данным Международной организации труда в мире около 75 млн. молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет являются безработными. Уровень молодежной безработицы практически вдвое превышает безработицу среди взрослых. Отмечается, что за период 2008–2012 гг. страны ЕС ежегодно недополучали 1,2% своего ВВП из-за «потерянного поколения» нигде не работающих и не обучающихся молодых людей [8].

Среди диспропорций, приводящих к неэффективному использованию человеческого капитала, — трудоустройство не по специальности, несоответствие квалификации работников требованиям рабочих мест. В Вологодской области, по данным мониторинга качества трудового потенциала, в 2014 г. 40% населения работали не по специальности (в 2009 г. — 55%). Нарастание диспропорций между сферой образования и рынком труда сопровождалось обесценением квалифицированной рабочей силы. Это подтверждается данными обследования населения по проблемам занятости, ежеквартально проводимого в регионах России Федеральной службой государственной статистики на основе выборочного опроса домохозяйств: не менее трети работников с третичным образованием выполняли работу, не требующую высокой квалификации [15]. Этот феномен, известный как «сверхквалификация», по некоторым оценкам охватывает порядка 10–30% занятых россиян [17, с. 3–15]. В Вологодской области только в половине случаев квалификация соответствовала требованиям рабочих мест, примерно у четверти населения она была выше необходимой.

Среди проблем, связанных с использованием человеческого капитала, на организационном уровне можно отметить наличие у работников «скрытого» знания (набор информации, не формализующийся на соответствующих носителях, существующий только с его обладателем), его отчуждение и превращение в «явное». Кроме того, риск «утечки мозгов» обуславливает необходимость больших финансовых вложений для предотвращения мобильности, а также использование практики заключения долгосрочных контрактов [17, с. 3–15].

Считается, что к усилению рассогласований между системой образования и рынком труда может приводить не только не-

эффективная реализация в трудовой деятельности накопленного потенциала, но и снижающееся качество образовательной подготовки. Несмотря на формально высокий образовательный уровень населения (доля взрослого населения с третичным образованием в 2012 г. в России достигала 53%, в среднем по странам ОЭСР – 32%, по странам «большой двадцатки» – 27%), проблема, связанная с качеством образования, получила заметное распространение.

Эта мысль подтверждается мнением ведущих экономистов и экспертов. По словам В.Е. Гимпельсона, сейчас Россия является «лидером в обладании человеческим капиталом, но аутсайдером в его использовании» [3].

По мнению трети работодателей, согласно данным мониторинга функционирования промышленности Вологодской области в 2014 г., модернизацию производства сдерживает дефицит квалифицированных кадров. Причем, характеризуя уровень подготовки выпускников, практически никто из респондентов не определил его как высокий. На уровне страны, так же как и в регионе, преобладали удовлетворительные оценки, несколько выше характеризова-

лось качество образовательной подготовки окончивших вузы (в 2013 г. средний балл при оценке выпускников ПТУ составлял 3,5 по пятибалльной шкале, выпускников вузов – 3,7) [14, с. 26–28].

Положительной тенденцией в период 2001–2014 гг. является рост на 37% численности населения России с третичным образованием в расчете на 10 тыс. занятого населения (с 5640 до 7710 чел. соответственно). Однако изменение произошло главным образом за счет работников со средним профессиональным образованием, а число занятых с высшим образованием увеличивалось более медленными темпами (темп роста – 144% против 128%; табл. 2).

Следует отметить неравномерность распределения квалифицированных кадров по территории. Значительная часть занятого населения с профессиональным образованием сконцентрирована в Центральном федеральном округе (4530 чел. со средним профессиональным образованием и 3750 чел. – с высшим на 10 тыс. занятого населения), на остальных территориях квалифицированных специалистов сравнительно меньше.

Таблица 2. Численность занятого населения со средним и высшим профессиональным образованием (на 10 тыс. занятого населения)

Территория	Среднее профессиональное образование				Высшее профессиональное образование			
	2001	2005	2014	2014 к 2001, в %	2001	2005	2014	2014 к 2001, в %
Российская Федерация	3130	2560	4490	143,5	2510	2620	3220	128,3
В разрезе федеральных округов:								
Центральный	3100	2600	4530	146,1	2910	3050	3750	128,9
Северо-Западный	3460	2410	4740	137,0	2640	2830	3250	123,1
Южный	3000	2540	4380	146,0	2420	2570	3020	124,8
Северо-Кавказский	-	-	2850	-	-	-	3090	-
Дальневосточный	3380	2650	4440	131,4	2650	2610	3170	119,6
Приволжский	2940	2390	4740	161,2	2140	2290	2890	135,0
Сибирский	3210	2760	4390	136,8	2420	2440	2850	117,8
Уральский	3160	2660	4790	151,6	2220	2160	3110	140,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. - М., 2015. - С. 156-157.

Принимая во внимание все вышеобозначенные проблемы, подчеркнем, что о положительном влиянии человеческого капитала на темпы и качество экономического роста можно говорить преимущественно при условии трудоустройства по специальности и соответствия квалификации требованиям рабочих мест. Поэтому важное значение имеет ответ на вопрос о степени соответствия накопленного человеческого капитала потребностям экономики. В нашем контексте интересно проследить, насколько показатели подготовки квалифицированных специалистов связаны с уровнем модернизационного развития экономики в субъектах Федерации. Для решения данной задачи было проведено сопоставление индикаторов развития профессионального образования с интегрированным индексом модернизации регионов России, который отражает относительный разрыв между уровнем модернизации территории и достигнутым мировым значением [9].

В Институте социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) индекс рассчитывается на основе методологических разработок Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН и Центра исследования модернизации Китайской академии наук. Положения этих разработок применяются для анализа процесса модернизации конкретной территории, для определения стадии модернизации, факторов, стимулирующих и сдерживающих данный процесс. Анализ в территориальном разрезе проводился с помощью информационно-аналитической системы «Модернизация» (<http://mod.vscs.ac.ru/>).

Уровень модернизации территорий как интегральный показатель определялся на основе трех субиндексов (экономический

индекс, социальный индекс, знаниевый индекс) и рассчитывался исходя из следующих условий:

$$\left\{ \begin{array}{l} IMI = (EI + SI + KI) / 3, \\ EI = \sum_{i=1}^4 \frac{D_i}{4}, \\ SI = \sum_{i=5}^8 \frac{D_i}{4}, \\ KI = \sum_{i=9}^{12} \frac{D_i}{4}, \\ D_i = 100 \cdot \frac{iav}{isv}, \\ D_i \leq 100 \end{array} \right.,$$

где EI – экономический индекс интегрированной модернизации,

SI – социальный индекс интегрированной модернизации,

KI – знаниевый индекс интегрированной модернизации,

D_i – относительный уровень развития оценочного i индикатора,

iav – реальное значение i индикатора,

isv – стандартное значение оценочного i индикатора (усредненное значение индикаторов 20 развитых стран, рассчитанных Центром исследования модернизации Китайской академии наук на основе международной статистики).

Эти показатели были приняты Центром исследований модернизации Китайской академии наук в качестве критериев при определении индексов модернизации 131 страны мира [9].

Методика измерения первичной модернизации (ПМ) учитывает три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную и когнитивную (область знаний). Значения вторичной модернизации (ВМ) определяются для четырех областей: инновации в знаниях, трансляция

знаний, качество жизни, качество экономики. Анализ интегрированного индекса модернизации проводился с использованием 12 статистических показателей, позволяющих измерять совокупный уровень обеих стадий модернизации.

Регионы были сгруппированы в пять групп по значению интегрированного индекса модернизации за 2012 г.: 1) высокий уровень ($IMI \geq 88$); 2) выше среднего ($78 \leq IMI \leq 87$); 3) средний ($64 \leq IMI \leq 77$); 4) ниже среднего ($48 \leq IMI \leq 63$); 5) низкий ($33 \leq IMI \leq 47$) [11, с. 155].

Результаты анализа свидетельствуют, что субъекты РФ с высокими значениями индекса модернизации отличаются высоким уровнем занятости работников с профессиональным образованием (табл. 3). Одним из примеров служит город Москва, отличающийся как высоким уровнем модернизации ($IMI = 88$), так и большой численностью занятого населения с третичным образованием (7690 чел. на 10 тыс. нас.). Подобная закономерность характерна и для ряда территорий со средним и выше среднего уровнем модернизации – г. Санкт-Петербурга, Московской, Самарской, Челябинской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа.

В некоторых случаях, например в регионах Дальневосточного федерального округа (Магаданская, Сахалинская области), вышеназванная зависимость не соблюдается. При среднем уровне модернизации численность работников с третичным образованием здесь не достигает среднего значения по РФ (5318 чел. на 10 тыс. занятого населения). В качестве причин подобной ситуации – существенный миграционный отток: в 2013 г. saldo миграции составило -142 и -44 чел. на 10 тыс. населения соответственно [12, с. 79].

Необходимо отметить, что в ряде регионов (Томская, Воронежская, Ростовская, Орловская, Новосибирская, Омская области, республики Татарстан, Бурятия) наблюдается значительный разрыв между показателями контингента студентов и выпуска квалифицированных специалистов (более чем в 7 раз). Это свидетельствует о том, что в последние годы на указанных территориях возник заметный импульс к укреплению сети организаций профессионального образования. Поэтому в перспективе ситуация с занятостью здесь может сильно измениться.

В среднем, при прочих равных условиях, увеличение численности занятых с третичным образованием повышает вероятность осуществления модернизационных процессов. Другая ситуация возникает, когда в исследовании учитываются показатели, характеризующие образование как таковое. Так, корреляционный анализ численности студентов колледжей и вузов и уровня модернизации территорий показал отсутствие прямой связи между ними. Это подтверждают значения коэффициентов корреляции Пирсона (табл. 4).

Необходимо отметить, что связь индекса уровня модернизации с численностью занятого населения с третичным образованием хотя и слабая, но все же имеет место. Слабость связи можно объяснить тем, что показатель «численность занятого населения с высшим образованием на 10 тыс. занятого населения» дает информацию в целом о работниках с вузовским образованием и не указывает на число выпускников институтов, университетов, академий, осуществляющих трудовую деятельность на рабочих местах соответствующей квалификации. В то же время исследования говорят о значимости влияния на модернизацию именно последнего показателя [16, с. 509-601].

Таблица 3. Показатели развития образования (2012 г.) и интегрированный индекс модернизации (2012 г.) по регионам России

Регион	1*	2*	3*	4**	Уровень модернизации	Регион	1*	2*	3*	4*	Уровень модернизации
г. Москва	891,7	790,6	7690	88	Высокий	Курская область	1090	165,3	5350	59	
г. Санкт-Петербург	234,1	209,0	6740	81	Выше среднего	Кировская область	776	128,1	4790	59	
Московская область	434	62,1	6600	75		Новгородская область	637	87,9	5180	59	
Томская область	1455	176,7	5170	71		Саратовская область	986	132,2	5570	59	
Тюменская область	857	114,5	5520	70		Республика Башкортостан	881	130,5	5160	59	
Новосибирская область	1088	138	5390	70		Омская область	1121	143,4	5100	59	
Нижегородская область	925	146,2	5450	69		Амурская область	778	102,8	5700	58	
Самарская область	979	138,2	6430	69		Удмуртская Республика	916	142,3	4780	58	
Ханты-Мансийский АО – Югра	591	65,0	5500	68		Краснодарский край	696	110,5	5370	58	
Ульяновская область	901	127,2	5540	68		Астраханская область	934	116,4	5710	58	
Ямало-Ненецкий АО	352	44,3	6150	68		Ставропольский край	894	140,1	5560	58	
Магаданская область	1043	151,3	4860	67		Республика Дагестан	701	89,6	4860	57	
Сахалинская область	591	85	4880	66		Вологодская область	726	107	4780	57	
Свердловская область	923	137,4	5040	66		Кемеровская область	746	97	5120	57	
Мурманская область	695	111,5	4910	66		Чувашская Республика	986	139,1	4920	57	
Калужская область	646	101,4	5510	65	Средний	Орловская область	1150	140,5	5220	57	
Челябинская область	984	134,6	6340	65		Псковская область	711	89,1	5410	57	
Хабаровский край	1232	161	5610	65		Еврейская автономная область	878	104	4140	57	
Красноярский край	894	112	5360	65		Брянская область	840	118	4860	56	
Приморский край	936	114,5	5380	65		Белгородская область	941	132,4	5410	56	
Камчатский край	884	128,1	5620	65		Курганская область	799	123	5070	56	
Республика Татарстан	1039	151	5060	64		Республика Северная Осетия-Алания	949	124,6	6380	56	Ниже среднего
Пермский край	794	113,1	4970	64		Забайкальский край	834	104,1	4710	56	
Республика Саха (Якутия)	920	127,6	5270	64		Республика Марий Эл	817	120,3	5370	56	
Ярославская область	803	108,5	5450	64		Костромская область	689	95,6	5650	56	
Ивановская область	886	131,6	4850	64		Республика Тыва	554	83,9	6030	55	
Ненецкий АО	190	46,5	4810	64		Республика Хакасия	636	114,4	5030	55	
Республика Коми	818	102,3	4610	63		Республика Бурятия	1079	140,9	5160	55	
Чукотский АО	129	19,6	5260	63		Рязанская область	958	142,5	5630	55	
Воронежская область	1084	152,8	5310	63		Смоленская область	901	129,2	6060	55	
Ростовская область	1017	131,6	5650	62		Оренбургская область	876	121	5170	54	
Республика Карелия	728	106,8	5260	62		Липецкая область	680	105	5210	54	
Архангельская область	638	101,5	5490	62		Республика Мордовия	1011	140,4	5150	54	
Ленинградская область	220	24	5090	60	Ниже среднего	Алтайский край	761	103,4	4370	54	
Иркутская область	995	137,1	4860	60		Республика Адыгея	829	107,9	5500	53	
Тверская область	675	96,7	5370	60		Тамбовская область	788	115,2	5520	53	
Калининградская область	820	114,1	6370	60		Кабардино-Балкарская Республика	585	88,5	4820	52	
Тульская область	622	99,2	5630	60		Республика Калмыкия	921	130,3	5640	51	
Пензенская область	838	108,8	5580	60		Республика Алтай	691	95,2	5370	50	
Владимирская область	729	109,7	4900	60		Караачево-Черкесская Республика	674	93,2	5370	49	
Волгоградская область	851	135,9	5700	59		Республика Ингушетия	609	61,1	6050	48	
						Чеченская Республика	610	70,2	3780	46	Низкий

Условные обозначения: 1 – численность студентов на 10 тыс. нас., чел.; 2 – численность выпускников на 10 тыс. нас., чел.; 3 – численность занятого населения со средним и высшим профессиональным образованием на 10 тыс. занятого населения, чел.; 4 – интегрированный индекс модернизации. Ранжировано по интегрированному индексу модернизации.
 Источники: * Росстат (2013); ** Расчеты подготовлены ИСЭРТ РАН с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН. Таблицы содержат детализированные данные, в том числе полученные от Центра исследований модернизации АН Китая.

Таблица 4. Степень тесноты статистической связи между интегрированным индексом модернизации регионов и отдельными индикаторами развития третичного образования

Показатель	Коэффициент корреляции Пирсона	Теснота парной связи
Численность студентов на 10 тыс. нас.	-0,001	Отсутствует
Численность занятого населения со средним и высшим профессиональным образованием на 10 тыс. занятого населения	0,457	Слабая
В том числе:		
- со средним профессиональным образованием	0,058	Отсутствует
- с высшим профессиональным образованием	0,460	Слабая
Источник: расчеты авторов.		

Зачастую уровень развития у выпускников наиболее актуальных для работодателей компетенций (инновационность, коммуникативность, инициативность, предприимчивость и т.д.) является невысоким. Поэтому начинающие свою профессиональную карьеру «работники знаний» оказываются не готовы работать в условиях современной экономики. В ряде случаев их потенциал остается не востребованным нанимателями. Следовательно, «торможение» модернизационных процессов связано не только с экономическими, но и когнитивными аспектами.

Таким образом, для активизации процессов модернизации экономики и общества важны не столько количественные показатели подготовки «работников знаний», сколько реализация их потенциала на соответствующих их квалификации рабочих местах. Причем необходимо способствовать аккумулярованию талантов в наиболее «производственных профессиях, а не тех, что связаны с перераспределением ренты» [3]. В сфере профессиональной подготовки требуется стимулировать работу по формированию когнитивных и социальных навыков, поведенческих характеристик.

В таких условиях ключевым вопросом для органов власти должно стать совершенствование человеческого потенциала

будущих поколений, в том числе и посредством повышения инновационной активности молодежи. Так, в период 2000–2012 гг. разница между индексом вторичной модернизации и субиндексом трансляции знаний (КТП) увеличилась в среднем на 20 п.п. Заметим, что к разбалансированности составляющих индекса вторичной модернизации в 2012 г. привело недостаточное число ученых и инженеров, людей, подающих патентные заявки, маленькая доля затрат на НИОКР в ВРП, низкий ВРП на душу населения, недостаточная доля занятых в сфере услуг [18, с. 52–53].

Следствия данной разбалансировки для инновационной активности молодого поколения достаточно живо иллюстрируются материалами пилотного социологического опроса, проведенного в октябре 2015 г. среди студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций г. Вологды¹. Согласно результатам этого исследования, молодые люди с компетенциями на уровне 3,71 балла и выше втрое чаще участвовали в создании изобретений (табл. 5).

¹ Пилотный социологический опрос был направлен на определение уровня развития компетенций студентов СПО и ВПО г. Вологды. Выборочная совокупность составляла 500 человек и была сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся.

Таблица 5. Распределение молодых людей по наличию изобретений, %

Уровень развития компетенций (средний балл)	Изобретательство		Вид изобретений			
	Есть изобре- тения	Нет изобре- тений	Устройство	Способ	Компьют. программы	Методы и технологии
Вариант 1 – разбиение на основании среднего и стандартного отклонения						
До 3,18	6,0	94,0	0,0	0,0	25,0	25,0
От 3,18 до 3,71	3,7	96,3	20,0	20,0	40,0	0,0
От 3,71 до 4,25	14,0	86,0	26,9	26,9	26,9	11,5
Больше 4,25	12,3	87,7	12,5	50,0	25,0	12,5
Вариант 2 – разбиение на 3 группы (деление шкалы от 1 до 5 на 3 равные группы)						
Низкий уровень (до 2,33)	11,1	88,9	0,0	0,0	0,0	100,0
Средний уровень (2,33...3,66)	3,9	96,1	14,3	14,3	28,6	0,0
Высокий уровень (выше 3,66)	13,3	86,7	22,9	31,4	28,6	11,4
Вариант 3 – разбиение на основании среднего						
Ниже среднего (до 3,71)	4,5	95,5	11,1	11,1	33,3	11,1
Выше среднего (3,71 и выше)	13,5	86,5	23,5	32,4	26,5	11,8
Источник: данные пилотного социологического опроса уровня развития компетенций студентов организаций среднего профессионального и высшего образования г. Вологды, 2015 г., N=500 чел.						

Возникает справедливый вопрос: развитие всех ли компетенций в равной степени приводит к инновационной активности? Одним из результатов исследования является подтверждение факта большего влияния на инновационную активность таких инновационных качеств, как креативность (творчество, изобретательство), способность к исследовательской работе, навыки управления проектами. Так, различие в уровне развития инновационных компетенций (управление проектами, креативность, способность к исследовательской работе) в зависимости от наличия (отсутствия) разработок достигало 0,4–0,5 балла, в то время как по некоторым профессиональным и общекультурным компетенциям (способность к общению, взаимодействию, способность к критике и самокритике, установка на карьерный успех, способность учитывать нормы и ценности других культур) – 0,1 балла [18, с. 52–53].

Следует обратить внимание на то, что студенты вузов, техникумов и колледжей выше (4 балла по пятибалльной шкале) оценивают навыки общения и взаимопонимания, готовность брать на себя от-

ветственность и добиваться результатов, а также установку на карьерный успех и самостоятельную работу. Ниже оцениваются навыки прогнозирования и управления, способность к исследовательской работе, умение представлять свои работы в письменном виде на иностранном языке. Аналогичные выводы содержатся в докладе Всемирного банка по формированию навыков для инновационного роста в России. В нем отмечается, что обучение в вузе дает минимальный прирост во владении такими востребованными навыками, как умение работать в коллективе, лидерство и открытость новым идеям, оперативность в принятии решений [11]. В то же время эти компетенции наиболее востребованы в условиях инновационной экономики.

Подчеркнем, что успешность модернизации экономики в значительной мере определяется уровнем развития трудового потенциала. В связи с этим важным становится ответ на вопрос о достаточности накопленного человеческого капитала для осуществления инновационных преобразований как с позиции количествен-

ных, так и качественных характеристик. В условиях прогнозируемого сокращения численности трудоспособного населения акцентировка на развитии последних должна усиливаться. Кроме того, следует учитывать, что схожие по объему запасы человеческого капитала зачастую оказываются несопоставимыми по качественным параметрам.

Таким образом, эффективность воспроизводства человеческого капитала будет определяться не столько формально высоким образовательным уровнем населения, сколько повышением качества человеческого капитала путем развития компетенций, востребованных в инновационной экономике, а также эффективностью их использования вследствие трудоустройства по специальности и обеспечения соответствия квалификации требованиям рабочих мест.

Неэффективное воспроизводство человеческого капитала может приводить к рискам осуществления модернизации. В свою очередь замедление темпов модернизации негативно сказывается на человеческом

капитале, поскольку сопровождается социальными и экономическими потерями как для индивида, так и для общества в целом. Проведенный нами анализ продемонстрировал неравномерность развития территорий по уровню образования и показателям модернизации. Это свидетельствует о нелинейности происходящих процессов, а также о том, что, несмотря на хорошую обеспеченность высококвалифицированными кадрами, регионы могут отставать по развитию инновационных производств. Последнее создает предпосылки для неэффективного использования человеческого капитала, приводя, в частности, к увеличению распространенности феномена «сверхквалификации». Преодоление сложившихся диспропорций между системой образования и рынком труда должно предполагать, с одной стороны, создание новых рабочих мест, отвечающих современным научно-техническим требованиям, с другой стороны, осуществление переподготовки и повышения квалификации работников, а также создание условий для обучения населения новым профессиям.

Литература

1. Бараблина, С.В. Социальная ответственность: роль высших учебных заведений [Текст] / С.В. Бараблина, Л.Л. Мехришвили // Вестник международных организаций. — 2012. — №1(36). — С. 203-218.
2. Вильховченко, Э.Д. «Люди знания» — новая рабочая сила позднекапиталистических обществ и ее место в цивилизованных процессах [Текст] / Э.Д. Вильховченко. — М.: ИМЭМО РАН, 2010. — 139 с.
3. Гимпельсон, В.Е. Выступление на Красноярском экономическом форуме [Электронный ресурс] / В.Е. Гимпельсон. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/expertise/news/177478566.html>
4. Департамент труда и занятости Вологодской области. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.depzan.info>
5. Лапин, Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. — 2012. — № 9(341). — С. 4-24.
6. Ласточкина, М.А. Территориальные особенности модернизации России [Электронный ресурс] / М.А. Ласточкина // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2013. — №2(34). — Режим доступа: <http://region.mcnp.ru>
7. Ласточкина, М.А. Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа [Текст] / М.А. Ласточкина, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — №5(29). — С. 39-52.
8. Молодёжная безработица в России составила более 28% [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hr-journal.ru/news/events/events_2963.html

9. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае [Текст] / под ред. Хэ Чуаньци. – М.: Весь мир, 2011. – 256 с.
10. Проблемы социокультурной модернизации регионов России [Текст] / сост. и общ. ред. Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина. – М.: Academia, 2013. – 416 с.
11. Развитие навыков для инновационного роста в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2015/04/06/1096342275/russia_skills.pdf
12. Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст]. – М.: Росстат, 2013. – 990 с.
13. Стецунов, В.В. Трудоустройство системы профессионального образования в условиях кризиса: проблемы и перспективы [Текст] / В.В. Стецунов // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 5: Экономика. – 2011. – №2. – С. 216-223.
14. Требования работодателей к текущим и перспективным профессиональным компетенциям персонала [Текст] : информационный бюллетень. – М. : НИУ ВШЭ, 2014. – 61 с.
15. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
16. Цапенко, И.П. Работники знаний: какую роль они играют в современной экономике? [Текст] / И.П. Цапенко, М.А. Юревич // Вестник Российской академии наук. – 2014. – №7. – С. 509-601.
17. Цапенко, И.П. Человеческие ресурсы в сфере науки и технологий: состояние и эффективность использования [Текст] / И.П. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №4. – С. 3-15.
18. Шабунова, А.А. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №6(42). – С. 36-57.
19. Drucker, P. The age of social transformation. The Atlantic Monthly [Electronic resource] / P. Drucker. – Available at: <http://www.theatlantic.com/politics/ecbig/soctrans.htm>.
20. П'ин, V.A. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example) [Text] / V.A. П'ин // Studies on Russian Economic Development. – 2010. – №1. – pp. 78-87.
21. Krueger, A.B. Education for Growth: Why and For Whom? [Text] / A.B. Krueger, M. Lindahl // Journal of Economic Literature. 2001. Vol. XXXIX. – pp. 1101-1136.
22. Md. Rabiul Islam & James B. Ang & Jakob B. Madsen Quality-Adjusted Human Capital And Productivity Growth [Text] / Economic Inquiry, Western Economic Association International. 2014. vol. 52(2). pp. 757-777.
23. Science, Technology and Industry Scoreboard. Paris: OECD, 2013. – 275 p.
24. The measurement of scientific and technological activities: Manual on the measurement of human resources devoted to S&T («Canberra Manual»). Paris: OECD and ECSC-EC-EAEC, 1995. – 111 p.

Сведения об авторах

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, galinaleonidova@mail.ru)

Максим Александрович Головчин – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mag82@mail.ru)

Мария Александровна Ласточкина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mashkop@mail.ru)

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ustinova-kseniya@yandex.ru)

Leonidova G.V., Golovchin M.A., Lastochkina M.A., Ustinova K.A.

“Knowledge Workers” and Modernization in the Region

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Laboratory for the Studies of Labor Potential Development Issues, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, galinaleonidova@mail.ru)

Maksim Aleksandrovich Golovchin – Ph.D. in Economics, Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, mag82@mail.ru)

Mariya Aleksandrovna Lastochkina – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, mashkop@mail.ru)

Kseniya Aleksandrovna Ustinova – Ph.D. in Economics, Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ustinova-kseniya@yandex.ru)

Abstract. Professional education is the main part of personnel training and it serves as the driver of modernization process. “Knowledge workers” are carriers of knowledge provided by the professional training system. Professional activity of “knowledge workers” is strategically important in the economy under transformation. The paper reviews domestic and foreign experience and defines criteria for identifying people as “knowledge workers”: educational level, employment in “intellectually demanding” industries. The study identifies specific characteristics of “knowledge workers”, represents their typological classification depending on their employment affiliation (professional managers, new workers, certified technicians, scientists, innovator specialists). The paper focuses on determining the level of implementation of employment potential of qualified specialists in the context of economic modernization. The authors define the dependence of the level of regions’ modernization on the employment of workers that have vocational education. At the same time, the paper points out that the modernization of the territory is influenced not so much by the training of “knowledge workers” as the fulfilment of their potential in the labor market. This thesis is confirmed by the results of correlation analysis, which evidence the lack of direct connection between the number of college and university students and the level of modernization. From the position of effective implementation of the potential accumulated, the study shows the importance of integrating the graduates of educational organizations into the labor market in accordance with the specialty they obtained. The paper also identifies problems that hamper job placement within the specialty obtained. The study shows that the slowdown in modernization processes is due mainly to the economic and cognitive aspects. In particular, the imbalances in the components of the secondary modernization index stem from an insufficient number of scientists and engineers, people who file patent applications, and from the small amount of allocations to research and development in GRP. The paper reveals that one of the ways to improve human capital is to increase innovative activity of the youth; the authors substantiate the thesis about the direct positive impact of the development of competencies on participation in research and scientific developments. The results of the study can be used to work out strategic plans for the development of innovation industries and social entrepreneurship in Russia’s regions.

Key words: region, modernization, education, labor market, “knowledge workers”, “over-qualification”.

References

1. Barablina S.V., Mekhrishvili L.L. Sotsial'naya otvetstvennost': rol' vysshikh uchebnykh zavedenii [Social responsibility: the role of higher educational institutions]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [Bulletin of international organizations], 2012, no. 1 (36), pp. 203-218. [in Russian].
2. Vil'khovchenko E.D. "Lyudi znaniya" – novaya rabochaya sila pozdnekapitalisticheskikh obshchestv i ee mesto v tsivilizovannykh protsessakh ["People of knowledge" – a new workforce in the late capitalist societies and its place in civilization processes]. Moscow: IMEMO RAN, 2010. 139 p. [in Russian].
3. Gimpel'son V.E. *Vystuplenie na Krasnoyarskom ekonomicheskom forume* [Speech at the Krasnoyarsk economic forum]. Available at: <https://www.hse.ru/expertise/news/177478566.html>. [in Russian].
4. *Departament truda i zanyatosti Vologodskoi oblasti. Ofitsial'nyi sait* [The Vologda Oblast Department of Labor and Employment. Official website]. Available at: <http://www.depzan.info>. [in Russian].
5. Lapin N.I. Izmerenie modernizatsii rossiiskikh regionov i sotsio-kul'turnye faktory ee strategii [Measurement of modernization in Russia's regions and the socio-cultural factors in its strategy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2012, no. 9 (341), pp. 4-24. [in Russian].
6. Lastochkina M.A. Territorial'nye osobennosti modernizatsii Rossii [Territorial peculiarities of Russian modernization]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal], 2013, no. 2 (34). Available at: <http://region.mcnip.ru>. [in Russian].
7. Lastochkina M.A., Shabunova A.A. Vozmozhnosti i ogranicheniya modernizatsionnogo razvitiya regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Opportunities for and constraints in the modernization development of the regions of the Northwestern Federal District]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 5 (29), pp. 39-52. [in Russian].
8. *Molodezhnaya bezrabotitsa v Rossii sostavila bolee 28%* [Youth unemployment in Russia has exceeded 28%]. Available at: http://www.hr-journal.ru/news/events/events_2963.html. [in Russian].
9. *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae* [China Modernization Report Outlook]. Ed. by He Chuanqi. Moscow: Ves' mir, 2011. 256 p. [in Russian].
10. *Problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov Rossii* [Problems of socio-cultural modernization of Russia's regions]. Compiled and edited by L.A. Belyaeva, N.I. Lapin. Moscow: Academia, 2013. 416 p. [in Russian].
11. *Razvitie navykov dlya innovatsionnogo rosta v Rossii* [Developing skills for innovative growth in Russia]. Available at: http://www.hse.ru/data/2015/04/06/1096342275/russia_skills.pdf. [in Russian].
12. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Russia's regions. Socio-economic indicators]. Moscow: Rosstat, 2013. 990 p. [in Russian].
13. Stetsunov V.V. Trudoustroistvo sistemy professional'nogo obrazovaniya v usloviyakh krizisa: problemy i perspektivy [Employment of the vocational education system in conditions of crisis: problems and prospects]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya 5: Ekonomika* [Bulletin of Adygea State University. Series 5: Economics], 2011, no. 2, pp. 216-223. [in Russian].
14. *Trebovaniya rabotodatelei k tekushchim i perspektivnym professio-nal'nym kompetentsiyam personala: informatsionnyi byulleten'* [Employers' requirements for current and future professional competencies of personnel: information bulletin]. Moscow: NIU VShE, 2014. 61 p. [in Russian].
15. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Ofitsial'nyi sait* [Federal State Statistics Service. Official website]. Available at: <http://www.gks.ru>. [in Russian].
16. Tsapenko I.P., Yurevich M.A. Rabotniki znaniy: kakuyu rol' oni igrayut v sovremennoi ekonomike? [Knowledge workers: what role do they play in modern economies?]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 7, pp. 509-601. [in Russian].
17. Tsapenko I.P. Chelovecheskie resursy v sfere nauki i tekhnologii: sostoyanie i effektivnost' ispol'zovaniya [Human resources in science and technology: their status and efficiency of utilization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2014, no. 4, pp. 3-15. [in Russian].

18. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Kalachikova O.N. *Deti i molodezh' v Rossii: global'nye vyzovy sovremennosti* [Children and Young People in Russia: Global Challenges of Modernity]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 6 (42), pp. 36-57. [in Russian].
19. Drucker P. The age of social transformation. *The Atlantic Monthly*. Available at: <http://www.theatlantic.com/politics/ecbig/soctrans.htm>.
20. Plyn V.A. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example). *Studies on Russian Economic Development*, 2010, no. 1, pp. 78-87.
21. Krueger A.B., Lindahl M. Education for growth: why and for whom? *Journal of Economic Literature*, 2001, vol. 39, pp. 1101-1136.
22. Md. Rabiul Islam, Ang J.B., Madsen J.B. Quality-adjusted human capital and productivity growth. *Economic Inquiry, Western Economic Association International*, 2014, vol. 52, no. 2, pp. 757-777.
23. *Science, Technology and Industry Scoreboard*. Paris: OECD, 2013. 275 p.
24. *The measurement of scientific and technological activities: Manual on the measurement of human resources devoted to S&T ("Canberra Manual")*. Paris: OECD and ECSC-EC-EAEC, 1995. 111 p.

Автотранспортная аварийность как идентификатор качества жизни граждан

**Артур Игоревич
ПЕТРОВ**

Институт транспорта, Тюменский индустриальный университет
625027, Россия, г. Тюмень, ул. Мельникайте, 72
zaharovd@tsogu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки связи качества жизни населения различных стран мира и уровня автотранспортной аварийности. Гипотеза, принятая к доказательству, основана на тезисе о том, что организация и функционирование государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения и итоговая характеристика аварийности в системе автодорожного комплекса тесно связаны и являются производными от уровня развития в конкретной стране общественных институтов. С целью выяснения того, насколько верна эта гипотеза, были проведены статистические исследования связи между оценками Качества жизни (Quality of Life), представленными для 60 стран мира US News & World Report, и расчетными для этих стран величинами показателя Социального риска (Human Risk). Этот показатель, предложенный к использованию для оценки состояния дел в сфере безопасности дорожного движения Р. Смидом еще в 1949 г., позволяет достаточно адекватно оценить место конкретной страны в мировом рейтинге автотранспортной аварийности. Целью исследований является установление закономерности, идентифицирующей статистическую связь между характеристиками Качества жизни граждан и Социальным риском (по Р. Смиду). Для достижения поставленной цели используется метод построения корреляционно-регрессионных моделей изучаемых процессов. Установлено, что объективно существует заметная обратная статистическая связь между величинами Quality of Life в разных странах (по данным US News & World Report) и Human Risk (по данным Всемирной организации здравоохранения). В статье рассматриваются причины снижения автотранспортной аварийности при росте качества жизни граждан. Главный вывод исследования заключается в понимании существования тесной причинно-следственной связи между уровнем развития обще-

ственных институтов и уровнем транспортной культуры населения, которая реализуется в форме конкретных случаев транспортного поведения водителей, формирующих в итоге определенный уровень автотранспортной аварийности.

Ключевые слова: качество жизни; автотранспортная аварийность; социальный риск; корреляционно-регрессионный анализ; общественные институты; транспортная культура населения.

Введение. Исследования различных аспектов безопасности дорожного движения в разных странах [3; 7; 15; 16] показали, что в мире уже давно и устойчиво сформировалась глобальная проблема пространственной неравномерности автотранспортной аварийности. С целью поиска и идентификации причин различий в уровне и особенностях проявления аварийности, характерных для разных стран, был проведен анализ десятков работ, опубликованных в разные годы в специализированном журнале *Safety Science*, лидирующем в мире в своей области знаний. Результаты этого анализа, а также идеи такого признанного авторитета в сфере дорожной безопасности, как Т. Вандербильт [18], позволили понять, что объективно существует цепочка причинно-следственных связей между благосостоянием людей и уровнем и особенностями проявления автотранспортной аварийности. Эта цепочка может быть описана как (1):

«Обеспеченность благами и бытовое дружелюбие – Экономическое благосостояние населения – Владение и использование транспортных средств с высоким уровнем активной, пассивной и послеаварийной безопасности – Сохранение жизни (1) потерпевшего по факту дорожно-транспортного происшествия (ДТП) – Показатель аварийности, оценивающий вероятность гибели в ДТП среднестатистического гражданина страны – Социальный риск HR».

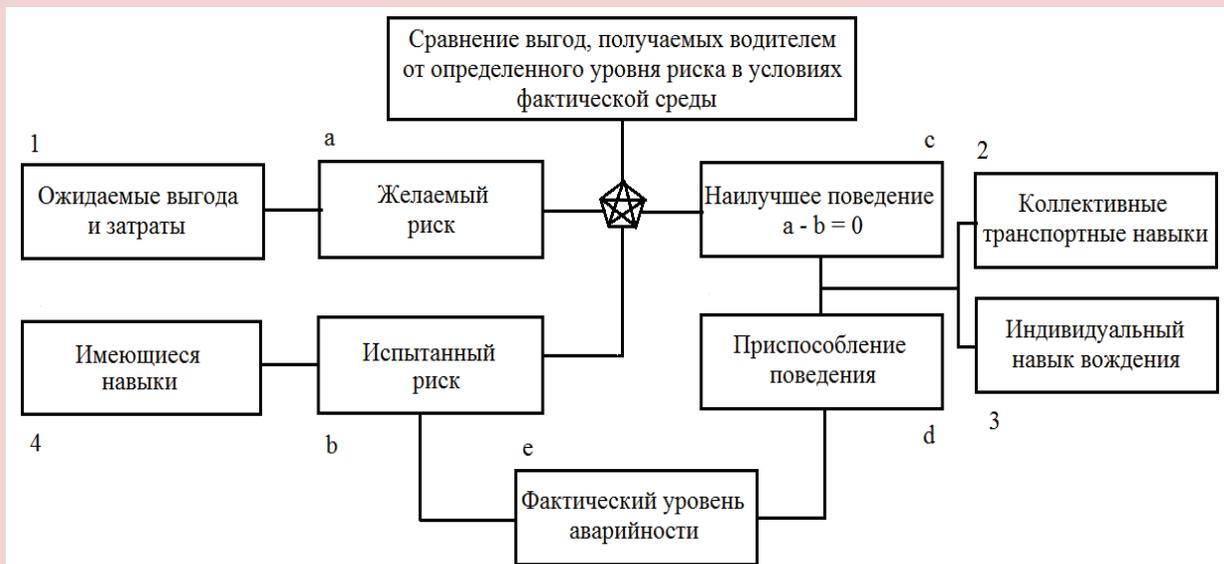
Автомобиль всегда являлся объектом повышенной опасности, которую формирует не всегда контролируемая водителем значительная по величине кинетическая энергия. Неспроста в большинстве стран мира сегодня сформировано четкое и однозначное понимание необходимости жесткого ограничения скоростного режима движения автомобилей и предъявления высокого уровня требований к квалификации лиц, управляющих транспортными средствами. Одновременно на протяжении многих лет и во всех странах мира сформировано и представление о том, что безопасность дорожного движения является лишь следствием качества развития общественных институтов, в частности, проявлением так называемой транспортной культуры населения [6] – совокупности общественно значимых стереотипов транспортного поведения. Полная трактовка данного понятия может быть представлена следующим образом.

Транспортная культура – часть общей культуры человека, включающая ценностные качества личности, способствующие выбору правоупослушного, культурного и, как следствие, травмобезопасного поведения в транспортной среде. Такой осознанный выбор возможен только в условиях соответствия личности современным требованиям к знаниям, навыкам и умениям, обеспечивающим безопасность жизнедеятельности человека, осознанное стремление человека к безопасному участию в транспортных процессах.

Философия транспортной культуры, методология ее связи с безопасностью дорожного движения в основном развиваются западными научными школами [11; 19; 20]. В частности, один из классиков теории анализа транспортного поведения водителей G.J.S. Wilde [19; 20], рассматри-

вая причинно-следственные связи между транспортной культурой населения и фактической автотранспортной аварийностью, резюмирует: «Каждое общество имеет то количество ДТП, которое население желает иметь, ни больше, ни меньше» (рис. 1).

Рисунок 1. Схема Джеральда Уайлда, идентифицирующая теорию о равновесии риска в автотранспортных системах [19; 20]

Примечание. Основой теории формирования фактического уровня аварийности [19; 20] является предположение А. Wilde о том, что участники дорожного движения все время приспосабливают свое поведение к внешней ситуации на основе сравнения испытанного и желаемого риска (блоки а и b). В качестве примеров такого приспособления можно указать на то, что большинство водителей учитывают при выборе скоростного режима движения погодные условия. На это указывает, например, статистическое снижение аварийности в зимний период года (во всех странах мира, где зимой ухудшаются условия движения автомобилей). Ситуативное приспособление поведения водителей формирует фактический уровень автотранспортной аварийности (блок е). Уровень риска, который в большинстве своем хотят иметь участники дорожного движения (массовое транспортное поведение), определяется тем, каким образом они оценивают выгоду и затраты (преимущества и неудобства) при выборе различных поведенческих стратегий (блок 1). Здесь отмечаются большие индивидуальные различия. Некоторые не терпят риска, другие более охотно подвергают себя риску. Величина риска, испытываемая участниками дорожного движения, зависит и от фактически сложившегося в обществе количества ДТП, общественного отношения к этому и от способности участников дорожного движения воспринимать опасность в дорожном движении (имеющиеся навыки, блок 4). На приспособление поведения влияют устоявшиеся навыки участников дорожного движения (коллективные транспортные навыки, блок 2) и индивидуальные навыки вождения конкретного водителя (блок 3).

Модель формирования транспортной культуры населения, разработанная А. Wilde [19; 20], показывает, что желаемое транспортное поведение (блок с), приспособление поведения (блок d), фактический уровень аварийности (блок е) и испытанный риск (блок b) связаны циклом. А. Wilde заключает, что единственное, что может привести к долговременному сокращению автотранспортной аварийности, – изменение модели транспортного поведения людей, т.е. повышение уровня транспортной культуры в обществе.

А вот зависит ли транспортная культура населения от качества жизни людей — вопрос до сегодняшнего дня спорный, занимающий многих исследователей [18]. Иначе говоря, есть ли место элементу «Транспортная культура» в вышеприведенной цепочке причинно-следственных связей между качеством жизни людей и показателями автотранспортной аварийности?

Попытка хотя бы косвенно ответить на этот вопрос предпринята в [6]. Ранее использованное в разных источниках [3; 11; 15; 16; 18; 19; 20] понятие «транспортная культура населения» (UTC) впервые было описано как производная от уровня фактической автомобилизации соответствующей страны (региона страны):

$$UTC = 1 + \exp(a \cdot U_a), \quad (2)$$

где UTC — показатель, характеризующий уровень транспортной культуры населения страны (региона страны);

U_a — уровень фактической автомобилизации в стране (регионе страны).

С целью идентификации модели был проанализирован солидный по объему статистический материал, легший в основу доказательной базы [6]. Установлено, что диалектическое развитие автомобилизации в стране постепенно формирует транспортную культуру населения. Новые поколения начинают воспринимать автомобиль совершенно иначе, чем предыдущие, — более адекватно, с пониманием степени опасности; постепенно, со временем, формируется новый тип общественного поведения — тот, в котором есть место качественно новым общественным отношениям между водителями и водителями и пешеходами. Уровень транспортной культуры в стране при этом растет. Так, сегодня транспортная культура в развитых странах Западной Европы, как и автомобилизация, в целом

выше, чем в России, а в России в целом выше, чем в странах Африки и Азии. При этом в большинстве стран мира, особенно больших по территории и населению, особенно полиэтнических, также присутствует внутривнутристрановая неравномерность как уровня автомобилизации, так и уровня транспортной культуры в разных регионах [7].

Если принять за аксиому тезис о том, что автомобилизация есть объективное проявление звеньев 2–3 «*Экономическое благосостояние населения — Владение и использование транспортных средств*» в цепочке причинно-следственных связей (1) процесса формирования фактической автотранспортной аварийности, то можно пойти в рассуждениях дальше. По нашему мнению, *Обеспеченность благами и бытовое дружелюбие* не могут быть первичным звеном в цепочке причинно-следственных связей и служат проявлением качества жизни. Можно попытаться связать итоговую фактическую аварийность, ее первооснову — транспортную культуру населения — с качеством его жизни и еще более глубокими причинами, например уровнем развития общественных институтов в государстве.

В этой связи небезынтересно разобраться, существуют ли сильные корреляционные связи между результатами рейтинговых оценок качества жизни людей в разных странах и уровнем безопасности дорожного движения, характерным для этих стран. Если существуют, то мы вполне вправе трансформировать вышеприведенную (1) цепочку причинно-следственных связей до вида (3):

«Уровень развития общественных институтов — Качество жизни населения — Обеспеченность благами и бытовое дружелюбие — Экономическое благосостояние населения — Владение и исполь-

зование транспортных средств с высоким уровнем активной, пассивной и послеаварийной безопасности – **Транспортная культура – Сохранение жизни (3) потерпевшего по факту ДТП – Показатель аварийности, оценивающий вероятность гибели в ДТП среднестатистического гражданина страны – Социальный риск HR».**

Необходимо отметить, что в новой версии (3) связи факторов, системно влияющих на уровень автотранспортной аварийности, в сравнении с первоначальной версией (1) возникает сразу три новых элемента – «Уровень развития общественных институтов», «Качество жизни населения» – «Транспортная культура». Оценить их роль и значимость в формировании аварийности еще только предстоит и в рамках данной статьи делается лишь первоначальная попытка в этом направлении.

Для того чтобы понять, связаны ли между собой качество жизни населения и автотранспортная аварийность, воспользуемся аппаратом корреляционно-регрессионного анализа и статистического оценивания тесноты корреляционной связи характеристик качества жизни населения конкретных стран и характеристик автотранспортной аварийности в этих странах. Но сначала проведем терминологическую идентификацию понятий, используемых в данной статье.

Качество жизни – обобщающая социально-экономическая категория, представляющая обобщение понятия «уровень жизни». Качество жизни как понятие включает в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг, но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, условия среды, окружающей человека, морально-психологический климат, душевный комфорт [8].

Автотранспортная аварийность – обобщающая социально-экономическая категория, идентифицирующая вероятность возникновения аварии в автодорожном комплексе и ее специфические проявления (например, тяжесть последствий) [7].

Надо отметить, что для оценки качества жизни могут быть использованы самые разные подходы. Среди них наиболее известны *Индекс качества жизни (Quality-of-life index)*, разработанный компанией Economist Intelligence Unit [13], и *Индекс качества жизни (Better Life Index)*, предложенный и ежегодно рассчитываемый Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (OECD) [14]. Вне зависимости от методологии сбора, обработки и интерпретации результатов любая оценка качества жизни всегда учитывает безопасность жизнедеятельности человека [13; 14]. Безопасность представляет один из базовых постулатов, вокруг которых формируется понятие ценности жизни и ее проявления в форме качества. В рамках данной работы для оценки качества жизни будет использован показатель *Quality of life*, методология определения которого рассматривается ниже.

Для оценки уровня автотранспортной аварийности также могут использоваться самые разные показатели. Среди них наиболее употребимы для целей проведения сравнительных исследований три показателя: *Социальный риск (Human Risk)*, *Транспортный риск (Transport Risk)*, *Коэффициент тяжести ДТП (Severity Rate of accident)*. Для оценки характерного для какой-либо страны уровня автотранспортной аварийности в рамках данного исследования будем использовать классический показатель *Социальный риск (Human Risk HR)*, предложенный классиком оценки автотранспортной

аварийности Р. Смидом [15]. Ранее выполненными исследованиями [3; 7; 15; 16] установлено, что автотранспортная аварийность формируется в пространстве крайне неравномерно. Это замечание характерно для рассмотрения в различных пространственных системах (на уровне отдельного района, города, региона, государственного образования, континента, Мир-системы). Разрыв в качестве жизни населения разных стран также весьма значителен [12; 13; 14].

В рамках данной статьи рассматривается статистическое доказательство *гипотезы о том, что фактическая автотранспортная аварийность служит проявлением транспортной культуры, во многом зависящей от уровня качества жизни людей в конкретной стране на первичном уровне рассмотрения и, более глобально, от уровня развития общественных институтов*. Указанная гипотеза позволяет поставить вопрос: связано ли это страновое различие в уровне автотранспортной аварийности с различиями в качестве жизни населения разных стран? Для ответа на этот вопрос проведено статистическое исследование, целью которого было построение корреляционно-регрессионной модели влияния характеристик качества жизни людей на показатель автотранспортной аварийности и оценивание тесноты связи между предиктором и результирующими. Результаты этого исследования представлены в данной статье.

Его целью является установление наличия статистической зависимости между характеристиками Качества жизни населения различных стран мира (по методологии US News & World Report [12]) и Социальным риском HR в этих странах и последующее обсуждение полученных результатов с позиции аргументов специалистов в вопросах цивилизационного развития.

Задачи, которые ставил перед собой автор, были следующими:

- выбор количественных характеристик качества жизни граждан;
- сбор статистических данных о характеристиках качества жизни граждан различных стран мира;
- сбор статистических данных о характеристиках аварийности и расчет величины Социального риска в странах мира;
- подготовка базы данных для последующего корреляционно-регрессионного анализа связи между характеристиками Качества жизни граждан различных стран мира и Социальным риском в этих странах;
- установление моделей статистической связи между характеристиками Качества жизни граждан и Социальным риском;
- попытка объяснения полученных результатов.

Аргументация выбора характеристик качества жизни граждан (1 задача исследования). 20 января 2016 г. на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе был представлен рейтинг 60 стран «Лучшие страны мира 2016» [12]. Рейтинг основан на экспертных оценках отдельных аспектов жизни граждан различных государств. Выбор стран мира для рейтинга не случаен. Те шесть десятков стран, которые присутствуют в рейтинге, вырабатывают около 90% глобального валового внутреннего продукта (ВВП), а их население составляет около трех четвертей населения мира. Они охватывают весь земной шар — Африку, Азию, Центральную Америку, Евразию, Европу, Ближний Восток, Северную Америку, Океанию и Южную Америку. Не учтенные в рейтинге страны мира, по сути, формируют лишь «статистические хвосты», что позволяет делать объективные

выводы без учета статистики, приходящейся на эти государства. Определение места конкретной страны мира в рейтинге основано на ранжировании отдельных составляющих и итоговой комплексной оценке с учетом весомости отдельных групп составляющих характеристик.

Кратко суть методологии расчетов, используемой составителями рейтинга, можно представить в виде следующего алгоритма. Комплексный показатель, с помощью которого оценивался ранг страны в рей-

тинге «Лучшие страны 2016», строится на основе оценки (по 10-ти-балльной системе) страны по 9 основным группам показателей жизнеустройства, каждая из которых имеет определенную весомость в Итоговой комплексной оценке (табл. 1).

Каждая группа показателей содержит некоторое число качественных показателей, с помощью которых можно оценить место конкретной страны в рейтинге по конкретной группе показателей. На рис. 2 представлен пример оценки России,

Таблица 1. Весомость групп показателей, входящих в состав Итоговой комплексной оценки страны для рейтинга «Лучшие страны мира 2016» [12]

Группа показателей, входящая в состав Итоговой комплексной оценки (ИКО) страны мира, и ее содержательный состав		Весомость группы показателей в ИКО, %
English option	Российская версия	
Adventure	Субъективное восприятие страны и ее жителей	3,24
Citizenship	Качество развития гражданских институтов государства	16,95
Cultural Influence	Фактическое влияние страны на мировое сообщество	12,93
Entrepreneurship	Условия в стране для развития предпринимательства	17,42
Heritage	Значимость вклада наследия в мировую культуру	3,17
Open for Business	Легкость открытия и ведения бизнеса	11,99
Movers	Динамика развития экономики страны	10,00
Power	Мировое влияние, как пример жизни, на другие страны	7,42
Quality of Life	Качество жизни населения страны	16,89

Рисунок 2. Расшифровка составляющих рейтинга России (№ 24 из 60) в числе «Лучших стран мира 2016»

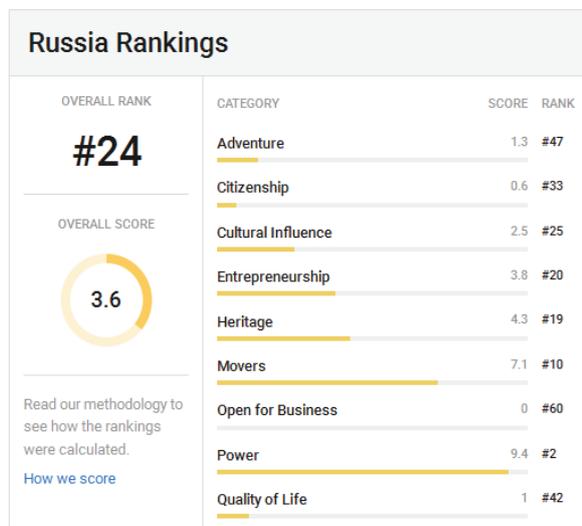
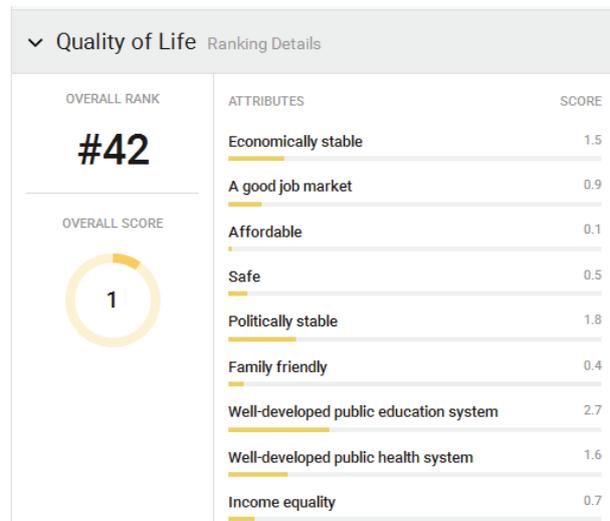

Рисунок 3. Расшифровка и оценка составляющих характеристик группы «Quality of Life»

Источник: US News & World Report [12].

отнесенной рейтингом «Лучшие страны мира 2016» на 24 место из 60-ти. При этом по отдельным составляющим рейтинга Россия занимает места со второго (Power или Мировое влияние) по 60-е (Open for Business или Легкость открытия и ведения бизнеса).

В рамках данной статьи рассматривается изучение особенностей статистической связи между качеством жизни и характеристиками автотранспортной аварийности. В этой связи необходимо разобраться, каким образом представителями US News & World Report формируется методика оценки Качества жизни (Quality of Life) в конкретной стране. На *рис. 3* приведены детали оценки качества жизни в России.

Аналогичным образом был оценен уровень Качества жизни (Quality of Life) во всех 60 странах, для которых проводились исследования и которые попали в рейтинг US News & World Report.

Сводная таблица данных для анализа (2–4 задачи исследований). Сводные результаты оценки Качества жизни (Quality of Life) и оценки Безопасности (Safety Score) жизнедеятельности граждан стран представлены в *табл. 2*. Разброс значений показателей Quality of Life и Safety Score (по оценкам US News & World Report), характерных для разных стран мира, очень значителен (от 0,1 до 10). Здесь же представлены необходимые для расчета показателя Социальный риск (HR) исходные данные [5] и результаты этого расчета, приведенные по состоянию на 2013 г. (последние по времени сводные данные по аварийности в разных странах мира). Разумеется, корректнее было бы использовать для анализа данные по Социальному риску (HR) и Quality of Life (QL), а также Safety Score

(SS) одного года, но, к сожалению, такой возможности нет. Последний по времени публикации доклад Всемирной организации здравоохранения «Global status report on road safety – 2015» [5] содержит сводные данные по аварийности в разных странах мира за 2013 г., и, напротив, рейтинг US News & World Report, представленный в январе 2016 г., подготовлен по данным 2015 г. Аналогов рейтинга US News & World Report по данным предыдущих лет автор обнаружить не смог. В этой связи приходится аксиоматически принимать за основу дальнейших рассуждений тезис о том, что фактическая ситуация в сфере аварийности конкретной страны обычно весьма консервативна, устойчива во времени, и если и возникают какие-либо изменения, то они могут быть учтены как погрешность, допускаемая в процессе статистических исследований.

Величина показателя Социальный риск (HR) в 2013 г. варьируется в различных странах в весьма широком диапазоне значений – от 2,7...2,8 погибших в ДТП/100 тыс. чел. (Швеция, Великобритания) до 23...26 погибших в ДТП/100 тыс. чел. (Саудовская Аравия и Иран). Надо отметить, что, к сожалению, уровень Социального риска (HR) в России (18,92 погибших в ДТП/100 тыс. чел.) чрезвычайно высок и её по этому показателю можно скорее отнести к странам-аутсайдерам. Это же замечание можно сделать и по результатам оценки в России Quality of Life (QL = 1,0) и Safety Score (SS = 0,5). Отметим, что между частным составным показателем Safety и более общим показателем Quality of Life есть высокий уровень корреляционной связи ($R = 0,95$), но полной идентичности нет (*рис. 4*).

Таблица 2. Соответствие между величиной индексов Качество жизни населения (Quality of Life) и Безопасность (Safety Score) (по данным US News & World Report) и соответствующими значениями Социального риска (Human Risk HR) в 2013 г. в различных странах мира [5; 12]

№ рейтинга	Страна из рейтинга US News & World Report (2016)	Значения показателей				
		Оценка качества жизни населения Quality of Life (2016)	Оценка составляющей «Безопасность» Safety Score (2016)	Население в 2013 г., Тыс. чел.	Число погибших в ДТП в 2013 г., чел.	Значение социального риска HR в 2013 г., погибших в ДТП/100, Тыс. чел.
1	Канада	10,0	10,0	35181,7	2077	5,90
2	Швеция	9,5	10,0	9571,1	260	2,72
3	Дания	9,2	10,0	5619,1	191	3,40
4	Австралия	9,1	9,1	23342,6	1192	5,11
5	Нидерланды	8,5	9,2	16759,2	570	3,40
6	Новая Зеландия	8,2	9,8	4505,8	253	5,61
7	Германия	8,1	8,2	82726,6	3339	4,04
8	Австрия	7,3	9,2	8495,1	455	5,36
9	Великобритания	7,3	7,0	63136,2	1770	2,80
10	Люксембург	6,3	8,8	530,4	45	8,48
11	Япония	6,2	7,6	127143,6	5679	4,47
12	Ирландия	5,7	7,8	4627,2	188	4,06
13	Франция	5,5	5,5	64291,3	3268	5,08
14	Соединенные Штаты Америки	5,4	2,7	320050,7	32719	10,22
15	Сингапур	4,6	6,5	5411,7	159	2,94
16	Испания	4,2	6,2	46927	1680	3,58
17	Китай	4,2	6,2	1385567	62945	4,54
18	Италия	3,6	5,5	60990,3	3385	5,55
19	Португалия	3,5	6,8	10608,2	637	6,00
20	Южная Корея	2,6	1,8	49262,7	5092	10,34
21	Чехия	2,4	3,8	10702,2	654	6,11
22	Малайзия	2,3	1,3	29717	6915	23,27
23	Таиланд	2,2	1,0	67010,5	13650	20,37
24	Вьетнам	1,9	0,7	91679,7	9845	10,74
25	Саудовская Аравия	1,9	0,9	28828,9	7661	26,57
26	Индия	1,9	0,3	1252140	137572	10,99
27	Филиппины	1,8	0,6	98393,6	1469	1,49
28	Венгрия	1,8	3,2	9954,9	591	5,94
29	Турция	1,6	0,6	74932,6	4786	6,39
30	Индонезия	1,5	0,7	249865,6	26416	10,57
31	Мексика	1,5	0,2	122322,4	17139	14,01
32	Болгария	1,5	2,0	7222,9	601	8,32
33	Чили	1,5	1,1	17619,7	2108	11,96
34	Израиль	1,5	0,2	7733,1	277	3,58
35	Коста Рика	1,4	1,1	4872,2	625	12,83
36	Греция	1,4	2,1	11128	865	7,77
37	Перу	1,3	0,8	30375,6	4039	13,30
38	Шри Ланка	1,3	0,5	21273,2	2362	11,10

Окончание таблицы 2

39	Аргентина	1,2	0,9	41446,2	5209	12,57
40	Уругвай	1,1	0,9	3407,1	567	16,64
41	Румыния	1,0	1,1	21698,6	1866	8,60
42	Российская Федерация	1,0	0,5	142833,7	27025	18,92
43	Бразилия	0,9	0,3	200361,9	41059	20,49
44	Марокко	0,9	0,7	33008,1	3832	11,61
45	Доминиканская Республика	0,9	0,6	10403,8	2810	27,01
46	Панама	0,8	1,0	3864,2	386	9,99
47	Тунис	0,8	0,2	10996,5	1505	13,69
48	Боливия	0,8	0,3	10671,2	2400	22,49
49	Южная Африка	0,5	0,2	52576,1	13802	26,25
50	Колумбия	0,5	0,2	48321,4	6038	12,50
51	Гватемала	0,5	0,3	15468,2	1977	12,78
52	Иордания	0,5	0,6	7273,8	768	10,56
53	Нигерия	0,3	0,2	173615,3	6450	3,72
54	Казахстан	0,4	0,3	16440,6	3233	19,66
55	Пакистан	0,3	0,2	182142,6	9917	5,44
56	Азербайджан	0,5	0,2	9413,4	1256	13,34
57	Египет	0,3	0,3	82056,4	8701	10,60
58	Украина	0,2	0,2	45372,7	4833	10,65
59	Алжир	0,1	0,4	39208,2	4540	11,58
60	Иран	0,1	0,2	77447,2	17994	23,23

Составлено по: www.oecdbetterlifeindex.org/ [14] и данным ВОЗ о безопасности дорожного движения в мире (2015) [5].

Рисунок 4. Регрессионная модель связи между частным показателем Безопасность в стране (Safety Score) и более обобщенным показателем Качество жизни (Quality of Life) (2016)

В табл. 3 приведены статистические характеристики модели $Quality\ of\ Life = f(Safety\ Score)$.

Имея всю необходимую исходную для анализа информацию, можно построить регрессионные модели влияния на показатель автотранспортной аварийности Социальный риск HR – характеристики качества жизни людей – Quality of Life QL и ее частного случая – Safety Score SS и оценить тесноту связи между предикторами и результирующей.

Результаты исследований (5 задача исследования). Пространственное рассеяние экспериментальных точек для исследуемых зависимостей представлено на рис. 5. Для относительно адекватного описания функциональной связи между переменными при подобном рассеянии эксперимен-

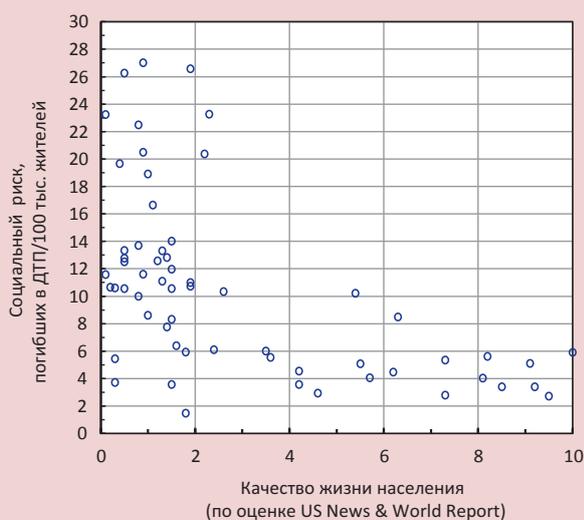
тальных точек вполне подойдет использование обратной функции типа $Y = \frac{a}{X}$.

Надо отметить, что как альтернатива данной функции для описания набора экспериментальных данных может быть использована степенная функция типа $Y = \frac{a}{X^b}$. Однако ряд соображений, важнейшим из которых является понимание механизма формирования причинно-следственных связей в системе «Водитель – Автомобиль – Дорога – Среда» или системе еще более высокого ранга «Государство – Территория – Экономическая система – Система общественных отношений – Транспортная культура», все же склоняют нас к выбору для решения поставленных задач относительно более простой модели типа $Y = \frac{a}{X}$.

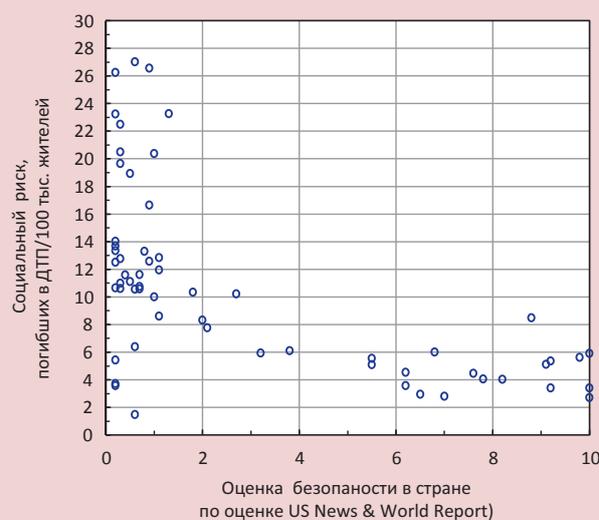
Таблица 3. Статистические характеристики модели $Quality\ of\ Life = f(Safety\ Score)$

Статистические характеристики	Коэффициент парной корреляции	Коэффициент детерминации	Критерий Фишера	Стандартная ошибка аппроксимации
Значения	0,953	0,909	577,972	0,880

Рисунок 5. Пространственное рассеяние экспериментальных точек на координатной плоскости для исследуемых зависимостей

а) $HR = f(Quality\ of\ Life)$

б) $HR = f(Safety\ Score)$

Результаты моделирования зависимости $HR = f(Quality\ of\ Life)$ и ее частного случая – зависимости $HR = f(Safety\ Score)$ – представлены соответственно на рис. 6 и 7.

Анализ показывает, что достаточно адекватным выбором в качестве аппроксимирующей модели может быть обратная функция типа $Y = \frac{a}{X}$.

Статистические характеристики этих моделей представлены в табл. 4 и 5.

По итогам моделирования зависимостей $HR = f(Quality\ of\ Life)$, представленной на рис. 6, и зависимости $HR = f(Safety\ Score)$,

представленной на рис. 7, можно сделать четыре промежуточных заключения, которые выводят на дальнейшие рассуждения.

1. Для качественного описания статистической связи между показателем Качества жизни Quality of Life, ее частной составляющей Safety Score и Социальным риском HR принципиально возможно использование обратной функции вида $HR = 16/QL$ и $HR = 16/SS$. Отметим, что уровень тесноты статистической связи между переменными находится по шкале Чеддока на заметном уровне ($R = -0,55...-0,59$), но не является высоким.

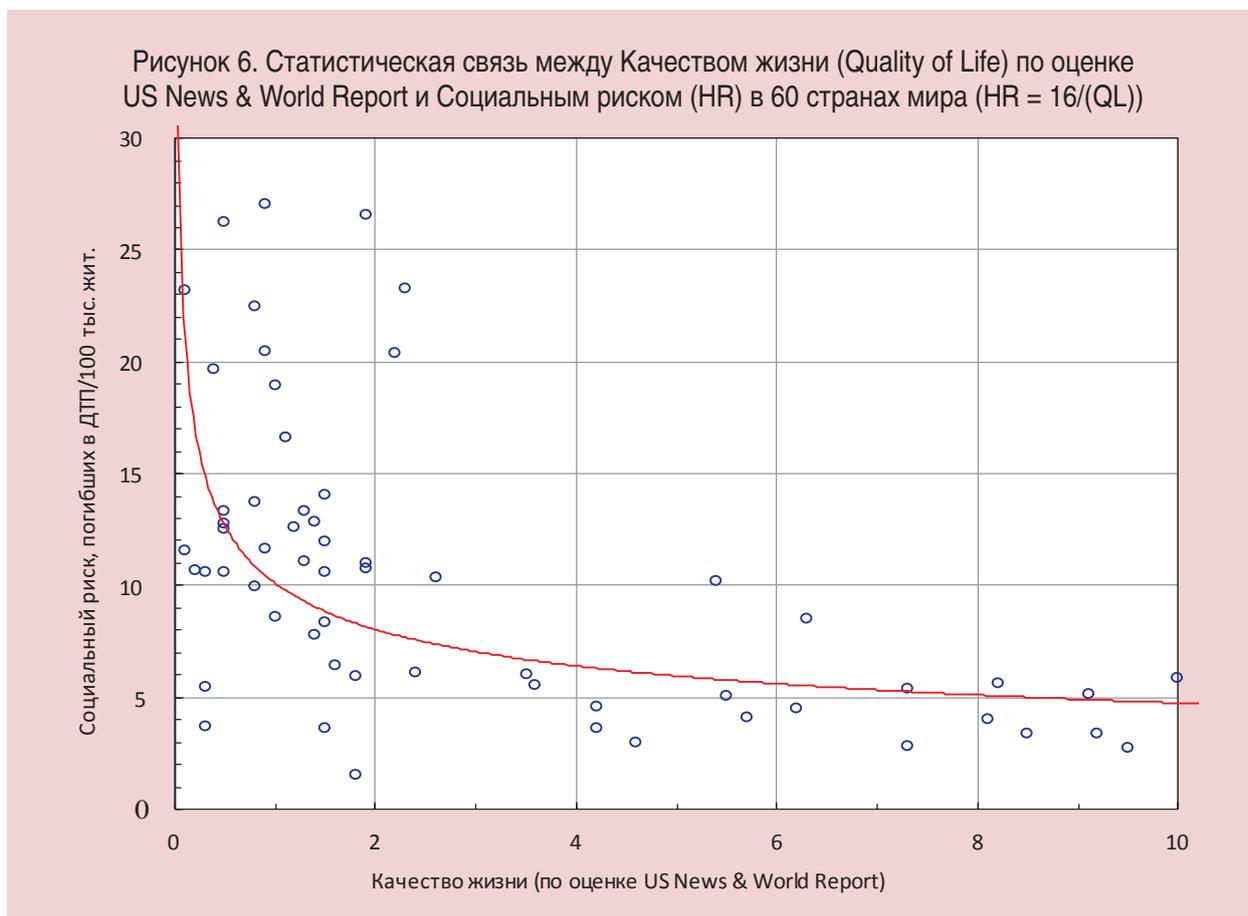

Таблица 4. Статистические характеристики модели $HR = f(Quality\ of\ Life)$

Статистические характеристики	Коэффициент парной корреляции	Коэффициент детерминации	Критерий Фишера	Стандартная ошибка аппроксимации
Значения	0,546	0,298	24,630	5,645

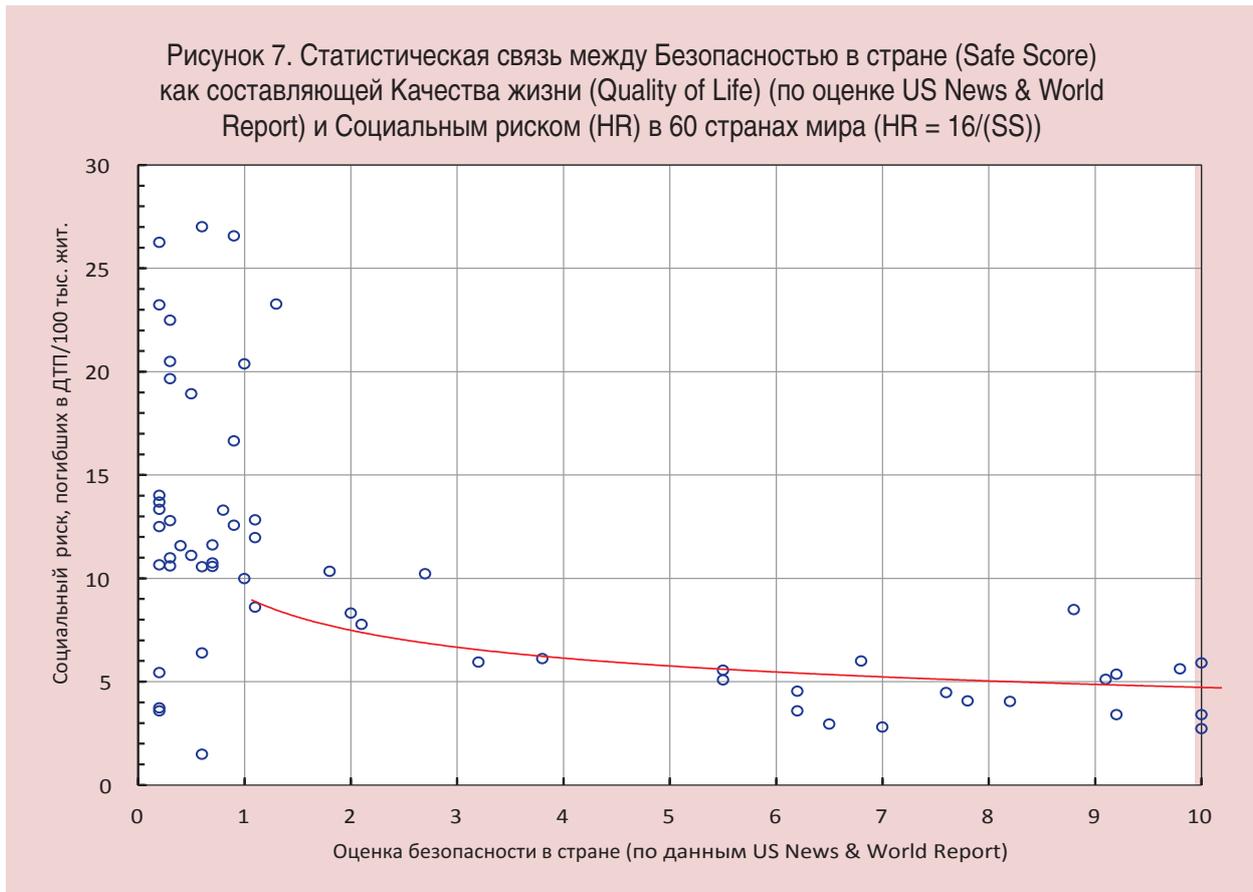

Таблица 5. Статистические характеристики модели $HR = f(\text{Safety Score})$

Статистические характеристики	Коэффициент парной корреляции	Коэффициент детерминации	Критерий Фишера	Стандартная ошибка аппроксимации
Значения	0,594	0,353	31,602	5,421

2. Визуальный анализ графического изображения зависимостей на *рис. 6 и 7* показывает, что, по сути, исследуемые связи между HR и Quality of Life и Safety Score можно дифференцировать на три пространственные области (в диапазонах значений Quality of Life, равных [0...1,5[;]1,5; 2,5[и]2,5...10]). И если для описания крайних (слева и справа) ветвей зависимостей $HR = f(\text{Quality of Life})$ и $HR = f(\text{Safety Score})$ характерны линии, соответственно, $X = 1$ и $Y = 5$, то для срединной части зависимости, в области которой наблюдается перелом тенденции, адекватную модель подобрать крайне затруднительно.

3. Судя по особенностям моделей $HR = f(\text{Quality of Life})$ и $HR = f(\text{Safety Score})$, все страны мира с позиций возможностей обеспечения высокого уровня БДД сегодня могут быть разбиты на три принципиально разные группы [11], а именно:

- страны-лидеры по качеству жизни и страны догоняющего развития, для которых характерен высокий уровень БДД даже при условии, что в сфере *Quality of Life* лидерские позиции еще не достигнуты (*Quality of Life* = 3...9);
- страны-аутсайдеры по качеству жизни (*Quality of Life* = 0...2);

- страны, находящиеся на переходном этапе от аутсайдеров к лидерам (*Quality of Life = 2...3*).

4. Возможное объяснение этому факту лежит в плоскости особенностей развития общественных институтов в конкретном государстве и истории как самого процесса автомобилизации, так и развития органов, регламентирующих и контролирующих все аспекты жизнедеятельности, связанные с БДД. Например, известно, что Россия сегодня (в 2000–2016 гг.) повторяет все тенденции развития автомобилизации, уже пройденные США в 1950–1960 гг., а многими европейскими странами – в 1970–1980 гг. [6].

Обсуждение результатов исследований (6 задача исследования). С учетом вышесказанного возникает необходимость объяснений особенностей типа корреляционно-регрессионных моделей $HR = f(Quality\ of\ Life)$ и $HR = f(Safety\ Score)$. И вот здесь уже невозможно в логических построениях обойтись без рассмотрения самого фундаментального элемента цепочки причинно-следственных связей в формировании автотранспортной аварийности – *Уровня развития общественных институтов*.

Согласно определению Стэнфордской энциклопедии философии, под общественными институтами обычно понимаются «исторически сложившиеся или созданные целенаправленными усилиями формы организации совместной жизнедеятельности людей, существование которых диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части. Институты характеризуются своими возможностями влиять на поведение людей посредством установленных правил» [17].

Согласно Д. Аджемоглу и Д.А. Робинсону [1], «для того, чтобы понять мировое

неравенство, необходимо разобраться в том, почему некоторые общества организованы столь неэффективно». Эти же авторы аргументированно критикуют теоретические построения объяснений различий между странами, которые условно можно классифицировать как «Географическая теория», «Теория культурного влияния» и «Теория о невежестве». Итогом их рассуждений становится вывод о главенствующем принципе, который максимально эффективно стимулирует развитие общества и который формулируется как тезис: «Путь к процветанию лежит через решение базовых политических проблем» [1]. Многочисленные исторические примеры, приводимые Д. Аджемоглу и Д.А. Робинсоном, в целом подтверждают этот тезис. Важнейший вывод, который возникает после ознакомления с их трудом, формулируют сами авторы: «Огромные различия между путями общественно-экономического развития, по которым идут разные страны, появились в результате сложной взаимосвязи между институциональным дрейфом и точками перелома».

В классическом труде С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [10] детально рассматриваются история, причины и факторы цивилизационного развития, обстоятельства, способствующие дифференциации путей движения различных цивилизаций, общее и различное между ними по всему спектру признаков. Вывод С. Хантингтона о достижении Западом так называемой зрелой фазы развития подразумевает и тезис о вхождении западного общества в «период процветания, к которому приводит окончание внутреннего агрессивного уничтожения» [10]. Очевидно, этот тезис хорошо согласуется с данными табл. 3 и сутью рисунков 6 и 7, на которых минимальные значения Социального риска (HR) характерны именно для группы

стран, в которых уровень качества жизни максимально высок. И, что интересно, состав этой группы – сплошь страны западной цивилизации и примкнувшие к ним Япония и Сингапур, экономическая политика в которых может быть охарактеризована как инклюзивная. Термин «инклюзивные институты экономики-общественного развития» подразумевает правила, по которым работает экономика, которые основаны на базе частной собственности на средства производства и предпринимательской инициативе широких масс граждан. Общества, в которых успешно работают *инклюзивные экономические институты*, со временем превращаются в общества с высоким уровнем качества жизни и, согласно цепочке (3), с низким уровнем автотранспортной аварийности.

Напротив, в числе стран, для которых характерен высокий уровень автотранспортной аварийности, в основном находятся страны с низким уровнем качества жизни и так называемыми *экстрактивными экономическими институтами*, «направленными на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» [1].

По результатам этих исследований, выполненных сотрудниками Тюменского индустриального университета [6; 7], можно сделать вывод о связи транспортной культуры населения конкретной страны или региона и уровня экономического благополучия местных жителей. Так, в России самый низкий уровень транспортной культуры населения характерен для таких республик, как Дагестан, Ингушетия, Калмыкия и Тыва [4]. Данные Росстата [9] показывают, что для этих регионов страны характерен очень низкий уровень как вырабатываемого валового регионального продукта (ВРП), так и доходов населения. Напротив,

в тех субъектах РФ, где экономическая ситуация более благоприятна, уровень автотранспортной аварийности значительно ниже [7]. Этот же вывод справедлив и по отношению к странам мира [3; 7; 15; 16].

В монументальном труде Д. Асемоглу и Д.А. Робинсона «Экономические истоки диктатуры и демократии» [2] детально объясняется, как связаны между собой различные формы общественного устройства и особенности функционирования экономики, к чему, на уровне проявлений различных аспектов жизни, приводит главенство различных форм организации общественных институтов. Вывод авторов [2] достаточно однозначен и безапелляционен: только в демократических обществах с развитыми общественными институтами повышение качества жизни населения является диалектически обоснованным и естественным по своей сути.

Возвращаясь к моделям $HR = f(Quality\ of\ Life)$ и $HR = f(Safety\ Score)$, представленным на рис. 6 и 7, надо отметить, что именно левая ветвь графика, характеризующая страны с низким уровнем значений качества жизни населения, снижает уровень адекватности модели.

Попробуем понять, почему для стран с низким уровнем качества жизни граждан характерны самые разнообразные значения Социального риска, включая и невысокие, на уровне развитых стран западной цивилизации (по С. Хантингтону). Примером таких стран могут выступить Филиппины ($HR = 1,49$ погибших в ДТП/100 тыс. чел.), Нигерия ($HR = 3,72$ погибших в ДТП/100 тыс. чел.), Пакистан ($HR = 5,44$ погибших в ДТП/100 тыс. чел.). Объяснением этому могут быть особенности демографии и экономического развития этих стран. Очень молодое, бедное и многочисленное население в совокупности с низким уровнем автомобилизации U_a формируют

среду, в которой автотранспортный комплекс находится на зачаточном этапе развития, т.е. в хронологии процесса автомобилизации эти страны сегодня находятся на тех этапах, которые США и страны Западной Европы прошли в 1910–1920 гг. Условно эти страны можно отнести к числу стран первой группы, объединяющихся по признаку начальной автомобилизации. Напротив, в странах с низким уровнем качества жизни и высоким уровнем Социального риска, таких как Иран (HR = 23,23 погибших в ДТП/100 тыс. чел.), Казахстан (HR = 19,66 погибших в ДТП/100 тыс. чел.), страны Южной Африки (HR = 26,25 погибших в ДТП/100 тыс. чел.), Южной и Центральной Америки (HR = 15...25 погибших в ДТП/100 тыс. чел.) и примкнувшая к ним Российская Федерация (HR = 18,92 погибших в ДТП/100 тыс. чел.), уровень автомобилизации достаточно высок, автотранспортный комплекс в целом сформирован, однако транспортная культура населения *UTC* все еще отстает от лучших мировых образцов. Это страны второй группы – в таких странах уровень аварийности будет снижаться с ростом качества жизни населения. Таким образом, разнообразие значений величин Социального риска в группе стран с низким уровнем качества жизни определяется как различием степени развития автотранспортных комплексов, т.е. историей автомобилизации, так и местом в иерархии стран с различным уровнем развития общественных институтов. Страны третьей группы, для которых характерны низкие значения Социального риска, объединены общим признаком высокого уровня развития социальных институтов.

Заключение. Резюмируя, отмечу, что главный вывод исследования заключается в установлении заметной статистической связи между характеристиками Качества

жизни населения различных стран мира (по методологии US News & World Report [12]) и Социальным риском в этих странах, оцениваемым через соотношение численности погибших в ДТП на 100 тыс. человек населения, по типу обратной модели.

Анализ баз данных о Социальном риске (HR) в разных странах мира и соответствующих ему показателях качества жизни населения (по 60 странам), последующий корреляционно-регрессионный анализ с установлением статистической связи между предикторами и результирующей по типу обратной модели позволяет классифицировать анализируемые страны мира на 3 категориальные группы по качеству жизни граждан. Это: страны-лидеры и страны догоняющего развития (1 группа, для которой $QL = 3...9$); страны-аутсайдеры (3 группа, для которой $QL = 0...2$); страны, находящиеся на переходном этапе от аутсайдеров к лидерам (2 группа, для которой $QL = 2...3$).

Объяснение такой дифференциации стран по группам проведено с учетом мнений специалистов мирового уровня в вопросах цивилизационного развития и, хотя и является дискуссионным, тем не менее имеет право на существование.

Сегодня в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в нашей стране главенствует принцип наказания за проступок. Представленные в статье результаты позволяют утверждать, что с автотранспортной аварийностью, как производной от нарушения установленных правил общественной жизни, можно и нужно, в первую очередь, бороться посредством постепенного, планомерного развития институтов общественной жизни. Это будет способствовать повышению качества жизни граждан, последующему росту транспортной культуры общества и снижению автотранспортной аварийности.

Литература

1. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д.А. Робинсон. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 694 с.
2. Асеомглу, Д. Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асеомглу, Д.А. Робинсон. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.
3. Блинкин, М.Я. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институты / М.Я. Блинкин, Е.М. Решетова. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. – 240 с.
4. База данных о показателях состояния безопасности дорожного движения ГИБДД МВД РФ (2004–2015). Архив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/archive/>
5. Доклад ВОЗ о безопасности дорожного движения в мире (2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2015/ru/
6. Колесов, В.И. Анализ транспортной культуры населения / В.И. Колесов, А.И. Петров // Транспорт. Наука, техника, управление. – 2015. – № 6. – С. 20-22.
7. Петров, А.И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени / А.И. Петров. – Тюмень: Изд. ТюмГНГУ, 2015. – 254 с.
8. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
9. Федеральная служба государственной статистики РФ (2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.
10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: Изд. АСТ, 2015. – 571 с.
11. Adams, J.G.U. Risk and Freedom: the record of road safety regulation / J.G.U. Adams. – Cardiff: Transportation Publishing Projects, 1985. – 202 p.
12. Best Countries (2016). Ranking Global Performance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.usnews.com/news/best-countries/articles/us-news-unveils-best-countries-rankings>.
13. Economist Intelligence Unit (2016) Quality-of-life index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eiu.com/home.aspx>
14. OECD (2016) OECD Better Life Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/>
15. Smeed, R.J. Some statistical aspects of road safety research / R.J. Smeed // Journal Royal Statistics. – 1949. – А (1). – P. 1-34.
16. Smeed, R.J. Variations in the pattern of accident rates in different countries and their causes / R.J. Smeed // Traffic Engineering and Control. – 1968. – № 10. – P. 364-371.
17. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/>
18. Vanderbilt, T. Why We Drive the Way We Do (and What It Say About Us) / T. Vanderbilt. – New York: First vintage books, 2008. – 416 p.
19. Wilde, G.J.S. Risk homeostasis theory and traffic accidents: Propositions, deductions and discussion of dissension in recent reactions / G.J.S. Wilde // Ergonomics. – 1988. – № 31. – P. 441- 468.
20. Wilde, G.J.S. Target Risk 3: Risk Homeostatis in Everyday Life / G.J.S. Wilde. – New York: PDE Publications, 2014. – 234 p.

Сведения об авторе

Артур Игоревич Петров – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры, Институт транспорта Тюменского индустриального университета (625027, Россия, г. Тюмень, ул. Мельникайте, 72, zaharovd@tsogu.ru)

Petrov A.I.

Road Traffic Accident Rate as an Indicator of the Quality of Life

Artur Igorevich Petrov – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Institute for Transport at Tyumen Industrial University (72, Melnikaite Street, Tyumen, Russian Federation, 625027, zaharovd@tsogu.ru)

Abstract. The paper considers the issues devoted to assessing the connection between the quality of life and road traffic accident rate in different countries. The hypothesis put forward in the paper is based on the idea that the organization and functioning of the state road traffic safety management system and the outcome characteristics of road traffic accident rate in the road complex are closely related and are derived from the level of development of non-governmental institutions in a particular country. In order to determine how true this hypothesis is, the author carried out statistical studies of the relations between the estimates of the Quality of Life presented for 60 countries in the US News & World Report and the Human Risk indicators estimated for these countries. This indicator proposed by R. Smeed in 1949 for assessing the state of affairs in the field of road safety allows us to evaluate adequately the position of countries in the world ranking of road traffic accident rate. The research aims to establish a regularity that identifies the statistical relationship between the characteristics of the quality of life and human risk (by R. Smeed). The method of construction of correlation-regression models of the processes under consideration is used to achieve this goal. It has been established that there exists a noticeable inverse statistical relationship between the variables of the Quality of Life in different countries (according to the US News & World Report) and Human Risk (according to the World Health Organization). The paper discusses reasons for a decline in road traffic accident rate when the quality of life becomes better. The main conclusion of the study lies in the understanding that there exists a strong cause and effect relationship between the level of development of social institutions and the level of transport culture of the population; this relationship is implemented in the form of specific cases of transport-related behavior of drivers, forming in the end a certain road traffic accident rate.

Key words: quality of life; road traffic accident rate; human risk; correlation and regression analysis; non-governmental institutions; transport culture of the population.

References

1. Adzhemoglu D., Robinson D.A. *Pochemu odni strany bogatyie, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why nations fail. The origins of power, prosperity, and poverty]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2015. 694 p. [in Russian].
2. Acemoglu D., Robinson D.A. *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii* [Economic origins of dictatorship and democracy]. Moscow: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. 512 p. [in Russian].
3. Blinkin M.Ya., Reshetova E.M. *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: istoriya voprosa, mezhdunarodnyi opyt, bazovye institutsii* [Road safety: background of the issue, international experience, basic institutions]. Moscow: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2013. 240 p. [in Russian].
4. *Baza dannykh o pokazatelyakh sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya GIBDD MVD RF (2004-2015). Arkhiv* [Database of indicators of traffic safety of the State Road Traffic Safety Inspection under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (2004-2015). The archive]. Available at: <http://www.gibdd.ru/stat/archive/>. [in Russian].
5. *Doklad VOZ o bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v mire (2015)* [The WHO global status report on road safety 2015]. Available at: http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2015/ru/
6. Kolesov V.I., Petrov A.I. Analiz transportnoi kul'tury naseleniya [Analysis of transport culture of the population]. *Transport. Nauka, tekhnika, upravlenie* [Transport. Science, technology, management], 2015, no. 6, pp. 20-22. [in Russian].

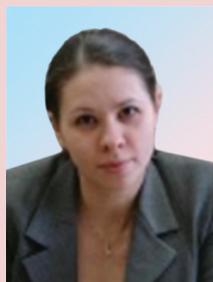
7. Petrov A.I. *Osobennosti formirovaniya avtotransportnoi avariinosti v prostranstve i vremeni* [Specifics of formation of road traffic accident rate in time and space]. Tyumen: Izd. TyumGNGU, 2015. 254 p. [in Russian].
8. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyi ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow: INFRA-M, 1999. 479 p. [in Russian].
9. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki RF (2015)* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2015)]. Available at: <http://www.gks.ru/>. [in Russian].
10. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations and the remaking of world order]. Moscow: Izd. AST, 2015. 571 p. [in Russian].
11. Adams J.G.U. *Risk and Freedom: the record of road safety regulation*. Cardiff: Transportation Publishing Projects, 1985. 202 p.
12. *Best Countries (2016). Ranking Global Performance*. Available at: <http://www.usnews.com/news/best-countries/articles/us-news-unveils-best-countries-rankings>.
13. *Economist Intelligence Unit (2016) Quality-of-life index*. Available at: <http://www.eiu.com/home.aspx>
14. *OECD (2016) OECD Better Life Index*. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/>
15. Smeed R.J. Some statistical aspects of road safety research. *Journal Royal Statistics*, 1949, A (I), pp. 1-34.
16. Smeed R.J. Variations in the pattern of accident rates in different countries and their causes. *Traffic Engineering and Control*, 1968, no. 10, pp. 364-371.
17. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <http://plato.stanford.edu/>
18. Vanderbilt T. *Why we drive the way we do (and what it says about us)*. New York: First vintage books, 2008. 416 p.
19. Wilde G.J.S. Risk homeostasis theory and traffic accidents: Propositions, deductions and discussion of dissension in recent reactions. *Ergonomics*, 1988, no. 31, pp. 441- 468.
20. Wilde G.J.S. *Target Risk 3: Risk homeostasis in everyday life*. New York: PDE Publications, 2014. 234 p.

Общие ценности в формировании современной технико-экономической парадигмы*

**Ольга Александровна
РОМАНОВА**

Институт экономики УрО РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
econ@uran.ru

**Виктория Викторовна
АКБЕРДИНА**

Институт экономики УрО РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
akb_vic@mail.ru

**Николай Ювенальевич
БУХВАЛОВ**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Россия, Пермский край, г. Пермь-ГСП, Комсомольский
проспект, д. 29
nbukhvalov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16-02-18009 «Эмпирическое исследование корпоративной демографии в России: структурные изменения, кризисы и жизненный цикл».

Аннотация. В статье представлена эволюция понятия технико-экономической парадигмы. Подчеркнуто, что значительное влияние на формирование современной технико-экономической парадигмы оказывает концепция преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования). В рамках данной концепции «общие ценности» рассматриваются как центральный элемент стратегии развития любого государства. Идеология общих ценностей основана на прагматических принципах, создающих экономическую стоимость для удовлетворения интересов общества. Она строится на «трех столпах устойчивого развития» – это планета, люди и прибыль. Выделено три основных типа импакт-инвестирования – обуславливающее инвестирование, развивающее инвестирование, локализирующее инвестирование. Выделены важнейшие направления импакт-инвестирования. Обоснована целесообразность имплантации идей импакт-инвестирования на уровень отдельных хозяйствующих субъектов, что позволило сформировать специфический подход к управлению социально-экономическими системами микроуровня, получивший авторское название «импакт-менеджмент». Идеи импакт-менеджмента как управленческой технологии, призванной стимулировать развитие общих ценностей и повышать заинтересованность каждого в общих итоговых результатах работы, апробированы в условиях одного из крупнейших предприятий оборонно-промышленного комплекса – ПАО «Мотовилихинские заводы». Обосновано, что идеи импакт-инвестирования в значительной мере соответствуют идеям инклюзивного развития, что позволило констатировать сущностную идентичность этих процессов. Введены понятия «структурная инклюзия» и «пространственная инклюзия». Отдельные элементы пространственной инклюзии проиллюстрированы на примере Свердловской области.

Ключевые слова: технико-экономическая парадигма; преобразующее инвестирование (общие ценности); инклюзивное развитие; структурная инклюзия; пространственная инклюзия; импакт-менеджмент; агломерации.

Введение. Геополитическая реальность, сложившаяся в результате трансформационных изменений в системе международных отношений, определила появление феномена «security-development-nexus», то есть взаимозависимости безопасности и развития [10]. В этих условиях значимость повышения уровня социально-экономического развития государства будет определяться не только возможностями улучшения качества жизни, повышения уровня благосостояния населения, развития человеческого капитала, но и возможностью занятия страной достойного места в мировом сообществе, обеспечивающего ее национальную безопасность. Особое значение имеет доминирование лучших практик мирового экономического развития, формирующих так называемую технико-

экономическую парадигму в экономическом пространстве той или иной страны. Парадигма чаще всего рассматривается как общепризнанные научные достижения, которые «в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [12, с. 11].

Современная экономическая наука также достаточно активно использует понятие парадигмы. Оно используется как в теории длинных волн, так и при характеристике определенных этапов развития общества (так, например, парадигма постиндустриального общества). Любая технико-экономическая парадигма, появление которой характеризуется новым ключевым фактором, выступающим в качестве основы системы технологических и управленческих нововведений, влечет за собой не только

более интенсивное использование ключевого фактора, но и изменение качества трудовых ресурсов, форм организации производства, а зачастую меняется и институциональная структура общества на разных иерархических уровнях. В этот период возрастают вложения в новую инфраструктуру, создающую условия для развития отраслей, производящих и потребляющих ключевой фактор [7, с. 143]. Понятие «техно-экономической парадигмы» используется также с позиции рассмотрения процесса структурной перестройки промышленности как триединого процесса технологической, отраслевой и институциональной перестройки [15, с. 10; 11, с. 48]. Снижение потенциала доминирующей техно-экономической парадигмы свидетельствует о наступлении структурного кризиса, что является одним из факторов, предопределяющих потребность в формировании новой парадигмы.

Среди многочисленных трактовок понятия техно-экономической парадигмы представляется наиболее полным понятие, предложенное К. Перес. Ее определение позволяет выделить сущностную основу техно-экономической парадигмы, которая рассматривается как «модель наилучшей деловой практики, состоящая из всеобъемлющих общих технологических и организационных принципов, которые отражают наиболее эффективный способ воплощения определенной технологической революции в жизнь и то, как следует пользоваться революцией для оживления и модернизации экономики. Когда эти принципы становятся общепринятыми, они определяют «здравый смысл», основу, на которой строится любая деятельность или институт» [14, с. 40].

Установлено, что изменения, вызванные становлением новой техно-экономической парадигмы, не ограничиваются экономикой, а проникают как в политическую сферу, так и в общественную идеологию [21]. При утверждении новой техно-экономической парадигмы происходит, с одной стороны, своеобразная консолидация общих принципов, которыми регулируются взаимоотношения участников экономического развития, с другой — устанавливается взаимное соответствие изменений, происходящих в институциональной системе страны.

Концепция преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования). Значительное влияние на формирование современной техно-экономической парадигмы оказывает концепция преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования, Impact Investing). В рамках данной концепции «общие ценности» (Shared Value) рассматриваются как центральный элемент стратегии развития любого государства. При этом общие ценности не являются синонимом терминов «социальная ответственность», «благотворительность», «устойчивое развитие». Их идеология основана на прагматических принципах, создающих экономическую стоимость для удовлетворения интересов общества. В рамках новой техно-экономической парадигмы бизнес не просто должен служить интересам общества, а «это служение должно быть основано не на благотворительности, а на глубоком понимании механизмов конкуренции и создания стоимости» [27].

История импакт-инвестирования берет свое начало с 2007 года — с момента, когда Фонд Рокфеллера учредил «Impact Investing

Initiative». С этого времени развиваются методы и финансовые инструменты преобразующего инвестирования, появляются собственные стандарты и институты. В 2009 году начала работу Глобальная сеть Impact Investing (GIIN). В последние годы концепция импакт-инвестирования все больше глобализуется. Не только отдельные проекты, но и даже правительственные программы Impact Investing осуществляются в Австралии, Бразилии, Голландии, Индии, Мексике и др. Разработаны и применяются на практике классификации, базы данных и стандарты оценки проектов, идущих в русле импакт-инвестирования.

«Импакт-инвестирование» — это имя-концепт новой волны финансовых технологий, формирующейся уже не первое десятилетие. В отличие от законов, не имеющих обратной силы, понятие «импакт-инвестирование» нацелено на активное освоение прошлого, поглощение и переосмысление его финансовых изобретений и практик. Основной классификационный инструмент импакт-инвестирования — это матрица, представляющая собой таблицу 3×3, в основе которой заложена разработанная ранее концепция тройного критерия (англ. Triple bottom line, TBL или 3BL). В рамках данной концепции предполагается, что собственники и руководство компаний должны учитывать не только финансовые показатели, но и результаты ее деятельности в социальной сфере и экологии. Концепция выведена в 1994 году американским экономистом и предпринимателем Джоном Элкингтоном [17]. Идеология импакт-инвестирования строится на «трех столпах устойчивого развития» — это планета, люди и прибыль. Основой, предопределившей развитие импакт-ин-

вестирования, явилось взаимодействие нижеперечисленных четырех ключевых факторов [25]:

- возрастающий перечень практик, которые демонстрируют возможность инвестирования в масштабные бизнес-модели, итогом реализации которых становятся социально значимые результаты;
- растущее понимание принципиальной нехватки ресурсов на фоне роста бедности, неравенства, разрушения окружающей среды и других комплексных, глобальных проблем;
- углубленный анализ рисков инвестиционных решений, инициированный финансовым кризисом 2008—2009 гг.;
- переход богатства в индустриальных странах к новому поколению состоятельных индивидов, готовых реализовать свои личные амбиции и ресурсы в формате общественно значимых проектов.
- Систематизация исследований в области импакт-инвестирования позволила выделить три основных его типа, непосредственно связанных с формирующейся новой технико-экономической парадигмой:
 - импакт-инвестирование первого типа («обуславливающее инвестирование») — это разработка новых финансовых технологий, инструментов и стандартов, формирование нового слоя управляющих и посреднических структур для обеспечения доступа инвесторов «глобального Севера» в те сферы экономики «глобального Юга», которые ранее были для них недоступными;
 - импакт-инвестирование второго типа («развивающее инвестирование») — использование новых инвестиционных инструментов для решения социальных и экологических проблем, преодоления бедности, вовлечения локальных инвесторов и

местных сообществ в совместное участие в деятельности, направленной на ускорение социально-экономического развития;

- импакт-инвестирование третьего типа («локализирующее инвестирование») – отработка методических рекомендаций, технологий, инструментов экономической политики для правительств, заинтересованных в привлечении нового класса инвестиций на конкретную территорию.

Вне зависимости от типа импакт-инвестирования, комплементарной целью инвестирования всегда выступают общие ценности (Shared Value), называемые иногда комбинированными ценностями (Blended Value). В процессе импакт-инвестирования принимают участие несколько агентов: поставщики инвестиций, их получатели и посредники между ними. У каждого из участников имеются свои цели и ценности. Как минимум один из участников (чаще всего – инвестор), стремясь к достижению своих целей, сознательно учитывает цели и ценности других участников и содействует их достижению. Это способствует получению, наряду с коммерческим эффектом, ряда других эффектов, которые могут характеризоваться следующими показателями эффективности:

1. Социальная эффективность вместо социальных последствий. Социальные последствия являются целью организаций, которые занимаются предпринимательской деятельностью в сфере социальных и экологических проектов. Социальный эффект – это более широкое понятие. Оно включает в себя совокупность таких результатов, как улучшение качества базового благосостояния для нуждающихся людей, смягчение последствий изменения климата и др. Поскольку социальные результаты чаще других подвержены влиянию внешних

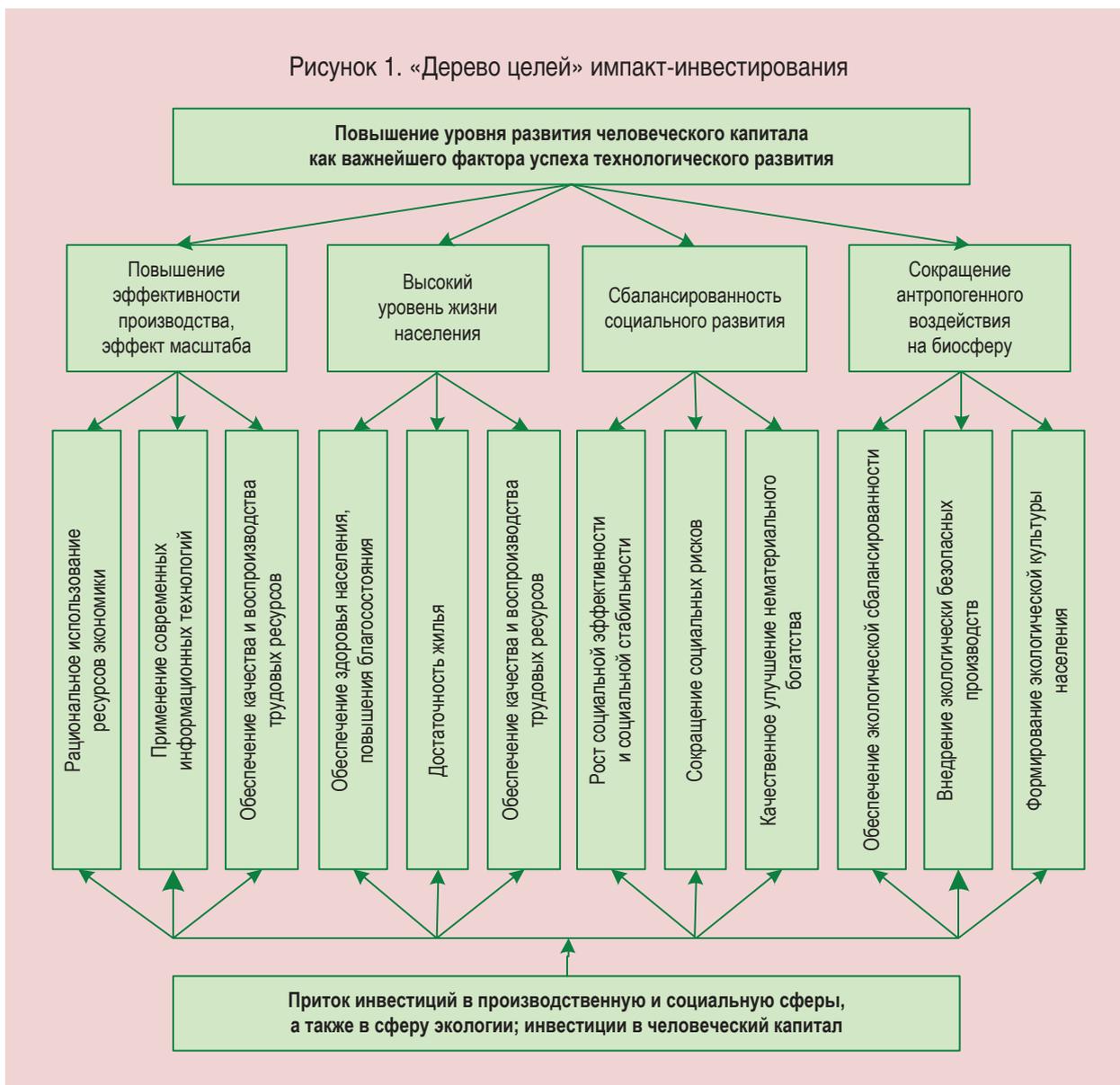
факторов, то их крайне сложно отнести на счет деятельности конкретной компании.

2. Социальная отдача от инвестиций (SROI). Идеология SROI – это смещение целей от окупаемости инвестиций к пониманию социальных эффектов от реализации проекта. SROI позволяет получить полную картину того, как создается стоимость, когда процесс принятия решений основывается на учете социальных, экологических и экономических издержек, а также получаемых при этом выгод.

3. Импакт-инвестирование вместо социальной ответственности бизнеса перед обществом. Социальная ответственность перед обществом исторически сложилась в формате бизнес-этики (ограничение деятельности в сфере производства алкоголя, табака, азартных игр и т.п.). В отличие от этого, импакт-инвестирование создает денежные потоки, которые приводят не только к повышению финансовой отдачи, но и оказывают позитивное воздействие на широкий круг участников инвестиционной деятельности. «Дерево целей» импакт-инвестирования может быть представлено в виде схемы (рис. 1).

Среди важнейших направлений преобразующего инвестирования прежде всего можно выделить *инвестиции в человеческий капитал*. Данное направление связано с вложениями в целях воспроизводства человеческого капитала: увеличение реальных доходов населения и рост качества и уровня жизни; формирование государственных гарантий в части оплаты труда, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала. Что касается демографического развития, то здесь можно отметить улучшение государственной политики в области демографии, направленной на нивелирование депопуляции населения страны, со-

Рисунок 1. «Дерево целей» импакт-инвестирования

кращение смертности, увеличение продолжительности жизни населения, снижение заболеваемости.

Не менее важным является *экологическое* направление импакт-инвестирования, которое позволяет снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду, что обеспечивает не только национальную экологическую безопасность, но и достойный уровень жизни и здоровья населения при сохранении природных ресурсов. Все боль-

шую значимость приобретает финансовое направление импакт-инвестирования. Оно заключается в формировании системы стимулов социального инвестирования на длительный период: обеспечение достойного уровня жизни за счет роста социального капитала на макро- и микроуровнях, формирование эффективного человеческого капитала, а также развитие финансовых технологий, вызывающих положительный социальный эффект.

Импакт-инвестирование развивается и в *производственном* направлении, что позволяет увеличить инвестиции в развитие новых технологий в условиях гуманизации производства и условий труда. Наиболее успешно импакт-инвестирование развивается в благоприятной институциональной среде, что повышает значимость его *институционального* направления. Импакт-инвестирование, как и любой вид деятельности, во многом зависит от уровня развития инфраструктуры как центральной составляющей его *организационного* направления. Несомненна значимость *инновационно-информационного* направления, включающего трансформации в системе НИОКР и повышение инновационности экономического роста: формирование необходимых и достаточных условий для устойчивого функционирования НИОКР как сферы, формирующей ценный национальный интеллектуальный ресурс.

Таким образом, характерной особенностью современной технико-экономической парадигмы становится развитие концепции «общих ценностей», возникающих в результате преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования).

Преобразующее инвестирование на уровне хозяйствующих субъектов. Концептуальные основы импакт-инвестирования включают в себя не только цели, задачи и принципы его осуществления на макро- и мезоуровнях. Представляется целесообразным развитие идей импакт-инвестирования на уровне отдельных хозяйствующих субъектов. Теоретические основы преобразующего инвестирования позволяют рассматривать данный термин применительно не только к инвестированию, а к управлению в целом. Такой специфический подход к управлению экономическими и со-

циально-экономическими системами, по нашему мнению, может быть назван импакт-менеджментом [5]. Концепция создания общих ценностей получила успешное развитие в трудах М. Портера и М. Крамера [26]. Здесь убедительно доказано, что компании, у которых развиваются тесные связи между их бизнес-стратегиями и корпоративной социальной ответственностью, добились значительных успехов. Что особенно важно отметить, такой феномен характерен не только для инвестирования, но и для всех аспектов управления социально-экономическими системами.

Особенностью современных систем управления является акцентирование внимания на системах, реализующих «холистический» подход, предполагающий учет всех сторон рассматриваемого явления. Нам представляется, что импакт-менеджмент исключает любой односторонний подход. Импакт-менеджмент предполагает управленческую деятельность, при осуществлении которой в процесс принятия решений вовлекаются все структурные подразделения конкретной бизнес-единицы, а также весь персонал организации. Понятно, что одной из наиболее естественных в рамках импакт-менеджмента подсистем системы управления в целом является управление персоналом. Комплексный характер причинно-следственных связей, определяющих поведение работников предприятия, позволяет рассматривать управление персоналом как объект, имеющий выраженный холистический характер. Персонал, как стратегический ресурс предприятия, во многом определяет его конкурентоспособность. В современных условиях значимость человеческого капитала определяется не только индивидуальными способностями персонала, но и тем, насколько велико его

желание работать на благо организации. Заинтересованность работника в итоговых результатах работы компании определяет эффективность его труда, а следовательно, и соответствующее положение компании в конкурентной среде.

То есть возрастает необходимость формирования такой целостной системы мотивации, которая бы рассматривала человеческий капитал как единую, холистическую, совокупность способностей и потребностей. С этой точки зрения продуктивно применение импакт-менеджмента к управлению персоналом. Особенностью данного управленческого подхода является применение не только традиционного контура системы оплаты труда, но и ряда мотивирующих факторов, не сводящихся лишь к материальному вознаграждению.

Импакт-менеджмент как управленческая технология, призванная стимулировать развитие общих ценностей и поощряющая заинтересованность каждого в общих итоговых результатах работы, имеет особое значение на высокотехнологичных предприятиях, и прежде всего оборонно-промышленного комплекса. Типичным представителем такого комплекса является ПАО «Мотовилихинские заводы». В период с 2010 по 2014 г. генеральным директором данного предприятия был один из авторов настоящей статьи (Н.Ю. Бухвалов). В этот период в ПАО «Мотовилихинские заводы» была разработана, широко обсуждена и принята «Концепция модернизации Системы мотивации сотрудников» (далее – Концепция).

Использование лучших мировых практик в области мотивации позволило сформировать такую модель системы мотивации персонала, в основе которой лежат два равнозначных блока. Один из них опре-

деляет HR-бренд предприятия, а другой – систему совокупного вознаграждения. Под HR-брендингом понимается создание благоприятного имиджа предприятия как работодателя. Такой имидж формирует образ предприятия как хорошего места работы в глазах всех заинтересованных лиц из разных целевых групп. Имидж зависит от набора выгод (экономических, профессиональных, психологических и т.д.), которые получает или получит работник, приняв решение присоединиться к коллективу сотрудников. Большое значение имеют также способы формирования идентичности предприятия, начиная с базовых основ и ценностей, включая то, как менеджмент доносит эту идентичность до всех заинтересованных лиц из различных целевых групп (внешние и внутренние коммуникации). Эффективный HR-бренд описывает систему «общих ценностей», аналогичных системам ценностей других компаний и специфических именно для этой конкретной компании. HR-брендинг предусматривает формирование реальной «рабочей среды», поддерживая как привлечение кандидатов, необходимых компании для достижения своих целей, так и дальнейшее удержание работников.

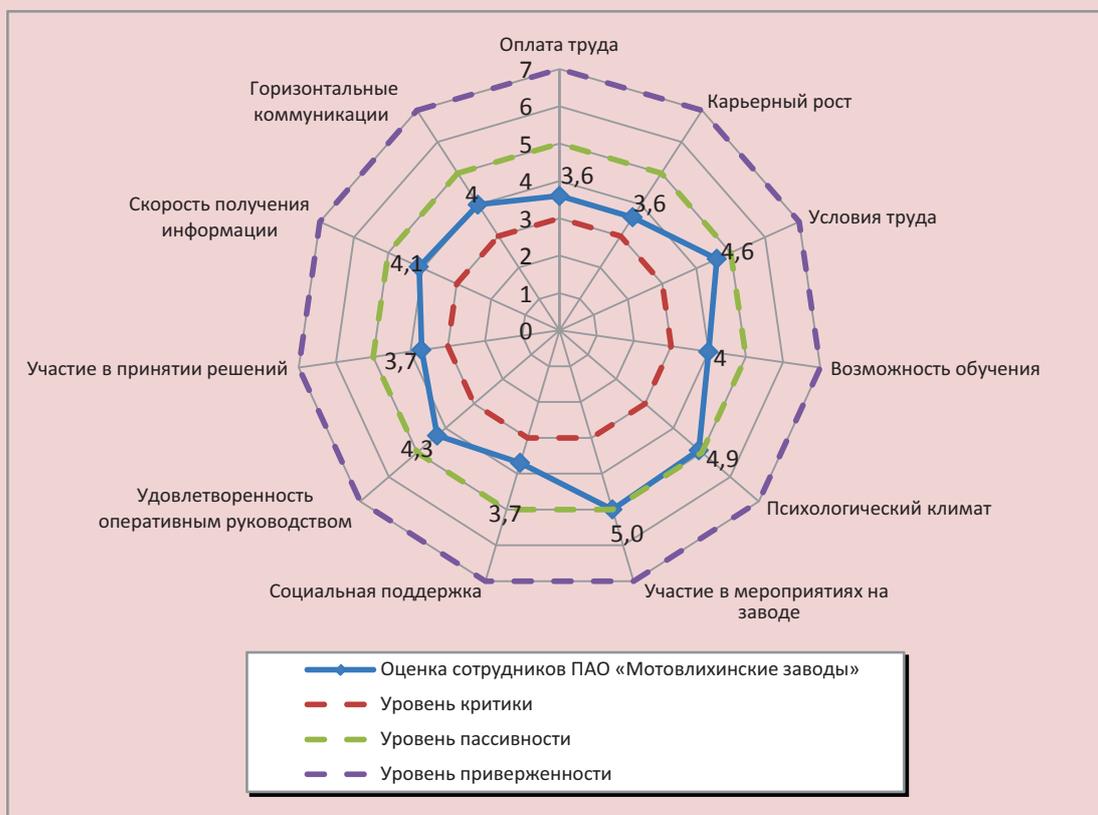
В соответствии с разработанной Концепцией была проведена оценка эффективности системы мотивации ПАО «Мотовилихинские заводы» и определен уровень удовлетворенности его сотрудников. Основным инструментом исследования являлась система измерения чистой лояльности персонала eNPS (employee Net Promoter Score). Реализованный здесь подход основан на модернизации известной методики измерения приверженности клиентов компании, основоположник этой методики – Фредерик Райхельд [16]. Особенностью

методики eNPS, принципиально важной при импакт-менеджменте, выступает ее холистическая суть. Это заключается, прежде всего, в выявлении интегральной оценки состояния системы в целом, проведение которой дает возможность установить влияние различных аспектов деятельности на итоговые результаты. Разработанная система создает целостный подход к модернизации системы управления персоналом и позволяет объективно оценить получаемые результаты. Уровень удовлетворенности сотрудников ПАО «Мотовилихинские заводы» определен в соответствии с методикой eNPS (рис. 2).

Диаграмма, представленная на рисунке, демонстрирует, что большинство оценок сотрудников расположены в зоне «пассив-

ности». Самым высоким средним баллом обладают параметры: психологический климат (4,9), участие в мероприятиях на заводе (5,0), условия труда (4,6). Самые низкие оценки были получены по параметрам: карьерный рост (3,6), оплата труда (3,6) и участие в принятии решений (3,7). Данные оценки дают возможность выделить наиболее проблемные зоны с точки зрения удовлетворенности персонала и определить границы целевого воздействия. Такое положение дел позволяет констатировать высокие актуальность и потенциал формирования HR-бренда предприятия. Учитывая это обстоятельство, можно рассчитывать на достижение значимых результатов относительно мало затратными методами формирования эффективного HR-бренда.

Рисунок 2. Уровень удовлетворённости сотрудников ПАО «Мотовилихинские заводы», баллов [5]

Проведенное исследование позволило выделить как проблемные, так и перспективные области с позиции уровня удовлетворенности персонала, а также определить границы зон воздействия на этот уровень. Выделены пять основных блоков модернизации системы мотивации персонала: три из них — в рамках системы совокупного вознаграждения и два — в рамках HR-бренда. В рамках системы совокупного вознаграждения, в соответствии с тремя составными частями оплаты труда, установлены три блока оплаты: за квалификацию, за интенсивность, за лояльность. Вознаграждение за квалификацию рассчитывается на основе фактически отработанного времени, согласно квалификации по тарифной сетке. Вознаграждение за интенсивность определяется в соответствии с результатами выполнения сменносуточных заданий по итогам месяца. Вознаграждение за лояльность определяется произвольно непосредственным руководителем. Руководитель полностью по своему усмотрению, но в установленных пределах решает вопрос о сумме поощрения. Соотношение соответствующих блоков оплаты в структуре совокупного вознаграждения за труд принято в равных долях. В развитие системы премирования за лояльность, потребовавшей детальной регламентации, создаются фонды владельцев бизнес-процессов. Размер фонда зависит от итогового результата работы всей компании, но размер индивидуального вознаграждения конкретного работника, его доля в распределяемом фонде устанавливается непосредственным руководителем по его личному усмотрению.

В рамках HR-бренда выделены такие блоки, как факторы почета и найм на карьеру. В последнем случае речь идет о создании механизма, предусматривающего возможность прогнозирования сотрудни-

ками личного и профессионального роста, самоопределения с точки зрения односторонности векторов личного развития и развития предприятия в целом. Данный механизм позволяет увеличить возможности профессионального роста, для чего был значительно расширен номенклатурный состав тарифной сетки, введено более мелкое разбиение ступеней категоричности. Важно отметить, что речь идет именно о специфическом подходе к управлению социально-экономической и производственной системами, то есть об импакт-менеджменте как новом развитии импакт-инвестирования. Можно также отметить, что управляющее воздействие в данном случае является преобразующим, способствующим достижению «общих ценностей», разделяемых как отдельным работником, так и предприятием в целом.

Инклюзивное развитие. Идеи импакт-инвестирования, т.е. преобразующего инвестирования, в значительной мере перекликаются с идеями инклюзивного развития. Термин «инклюзивность» чаще всего используется в сфере общественных отношений и трактуется как процесс участия всех людей в жизни социума, что позволяет говорить об инклюзивной политике, инклюзивной культуре, инклюзивной практике. Центром инклюзивного развития является человек, что предполагает приоритетность такой модели развития, которая обеспечивала бы социальную стабильность при определяющих факторах экономического развития, связанных с научно-техническим прогрессом, повышением культурного и интеллектуального уровня трудящихся, инновационным характером управленческой работы.

Систематизация тенденций развития, связанных с разнообразными аспектами проявления инклюзивности, позволила выделить четыре важнейших, по нашему

мнению, аспекта инклюзивного развития. Первый из них предполагает необходимость демократизации международных отношений и создания подлинно справедливого политического и экономического миропорядка. Второй аспект инклюзивного развития связан с принципами государственной политики, предполагающими равный доступ к новым возможностям и благам развития как отдельных слоев населения, так и отдельных стран. Особое значение здесь имеет доступность качественного образования. Третий аспект инклюзивного развития – это эффективная политика в области охраны окружающей среды и климата. Четвертый аспект – мощные интеграционные процессы, которые происходят на разных территориях мира, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [8].

Сопоставительный анализ тенденций и направлений развития импакт-инвестирования и инклюзивного развития позволил констатировать сущностную идентичность этих процессов, что определяет возможность конвергенции основополагающих принципов отмеченных концептуальных подходов как принципиальной особенности формирующейся новой технико-экономической парадигмы. В развитие идей инклюзивного развития нам представляется целесообразным ввести в научный оборот такие понятия, как «структурная инклюзия» и «пространственная инклюзия». Под структурной инклюзией мы понимаем вовлечение в вектор высокотехнологического развития среднетехнологических отраслей и модернизацию низкотехнологических отраслей. Принципиальной сутью пространственной инклюзии является, по нашему мнению, вовлечение слабо- и средне развитых в технологическом и экономическом отношениях территорий в общий воспроизводственный цикл экономического развития.

Структурное развитие экономики подчинено циклическим колебаниям, в ходе которых проявляются свойства самоорганизации, способность к изменчивости и адаптации. В процессе формирования современной технико-экономической парадигмы теряют свою значимость те положения устаревающей парадигмы, которые были основаны на материальных факторах структурных сдвигов. Структурно-определяющими ресурсами изменений в экономике становятся интеллектуальные ресурсы. Их активное использование определяет не только процессы циклической смены технологических укладов, но и инклюзию среднетехнологических секторов, обладающих мощным потенциалом развития, в формирование высокотехнологического базиса экономики.

Таким образом, предпосылками появления структурной инклюзии являются конвергенция технологий и высокий потенциал развития среднетехнологических отраслей. Конвергенция технологий предполагает не только взаимовлияние, но и взаимное проникновение промышленных технологий, когда принципиально новые результаты появляются на стыке разных научных направлений, то есть в итоге междисциплинарных исследований. Еще раз повторим, что в процессе структурной конвергенции технологическая динамика определяет как создание базиса новых технологий, так и инклюзию среднетехнологических секторов, которые уже в краткосрочном аспекте могут стать драйверами роста.

Пространственная инклюзия, как выше было отмечено, характеризует процесс вовлечения всех типов территорий в социально-экономическое и технологическое развитие страны на основе конвергенции их уровней развития. Исследование процессов пространственной инклюзии приоб-

ретают все большую значимость, ибо снижение пространственного неравенства и, как его следствия, социальной напряженности является одной из важнейших задач государства. Существует гипотеза, которая может быть непосредственно применена к пространственной инклюзии и которая констатирует, что, как бы ни различались между собой региональные экономические системы, в процессе эволюции они отбрасывают неэффективные институциональные формы, отбирая и сохраняя эффективные. Поэтому в конечном счете все они после такого эволюционного отбора становятся относительно тождественными. Аргументы сторонников этой гипотезы состоят в том, что новейшие технологии, средства коммуникаций и транспорта распространяются повсеместно, создавая единую технико-технологическую основу для стирания страновых различий [22, 24]. Общие тенденции и императивы научно-технического и социально-экономического прогресса обуславливают сближение,

т.е. конвергенцию, экономик все большего числа стран при сохранении их национальных особенностей.

Отмеченная гипотеза позволяет выделить факторы, которые оказывают определяющее влияние на формирование и развитие пространственной инклюзии (рис. 3).

Можно отметить некоторые управленческие меры, приводящие к снижению межтерриториального неравенства: стимулирование технологического прогресса, меры по структурной перестройке экономики регионов, развитие инфраструктуры, межрегионального и международного сотрудничества и т.д. Выявленные факторы представляют основу формулировки предлагаемой нами гипотезы, суть которой состоит в том, что неотъемлемым атрибутом пространственной инклюзии являются структурные и функциональные изменения внутри региональных систем. Эти изменения, в свою очередь, связаны с изменением соотношения и роли важнейших институтов общественной жизни – инсти-

Рисунок 3. Основы формирования пространственной инклюзии

тутов самоорганизации и государственного регионального управления. В основе гипотезы лежит идея о том, что имманентная черта инклюзии заключается в *равноценности доминирующих базовых институциональных порядков*. Процесс пространственной инклюзии предполагает максимальную взаимодополняемость, сопряженность указанных институциональных порядков. Поэтому главное преимущество пространственной инклюзии заключается в возможности одновременного использования потенциалов разных институциональных форм и порядков, основанных на самоорганизации и государственном управлении.

В соответствии с предложенной гипотезой пространственной инклюзии эффективная региональная политика способна не только выводить технологически отсталые регионы на траекторию роста и предотвращать нарастание межрегионального неравенства, но и обеспечивать повышение темпов роста национальной экономики. Еще одним аргументом в пользу вышеприведенной гипотезы являются современные представления об эффективной политике, воплощенные в понятии «новая экономическая география» (New Economic Geography) [20, 23]. Данное понятие позволяет интегрировать в единый комплекс основные принципы и положения научно-технологической, промышленной, социально-экономической, инновационной и региональной политики. На наш взгляд, только такая интеграция позволяет подойти к решению проблемы пространственной инклюзии. В ее основе должно лежать согласование темпов развития различных структур в рамках более крупной макроструктуры посредством диффузионных или диссипативных процессов. В настоящее время существенное различие уровней развития близко расположенных территорий приводит к тому, что уровень раз-

вития одной территории служит фоном для развития другой. Поэтому медленно развивающиеся, отстающие муниципальные образования и регионы служат так называемым нулевым фоном для быстроразвивающихся регионов. Реализация принципов инклюзии будет способствовать сближению уровней социально-экономического и технологического развития отдельных регионов, повышению их конкурентоспособности в рамках макрорегионов, а в перспективе — занятию более выгодных позиций в системе национальных и мировых экономических обменов.

В качестве примера можно привести новые подходы к организации пространственного развития территорий, реализующиеся на Среднем Урале (Свердловская область). Это один из немногих субъектов РФ, где разработана региональная стратегия, оформленная в качестве Закона Свердловской области «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы» [9].

В данной Стратегии выделены три важнейших приоритета, сформулированных как достижение нового качества жизни, проведение новой индустриализации и развитие территории, привлекательной для жизни и бизнеса. Что касается последнего приоритета, то его реализация в полной мере соответствует принципам пространственной инклюзии. Промышленность области с точки зрения пространственного развития более чем на 90% сосредоточена на ее трех ключевых территориях. Именно эти три территории концентрируют более 85% инвестиционных вложений. С целью концентрации усилий на перспективных точках роста в рамках Стратегии предусмотрено формирование трех агломерационных образований. Они обладают мощными городскими ядрами, высоким уровнем человеческого потенциала, высоким

инвестиционным потенциалом, а также выраженной концентрацией промышленных и инфраструктурных секторов экономики. Речь идет о Екатеринбургской агломерации (г. Екатеринбург и промышленное кольцо вокруг него), Горнозаводской агломерации (города Нижний Тагил, Верхняя и Нижняя Салда, Новоуральск, Лесной, Качканар и др.), Серовской агломерации, включающей города Серов, Североуральск, Краснотурьинск и другие. В Серовской агломерации, в отличие от двух вышеуказанных, нет явного доминирующего центра и в настоящее время просматриваются довольно слабые предпосылки развития территории путем формирования агломерации. Самый большой потенциал у Екатеринбургской агломерации – одной из наиболее сформировавшихся в России. Именно эта агломерация может стать реальным источником развития всей области. Представляется также чрезвычайно перспективным использование уникальной ситуации, когда два крупных города – Екатеринбург и Челябинск, примерно равных по размеру и значимости, расположены очень близко друг к другу. Это создает реальную основу формирования крупной конурбации, то есть городской агломерации полицентрического типа.

Формирование агломераций в Свердловской области, вовлечение в их орбиту слаборазвитых территорий, повышение мобильности трудовых ресурсов позволит, за счет реализации принципов пространственной инклюзии, получить ряд

преимуществ. Прежде всего, это диверсификация экономики агломераций, концентрация капитала и ресурсов на конкретной территории, повышение доступности населения отдаленных территорий к благам цивилизации, снижение издержек промышленных предприятий, уменьшение инфраструктурных ограничений в связи с близостью расположения крупных агломерационных ядер.

Заключение. Принципиальной особенностью формирования современной технико-экономической парадигмы является развитие идей импакт-инвестирования (преобразующего инвестирования) и инклюзивного развития как новых составляющих технологического и социально-экономического развития, формирующей модель наилучшей деловой практики. Практику использования идей импакт-инвестирования целесообразно распространить на уровень отдельных хозяйствующих субъектов, что может повысить заинтересованность работников в итоговых результатах работы компаний, а значит, и укрепить их положение в конкурентной среде. Реализация принципов структурной инклюзии позволит вовлечь в вектор высокотехнологического развития не только среднетехнологичные отрасли, но и модернизированные низкотехнологичные. Пространственная инклюзия будет содействовать вовлечению слабо- и среднеразвитых в технологическом и экономическом отношениях территорий в общий воспроизводственный цикл экономического развития.

Литература

1. Акаев, А.А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера–Кондратьева / А.А. Акаев // Экономическая наука современной России. – 2013. – № 2 (61). – С 7-29.
2. О структурно-технологической парадигме технологической модернизации экономики / А.А. Акаев, С.Ю. Румянцева, А.И. Сарыгулов, В.Н. Соколов // Кондратьевские волны. – 2015. – № 4. – С. 23-53.

3. Бабикина, А.В. Государственные промышленные корпорации и формирование новой технико-экономической парадигмы: стратегия инновационного развития / А.В. Бабикина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2015. – № 2 (22). – С. 19-22.
4. Бразевич, Д.С. Современный научный дискурс по проблеме инноваций: от технико-экономической парадигмы к социокультурной / Д.С. Бразевич // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 4. – С. 50-54.
5. Бухвалов, Н.Ю. Импакт-менеджмент и иерархичность мультиинтеллектуальной системы управления высокотехнологичным предприятием / Н.Ю. Бухвалов // Журнал экономической теории. – 2016. – №2. – С. 48-56.
6. Гуреев, П.М. Трансдисциплинарная концепция циклического развития технико-экономической парадигмы / П.М. Гуреев // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 3. – С. 55-58.
7. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие / С.Ю. Глазьев, Г.И. Микерин, П.Н. Тесля и др. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. – 224 с.
8. Дмитрий Медведев вывел формулу инклюзивного развития экономики Азиатско-Тихоокеанского региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/126201.php>
9. Закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/sverdlovsk/679712/#ixzz46Ls3EZpx>
10. Кокошин, А. Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации: от целеполагания к прогнозированию / А. Кокошин, В. Бартевев // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №6. – С. 6-17.
11. Конкурентоспособность социально-экономических систем: вызовы нового времени / под науч. ред. А.И. Татаркина и В.В. Криворотова; Минобразования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; УРО РАН, Ин-т экономики. – М.: Экономика, 2014. – 466 с.
12. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1997. – 300 с.
13. Малышкин, П.А. Формирование системы преобразующих инвестиций в территориальном общественном самоуправлении / П.А. Малышкин, М.А. Танина // Научные записки молодых исследователей. – 2016. – № 1. – С. 52-62.
14. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Дело; РАНХиГС, 2011. – 232 с.
15. Филатова, М.Г. Структурная перестройка промышленности: сущность, закономерности, механизм государственного регулирования / М.Г. Филатова. – Екатеринбург: УРО РАН, 1999. – 227 с.
16. Райхельд, Ф. Искренняя лояльность. Ключ к завоеванию клиентов на всю жизнь / Фредерик Райхельд, Роб Марки. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 352 с.
17. Элкингтон, Э. (1997) «Людоеды с вилами» [Электронный ресурс] / John Elkington (1997). *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of Twenty-First Century Business*. Capstone, Oxford. – Режим доступа: http://appli6.hec.fr/amo/Public/Files/Docs/148_en.pdf
18. Моделирование системы импакт-инвестирования в развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления / И.А. Юрасов, В.В. Бондаренко, М.А. Танина, В.А. Юдина // Управление развитием территорий на основе преобразующих инвестиций / под ред. В.В. Бондаренко. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – С. 209-217.
19. Концептуализация понятия преобразующих инвестиций в сфере территориального общественного самоуправления на основе моделирования сетевого управления территорией / И.А. Юрасов, В.В. Бондаренко, М.А. Танина, В.А. Юдина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 143-160.
20. Barnes, T. *New Economic Geography* / T. Barnes // *The Dictionary of Human Geography* / Edited by D. Gregory, R. Johnston, G. Pratt, M.J. Watts, S. Whatmore. – 5th ed. – Singapore: Wiley-Blackwell, 2009. – 500 p.
21. Castells Manuel. *The information Age: Economy, Society and Culture*. Vol 1 (1996), Vol 2 (1997), Vol 3 (1998). – Oxford: Blackwell.
22. Dinc, M. Sources of regional inefficiency: an integrated shift-share, data envelopment analysis and input-output approach / M. Dinc, K.E. Haynes // *The annals of regional science*. – 1999. – Vol.33, №4. – P. 469-489.

23. Fujita, M. The New Economic Geography : Past, Present and the Future / M. Fujita, P. Krugman // Papers in Regional Science. – Wiley-Blackwell, 2004. – Vol. 83. – P. 139-164;
24. Lall, S.V. Regional economic convergence: Do policy instruments make a difference? / S.V. Lall, S. Yilmaz // The annals of regional science. – 2001. – Vol.35. – №1. – P. 160.
25. Impact Investment [Электронный ресурс] / С. Leijonhufvud, N. O'Donohoe, Y. Saltuk, A. Bugg-Levine, M. Brandenburg. – J.P.: Morgan Global Research, 2010. – Режим доступа: http://ventureatlanta.org/wp-content/uploads/2011/11/JP-Morgan-impact_investments_nov2010.pdf
26. Porter, M. E. Creating Shared Value: Redefining Capitalism and the Role of the Corporation in Society Harvard Business Review / Michael E. Porter, Mark R. Kramer. – 2011. – Jan/Feb. – Vol. 89. – Issue 1/2. – P. 62-77.
27. Porter M. Creating Shared Value [Электронный ресурс] / М. Porter, М. Kramer // Harvard Business Review. – 2011. – No. 1. – Reprint R1101C. – 17 p. Режим доступа: http://www.hks.harvard.edu/m-rcbg/fellows/N_Lovegrove_Study_Group/Session_1/Michael_Porter_Creating_Shared_Value.pdf

Сведения об авторах

Ольга Александровна Романова – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, econ@uran.ru)

Виктория Викторовна Акбердина – доктор экономических наук, профессор РАН, заведующий отделом, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, akb_vic@mail.ru)

Николай Ювенальевич Бухвалов – кандидат экономических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Россия, Пермский край, г. Пермь-ГСП, Комсомольский проспект, д. 29, nbukhvalov@mail.ru)

Romanova O.A., Akberdina V.V., Bukhvalov N.Yu.

Shared Values in the Formation of a Modern Techno-Economic Paradigm

Ol'ga Aleksandrovna Romanova – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, econ@uran.ru)

Viktoriya Viktorovna Akberdina – Doctor of Economics, RAS Professor, Department Head, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, akb_vic@mail.ru)

Nikolai Yuvenal'evich Bukhvalov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky Avenue, Perm-GSP, 614990, Russian Federation, nbukhvalov@mail.ru)

Abstract. The article presents the evolution of the concept of techno-economic paradigm. It points out that the concept of transformative investments (impact investing) has a significant impact on the formation of a modern techno-economic paradigm. In the framework of this concept, “shared values” are considered as a central element in the development strategy of any state. The ideology of shared values is based on pragmatic principles that create economic value to meet the interests of society. It is based on “three pillars of sustainable development”: planet, people and profit. The authors identify three main types of impact

investing – responsible investing, development investing, localizing investing. The paper highlights the most important areas of impact investing and substantiates the expediency of promoting the ideas of impact investing at the level of individual business entities, which formulate a specific approach to the management of socio-economic systems of the micro-level, the authors call this approach “impact management”. The ideas of impact management as a management technology designed to stimulate the development of shared values and increase the interest of each participant in the overall final results were tested at Motovilikhinskiye Zavody PJSC – one of the largest enterprises of the military-industrial complex. It is proved that the idea of impact investing is in line with the ideas of inclusive development, which allowed the authors to establish the essential similarity of these processes. The paper introduces the notions of “structural inclusion” and “spatial inclusion”. Some elements of spatial inclusion are shown on the example of the Sverdlovsk Oblast.

Key words: techno-economic paradigm; transformative investments (shared values), inclusive development, structural inclusion, spatial inclusion, impact management, agglomeration.

References

1. Akaev A.A. Bol'shie tsikly kon'yunktury i innovatsionno-tsiklicheskaya teoriya ekonomicheskogo razvitiya Shumpetera–Kondrat'eva [Large cycles of conjuncture and the Schumpeter–Kondratiev innovative-cyclical theory of economic development]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science in modern Russia], 2013, vol. 61, no. 2, pp. 7-29. [in Russian].
2. Akaev A.A., Rumyantseva S.Yu., Sarygulov A.I., Sokolov V.N. O strukturno-tekhnologicheskoi paradigme tekhnologicheskoi modernizatsii ekonomiki [On the structural-technological paradigm of technological modernization of the economy]. *Kondrat'evskie volny* [Kondratiev waves], 2015, no. 4, pp. 23-53. [in Russian].
3. Babikova A.V. Gosudarstvennye promyshlennye korporatsii i formirovanie novoi tekhniko-ekonomicheskoi paradigmy: strategiya innovatsionnogo razvitiya [State industrial corporations and the formation of a new techno-economic paradigm: innovation development strategy]. *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of Taganrog Institute of Management and Economics], 2015, vol. 22, no. 2, pp. 19-22. [in Russian].
4. Brazevich D.S. Sovremennyyi nauchnyi diskurs po probleme innovatsii: ot tekhniko-ekonomicheskoi paradigmy k sotsiokul'turnoi [Modern scientific discourse on the issue of innovation: from feasibility to sociocultural paradigm]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* [Scientific journal NRU ITMO. Series “Economics and Environmental Management”], 2014, no. 4, pp. 50-54. [in Russian].
5. Bukhvalov N.Yu. Impakt-menedzhment i ierarkhichnost' mul'tiintellektual'noi sistemy upravleniya vysokotekhnologichnym predpriyatiem [Bukhvalov N. Yu. Impact management and hierarchy of a multi-intellectual system for managing a high-tech enterprise]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian journal of economic theory], 2016, no. 2, pp. 48-56. [in Russian].
6. Gureev P.M. Transdistsiplinarnaya kontseptsiya tsiklicheseskogo razvitiya tekhniko-ekonomicheskoi paradigmy [Transdisciplinary conception of cyclical nature of technical-economic paradigm development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2016, no. 3, pp. 55-58. [in Russian].
7. Glazyev S.Yu., Mikerin G.I., Teslya P.N. et al. *Dlinnye volny: nauchno-tekhnicheskii progress i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie* [Long waves: scientific and technological progress and socio-economic development]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1991. 224 p. [in Russian].
8. *Dmitrii Medvedev vyvel formulu inklyuzivnogo razvitiya ekonomiki Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Dmitry Medvedev derived a formula for inclusive economic development of Asia and the Pacific]. Available at: <http://bujet.ru/article/126201.php>. [in Russian].
9. *Zakon Sverdlovskoi oblasti ot 21 dekabrya 2015 g. № 151-OZ “O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sverdlovskoi oblasti na 2016–2030 gody”* [Law of the Sverdlovsk Oblast dated December 21, 2015 No. 151-OZ “On the strategy for socio-economic development of the Sverdlovsk Oblast for 2016–2030”]. Available at: <http://www.garant.ru/hotlaw/sverdlovsk/679712/#ixzz46Ls3EZpx>. [in Russian].
10. Kokoshin A., Bartenev V. Problemy vzaimozavisimosti bezopasnosti i razvitiya v strategicheskome planirovanii v Rossiiskoi Federatsii: ot tselepolaganiya k prognozirovaniyu [The issues of interdependence between security and development in strategic planning in the Russian Federation: from goal setting to forecasting]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2015, no. 6, pp. 6-17. [in Russian].

11. *Konkurentosposobnost' sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: vyzovy novogo vremeni* [Competitiveness of socio-economic systems: challenges of the new era]. Under the scientific editorship of A.I. Tatarkin and V.V. Krivorotov. Moscow: Ekonomika, 2014. 466 p. [in Russian].
12. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress, 1997. 300 p. [in Russian].
13. Malyshkin P.A., Tanina M.A. Formirovanie sistemy preobrazhayushchikh investitsii v territorial'nom obshchestvennom samoupravlenii [Formation of the system of transforming investment in territorial public self-government]. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei* [Scientific notes of young researchers], 2016, no. 1, pp. 52-62. [in Russian].
14. Perez C. *Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyi kapital. Dinamika puzyrei i periodov protsvetaniya* [Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and golden ages]. Moscow: Delo; RANKhiGS, 2011. 232 p. [in Russian].
15. Filatova M.G. *Strukturnaya perestroika promyshlennosti: sushchnost', zakonomernosti, mekhanizm gosudarstvennogo regulirovaniya* [Structural reorganization of the industry: the nature, regularities and mechanism of state regulation]. Yekaterinburg: UrO RAN, 1999. 227 p. [in Russian].
16. Reichheld F., Markey R. *Iskrennyaya loyal'nost'. Klyuch k zavoevaniyu klientov na vsyu zhizn'* [The ultimate question 2.0: how net promoter companies thrive in a customer-driven world]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2012. 352 p. [in Russian].
17. Elkington J. *Lyudoedy s vilkami* [Cannibals with forks: the triple bottom line of twenty-first century business]. Available at: http://appli6.hec.fr/amo/Public/Files/Docs/148_en.pdf
18. Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A., Yudina V.A. Modelirovanie sistemy impakt-investirovaniya v razvitie informatsionno-kommunikatsionnoi infrastruktury seti territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya [Modeling the system for impact investments in the development of information and communication infrastructure of the network of territorial public self-government]. *Upravlenie razvitiem territorii na osnove preobrazhayushchikh investitsii* [Management of territory's development based on transforming investments]. Ed. by V.V. Bondarenko. Penza: Izd-vo PGU, 2015. Pp. 209-217. [in Russian].
19. Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A., Yudina V.A. Kontseptualizatsiya ponyatiya preobrazuyushchikh investitsii v sfere territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya na osnove modelirovaniya setevogo upravleniya territoriei [Conceptualizing the notion of transformative investment in territorial public self-government based on the modeling of network management of a territory]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga Region. Social Sciences], 2015, vol. 35, no. 3, pp. 143-160. [in Russian].
20. Barnes T. New economic geography. *The Dictionary of Human Geography*. Ed. by D. Gregory, R. Johnston, G. Pratt, M.J. Watts, S. Whatmore. 5th edition. Singapore: Wiley-Blackwell, 2009. 500 p.
21. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. vol. 1 (1996), vol. 2 (1997), vol. 3 (1998). Oxford: Blackwell.
22. Dinc M., Haynes K.E. Sources of regional inefficiency: an integrated shift-share, data envelopment analysis and input-output approach. *The Annals of Regional Science*, 1999, vol. 33, no. 4, pp. 469-489.
23. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: past, present and the future. *Papers in Regional Science*, 2004, vol. 83, pp. 139-164;
24. Lall S.V., Yilmaz S. Regional economic convergence: Do policy instruments make a difference? *The Annals of Regional Science*, 2001, vol.35, no. 1, p. 160.
25. Leijonhufvud C., O'Donohoe N., Saltuk Y., Bugg-Levine A., Brandenburg M. *Impact Investment*. J.P. Morgan Global Research, 2010. Available at: http://ventureatlanta.org/wp-content/uploads/2011/11/JP-Morgan-impact_investments_nov2010.pdf
26. Porter M. E., Kramer M.R. Creating shared value: redefining capitalism and the role of the corporation in society. *Harvard Business Review*, 2011, January/February, vol. 89, no. 1/2, pp. 62-77.
27. Porter M., Kramer M. Creating shared value. *Harvard Business Review*, 2011, no. 1, 17 p. Reprint R1101C. Available at: http://www.hks.harvard.edu/m-rcbg/fellows/N_Lovegrove_Study_Group/Session_1/Michael_Porter_Creating_Shared_Value.pdf

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.11

УДК 631.145, ББК 65.9-2я73

© Медведева Н.А., Бильков В.А.

Методологические аспекты прогнозирования инновационного развития молочного скотоводства региона

**Наталья Александровна
МЕДВЕДЕВА**

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина
160555, Россия, г. Вологда, с. Молочное, ул. Мира, д. 8
named35@mail.ru

**Валентин Алексеевич
БИЛЬКОВ**

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина
160555, Россия, г. Вологда, с. Молочное, ул. Мира, д. 8
valentinbilkov@gmail.ru

Аннотация. В ситуации членства России во Всемирной торговой организации предвидение будущего и основанный на нем долгосрочный прогноз становятся объективно необходимым условием эффективного выбора научно обоснованной долгосрочной стратегии развития молочного скотоводства с системным учетом интеллектуальных и инновационных характеристик. Существующая структура доступной статистической информации не отвечает современным задачам инновационного развития и неадекватно отражает тенденции происходящих изменений. В статье предложена система показателей для анализа состояния, развития и формирования перспектив молочного скотоводства региона, позволяющая своевременно выявлять возникающие риски и угрозы отклонения от заданных параметров. В состав системы включены показатели, содержащиеся в действующей статистической отчетности, а также новые показатели, отражающие инновационное развитие отрасли, качество человеческого капитала и уровень государственной поддержки. При разработке системы показателей учтены методологические аспекты Руководства Осло, которое рассматривается Федеральной службой государственной статистики как официальный

методологический документ, касающийся сбора информации об инновационной деятельности. Структурированная система показателей смещает акценты в анализе с конечных результатов на условия и предпосылки, обеспечивающие достижение прогнозируемых показателей при функционировании российской экономики по правилам ВТО, позволяя принимать обоснованные управленческие решения.

Ключевые слова: прогнозирование, молочное скотоводство, регион, система показателей, инновационное развитие, информационная база.

В настоящее время одной из основных задач, стоящих перед Россией, является переход экономики на инновационный путь развития, что позволит значительно повысить уровень и качество жизни населения, обеспечить продовольственную безопасность. Качественное прогнозирование повысит достоверность отраслевых стратегий развития и снизит риски, возникающие в аграрном секторе. Исследованию вопросов прогнозирования экономики посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. Создана научная база знаний, определяющая особенности прогнозирования в условиях инновационного развития. Вместе с тем недостаточно исследованными остаются вопросы методологического обеспечения долгосрочного прогнозирования отрасли молочного скотоводства на основе активизации инновационной деятельности и повышения качества человеческого капитала. Целью исследования является развитие методологии прогнозирования молочного скотоводства региона и разработка практических рекомендаций по обоснованию долгосрочных стратегий и условий их реализации на основе структурированной системы показателей.

Активная инновационная деятельность является одним из способов изменения си-

туации в сельском хозяйстве региона [14]. К базовым направлениям осуществления инноваций относятся:

- организационное (инновации в сфере организации производства и управления, подбора и расстановки кадров, систем управления, оплаты труда, документооборота и т.д.);
- селекционно-генетическое (инновации, направленные на повышение урожайности и плодородия почв, рост продуктивности животных и т.д.);
- технологическое (применение более производительной сельскохозяйственной техники, передовых технологий, внедрение информационно-телекоммуникационных технологий и др.);
- финансово-экономическое (инновации, связанные с осуществлением финансирования функционирования и развития сельского хозяйства, кредитными технологиями, страхованием, формами государственной поддержки и т.д.).

Инновационное развитие сельского хозяйства должно являться одним из приоритетных направлений, что также не противоречит условиям функционирования экономики России по правилам ВТО, и обуславливает необходимость разработки концептуальных подходов в методологии прогнозирования.

Одним из важнейших направлений предвидения становится прогнозирование инноваций, включающих научно-технические открытия и изобретения, оценку условий, которые способствуют их реализации на практике [9]. Мы согласны с мнением Н.Д. Кондратьева: «Очевидно, что исчезают основания думать о случайном и входящем характере изменений техники.... Само развитие техники включено в ритмический процесс развития больших циклов» [8, с. 176]. Как писал К. Маркс, «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [10, с. 94].

Прогнозирование инноваций позволяет оценить их возможные направления и последствия, обосновать стратегические приоритеты. Однако без стратегических планов и целевых программ возможные инновации и выбранные приоритеты останутся нереализованными в связи с инерционностью системы. Поэтому взаимосвязь долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования является непременным условием перехода к инновационному пути развития экономики.

Игнорирование науки как движущей силы технического прогресса приводит к отставанию страны от наиболее развитых в экономическом отношении государств. По словам российского академика А.А. Дынкина, директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, «в современном мире основными факторами роста мировой экономики стали глобализация и инновации. Глобализация влияет на количественные параметры

роста, инновации — на качество и саму парадигму развития... Будущее глобализации после кризиса, по всем оценкам, туманно... Денежный оборот возобновится только в том случае, если появится продукция нового качества, которая возродит спрос. Именно эти задачи решают инновации» [7, с. 9].

Суть термина «инновации» была раскрыта еще на рубеже XIX–XX веков К. Марксом и Н.Д. Кондратьевым. В 1930-е годы в трудах Й. Шумпетера была разработана теория инноваций. В дальнейшем ее развитие связано с именами западных экономистов Ж. Алена, К. Боумена, Ф. Валента, П. Витфилда, Р. Джонсона, Г. Менша и др., а также российских ученых А.А. Дынкина, В.Я. Горфинкеля, В.Л. Иноземцева, Г.А. Короленко, Б.Н. Чернышева и др. Инновация — это «создаваемые (осваиваемые) новые или усовершенствованные технологии, виды товарной продукции или услуг, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или иного характера, способствующие продвижению технологий, товарной продукции и услуг на рынке» [6, с. 250]. Инновационная деятельность связана с получением эффекта. Еще в конце XIX века выдающийся русский ученый А.С. Попов, оценивая значимость предпринимательской деятельности Гульельмо Маркони, отмечал: «Дело не в личной славе, а в общей пользе того или иного лица. Ведь не будете же вы отрицать полезность работы Маркони? Деловой, коммерческий подход к изобретению иногда бывает не менее ценным, чем само изобретение» [13, с. 56].

Чаще всего для оценки эффективности тех или иных инновационных решений применяются следующие виды эффекта: научный, технический, социальный, экономический. Под научным эффектом понимают сумму накопленных новых знаний. Технический эффект обычно оценивают ростом параметров и показателей конкретных изделий, он возникает в результате внедрения инноваций в сфере производства. Социальный эффект свидетельствует о том, какой вклад инновация внесла в улучшение жизни людей. Среди таких показателей можно назвать повышение доходов населения, увеличение его занятости, уменьшение отходов производства и т.д. Экономический эффект служит количественной характеристикой общественной полезности инноваций [11].

При прогнозировании развития сельского хозяйства важно определить показатели, позволяющие оценить развитие явлений с учетом научно-технического прогресса, направленного на повышение качества и конкурентоспособности продукции [4]. К показателям, которые как можно более точно отражали бы внедрение инноваций, можно отнести:

- рост производительности труда вследствие внедрения и распространения новшеств;
- уменьшение материалоемкости производства в результате использования нововведений;
- рост годового фактического народнохозяйственного экономического эффекта от внедрения новшеств;
- уменьшение доли ручного труда вследствие внедрения и распространения новшеств;

- увеличение доли выпускаемой продукции высшего качества за счет освоения новых видов продукции, техники, технологических процессов;

- уменьшение удельного веса используемых морально устаревших машин, оборудования и т.д.

Все эти показатели имеют динамический характер. При определении показателей внедрения инноваций важно, чтобы они не только измеряли явление, но и предоставляли механизм непосредственного воздействия. Целесообразно ввести совокупность показателей, имеющих «пороговое» значение, за пределами которого возникают кризисные явления [3].

Показатели, отражающие уровень инновационных процессов, являются не факторными, а результирующими. Они отражают сочетание таких двух факторов, как:

- сравнительная эффективность, прогрессивность отдельных внедряемых новшеств по отношению к заменяемым аналогам;
- объем распространения этих новшеств.

Данные показатели менее управляемы, чем факторные. Управляемыми показателями темпов внедрения инноваций, таким образом, являются:

- темпы роста основных технико-экономических параметров новшеств (новой продукции, техники, технологии) по сравнению с заменяемыми аналогами;
- объем производства и использования новшеств, соотнесенный с объемом производства и использования аналогов.

Показатели результативных и ресурсных темпов внедрения инноваций сами

по себе не являются непосредственно управляемыми показателями. При прогнозировании необходимо использовать показатели, которые включали бы в себя сравнительную эффективность новшеств по отношению к заменяемым аналогам, объем их распространения и долю ресурсов, направляемых на инновации, и поддавались бы непосредственному управлению и планированию. По мнению С.В. Валдайцева, выдвинутым требованиям удовлетворяют показатели темпов обновления производства. Обновление производства является материальной базой, обеспечивающей определенные результативные темпы научно-технического прогресса, и в то же время процессом, подготовка (в сфере науки) и реализация (в сфе-

ре производства) которого обуславливают соответствующие ресурсные темпы [5]. Необходимо выделить факторы, которые в масштабе развития сельского хозяйства играют ведущую роль.

Большинство регионов Европейского Севера специализируются на молочном скотоводстве, что обусловлено природно-климатическими особенностями и историческими традициями [15]. Факторами, сдерживающими его развитие, являются: сокращение поголовья коров (за анализируемый период – в 3 раза); низкое качество кормов собственного производства; их высокая себестоимость; нестабильность цен как на приобретаемые материально-технические ресурсы, так и на реализуемую сельхозпродукцию (табл. 1).

Таблица 1. Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий регионов Европейского Севера РФ на конец года, тыс. голов

Регион	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	Место, занимаемое в РФ, 2014 г.
Российская Федерация	57043,0	27519,8	21625,0	19967,9	20133,8	19981,2	19564,0	19264,3	
Республика Карелия	126,3	56,2	34,9	28,2	25,4	23,1	23,6	23,4	72
Республика Коми	173,5	83,3	45,3	38,7	38,4	37,8	36,2	35,7	71
Архангельская область	354,7	129,4	74,1	56,9	54,3	52,7	50,6	45,8	69
в том числе Ненецкий автономный округ	9,1	4,1	2,7	1,7	1,6	1,5	1,4	1,4	82
Вологодская область	613,3	317,0	233,1	196,7	184,9	179,0	166,7	162,6	44
Мурманская область	43,8	11,9	8,7	7,8	7,8	7,8	7,6	7,5	79
Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [1, 2].									

Таблица 2. Надой молока на одну корову в сельскохозяйственных организациях регионов Европейского Севера РФ, кг

Регион	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2014 в % к 1990, %
Российская Федерация	2783	2341	3280	4189	4306	4521	4519	4841	
Республика Карелия	3893	2900	4608	5494	5848	6480	6417	6811	174,9
Республика Коми	2711	2096	2810	3491	3624	3999	3842	4008	147,8
Архангельская область	2662	1870	3593	4480	4772	5075	5124	5728	215,2
в том числе Ненецкий автономный округ	3089	3088	3723	4543	4590	4574	4515	4713	152,6
Вологодская область	2736	2975	4218	4888	5127	5525	5521	6025	220,2
Мурманская область	4869	4876	6414	7527	7910	7423	7182	5938	122,0
Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [1, 2].									

Рост производства достигается за счет повышения продуктивности коров (табл. 2).

Особенности средне- и долгосрочных прогнозов развития молочного скотоводства региона определяются комплексностью задач анализа состояния и динамики важнейших параметров, а также выявлением взаимосвязей с факторами, влияющими на развитие отрасли. Разработка требований к системе статистических показателей, адекватной целям и задачам средне- и долгосрочной оценки перспектив развития молочного скотоводства, является одним из основных условий повышения надежности и достоверности формируемых прогнозов.

Существующая структура доступной статистической информации не отвечает современным задачам инновационного развития и неадекватно отражает тенденции происходящих изменений. При использовании иерархической организации информационных потоков, позволяющей обеспечить высокую эффективность про-

цесса обработки, то есть высокую скорость получения запрошенных данных, отсутствует возможность введения в систему дополнительных показателей. Предлагается использовать релевантную организацию баз данных, которая позволяет логически связать сущность изучаемого явления, вид и направление информационных потоков и получить наиболее оптимальным образом необходимую информацию о молочном скотоводстве региона в условиях глобализации экономики. Эта задача решена путем разработки структурированной системы показателей. Все показатели, входящие в систему, имеют свое определенное место, способ сбора и обработки данных для получения каждого показателя на основании четких, прописанных инструкций. Структурированная система показателей смещает акценты в анализе с конечных результатов на условия и предпосылки, обеспечивающие достижение прогнозируемых показателей в условиях функционирования экономи-

ки России по правилам ВТО, в том числе на инновационное развитие отрасли, качество человеческого капитала, уровень государственной поддержки. При разработке системы показателей учтены методологические аспекты Руководства Осло, которое рассматривается Федеральной службой государственной статистики как официальный методологический документ, касающийся сбора информации об инновационной деятельности. В состав разрабатываемой системы включены показатели, содержащиеся в действующей статистической отчетности, а также новые показатели, определенные современными актуальными задачами развития науки статистики и сельского хозяйства.

Анализ и всесторонняя оценка показателей информационного поля позволили определить, что система показателей прогнозирования развития молочного скотоводства должна включать следующие аналитические блоки (табл. 3):

- социально-экономические условия деятельности;
- численность и состав населения;
- занятость и безработица;
- показатели уровня жизни населения;
- сельское хозяйство;
- образовательный потенциал населения;
- научно-технический потенциал;
- инновационная деятельность;
- качество инновационной политики.

Таблица 3. Система показателей прогнозирования развития молочного скотоводства региона

№ п/п	Показатель	Источник данных
1.	Социально-экономические условия деятельности	
1.1.	ВРП в расчете на душу населения региона, тыс. руб.	Росстат, ЦБСД
1.2.	Объем инвестиций в развитие молочного скотоводства региона, млн. руб.	Росстат
1.3.	Удельный вес инвестиций в молочное скотоводство в общем объеме, %	Росстат
2.	Численность и состав населения	
2.1.	Среднегодовая численность населения региона, чел.	Росстат
2.2.	Удельный вес сельского населения в общей численности населения, %	Росстат
2.3.	Доля трудоспособного населения в сельской местности на конец года, %	Росстат
3.	Занятость и безработица	
3.1.	Численность экономически активного населения, чел.	Росстат
3.2.	Среднесписочная численность работников в сельском хозяйстве региона, чел.	Росстат
3.3.	Уровень безработицы, %	Росстат
3.4.	Уровень безработицы в сельской местности, %	Расчетный
4.	Показатели уровня жизни населения	
4.1.	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Росстат
4.2.	Реальные денежные доходы, в % к предыдущему году	Росстат
4.3.	Средняя номинальная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве, руб.	Росстат
4.4.	Фактическое потребление молока на душу населения в целом по региону в год, кг	Росстат
4.5.	Коэффициенты удовлетворения потребностей по молоку в целом по региону	Расчетный
5.	Сельское хозяйство	
5.1.	Продукция сельского хозяйства, всего, в фактически действующих ценах, млн. руб.	Росстат
5.2.	Индексы производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах к предыдущему году, %	Росстат

Окончание таблицы 3

5.3.	Производство молока в регионе, тыс. т	Росстат
5.4.	Площадь сельскохозяйственных угодий на конец года, га	Росстат
5.5.	Площадь пашни на конец года, га	Росстат
5.6.	Поголовье коров хозяйствах всех категорий на конец года	Росстат
5.7.	Надой молока на одну корову, кг	Росстат
5.8.	Рентабельность производства молока без субсидий, %	Росстат
5.9.	Рентабельность производства молока с субсидиями, %	Росстат
5.10.	Рентабельность производства продукции животноводства без субсидий, %	Расчетный
5.11.	Рентабельность производства продукции животноводства с субсидиями, %	
5.12.	Удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций, %	Росстат
6.	Образовательный потенциал населения региона	
6.1.	Удельный вес населения в возрасте 25–64 лет, имеющих высшее образование, в общей численности населения соответствующей возрастной группы, %	Росстат, обследование населения по проблемам занятости
6.2.	Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в расчете на 10000 чел. населения, чел.	Росстат, форма ВПО-1
6.3.	Средний балл ЕГЭ студентов, поступивших в аграрные вузы	ФИС
7.	Научно-технический потенциал	
7.1.	Внутренние затраты на исследования и разработки в сельском хозяйстве по молочному скотоводству в процентах к ВРП, %	Нет отчетности
7.2.	Внутренние затраты на исследования и разработки в сельском хозяйстве в расчете на одного исследователя, тыс. руб.	Нет отчетности
7.3.	Удельный вес численности занятых исследованиями и разработками в сельском хозяйстве по молочному скотоводству в среднегодовой численности занятых в экономике региона, %	Нет отчетности
7.4.	Удельный вес лиц в возрасте до 39 лет в численности исследователей, занимающихся научными направлениями сельского хозяйства, %	Нет отчетности
7.5.	Удельный вес лиц, имеющих ученую степень, в численности исследователей в аграрных вузах, НИИ, %	Нет отчетности
7.6.	Число статей по с.-х. направлениям, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 100 исследователей	Нет отчетности
7.7.	Число патентных заявок на изобретения по с.-х. направлениям, поданных в Роспатент национальными заявителями, в расчете на тысячу человек экономически активного населения региона	Нет отчетности
8.	Инновационная деятельность	
8.1.	Затраты на технологические инновации в молочном скотоводстве, тыс. руб.	Нет отчетности
8.2.	Удельный вес продукции сельского хозяйства, произведенной на основе инновационных технологий, %	Нет отчетности
8.3.	Удельный вес организаций сельского хозяйства региона, оценивших сокращение материальных и энергетических затрат как основной результат инновационной деятельности, в общем числе организаций, осуществлявших технологические инновации, %	Нет отчетности
8.4.	Расходы на консультационные услуги в сельском хозяйстве, тыс. руб.	Нет отчетности
9.	Качество инновационной политики	
9.1.	Наличие стратегии инновационного развития или раздела в стратегии развития региона по инновационному развитию молочного скотоводства	Интернет-порталы, Интернет-сайты органов государственной власти субъектов РФ, специализированные базы региональных правовых актов
9.2.	Наличие специализированного законодательного акта, определяющего основные принципы, направления и меры государственной поддержки инновационной деятельности в молочном скотоводстве региона	
9.3.	Наличие региональных и районных консультационных служб	

Разделение показателей по блокам позволяет:

- выявить влияние отдельных факторов на эффективность функционирования молочного скотоводства;
- учитывать цели и задачи сельскохозяйственного производства;
- соизмерять потребление и производство сельскохозяйственной продукции;
- связать прогноз научно-технического прогресса и прогноз производственно-хозяйственной деятельности в сельском хозяйстве.

Для оценки текущего состояния молочного скотоводства предлагаем использовать агрегированный индекс как инструмент мониторинга системы. В основе алгоритма расчета индекса лежит сравнение значений некоторых показателей развития отрасли со сценарными прогнозными и принятие стратегических решений на основании этого сравнения. Индекс должен предоставлять сопоставимую информацию об элементах системы.

Для расчета индекса развития молочного скотоводства целесообразно взять следующую комбинацию результативных показателей:

- продукция сельского хозяйства региона в фактически действующих ценах, млн. руб. ($B_1=0,3$);
- поголовье коров в хозяйствах всех категорий региона ($B_2=0,25$);
- надой молока на одну корову в регионе, кг ($B_3=0,25$);
- рентабельность молока с субсидиями в регионе, % ($B_4=0,2$).

Расчет индекса развития молочного скотоводства определяется по формулам 1 и 2:

$$I = \sum_{i=1}^6 B_i \times I_i, \quad (1)$$

где B_i – весовой коэффициент значимости i -го показателя;

$$I_i = \frac{\text{фактическое значение } i\text{-го показателя}}{\text{значение } i\text{-го показателя по сценарному прогнозу}}. \quad (2)$$

Если $I > 1$ – высокий уровень развития отрасли;

если $I \geq 0,75$ – средний уровень, но имеется возможность для принятия мер по стабилизации ситуации;

если $I < 0,75$ – низкий уровень развития, молочное скотоводство региона находится в кризисе, восстановить ситуацию в ближайшее время не представляется возможным.

Значения весовых множителей, выражающих степень значимости каждого из показателей, устанавливаются экспертным путём.

Состав показателей и степень их значимости может меняться в зависимости от региона, доступности статистической информации и задач исследования. Основное предназначение индекса заключается в том, что он дает возможность провести сравнительный анализ для оценки развития молочного скотоводства на текущий момент времени. Использование качественных методов анализа ситуации позволяет принять обоснованные управленческие решения для корректировки ситуации.

От состояния информационной базы единой системы прогнозных расчетов в значительной степени зависит качество формируемых прогнозов.

В настоящее время основными источниками информации являются:

- результаты статистических наблюдений, осуществляемых Росстатом в рамках официальной статистики сельского хозяйства;
- данные Росстата, разрабатываемые на основе результатов статистических наблюдений с использованием различных форм учета и статистической отчетности;

– данные, получаемые из ведомственных источников статистической информации;

– данные из зарубежных источников, представляющие результаты разработок и сравнительных исследований международных организаций.

Основными источниками формирования исходной системы показателей, используемых при разработке средне- и долгосрочных прогнозов, являются данные, содержащиеся в следующих формах государственного статистического наблюдения:

– № 24-СХ «Сведения о состоянии животноводства», Приказ Росстата № 319 от 17.09.2010;

– № 2-наука «Сведения о выполнении научных исследований и разработок», Приказ Росстата № 580 от 24.09.2014;

– № 21-СХ «Сведения о реализации сельскохозяйственной продукции», Приказ Росстата № 319 от 17.09.2010;

– № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации», Приказ Росстата № 580 от 24.09.2014;

– № 9-АПК (мясо) «Сведения о переработке скота и птицы и выходе мясопродуктов», Приказ Росстата № 235 от 23.09.2008;

– № 14 «Сведения об оценке поголовья скота и птицы, посевных площадей в хозяйствах населения», Приказ Росстата № 441 от 09.08.2012;

– № 2 «Производство сельскохозяйственной продукции в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах граждан», Приказ Росстата № 319 от 17.09.2010;

– № П-1 (СХ) «Сведения о производстве и отгрузке сельскохозяйственной продукции», Приказ Росстата № 540 от 29.08.2014;

– № 1-СХ-цены «Сведения о ценах производителей сельскохозяйственной продукции», Приказ Росстата № 321 от 09.08.2013;

– № 2-МП инновация «Сведения о технологических инновациях малого предприятия», Приказ Росстата № 349 от 29.08.2013;

– № 3-фермер «Сведения о производстве продукции животноводства и поголовье скота», Приказ Росстата № 309 от 06.08.2013;

– № 10-МЭХ (краткая) «Сведения о наличии тракторов, сельскохозяйственных машин и энергетических мощностей», Приказ Росстата № 309 от 06.08.2013;

– № 21-СХ «Сведения о реализации сельскохозяйственной продукции», Приказ Росстата № 319 от 17.09.2010 и др.

Информационные потребности сферы управления инновационной экономикой должны удовлетворяться путем формирования эффективной системы статистического учета и отчетности. Наличие такой информации позволит обеспечить:

– разработку стратегии развития молочного скотоводства региона;

– реализацию функции текущего мониторинга и оперативного управления отраслью;

– прогнозирование основных процессов, связанных с развитием сельского хозяйства, сферы науки и инноваций, включая профессиональное образование;

– текущее и перспективное планирование развития молочного скотоводства.

Учитывая, что развитие науки носит глобальный характер, не признает национальных границ, можно сказать, что каждое научное открытие становится достоянием человечества. Поэтому необходимо также изучать тенденции развития науки в сельском хозяйстве за рубежом. Несомненно, зарубежный опыт достаточно широко использовался при разработке стратегий развития страны, но в любом случае он нуждался в адаптации к отечественным условиям функционирования.

Региональные различия в уровнях инновационной активности могут быть существенными, и выявление основных характеристик и факторов, способствующих инновационной активности и развитию сельского хозяйства на региональном уровне, может помочь пониманию инновационных процессов и быть полезным для выработки государственной политики [9]. Инновационные процессы в регионах могут развиваться параллельно с национальными инновационными системами. Эти условия создают потенциал для развития контактов с поставщиками, потребителями, конкурентами и государственными исследовательскими учреждениями.

В настоящее время существуют проблемы со сбором данных об инновационных процессах. Во-первых, для исчерпывающего анализа часто требуется дополнительная экономическая информация о субъектах хозяйственной деятельности. Следовательно, данные инновационных обследований часто приходится комбинировать с данными, полученными из других источников информации. Во-вторых, осуществление инноваций – непрерывный процесс. Поэтому его трудно измерять вообще, в особенности в сельскохозяйственных организациях, инновационная активность которых характеризуется главным образом небольшими улучшающими изменениями в противоположность единичным, хорошо заметным мероприятиям по осуществлению значительных изменений. Инновации в сельском хозяйстве будем определять как значительные изменения. Тем не менее важно иметь в виду, что инновация может состоять и из серии небольших улучшающих изменений. В-третьих, сведения о затратах на инновации обычно не отражаются в финансовых документах организаций, что затрудняет их подсчет. В-четвертых,

при обследованиях трудно фиксировать время осуществления инноваций и проявления их воздействия. Расходы на инновационную деятельность производятся в надежде на потенциальные будущие прибыли. Однако отдача от разработки и осуществления инновации в виде увеличения инновационной способности фирмы и повышения ее эффективности часто не успевает проявиться за время обследования. Инновационные обследования должны быть увязаны с системой образования, рынком труда и финансовыми структурами [12].

Для инновационных обследований эти типы можно определить следующим образом:

1. Открытые источники информации: информация в открытом доступе, не требующая покупки технологий, или прав на интеллектуальную собственность, или взаимодействия с источником информации.

2. Коммерческие источники знаний и технологий: покупки внешних знаний и/или технологий, воплощенных в машинах, оборудовании, услугах, не предусматривающие взаимодействия с источником.

3. Инновационное сотрудничество: активное сотрудничество с другими предприятиями или государственными научно-исследовательскими организациями для инновационной деятельности.

Наиболее острой на сегодня остается проблема кадрового обеспечения сельского хозяйства региона. Прогнозирование потребности в кадрах рассматривается как важная составная часть информации, необходимой для разработки мероприятий по регулированию и контролю за изменениями на рынке образовательных услуг, по стратегическому планированию системы подготовки и переподготовки кадров, ориентированной на спрос и потребности успешного функционирования экономики России в условиях членства в ВТО.

Кадровые потребности региона должны прогнозироваться не менее чем на 5–7 лет, поскольку формируемые на основе результатов прогноза планы приема в учреждения профессионального образования определяют структуру выпуска соответствующих специалистов. Прогнозирование потребности в кадрах для сельского хозяйства должно быть направлено на обеспечение практического результата: оценку и корректировку объемов подготовки в системе профессионального образования в регионе в соответствии с перспективными потребностями социально-экономического развития, запросами производства. Имеющиеся сейчас статистические данные не позволяют оценить динамику занятости в разрезе профессионально квалификационной структуры рабочих мест сельского

хозяйства региона. Программы экономического развития основаны на сведениях, полученных от органов государственной статистики и отражающих структуру занятости лишь в отраслевом разрезе. Для планирования и прогнозирования развития системы подготовки кадров данных сведений недостаточно.

Результаты проведенного нами исследования позволят принимать обоснованные управленческие решения с помощью прогнозных показателей развития молочного скотоводства региона с учетом инноваций и условий развития высшего образования на долгосрочную перспективу, а также повысить качество информационной базы анализа, прогнозирования и мониторинга результативности развития данной сферы.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. [Текст] / Росстат. – М., 2014. – 996 с.
2. Статистический ежегодник Вологодской области 2014: стат. сб. [Текст] / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 378 с.
3. Барышников, Н.Г. Сценарии развития сельскохозяйственного бизнеса в Пензенской области: прогнозирование и оценка рисков [Текст] / Н.Г. Барышников, Д.Ю. Самыгин // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №1. – С. 84-89.
4. Ганиева, И.А. Теоретические и методологические аспекты прогнозирования сельскохозяйственного производства в условиях циклических колебаний [Текст] / И.А. Ганиева // Вестник Кемеровского государственного сельскохозяйственного института. – 2014. – № 5. – С. 204-216.
5. Валдайцев, С.В. Экономическое обоснование темпов научно-технического прогресса [Текст] / С.В. Валдайцев. – Л: Издательство ЛГУ им. А.А. Жданова, 1984. – 176 с.
6. Демчук, М.И. Системная методология инновационной деятельности [Текст] / М.И. Демчук, А.Т. Юркевич. – Мн.: РИВШ, 2007. – 289 с.
7. Дынкин, А.А. Мировой кризис – импульс для развития инноваций [Текст] / А.А. Дынкин // Проблемы теории и практики управления. – 2009. – № 4. – С. 8-15.
8. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения [Текст] / Н. Кондратьев, Ю. Яковец, Л. Абалкин. – М.: Экономика, 2002. – 764 с.
9. Костяев, А.И. Политика регионального развития АПК с учетом условий членства России в ВТО: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы экономики и управления АПК» [Текст] / А.И. Костяев. – Рязань, 2013. – С. 7-11.
10. Маркс, К. Капитал. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. – Т. 25. – Ч. 1. – С. 94-95.
11. Медведева, Н.А. Методология сценарного прогнозирования развития экономических систем [Текст] / Н.А. Медведева. – Вологда–Молочное: ИЦ ВГМХА, 2015. – 200 с.
12. Набоков, В.И. Инновационная деятельность организаций животноводства региона и человеческий капитал [Текст] / В.И. Набоков, Т.М. Лямина, О.С. Горбунова // Аграрный вестник Урала. – 2015. – №2(132). – С. 91-93.

13. Орлов, В.И. Трактат о вдохновении, рождающем великие изобретения [Текст] / В.И. Орлов. – М.: Знание, 1980. – 336 с.
14. Санду, И.С. Экономические аспекты реализации инновационных проектов в агропромышленном комплексе [Текст] / И.С. Санду // Прикладные экономические исследования. – 2015. – № 1. – С. 43-46.
15. Ускова, Т.В. Мониторинг функционирования сельского хозяйства Вологодской области: заключительный отчет о НИР [Текст] / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 70 с.

Сведения об авторах

Наталья Александровна Медведева – кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной работе, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (160555, Россия, г. Вологда, с. Молочное, ул. Мира, д. 8, named35@mail.ru)

Бильков Валентин Алексеевич – доктор сельскохозяйственных наук, доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (160555, Россия, г. Вологда, с. Молочное, ул. Мира, д. 8, valentinbilkov@gmail.ru)

Medvedeva N.A., Bil'kov V.A.

Methodological Aspects in Forecasting Innovation Development of Dairy Cattle Breeding in the Region

Natal'ya Aleksandrovna Medvedeva – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Vice-Rector for Education, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (8, Mira Street, Molochnoye Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation, named35@mail.ru)

Valentin Alekseevich Bil'kov – Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (8, Mira Street, Molochnoye Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation, valentinbilkov@gmail.ru)

Abstract. Due to the fact that Russia is now a member of the World Trade Organization, long-term forecasting becomes an objectively necessary condition that helps choose an effective science-based long-term strategy for development of dairy cattle breeding that would take into consideration intellectual and innovative characteristics. Current structure of available statistical information does not meet modern challenges of innovation development and does not reflect adequately the trends of ongoing changes. The paper suggests a system of indicators to analyze the status, development and prospects of dairy cattle breeding in the region; this system provides timely identification of emerging risks and threats of deviation from the specified parameters. The system included indicators contained in the current statistical reporting and new indicators of innovation development of the industry, the quality of human capital and the level of government support. When designing the system of indicators, we used several methodological aspects of the Oslo Manual, which the Federal State Statistics Service considers to be an official methodological document concerning the collection of information about innovation activities. A structured system of indicators shifts the emphasis in the analysis of the final results to the conditions and prerequisites that help achieve forecast performance indicators in the functioning of Russia's economy under WTO rules and make substantiated management decisions.

Key words: forecasting, dairy cattle breeding, region, system of indicators, innovative development, information base.

References

1. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2014: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2014: statistics collection]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2014. 996 p. [in Russian].
2. Statisticheskii ezhegodnik Vologodskoi oblasti 2014: stat. sb. [Statistical yearbook of the Vologda Oblast 2014: statistics collection]. *Vologdastat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast]. Vologda, 2015. 378 p. [in Russian].
3. Baryshnikov N.G., Samygin D.Yu. Stsenarii razvitiya sel'skokhozyaistvennogo biznesa v Penzenskoi oblasti: prognozirovaniye i otsenka riskov [Scenarios for the development of agricultural business in the Penza Oblast: forecasting and risk assessment]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2015, no. 1, pp. 84-89. [in Russian].
4. Ganieva I.A. Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty prognozirovaniya sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva v usloviyakh tsiklicheskih kolebaniy [Theoretical and methodological aspects of forecasting agricultural production in conditions of cyclical fluctuations]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo sel'skokhozyaistvennogo instituta* [Bulletin of Kemerovo State Agricultural Institute], 2014, no. 5, pp. 204-216. [in Russian].
5. Valdaitsev S.V. *Ekonomicheskoe obosnovaniye tempov nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Economic justification of the rate of scientific and technological progress]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU im. A.A. Zhdanova, 1984. 176 p. [in Russian].
6. Demchuk M.I., Yurkevich A.T. Sistemnaya metodologiya innovatsionnoi deyatel'nosti [System methodology of innovation activity]. Minsk: RIVSh, 2007. 289 p. [in Russian].
7. Dynkin A.A. Mirovoi krizis – impul's dlya razvitiya innovatsii [Global crisis – an impetus for the development of innovation]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Issues of management theory and practice], 2009, no. 4, pp. 8-15. [in Russian].
8. Kondratiev N.D., Yakovets Yu., Abalkin L. *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya* [Long cycles of economic conjuncture and the theory of foresight]. Moscow: Ekonomika, 2002. 764 p. [in Russian].
9. Kostyaev A.I. *Politika regional'nogo razvitiya APK s uchetom uslovii chlenstva Rossii v VTO: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya APK"* [Policy for regional development of the agro-industrial complex taking into account the conditions of Russia's membership in the WTO: materials of the International research-to-practice conference "Topical issues of economics and management in the agro-industrial complex"]. Ryazan, 2013. Pp. 7-11. [in Russian].
10. Marx K., Engels F. *Kapital. Sochineniya* [Capital. Writings]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955–1974. Vol. 25. Part 1. Pp. 94-95. [in Russian].
11. Medvedeva N.A. *Metodologiya stsenarnogo prognozirovaniya razvitiya ekonomicheskikh sistem* [Methodology for scenario forecasting of development of economic systems] Vologda–Molochnoe: ITs VGMKhA, 2015. 200 p. [in Russian].
12. Nabokov V.I., Lyamina T.M., Gorbunova O.S. Innovatsionnaya deyatel'nost' organizatsii zhivotnovodstva regiona i chelovecheskii kapital [Innovation activity of animal husbandry organizations in the region and human capital]. *Agrarnyi vestnik Urala* [Agrarian bulletin of the Urals], 2015, vol. 132, no. 2, pp. 91-93. [in Russian].
13. Orlov V.I. *Traktat o vdokhnovenii, rozhdayushchem velikie izobreteniya* [A treatise on the inspiration that gives birth to great inventions]. Moscow: Znanie, 1980. 336 p. [in Russian].
14. Sandu I.S. Ekonomicheskie aspekty realizatsii innovatsionnykh proektov v agropromyshlennom komplekse [Economic aspects of implementation of innovation projects in the agro-industrial complex]. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya* [Applied economic research], 2015, no. 1, pp. 43-46. [in Russian].
15. Uskova T.V., Selimenkov R. Yu., Anishchenko A.N. *Monitoring funktsionirovaniya sel'skogo khozyaistva Vologodskoi oblasti: zaklyuchitel'nyi otchet o NIR* [Monitoring of the functioning of agriculture in the Vologda Oblast: the final research report]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 70 p. [in Russian].

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.12

УДК 332.13 (338.1), ББК 65.24 (65.9)

© Красова Е.В., Ян Синьсю

Современные тенденции формирования человеческих ресурсов как фактора устойчивого развития экономики Китая

**Елена Викторовна
КРАСОВА**

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1506
elena_krasova@rambler.ru

Ян Синьсю (Yang Xin Xiu)

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1506
1305842663@qq.com

Аннотация. Одним из актуальных направлений исследования роста национальных экономик являются процессы формирования и развития человеческих ресурсов. Китай, как и другие развивающиеся страны, строит инновационную экономику и рассматривает свой национальный человеческий капитал как ключевой фактор дальнейшего роста. Китай обладает самыми значительными человеческими ресурсами среди всех стран мира, что во многом обеспечивает его успехи в мировой экономике, однако политика ограничения рождаемости и другие факторы способствовали появлению ряда проблем, которые могут существенно отразиться на формировании человеческого капитала и дальнейшем экономическом росте страны. Цель настоящего исследования – выявить современные тенденции процессов формирования человеческих ресурсов Китая, затрагивая демографический, урбанистический и экономический аспекты. В статье определено понятие национальных человеческих ресурсов, обоснована актуальность комплексного исследования проблемы накопления человеческого потенциала для такой густонаселенной страны, как Китай. Рассмотрена динамика численности населения Китая, в том числе трудоспособного, проанализированы возрастная структура населения, уровень демографической нагрузки, уровень

урбанизации и особенности пространственного размещения населения. Особый акцент сделан на проблемах уменьшения доли и численности трудоспособного населения, оценке роли внутренних миграционных потоков в формировании человеческого капитала городов, оценке общего экономического эффекта от процессов урбанизации, анализе пространственной неравномерности распределения человеческих ресурсов Китая и ее влиянии на объем производства в регионах. Ряд ключевых показателей представлен в разрезе крупнейших китайских городов либо провинций.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, человеческие ресурсы Китая, человеческий капитал Китая, экономическое развитие Китая, демографическое развитие Китая, урбанизация Китая, ВВП Китая, экономика провинций Китая.

В настоящее время в центре внимания концепций устойчивого развития стран находятся человеческие ресурсы — одна из важнейших экономических категорий современности, представляющая собой совокупность различных свойств и качеств людей, определяющая их способность к производству благ и выступающая обобщающим показателем роли человеческого фактора в развитии общественного производства [5, с. 16]. Все страны, строящие постиндустриальную экономику, рассматривают человеческие ресурсы и накапливаемый на их основе человеческий капитал как ключевой фактор развития, приоритетная роль которого обусловлена трансформацией национальных экономик, их инновационной направленностью и увеличением доли наукоемкой продукции в мировом экспорте за последние полвека. Все это обуславливает высокий интерес к анализу различных аспектов человеческих ресурсов и оценке долгосрочных тенденций их формирования в масштабах страны.

Учитывая многоаспектность понятия «человеческие ресурсы», следует конкретизировать предмет данного исследования. Очевидно, что речь пойдет о национальных человеческих ресурсах, имеющих свою макроэкономическую специфику. В узком смысле человеческие ресурсы страны можно обозначить как совокупность количе-

ственных и качественных параметров населения, которые определяют характер и темп развития национальной экономики. В широком смысле они представляют собой интенсивный фактор социально-экономического развития страны, источник силы экономической системы или, применительно к понятию человеческого капитала, — драйвер инновационных волн [9].

Исследование человеческих ресурсов как фактора национального производства обуславливает использование показателей, которые связывают «человеческую» составляющую ресурсной базы общества и экономическое развитие страны (*табл. 1*). Система таких показателей представляется необходимой для комплексной характеристики человеческих ресурсов и выступает основой для оценки в рамках дальнейших исследований накопленного человеческого капитала.

Такая быстро развивающаяся страна, как Китай, планомерно и комплексно формирует условия для инновационной волны своего развития, заключающиеся в накоплении и повышении качества человеческого капитала. Китай начал свои реформы с вполне технократического подхода к управлению человеческими ресурсами, при котором многочисленная, малограмотная и бесправная рабочая сила подчинялась нуждам национального производства. По оценкам специалистов, наличие почти не-

Таблица 1. Показатели, характеризующие тенденции формирования человеческих ресурсов страны как фактора экономического развития

Показатель	Что характеризует
Численность населения	Физический запас человеческих ресурсов
Естественный прирост населения	Динамику запаса человеческих ресурсов
Численность трудоспособного населения	Запас трудовых ресурсов, физический объем накопленного трудового потенциала
Возрастная структура населения	Соотношение численности трудоспособного и нетрудоспособного населения
Уровень демографической нагрузки	Степень финансового бремени, вызванного наличием нетрудоспособного населения
Уровень урбанизации	Степень концентрации человеческого капитала, наличие потенциала для роста производительности труда
Пространственная (экономико-географическая) структура населения	Особенности размещения трудоспособного населения на территории страны, направления и интенсивность внутренних миграционных потоков
ВВП на душу населения, средняя заработная плата по территориям	Общую эффективность использования человеческих ресурсов на определенной территории по сравнению со средним значением по стране

ограниченного ресурса рабочей силы, ее миграция вслед за капиталом в точки экономического роста обеспечили в период 1978–1988 гг. около трети прироста ВВП [6, с. 11]. В конце 1980-х гг. после появления концепции устойчивого развития, которой стал придерживаться и Китай, китайское общество стало двигаться в сторону гуманистического подхода. Стратегия всестороннего строительства среднезажиточного общества, выдвинутая на XVI-м Всекитайском съезде КПК в 2002 г., четко обозначила в качестве одной из задач «...поднять идейно-нравственные, научно-культурные и физические качества всей нации, создать совершенную современную систему народного образования, систему научно-технической и культурной инновации, систему всенародной физической закалки, а также медицинской помощи и здравоохранения... стимулировать всестороннее развитие личности» [4]. Реализация данной концепции, реструктуризация сфер воспитания, образования, здравоохранения, информатизации и т.д. привели Китай к необходимости создания инновационной модели управления человеческими ресурсами, в результате чего «пассивный ресурс» китайской экономики стал рассматриваться как «активный

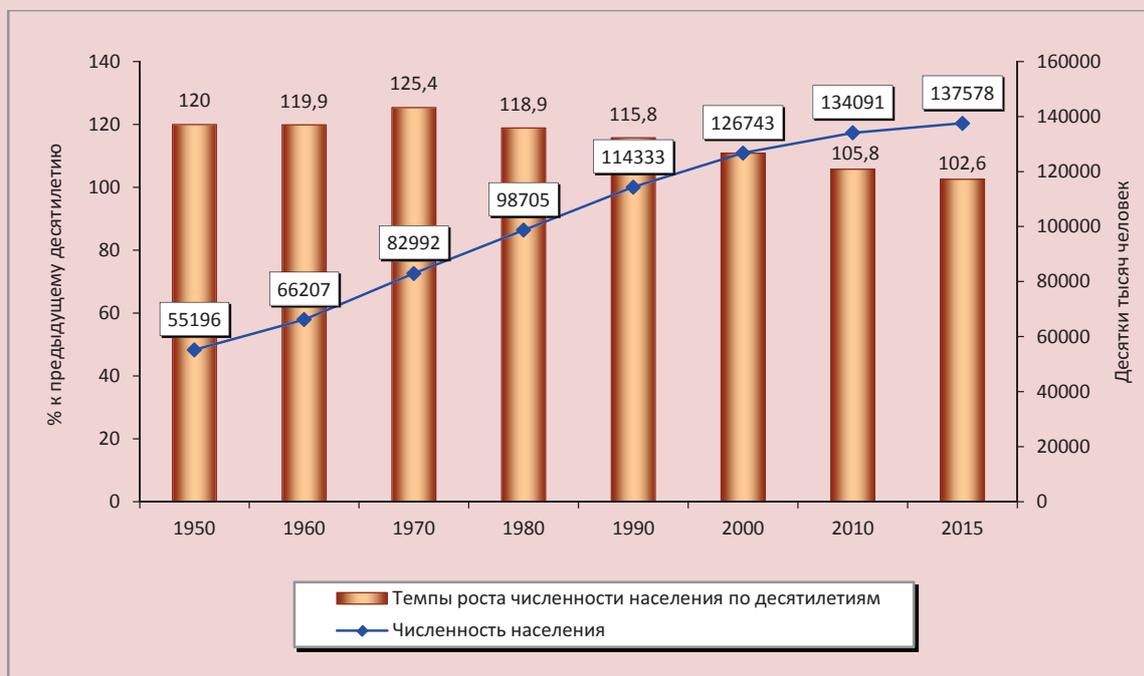
участник производственного процесса», а избыточная и дешевая рабочая сила превратилась в «уникальный и не имеющий аналога в мире по численности и по структуре» человеческий капитал [3, с. 56-65]. В настоящее время вслед за западными коллегами китайские ученые рассматривают свой национальный человеческий потенциал как один из важнейших стратегических ресурсов, определяющих комплексную мощь государства и формирующих так называемую «твердую мощь» (материальные ресурсы), которые, наряду с «мягкой силой» (культурой и менталитетом), обеспечивают национальную конкурентоспособность Китая в мировой экономике [17].

Вместе с тем многие исследователи отражают двойственность и противоречивость сложившейся в Китае демографической ситуации и связывают это с политикой ограничения рождаемости «Одна семья – один ребенок», начатой в 1979 г. [8; 10; 13; 19]. Главным негативным последствием данной политики является сокращение трудоспособного населения и его старение, с которыми специалисты связывают целый комплекс социально-экономических проблем. «Дешевая рабочая сила Китая, которую давно использует весь

мир, возможно, в ближайшие несколько лет иссякнет... Сокращение рабочей силы может существенно затормозить развитие Китая» [19, с. 86-87]. Такие широко обсуждаемые производные от демографических проблем процессы, как рост социальной нагрузки, снижение объемов внутреннего спроса, потеря инвестиционных и производственных возможностей, «напрямую угрожают благополучному росту китайской экономики» [10, с. 191]. Развивая и продолжая актуальную для всего мира тему, настоящее исследование в качестве одной из задач определяет ряд социально-экономических параметров Китая, связанных с демографическими изменениями, а также возможные последствия этих изменений в кратко- и долгосрочной перспективе.

На сегодняшний день Китай является одной из самых динамично растущих экономик мира, демонстрируя беспрецедентно высокие темпы роста национального производства. Занимая 16,6% в мировом ВВП (первое место в мире в 2015 г.), Китай обладает 18,6% мирового населения [11], отражая уникальную ситуацию двойного лидерства: ни одна из густонаселенных стран мира пока не догнала Китай по уровню экономического развития, и ни одна из развитых стран не может сравниться с Китаем по демографическому потенциалу. По состоянию на 1 апреля 2016 г. в Китае проживает 1 375 787 тыс. чел., прирост за последние полвека составил 715 млн. чел., или 208%, а среднегодовые темпы прироста населения за тот же период равны 3,8% (рис. 1).

Рисунок 1. Динамика численности населения Китая с 1950 по 2015 г.

Составлено по: Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>

Несмотря на то что динамика численности населения Китая по-прежнему характеризуется положительным естественным приростом, политика «Одна семья – один ребенок» существенно снизила среднегодовые темпы прироста населения: если в 1970-х гг. они составляли 1,9%, то в 1980-х гг. – уже 1,6%, в 1990-х гг. – 1,1%, в 2000-х гг. – 0,6% и за период 2010–2015 гг. – 0,49% [11]. Соответственно этому, менялась роль Китая в общемировом приросте населения (табл. 2).

Согласно прогнозам ООН, к 2030 г. численность населения Китая достигнет своего максимума на уровне около 1400 млн. чел. и затем начнет снижаться [11]. Даже при сильном смягчении демографической политики и разрешении иметь двух детей

в семье, начиная с 1 января 2016 года [2], вернуть устойчивые положительные тенденции роста населения Китаю, возможно, удастся лишь через несколько десятилетий. Этому будут способствовать две главные причины: последствия искусственного ограничения рождаемости 1979–2015 гг. и глубокие изменения в образе жизни и мышлении китайцев, произошедшие в результате экономических реформ.

Жесткие и вполне эффективные мероприятия по ограничению рождаемости за последние 40 лет не только предотвратили 400 миллионов рождений [2], но и привели к существенной деформации возрастной структуры населения. Если в 1982 г. доля молодежи в возрасте 0–14 лет составляла 33,6% в общей численности населения, а

Таблица 2. Место Китая в общемировом приросте численности населения за период 2010–2015 гг., млн. чел.

Год	Естественный прирост	Темп прироста, %	Естественный прирост	Темп прироста, %	Доля Китая в общемировом приросте населения, %
	Китай		Весь мир		
2010	7 162	0,48	79 516	1,17	9,0
2011	7 206	0,48	87 741	1,28	8,2
2012	7 212	0,49	77 049	1,11	9,4
2013	7 127	0,49	79 813	1,13	8,9
2014	6 921	0,52	81 091	1,14	8,5
2015	6 613	0,48	82 383	1,14	8,0

Источник: Мировая демографическая ситуация, 2014 год: Доклад ООН // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/>.pdf

Таблица 3. Возрастная структура и демографическая нагрузка на трудоспособное население Китая за период 1982–2014 гг.

Год	Доля населения			Коэффициенты демографической нагрузки		
	в возрасте 0–14 лет	в возрасте 15–64 лет	в возрасте 65 лет и более	Уровень иждивенчества детьми, %	Уровень иждивенчества пожилыми, %	Общий коэффициент, %
1982	33,6	61,5	4,9	54,6	8,0	62,6
1990	27,7	66,7	5,6	41,5	8,3	49,8
2000	22,9	70,1	7,0	32,6	9,9	42,5
2005	20,3	72,0	7,7	28,1	10,7	38,8
2010	16,6	74,5	8,9	22,3	11,9	34,2
2014	16,5	73,9	10,1	22,5	13,7	36,2

Источник: Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>.

доля пожилых людей в возрасте от 65 лет и выше – 4,9%, то к 2015 г. эти показатели составили 16,5 и 10,1% соответственно. Доля населения в трудоспособных возрастах за период 1982–2015 гг. стремительно возросла с 61,5% до 73,9%, достигнув исторического максимума в 2010 г. на уровне 74,5% [15] (табл. 3).

Таким образом, помимо снижения уровня бедности и перегруженности ресурсов, которое провозглашалось как главная цель государственного планирования численности населения, политика ограничения рождаемости вызвала приток в экономику большого количества свободной, не занятой хозяйством и детьми рабочей силы. В настоящее время в Китае насчитывается 1 млрд. 4 млн. чел. в трудоспособных возрастах, представляющих собой физический запас ресурсов труда. С 1980 до 2015 г. численность трудоспособного населения увеличилась на 379 млн. чел., или на 61%, что существенно превысило темп роста общей численности населения за тот же период – 35% [15]. Следует отметить, что в 1987 г. естественный прирост китайского населения достиг своего максимума на уровне 1,66%, а в 1992 г. темпы естественного прироста вернулись на исторический уровень 1978 года, предшествующего началу осуществления политики «Одна семья – один ребенок».

Сочетание высоких темпов экономического роста и роста численности трудоспособного населения – исторический шанс для Китая, которым он успешно воспользовался. Население обеспечило экономику избыточными трудовыми ресурсами, а уменьшающаяся социальная нагрузка на бюджет позволила увеличить объем государственных инвестиций. По замечанию Е. Андреева, к 1990-м гг. «в Китае возникла уникальная ситуация, когда детей было уже мало, а пожилых – еще мало. Падение демографической нагрузки и рост ВВП шли почти синхронно» [1]. Сопоставление показателей экономического и демографического роста наглядно представлено в табл. 4.

Однако нельзя забывать, что существенный рост трудовых ресурсов в период реформ был достигнут за счет сокращения численности будущих поколений: по прогнозам, к 2020 г. Китай «недополучит» 31 млн. чел. детей 0–15 лет, а к 2050 г. – порядка 70 млн. чел. Доля юной молодежи в 2020 г. составит лишь 14%. Доля пожилого населения, напротив, будет расти и составит в 2020 г. около 20%, к 2050 г. – 38% [2]. Таким образом, рост доли трудоспособного населения сменит ее спад, и к 2050 г. она, по оценкам авторов, составит 50–55%, что значительно меньше, чем до начала осуществления политики «Одна семья – один ребенок».

Таблица 4. Динамика некоторых экономических и демографических показателей Китая, по пятилетиям, за период 1991–2014 гг.

Период	Среднегодовые темпы прироста, %			Коэффициент демографической нагрузки, %
	ВВП	Численность трудоспособного населения	Государственные инвестиции	
1991–1995	12,3	1,33	10,8	48,8
1996–2000	8,6	1,85	30,5	42,6
2001–2005	9,8	1,19	15,7	38,8
2006–2010	11,2	1,22	27,1	34,2
2011–2014	8,0	0,11	19,8	36,2

Источник: Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>

Смена тенденций ощущается уже сейчас: с 2010 г. планомерно возрастает демографическая нагрузка, а с 2013 г. началось уменьшение абсолютного числа трудоспособных граждан – на уровне 1130–1500 тыс. чел., или 0,1% в год. При этом наибольшую долю – 9,1% – в возрастной структуре населения занимают граждане 40–44 лет, чуть менее – 8,8% – граждане 45–49 лет [15]. Это означает, что через 15–20 лет, когда представители данной возрастной когорты выйдут на пенсию, начнется стремительное старение китайского населения. Уже к 2020 г. численность трудоспособного населения может уменьшиться на 89 млн. чел. по сравнению с уровнем 2014 г. Многие повзрослевшие китайцы, являясь единственными детьми в семье, будут вынуждены содержать не только себя и своих детей, но и своих родителей, бабушек и дедушек. В условиях слабой пенсионной системы, отсутствия сбережений у населения в силу невысоких заработков и низкой финансовой грамотности «счастливая», а главное, обеспеченная старость пожилых китайцев представляется маловероятной. Стране еще предстоит построить практически с нуля мощную систему социального обеспечения растущей армии стареющего населения.

В долгосрочной перспективе сокращение численности трудоспособного населения будет способствовать постепенному истощению источников роста человеческих ресурсов и формированию дефицита рабочей силы, что неизбежно приведет к ее удорожанию. Экономические реформы, сделавшие Китай «мировой фабрикой», основывались на использовании избыточной, а потому дешевой и конкурентоспособной рабочей силы. Ресурс, переходящий в разряд дефицитных, априори не может быть дешевым. Учитывая повышение качества рабочей силы, предусматривающее рост затрат на обучение и профессиональную

подготовку, и наращивание социальной нагрузки, которая потребует дополнительных расходов на содержание пожилого населения, следует отметить, что китайская рабочая сила может к середине XXI века стать одной из самых дорогих в мире. По словам ученых, «демография перестала быть для экономического роста Китая позитивным фактором» [8, с. 20].

Естественно, что рост социальной нагрузки, сокращение и удорожание трудовых резервов противоречат экономическим интересам Китая и способствовали отмене политики «Одна семья – один ребенок» в декабре 2015 г. На закономерно возникающий вопрос о том, повлечет ли это за собой резкий рост рождаемости, специалисты склонны отвечать отрицательно. Главной причиной этого является изменение социальных установок китайского общества, ориентация на самореализацию и рост качества жизни, которые стали не менее важным фактором ограничения рождаемости, чем государственная политика планирования семьи. СМИ приводят результаты опросов китайского населения: «В 2014 году менее 1 млн. семейных пар подали заявки на рождение второго ребенка, что в половину меньше прогнозируемого. Городские семьи по-прежнему предпочитают из финансовых соображений ограничиться рождением и воспитанием одного ребенка. Из них только 60–65% хотели бы иметь второго ребенка; в деревенских семьях этот показатель достигает 90%» [2].

Другим важным показателем, характеризующим тенденции формирования человеческих ресурсов Китая, выступает степень урбанизации. Являясь естественным результатом экономического развития и оптимизации размещения производительных сил общества, урбанизация во многом определяет особенности пространственного распределения ресурсов труда.

Урбанизация – это процесс концентрации трудоспособного населения в городах, представляющих собой «точки» индустриального и культурного роста, в результате чего происходят увеличение плотности населения, активизация социально-экономической жизни и усиление потенциала развития человеческого капитала.

Установка на урбанизацию и расширение городов в контексте развития человеческого потенциала и повышения качества жизни нашла отражение во многих политических решениях и партийных документах Китая. Так, на XVI съезде КПК в 2002 г., рассматривая урбанизацию как неизбежную тенденцию индустриализации и модернизации, Цзян Цзэминь в качестве одной из задач строительства среднезажиточного общества обозначил необходимость «значительно поднять удельный вес городского населения и постепенно устранить тенденцию к увеличению различий между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней» [4]. Нынешний лидер КНР Си Цзиньпин прямо указывает на продвижение вперед процесса урбанизации как верного пути к модернизации общества и повышению производительности труда. При этом он подчеркивает приоритет человеческого фактора, а именно обеспечения равноправного доступа к основным общественным услугам, окружающей среде с наиболее удобными условиями для проживания, а также повышения чувства удовлетворения и счастья народа [14].

Процесс урбанизации в Китае, начавшийся в 1950-х гг., являлся одним из самых мощных в мире на протяжении всего периода реформ, которые активизировали внутреннюю миграцию и стимулировали переезд сельского населения в города. Если в 1953 г. численность горожан составляла 77,3 млн. чел., или 13,2% общей численности населения (что соответствует

уровню слаборазвитых африканских стран), то сегодня в китайских городах проживают 750 млн. чел., или 54,8% всего населения (уровень стран Юго-Восточной Азии – Филиппин, Индонезии и т.п.) [15]. К 2020 г., по замыслам китайского руководства, страна должна выйти на уровень урбанизации 60%, приблизившись к показателям среднеразвитых стран, а к 2050 г. – на уровень 70% [16, с. 166], что вполне сопоставимо с уровнем России.

Процесс урбанизации в Китае шел достаточно неравномерно: под воздействием политических решений правительства наиболее активно она стала осуществляться в 1980-х гг., что совпало по времени с началом проведения политики «Одна семья – один ребенок». За последние 35 лет численность городского населения увеличилась на 557,8 млн. чел., или в 3,9 раза, причем 48% данного прироста пришлось на 1980–2000 годы и 52% – на 2001–2014 годы. (рис. 2). Период 1980–2000 гг. характеризовался в большей степени ростом количества городов, а период 2001–2015 гг. – разрастанием существующих городов, активным формированием агломераций.

Чтобы оценить масштабы урбанизации, достаточно представить, что в Китае каждый год на протяжении 40 лет создавались 1–2 города таких, как Москва, или 3–4 города таких, как современный Санкт-Петербург. Всего же за указанный период города Китая сформировали население, почти в четыре раза превышающее население России.

Основными источниками урбанизации в Китае стали: естественный прирост городского населения, внутренняя миграция населения из сельской местности в города, появление новых городов и административное расширение городских территорий, когда с 1984 г. городом стали считать экономический центр с населением более

Рисунок 2. Динамика численности городского населения в Китае за период 1950–2014 гг.

Составлено по: Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>

3 тыс. чел. (вместо прежних 100 тыс. чел.), в котором 85% жителей заняты вне сельского хозяйства. Согласно расчетам на основе статистических данных, за период интенсивной урбанизации 1980–2014 гг. рост численности городского населения был в среднем на 19% обеспечен за счет естественного прироста, на 81% – за счет внутренних миграций и административных преобразований (табл. 5).

Как видно из данных таблицы, по мере того как исчерпывался потенциал естественного прироста населения, все большую роль в обеспечении индустриальных центров трудовыми ресурсами играло перемещение избыточной сельской рабочей силы в несельскохозяйственные производства и города. Таким образом, политика ограничения рождаемости скорректировала возрастную структуру населения в

пользу трудоспособного населения, а урбанизация изменила пространственное размещение трудовой армии в пользу быстро развивающейся промышленности городов.

Основным направлением современной внутрикитайской миграции является перемещение рабочей силы из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные, т.е. из внутренних (западных) провинций в приморские (восточные). Одиннадцать приморских провинций, включая города центрального подчинения Ляонин, Пекин, Тяньцзинь, Хэбей, Шаньдун, Цзянсу, Шанхай, Чжецзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнан, производят 60% ВВП Китая и сосредотачивают 42% всего его населения [15]. Главными донорами рабочей силы с 1990-х гг. являются мегаполисы Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Гуанчжоу. На протяжении 1990–2000-х гг. первое место по уровню въездной

Таблица 5. Вклад естественного и миграционного прироста в рост численности городского населения Китая за период 1981–2014 гг.

Период	Среднегодовой прирост городского населения, млн. чел.	Среднегодовые темпы			Вклад внутренних миграций и административных преобразований в рост численности городского населения, %	Коэффициент урбанизации, %
		прироста общей численности городского населения, %	в том числе за счет естественного воспроизводства, %	в том числе за счет внутренних миграций и административных преобразований, %		
1981–1990	11,055	5,8	1,5	4,3	74,3	26,41
1991–2000	15,711	5,2	1,0	4,2	80,2	36,22
2001–2010	21,072	4,6	0,6	4,0	87,7	49,95
2011–2014	19,845	3,0	0,5	2,5	83,2	54,77

Рассчитано по: Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>.

миграции занимал Гуанчжоу, принимая на себя 20–30% всех миграционных потоков, второе место – Шанхай (около 7%) и третье – Пекин [3, с. 85]. В приморских городах, экономика которых ориентирована на экспорт трудоемкой продукции, доля мигрантов достигает 70–80% от общей численности рабочей силы [7, с. 72].

Экономический эффект от перемещения человеческого капитала в рамках урбанизации можно оценить посредством статистических данных: в *таблице 6* представлены показатели, характеризующие конечную эффективность использования рабочей силы и отражающие социально-экономический потенциал крупнейших китайских городов, ранжированных по численности населения (в расчет были приняты города с населением от 10 млн. чел. и выше, а также три города, приближающиеся к данному порогу). Как показывает *таблица*, девять крупнейших мегаполисов из 292-х городов Китая формируют 1/5 национального производства и треть экспортного потенциала страны. Среди них выделяются упомянутые выше четыре крупнейшие восточные агломерации – Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Гуанчжоу, которые, занимая вме-

сте 0,45% всех площадей и располагая 3,4% трудовых ресурсов, производят 12,2% валового внутреннего продукта страны и формируют внешнеэкономический потенциал на уровне 27,3% от общекитайского. По данным списка Forbes «The World's Biggest Public Companies», в 2011 г. 26 китайских компаний вошли в список 500 крупнейших компаний мира, и все эти компании основаны в указанных провинциях [18, с. 18].

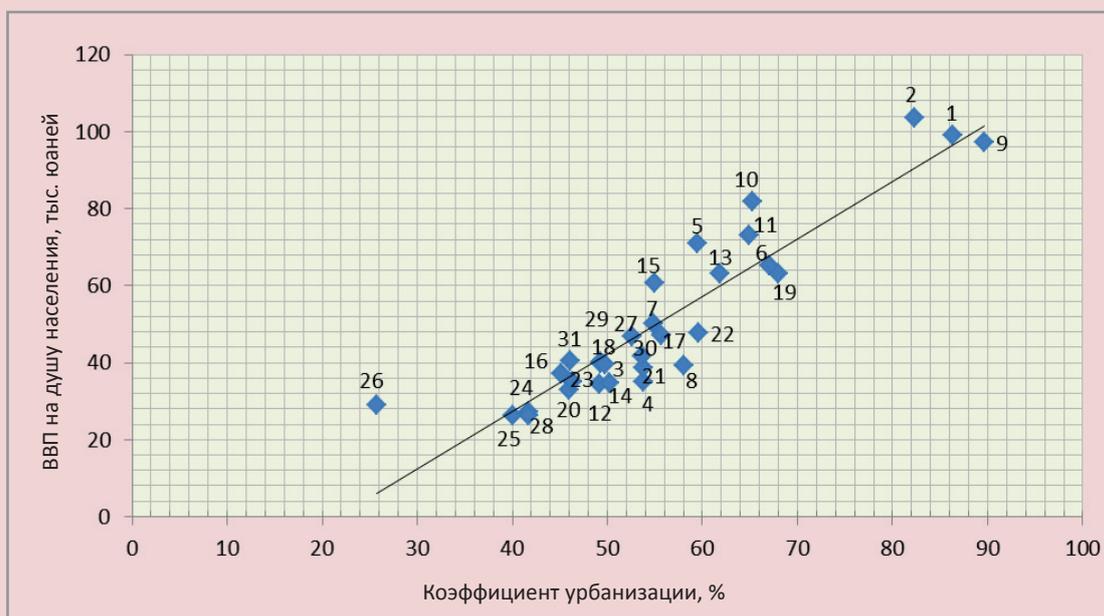
Рисунок 3, построенный на основе данных за 2014 г. по провинциям, показывает прямую и достаточно тесную связь (коэффициент детерминации 0,84) между долей городского населения и объемом ВВП на душу населения: чем выше коэффициент урбанизации, тем более эффективно используется человеческий капитал на территории. Примечательно, что в левом нижнем углу графика сосредоточены показатели западных и центральных провинций, таких как Тибет, Юньнань, Ганьсу, Гуйчжоу, что говорит о сравнительно низком потенциале накопления в них человеческого капитала и большой вероятности «утечки рабочих рук» и «утечки мозгов» в пользу провинций, расположенных на графике выше и/или правее.

Таблица 6. Некоторые социально-экономические показатели крупнейших городов Китая, ранжированных по численности населения, 2014 г.

Город (провинция)	Численность населения		Валовой региональный продукт		ВВП на душу населения		Объем экспортно-импортных операций		Средняя зарплата рабочих и служащих	
	млн. чел.	доля в общей численности населения Китая, %	млрд. юаней	доля в ВВП Китая, %	тыс. юаней	превышение над средне-китайским уровнем, раз	млн. долл.	доля в ВЭД Китая, %	юаней	превышение над средне-китайским уровнем, раз
Чунцин (ГЦП*)	33,75	2,5	1 426	2,2	42,3	0,91	95 450	2,2	56 851	0,99
Шанхай (ГЦП)	14,39	1,1	2 357	3,7	163,8	3,52	466 622	10,8	92 190	1,61
Пекин (ГЦП)	13,33	1,0	2 133	3,4	160,0	3,44	415 538	9,7	103 400	1,80
Чэндзу (Сычуань)	12,11	0,9	1 006	1,6	83,0	1,79	55 844	1,3	63 201	1,10
Шицзячжуан (Хэбэй)	10,25	0,7	517	0,8	50,4	1,08	14 400	0,3	48 282	0,84
Тяньцзинь (ГЦП)	10,17	0,7	1 573	2,5	154,6	3,33	160 847	3,7	76 921	1,34
Харбин (Хэйлунцзян)	9,87	0,7	534	0,8	54,1	1,16	6 808	0,2	51 554	0,90
Шэньчжоу (Хэбэй)	9,38	0,7	678	1,1	72,2	1,55	46 431	1,1	49 756	0,87
Гуанчжоу (Гуандун)	8,42	0,6	1 671	2,6	198,4	4,27	130 590	3,0	74 246	1,29
Всего указанные города	121,67	8,9	11 894	18,7	97,8	2,10	1 392 530	32,4	68 489	1,19

* ГЦП – город центрального подчинения. Рассчитано по: Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/index.htm>.

Рисунок 3. Взаимосвязь между уровнем урбанизации и объемом ВВП на душу населения в Китае, 2014 г.

№	Провинции	8	Хэйлунцзян	16	Хэнань	24	Гуйчжоу
1	Пекин	9	Шанхай	17	Хубей	25	Юньнань
2	Тяньцзинь	10	Цзянсу	18	Хунань	26	Тибет
3	Хэбей	11	Чжецзян	19	Гуандун	27	Шэньси
4	Шаньси	12	Аньхой	20	Гуанси	28	Ганьсу
5	Внутренняя Монголия	13	Фуцзянь	21	Хайнань	29	Цинхай
6	Ляонин	14	Цзянси	22	Чунцин	30	Нинся
7	Цзилинь	15	Шаньдун	23	Сычуань	31	Синьцзян

Составлено по: Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>

Таким образом, урбанизация как процесс концентрации человеческих ресурсов в городах выступает важным фактором повышения производительности труда и роста эффективности китайской экономики в целом. Несмотря на активное развитие средних и малых городов, в ближайшем будущем человеческие ресурсы Китая по-прежнему будут распределяться по его территории неравномерно, тяготея к крупным центрам экспортоориентированного производства в восточных регионах. В среднесрочной перспективе, по мере стабилизации численности населения и повышения качества жизни, вероятно передислокация

людей в пользу центральных регионов и сосредоточение их в городах с умеренной для Китая численностью населения (от 1 млн. до 8 млн. чел.).

Проведенное исследование показало, что на сегодняшний день Китай обладает достаточным количеством и вполне благоприятной структурой человеческих ресурсов, сформированными в прошлом – в период 1980–2015 гг. Однако текущие тенденции отражают возникновение и усугубление проблем, которые могут негативно повлиять как на формирование человеческого капитала, так и на дальнейшее экономическое развитие Китая (табл. 7).

Таблица 7. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов в Китае

Показатель	Значение	Текущие тенденции
Численность населения, млн. чел.	1376 млн. чел.	<ul style="list-style-type: none"> • Рост численности населения до 2030 г.
Естественный прирост населения, %	0,48	<ul style="list-style-type: none"> • Снижение темпов естественного прироста (с 1970-х гг.)
Численность трудоспособного населения, млн. чел.	1004	<ul style="list-style-type: none"> • Сокращение численности населения трудоспособного возраста (с 2013 г.) и молодежи трудоспособного (с 1982 г.); • рост численности пожилого населения (с 1982 г.)
Доля трудоспособного населения (2014 г.), %	73,9	<ul style="list-style-type: none"> • Снижение доли трудоспособного населения с 2010 г. за счет роста доли пожилого населения
Уровень демографической нагрузки (2014 г.), %	36,2	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение демографической нагрузки с 2010 г. за счет роста уровня иждивенчества пожилыми
Уровень урбанизации (2014 г.), %	54,8	<ul style="list-style-type: none"> • Устойчивый рост доли городского населения, рост числа городов, формирование агломераций (с 1970-х гг.); • превышение миграционного прироста городского населения над естественным (с 1980-х гг.); • повышение производительности труда в городах, рост ВРП на душу населения (с 1980-х гг.)
Экономико-географическая структура трудоспособного населения	42% населения сосредоточено в 11 приморских провинциях; 9% населения страны проживают в 9 крупнейших городах	<ul style="list-style-type: none"> • Активизация и рост внутренних миграционных потоков из центральных и западных регионов в восточные (1990–2010 гг.); • исчерпание потенциала внутренней миграции и формирование устойчивой неравномерной пространственной структуры человеческих ресурсов (2010-е гг.); • развитие средних и малых городов, тенденция к более равномерному распределению человеческого капитала (к 2020 г. и далее)

Следует отметить, что тенденции демографического развития и развития урбанизации конца XX – начала XXI в. были в полной мере использованы Китаем для достижения впечатляющих успехов в экономическом развитии. В будущем для удержания лидерских позиций в мировой

экономике и обеспечения дальнейшего устойчивого экономического роста стране придется принять ряд серьезных мер, связанных с сохранением и развитием человеческого капитала, что потребует принципиально новых для Китая подходов к управлению человеческими ресурсами.

Литература

1. Андреев, Е. Удвоение Китая: чем обернется отмена правила «Одна семья – один ребенок» / Е. Андреев // Информационный портал РБК России. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/society/11/11/2015/>.
2. Власти Китая отменяют политику «Одна семья – один ребенок» // Официальный сайт Информационного агентства России. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2388807>.
3. Гао, Фэн. Совершенствование системы управления человеческими ресурсами Китайской Народной Республики как фактора достижения устойчивого развития: дис... канд. экон. наук. – Москва: РУДН, 2016.

4. Доклад Цзян Цзэмина на 16-м Всекитайском съезде КПК (вторая часть) [Электронный ресурс] // Газета «Жэньминь Жибао» on-line на русском языке. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/zhuanti/partycongress/bao2.html>.
5. Егоршин, А.П. Основы управления персоналом: учебное пособие / А.П. Егоршин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 352 с.
6. Жуджунь, Дин. Феномен экономического развития Китая: научное издание / Жуджунь Дин, М.М. Ковалев, В.В. Новик. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – 446 с.
7. Изотов, Д.А. Демографические вызовы для экономики КНР / Д.А. Изотов, Е.Л. Мотрич // Россия и АТР. – 2014. – № 3(85). – С. 61-83.
8. Киреев, А.А. Демографическое измерение китайских реформ / А.А. Киреев // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2016. – № 17. – С. 18-21.
9. Корчагин, Ю.А. Человеческий капитал как фактор развития: доклад в ВШЭ / Ю.А. Корчагин. – Материалы научного семинара «Человеческий капитал как междисциплинарная область исследования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=35>.
10. Ларионов, А.В. Демографический вызов современному развитию Китая: проблемы и перспективы / А.В. Ларионов, Е.Н. Чиркова, А.В. Ларионов // Вестник Института экономики РАН. – 2015. – № 5. – С. 182-196.
11. Мировая демографическая ситуация, 2014 год: Доклад ООН // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf>.
12. Официальный сайт Всемирного банка. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/country/china>.
13. Синь, Ю. Проблемы народонаселения в Китае: до и после / Синь Ю. // Обзор текущих событий. – 2012. – № 5. – С. 53-54.
14. Си Цзиньпин призвал содействовать процессу урбанизации с китайской спецификой // Интернет-телевидение Китая (CNTV). – Режим доступа: <http://www.cntv.ru/2016/02/24/ART11IdNLajeR3YP4G5mLj81160224.shtml>.
15. Статистический ежегодник Китая 2015 г. // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>.
16. У, Фэнган. Исследование устойчивого развития процесса урбанизации в Китае / У Фэнган // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4. – С. 165-170.
17. Ху, Аньган. Подъем современного Китая. Всеобъемлющая национальная мощь и великая стратегия [Электронный ресурс] / Ху Аньган, Мен Хонгуа // Альманах «Восток» о ситуации в России. – 2007. – Вып. 2(43). – Сент. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1195.htm.
18. Чи, Сюй. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала / Чи Сюй, Л.Н. Жилина // Территория новых возможностей: вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – №1. – С. 14-21.
19. Чжочао, Ю. Демографические факторы социально-экономического развития Китая / Чжочао Ю. // Экономическая теория. – 2014. – Т.11. – №1. – С. 85-91.

Сведения об авторах

Елена Викторовна Красова – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса и финансов, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1506, elena_krasova@rambler.ru)

Ян Синьсю (Yang Xin Xiu) – студент, студент магистерской программы «Международная экономика» направления «Экономика», Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1506, 1305842663@qq.com)

Krasova E.V., Yang Xin Xiu

Modern Trends in the Formation of Human Resources as a Factor in Sustainable Development of China's Economy

Elena Viktorovna Krasova – Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Chair of International Business and Finance, Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogol Street, office 1506, Vladivostok, 690014, Russian Federation, elena_krasova@rambler.ru)

Yang Xin Xiu – Master's degree student in International Economics, Economics specialty, Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogol Street, office 1506, Vladivostok, 690014, Russian Federation, 1305842663@qq.com)

Abstract. The processes of human resources formation and development are among the topical areas of research on the growth of national economies. China, like other developing countries, is building an innovation economy, and considers its national human capital as a key factor in its further growth. China has the greatest amount of human resources among all countries of the world, which largely ensures its success in the global economy; however, birth control policy and other factors led to the emergence of several issues that may have a significant impact on the formation of human capital and further economic growth of the country. The purpose of the present study is to reveal modern trends in the formation of human resources of China by considering the demographic, urban and economic aspects. The paper defines the concept of national human resources, substantiates the urgency of a comprehensive research into the accumulation of human potential in a populous country such as China. The authors consider population dynamics in China, including able-bodied population, analyze the age structure of population, level of dependency, level of urbanization and specifics of spatial distribution of the population. Particular emphasis is placed on the problem of reduction in the share of working-age population, assessment of the role of internal migration flows in the formation of human capital in cities, assessment of the total economic effect of urbanization, analysis of the uneven spatial distribution of human resources of China and its impact on the volume of production in regions. Several key indicators are presented in the context of major Chinese cities or provinces.

Key words: human resources, human resources in China, human capital in China, economic development of China, demographic development of China, Chinese urbanization, GDP of China, economy of China's provinces.

References

1. Andreev E. Udvoenie Kitaya: chem obernetsya otmena pravila "Odna sem'ya – odin rebenok" [Doubling of China: what will become of the abolition of the "one child" policy]. *Informatsionnyi portal RBK Rossii* [Information portal RBC Russia]. Available at: <http://www.rbc.ru/opinions/society/11/11/2015/>. [in Russian].
2. Vlasti Kitaya otmenyayut politiku "Odna sem'ya – odin rebenok" [Chinese authorities abolish the "one child" policy]. *Ofitsial'nyi sait Informatsionnogo agentstva Rossii* [Official website of the Information Agency of Russia]. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2388807>. [in Russian].
3. Gao Feng. *Sovershenstvovanie sistemy upravleniya chelovecheskimi resursami Kitaiskoi Narodnoi Respubliki kak faktora dostizheniya ustoichivogo razvitiya: dis... kand. ekon. nauk* [Improving the system of human resources management in the People's Republic of China as a factor in sustainable development: Ph.D. in Economics dissertation]. Moscow: RUDN, 2016. [in Russian].

4. Doklad Tszyan Tszeminya na 16-m Vsekitaiskom s"ezde KPK (vtoraya chast') [Report of Jiang Zemin at the 16th National Congress of the CPC (the second part)]. *Gazeta "Zhen'min' Zhibao" on-line na russkom yazyke* [Newspaper "Renmin Zhibao" online in Russian]. Available at: <http://russian.people.com.cn//zhuanti/partycongress/bao2.html>. [in Russian].
5. Egorshin A.P. *Osnovy upravleniya personalom: uchebnoe posobie* [Fundamentals of personnel management: textbook]. 4th edition, revised and supplemented. Moscow: NITs INFRA-M, 2015. 352 p. [in Russian].
6. Din Ru Run, Kovalev M.M., Novik V.V. Fenomen ekonomicheskogo razvitiya Kitaya: nauchnoe izdanie [Phenomenon of economic development of China: scientific publication]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU, 2008. 446 p. [in Russian].
7. Izotov D.A., Motrich E.L. Demograficheskie vyzovy dlya ekonomiki KNR [Demographic challenges for China's economy]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia Pacific], 2014, vol. 85, no. 3, pp. 61-83. [in Russian].
8. Kireev A.A. Demograficheskoe izmerenie kitaiskikh reform [Demographic dimension of China's reforms]. *Rossiya i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya: sbornik Vostochnogo tsentra* [Russia and China: problems of strategic interaction: the collection of the Eastern Center], 2016, no. 17, pp. 18-21. [in Russian].
9. Korchagin Yu.A. Chelovecheskii kapital kak faktor razvitiya: doklad v VShE [Human capital as development factor: a report at the HSE]. *Materialy nauchnogo seminara "Chelovecheskii kapital kak mezhdistsiplinarnaya oblast' issledovaniya"* [Materials of the scientific seminar "Human capital as an interdisciplinary area of research"]. Available at: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=35>. [in Russian].
10. Larionov A.V., Chirkova E.N., Larionov A.V. Demograficheskii vyzov sovremennomu razvitiyu Kitaya: problemy i perspektivy [Demographic challenge to the development of modern China: problems and prospects]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics, RAS], 2015, no. 5, pp. 182-196. [in Russian].
11. Mirovaya demograficheskaya situatsiya, 2014 god: Doklad OON [The World Population Situation in 2014: A Concise Report]. *Ofitsial'nyi sait Organizatsii Ob"edinennykh Natsii* [Official website of the UN]. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/.pdf>.
12. *Ofitsial'nyi sait Vsemirnogo banka* [Official website of the World Bank]. Available at: <http://data.worldbank.org/country/china>.
13. Xin You. Problemy narodonaseleniya v Kitae: do i posle [Population issues in China: before and after]. *Obzor tekushchikh sobytii* [Review of current events], 2012, no. 5, pp. 53-54.
14. Si Tszin'pin prizval sodeistvovat' protsessu urbanizatsii s kitaiskoi spetsifikoi [Xi Jinping encouraged the process of urbanization with Chinese characteristics]. *Internet-televidenie Kitaya (CNTV)* [Online Chinese television (CNTV)]. Available at: <http://www.cntv.ru/2016/02/24/ARTI11dNLajeR3YP4G5mLj81160224.shtml>.
15. Statisticheskii ezhegodnik Kitaya 2015 g. [Statistical yearbook of China 2015]. *Ofitsial'nyi sait Natsional'nogo statisticheskogo byuro Kitaya* [Official website of the National Bureau of Statistics of China]. Available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2015/indexeh.htm>.
16. Wu Fenggang. Issledovanie ustoichivogo razvitiya protsessa urbanizatsii v Kitae [Research on the sustainable development of China's urbanization]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 4, pp. 165-170. [in Russian].
17. Hu Angang, Mien Huongua. Pod'em sovremennogo Kitaya. Vseob'emlyushchaya natsional'naya moshch' i velikaya strategiya [The rise of modern China. Comprehensive national power and the grand strategy]. *Al'manakh "Vostok" o situatsii v Rossii* [Almanac "The East" about the situation in Russia], 2007, vol. 43, no. 2, September. Available at: http://www.situation.ru/app/j_art_1195.htm. [in Russian].
18. Chi Xu, Zhilina L.N. Politika i strategii KNR v otnoshenii vyvoza kapitala [Policies and strategies of China in respect of export of capital]. *Territoriya novykh vozmozhnostei: vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory new opportunities: Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service], 2012, no. 1, pp. 14-21. [in Russian].
19. Zhuochao You. Demograficheskie faktory sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kitaya [Demographic factors in the socio-economic development of China]. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory], 2014, vol.11, no. 1, pp. 85-91. [in Russian].

Развитие международного туризма в провинции Цзянси в рамках стратегии «Один пояс и один путь»

Го Сяоцин

Центр международного обмена и сотрудничества
 Академия общественных наук провинции Цзянси
 Китай

Аннотация. В последние годы в связи со стремительной глобализацией и развитием науки и технологий укрепляются отношения между странами во всем мире, международный туризм становится все более востребованным и постепенно превращается в один из важных источников доходов. В 2013 году Китай разработал новую стратегию «Один пояс и один путь» (Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века). Провинция Цзянси планирует использовать в полной мере свои преимущества в рамках данной программы и сотрудничать с соседними провинциями и городами для того, чтобы стать активным участником международного туристического рынка. Будучи национальным стратегическим столпом развития промышленности туризм играет важную роль в улучшении региональной промышленной структуры. Он способствует развитию городской экономики, поскольку обладает такими признаками, как тесная интеграция, высокая интерактивность и широкое распространение. В сентябре и октябре 2013 года Председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в страны Центральной и Восточной Азии высказал идею создания Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, объединенных в стратегию «Один пояс и один путь». Экономический пояс Шелкового пути объединяет субъекты хозяйствования Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии в целях открытия окна в Европу. Морской Шелковый путь XXI века направлен на объединение Европы, Азии и Африки с целью формирования единого экономического пояса. Основанная на постоянном углублении экономической интеграции стратегия «Один пояс и один путь» имеет стратегическое значение для модернизации промышленности и ускорения трансформации модели экономического роста с целью получения участниками взаимной выгоды и для совместного развития на международном уровне.

Ключевые слова: провинция Цзянси, международный туризм, конкурентные преимущества, стратегия реализации потенциала.

1. Исторический статус и выдающийся вклад провинции Цзянси в развитие стратегии «Один пояс и один путь»

2100 лет назад Чжан Цянь был направлен с дипломатической миссией в западные регионы, 600 лет назад Чжэн Хэ совершал поездки в западные моря. Они вывозили шелк, чай, керамику и другие товары из Китая в страны, лежавшие вдоль сухопутного и морского Шелкового пути. Благодаря своему дружескому настрою они везде работали хорошую репутацию. Провинция Цзянси внесла значительный вклад в формирование и развитие сухопутных и морских дорог Шелкового пути. Керамика и чай, произведенные в провинции, вышли на мировой рынок, и мир начал знакомство с Китаем именно с этой продукции.

Исторически провинция Цзянси – важный транспортный коридор между югом и севером Китая. С середины правления династии Тан до начала правления династии Цин водный путь «река Янцзы – река Ганьцзян – река Бэйцзян – река Чжуцзян» всегда был главной национальной артерией, соединяющей юг и север. Занимая одну четверть артерии, провинция Цзянси стала ее стержнем, знаменитым Золотым водным путем. Огромное количество товаров постоянно доставлялось из провинции Цзянси в другие страны мира по сухопутному и морскому Шелковому пути.

2. Региональное первенство провинции Цзянси в международном туризме в рамках стратегии «Один пояс и один путь»

В настоящее время провинция Цзянси использует предлагаемые возможности участия в реализации стратегии «Один пояс и один путь», а также способствует модернизации сферы туризма в целях содействия культурному обмену между востоком и западом. В мае 2015 года пра-

вительство провинции одобрило *проекты по её участию в строительстве Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века*. Заместитель главы Комитета по развитию и реформированию провинции Цзянси Цзэн Гуанмин сказал: «Будучи слаборазвитым районом центрального Китая, провинция Цзянси должна использовать этот уникальный шанс, чтобы преобразить свою историческую славу и возможность исторического развития для того, чтобы поддержать реализацию национальной стратегии «Один пояс и один путь».

Таблица 1 показывает, что в туристическом потреблении высока доля покупок, в то время как доля развлечений, почтовых и телекоммуникационных услуг очень низкая и ее развитие замедленно. Валютная выручка приходится как раз на продажи. Доля перевозок очень высока – выше 50% основного потребления, однако доля жилья, питания и экскурсий – низкая. Таким образом, можно сделать вывод, что потребительские расходы туристов в провинции Цзянси приходятся в основном на проезд и покупки; расходы на размещение и общественное питание ничтожно малы по сравнению с аналогичными расходами развитых туристических городов, таких как Шанхай и др. Это объясняется в основном тем фактом, что большинство туристов приезжают на один день; что ограниченное время пребывания в провинции затрачивается на перемещение по территории, а не путешествие по ней. Низкий уровень потребления и ненаучная структура потребления сильно влияют на структуру туристского потребления. Следовательно, мы видим, что уровень въездного туризма в провинции Цзянси на самом деле низок.

Таблица 1. Доходы от международного туризма провинции Цзянси (10000 долларов США)

Пункт	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	34630	41500	48473	52508	55687
Перевозки на большие расстояния	11324	14899	15463	16803	18042
Гражданская авиация	7792	9296	7659	8926	10970
Железнодорожный транспорт	1420	2241	4266	3623	4065
Автомобильный транспорт	1281	2490	2472	2888	1838
Водный транспорт	831	872	1066	1365	1169
Осмотр достопримечательностей	1281	1992	3296	3255	3230
Предоставление жилья	3498	3984	4460	5828	5624
Еда и напитки	3047	2532	2908	4201	4344
Развлечение	2009	1411	2521	2363	2951
Шопинг	9281	12409	13427	13705	16316
Почтовые услуги и услуги связи	623	871	969	1470	1225
Местные перевозки	693	705	921	1050	1281
Прочее	2874	2697	4508	3833	2673
Источник: the Jiangxi Statistical Yearbook, 2015.					

3. Экологические преимущества провинции Цзянси в развитии международного туризма

Председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в восточную часть Цзянси в феврале 2016 высказался о необходимости изменения концепции развития местного самоуправления. Он призвал местные власти сохранять окружающую среду и поддерживать баланс между экономическим ростом и потреблением. Концепции развития, которые должны приспособиваться к изменяющейся среде и условиям, будут определять модель развития и применяемые меры. Председатель подчеркнул важность учета экологического развития в новой концепции: «Цзянси — это место с прекрасным пейзажем. Необходимо защищать окружающую среду, которая является наиболее важным активом Цзянси».

Отметив несколько раз большое значение экологического развития и живописного пейзажа провинции, он сказал: «Что привлекает мир, так это неторопливость горного комплекса Лушань, грациозность горы Саньциншань и великолепие Лунху-

шань, которые заставляют 45-миллионное население провинции Цзянси смотреть в будущее с энтузиазмом».

Эта территория с красивыми горами и чистой водой обладает отличной экологической обстановкой. Показатель качества воздушной среды достигает 90,1%, а показатель качества поверхностных вод — 81,4%. Качество экологической среды занимает высокое место в национальном рейтинге. В провинции много прекрасных ландшафтов природы: 2 объекта Всемирного природного наследия (горы Лушань и Саньциншань), 2 мировых геопарка (горы Лушань и Лунхушань), 8 национальных природных заповедников, 11 национальных живописных районов и 39 национальных лесопарков. Покрытие лесами в провинции Цзянси составляет 60,05%.

Таблица 2 показывает, что основной туристский поток в провинцию приходится на Японию, США, Корею, Великобританию, Германию, Францию, Сингапур, Гонконг, Макао и Тайвань. Правительство Цзянси и каждый административный отдел должны уделять больше внимания развитию въездного туризма; предоставлять

Таблица 2. Количество зарубежных туристов в провинции Цзянси*

Пункт	2000	2005	2010	2013	2014
Количество зарубежных туристов (человеко-часы)	163057	372513	1140792	1636100	1716759
Иностранцы	55411	136270	399449	531533	549175
Индонезия	239	1982	12251	15585	11641
Япония	12282	23945	34956	23716	17971
Малазия	1256	3639	12113	16766	12481
Филиппины	270	1794	8320	12787	9906
Сингапур	2018	8271	20249	25612	20228
Республика Корея	1183	10809	36240	43872	40078
Тайланд	2559	1716	4271	7168	8424
Великобритания	2966	11543	21613	30324	23531
Германия	3080	5943	21689	28492	20426
Франция	1212	6488	15299	23702	21343
Италия	464	3320	9132	13384	14938
Испания	195	3757	5551	7745	8009
Швеция	195	1131	6705	9368	10187
Швейцария	236	364	6748	10822	11124
Россия	419	2329	16502	22544	17726
Канада	1069	4380	10886	14276	19560
США	11997	27235	52339	67676	44831
Австралия	640	4622	11888	15729	15321
Новая Зеландия	164	1486	2911	4669	12087
Китайские соотечественники из Гонконга и Макао	69375	154885	534537	808708	862927
Китайские соотечественники из Тайваня	38271	81358	206806	295859	304657
Валютные поступления от международного туризма (10000 долларов США)	6234	10395	34630	52508	55687
* Зарубежные китайцы включены в число иностранцев. Источник: Jiangxi Statistical Yearbook, 2015.					

определенные льготные условия для путешествующих по провинции; создать хорошую атмосферу для въездного туризма; постоянно развивать новые рынки, такие как Америка, Европа, развивающиеся страны Юго-Восточной и Южной Азии; снизить зависимость традиционного рынка; поощрять спрос.

4. Культурные преимущества провинции Цзянси в развитии международного туризма

Провинция Цзянси исторически известна как прекрасное место с богатыми ресурсами и выдающимися людьми. Ее культурное богатство представляет преимущество развивающейся туристической культуры. На этой территории находятся

объекты Всемирного культурного наследия, 3 знаменитых национальных исторических и культурных города, 95 национальных культурных реликвий, расположенных в 24 местах, 258 провинциальных культурных реликвий. Столица керамики в городе Цзиндэчжэнь, знаменитая постройка Терем Тэнван, даосские храмы в горах Лунхушань, Академия Байлудун и медицинские центры в городе Чжаншу характеризуются глубокой культурой и длительной историей. Культуры Линьчуань, Лулин и Хакка в провинции Цзянси имеют сильные региональные оттенки и неповторимый шарм, которые производят большое впечатление на туристов со всего мира.

В провинции из поколения в поколение рождаются талантливые люди, например реформатор XI века Ван Аньши, три из восьми мастеров прозы династий Тан и Сун — Оуян Сю, Цзэн Гун и Ван Аньши, представитель неоконфуцианства Чжу Си, «китайский Шекспир» Тан Сяньцзу, национальный герой Вэнь Тяньсян, известный ученый Сун Инсин и «Отец китайских железных дорог» Цзань Тянью. Они, как звезды, сияют в культурной истории провинции.

История изготовления фарфора в провинции Цзянси насчитывает 200 лет. Это не просто изготовление керамики, а культурное достижение с невероятно изысканными технологиями производства фарфора с высоким художественным наполнением: фарфор «белый, как нефрит, яркий, как зеркало, тонкий, как бумага, и звонкий, как валун (камень)». Будучи историческим местом производства фарфора, провинция Цзянси стала национальным центром керамики и постепенно приобретает статус «столицы керамики» Китая и даже всего мира.

В 2015 году археологические раскопки кладбища Маркиза Хайхунь Западной династии Хань в городе Наньчан (столица провинции Цзянси) стали важным событием в национальной археологии. Более 20 тысяч видов культурных реликвий были обнаружены на кладбище, которое по оценке Государственного бюро культурных реликвий и других специалистов считается местом археологических раскопок с наиболее хорошо сохранившимися разнообразными реликвиями, наиболее полной внутренней структурой кладбища и его характерным расположением в населенном пункте относительно города, стены и рва. С учетом значимости, условий и ценности кладбища было решено признать его объ-

ектом мирового культурного наследия и построить научную археологическую базу. Одна из целей 13-й пятилетки провинции Цзянси — стать «значимой культурной провинцией». В дальнейшем будут выполнены условия для включения кладбища Маркиза Хайхунь Западной династии Хань в окрестностях города Наньчан в культурное наследие мира и его открытия для посещения.

5. Особые преимущества провинции Цзянси в развитии международного туризма

(1) Красный туризм

Провинция Цзянси — территория, известная своими революционными событиями. «Колыбель Китайской революции» в горах Цзинган, «Родина Китайской Народной армии» — город-Наньчан, «Колыбель республики» — город Жуйцзинь, «Место рождения китайского рабочего движения» — район Аньюань городского округа Пинсян могут быть положены в основу революционного идеологического воспитания в наши дни и сыграть важную роль в новейшей истории Китая и даже мира.

(2) Специальные туристические сувениры

Исследование показало, что наиболее привлекательные туристические товары — это сувениры с местным колоритом, связанные с культурными реликвиями, каллиграфией и живописью, а также традиционные китайские медицинские товары, фарфор и др. В провинции Цзянси достаточное количество популярных сувениров, таких как керамические изделия в городе Цзиндэчжэнь, чай с округа Уюань, чай юнь с гор Лушань, традиционные медицинские препараты в городе Чжаншу, кисточки для письма в городе Вэньган и др. Что необходимо сделать — это составить общий план, приложить совместные усилия, увеличить масштаб производства и раскручивать бренды на национальном и даже мировом уровне.

В таблице 3 приведен ежегодный рост объемов въездного туризма в провинции Цзянси. Такая тенденция сохраняется, и валютные поступления от данной сферы постоянно растут.

6. Возможности и проблемы китайской торговли в сфере туристического обслуживания в рамках стратегии «Один пояс и один путь»

(1) Открытие Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) создает важные каналы финансирования округов, расположенных вдоль территории, реализующей стратегию «Один пояс и один путь»

24 октября 2014 года Китай объявил о создании Азиатского банка инфраструктур-

турных инвестиций (АБИИ) с целью финансовой поддержки строительства инфраструктуры округов, расположенных вдоль территории, реализующей стратегию «Один пояс и один путь», и развития туризма.

(2) Стратегия «Один пояс и один путь» – платформа для развития туристической сферы

Стратегия «Один пояс и один путь», соединяющая Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию с Европой и Африкой, предоставляет огромные возможности для развития экономики и торговли. Используя этот потенциал, Китай сможет стать туристической страной, разносторонней и открытой.

Таблица 3. Развитие туризма в провинции Цзянси

Год	Общий доход от туризма, 100 млн. юаней	В процентах от общего объема национальных поступлений от туризма	В процентах от ВВП провинции	В процентах от ВВП третичного сектора провинции
1991	4,30	1,23	0,90	3,04
1992	4,81	1,03	0,84	2,79
1993	5,31	0,47	0,73	2,47
1994	6,33	0,38	0,67	2,14
1995	8,39	0,40	0,67	2,14
1996	50,15	2,02	3,31	10,27
1997	79,35	2,55	4,63	13,64
1998	81,64	2,37	4,41	12,35
1999	111,29	2,78	5,67	15,03
2000	134,6	2,98	6,72	16,47
2001	161,4	3,23	7,42	18,31
2002	191,1	3,43	7,80	19,85
2003	197,47	4,04	6,98	18,93
2004	240,81	3,52	6,97	19,65
2005	320,02	4,16	7,89	22,67
2006	390,89	4,37	8,37	25,00
2007	463,67	4,23	8,43	26,44
2008	559,38	4,83	8,63	27,90
2009	675,61	5,20	8,83	25,62
2010	818,32	5,21	8,66	26,22
2011	1105,93	4,92	9,45	28,20
2012	1402,59	5,42	10,83	31,27
2013	1896,06	6,43	13,22	37,69
2014	2649,70	8,15	16,86	45,82

Источник: Jiangxi Statistical Yearbook 2015.

(3) Стратегия «Один пояс и один путь» предоставляет возможности для превращения Китая в лидера в сфере услуг

Сегодня в международной торговле складываются новые правила. Благодаря стратегии «Один пояс и один путь» Китай сможет предложить новые торговые правила в международной сфере услуг, в том числе и туристическом сервисе, что в значительной степени ускорит развитие туризма.

(4) Реализация стратегии «Один пояс и один путь» сталкивается с препятствиями и проблемами обеспечения безопасности

Округа, реализующие стратегию «Один пояс и один путь», расположены в основном в Центральной и Южной Азии. В них различны политические и экономические системы, уровень развития экономики, а также идеологии и культуры. Торговые барьеры и отсталая система транспорта и связи мешают развитию международного туризма.

7. Современное состояние и проблемы туристического сектора в провинции Цзянси

(1) Структура туристского потребления не обоснована

Хотя провинция Цзянси богата туристическими ресурсами, эта сфера характеризуется низкой добавленной стоимостью: потребление развлечений и культуры недостаточно, туристическое производство несовершенно. Въездной и внутренний туризм остаются на уровне удовлетворения туристских потребностей.

(2) Количество предоставляемых услуг необходимо повышать

По строительству объектов инфраструктуры провинция Цзянси отстает от развитых провинций и городов.

(3) Туристические законы и правила несовершенны

Несовершенство законов и нормативных актов приводит к тому, что безопас-

ность человека и сохранность имущества туристов не защищены надлежащим образом.

(4) Моральные качества некоторых местных потребителей невысоки

Дома и за рубежом неподобающее поведение местных потребителей искажает представление о китайском народе и вредит имиджу Китая как туристической страны.

(5) Многие живописные места развиты и могут принимать туристов, но недостаточно охраняются

(6) Рекламные и маркетинговые методы несовременны, а общий уровень маркетинга относительно низкий

8. Модель развития международного туристического сервиса в провинции Цзянси на основе стратегии «Один пояс и один путь»

(1) Углубить реформу структуры туристского потребления

В основном в структуру туристского продукта провинции Цзянси входят экскурсии. Уровень предоставляемого сервиса отстает от современного, а конкурентоспособность китайского туристического сектора на международном рынке – низкая. Чтобы отвечать международным потребностям рынка, необходимо разработать многоуровневые и многоплановые туристические продукты, использовать развлекательный и культурный потенциал – только в таком случае можно ускорить модернизацию структуры туризма в провинции Цзянси.

(2) Уделять больше внимания улучшению условий туристского потребления

Необходимо создавать и совершенствовать стандарты туристических продуктов и услуг; стандартизировать оказание услуг в сфере туризма; повышать уровень управления и обслуживания в отелях, ресторанах, туристических агентствах и др. Важно также активно бороться с проблемами

на туристическом рынке, такими как ложная реклама, мошенничество в стоимости предоставляемых услуг, жесткая конкуренция с супернизкими ценами, незаконные однодневные туры и т.д. Кроме того, разумно решить следующие задачи: усовершенствование механизма удовлетворения жалоб туристов и отслеживания качества предоставляемых услуг; углубление реформы формирования цен на входной билет; совершенствование ценового механизма; стандартизация поведения цен; поощрение цивилизованного поведения туристов; активное привлечение волонтеров в туристический сектор.

(3) Усовершенствовать законы и правила в сфере туризма

Только постоянно совершенствуя законы и правила, возможно повысить качество обслуживания и создать хорошие условия для развития туризма.

(4) Повышать качество предоставляемых услуг на туристических объектах в провинции Цзянси путем создания общих стандартов для сферы услуг

В первую очередь требуется повысить стандарты качества в сфере туризма до уровня, отвечающего международным конвенциям, и обеспечить стандартизированный контроль качества туристических услуг. Следует обеспечить первоклассное обслуживание туристов на основе лично-ориентированного подхода. В то же время необходимо повышение профессионализма руководителей туристских предприятий и формирование группы высших руководителей, которые обладают международной квалификацией и знакомы с международными правилами, законами и схемой функционирования туристской отрасли. Кроме того, нужно повысить уровень подготовки работников в сфере туризма в соответствии с потребностями данного сектора.

(5) Активно разрабатывать бренды провинции Цзянси

При разработке брендов культурного и экологического туризма необходимо развивать в провинции преимущества политики открытости и сотрудничества. При этом целесообразно реализовать следующие мероприятия: запустить туристический маршрут в рамках концепции Шелкового пути; активно осуществлять стратегию «Развитие провинции Цзянси на основе туризма»; способствовать облагораживанию таких известных туристических мест, как город Цзиндэчжэнь, горный комплекс Лушань, гора Сяньциншань, горы Лунхушань, Цзинган и округ Уюань и т.д.; открыть международное экотуристическое направление; активизировать туристическую пропаганду через сотрудничество со странами, расположенными вдоль территории, реализующей стратегию «Один пояс и один путь»; активно рекламировать бренд «Пейзаж провинции Цзянси ни с чем несравним» для роста популярности международного туризма в провинции; объединить смежные провинции для рекламы туристических маршрутов Шелкового пути.

(6) Поощрять строительство аэропортов, обслуживающих местные авиалинии

Акцентируя внимание на ключевых национальных туристических маршрутах и нуждающихся районах, необходимо вновь построить, перестроить или расширить аэропорты, обслуживающие местные авиалинии; мотивировать компании предлагать бюджетные и чартерные рейсы; активно использовать туристический рынок в Таиланде, Вьетнаме, Сингапуре и России. Также важно развивать со странами вдоль территории, реализующей стратегию «Один пояс и один путь», туристические беспосадочные перелеты. В 2016 году в провинции Цзянси будут открыты две

авиалинии: Наньчан—Москва и Наньчан—Лос-Анджелес; будут проводиться работы по открытию первой межконтинентальной авиалинии.

(7) Творчески развивать Интернет плюс туризм

Мы будем способствовать развитию онлайн платформ туристических организаций, поощрять туристические агентства к изучению интернет-бизнеса, созданию сторонних платежных систем, расширять применение мобильных платежей в сфере туризма. Необходимо также усилить сотрудничество с интернет-компаниями и финансовыми учреждениями, выпускать туристические карты, проводить льготную политику в отношении туристических организаций, установить для них льготную учётную ставку, расширить систему выдачи лицензий на новую коммерческую деятельность, например на туристические интернет-магазины, онлайн прокат автомобилей. К 2020 году такие услуги, как бесплатный Wi-Fi Интернет, интеллектуальные туристические путеводители, электронные переводчики, онлайн бронирование, информационные сервисы, будут широко представлены в туристических местах высокого класса. В Китае будут построены умные деревни и 10 тысяч умных туристических мест.

9. Заключение

Туризм — это комплексная отрасль, направленная на экономическое и социаль-

ное развитие Китая, важная составляющая национальной экономики и сферы услуг. Увеличение инвестиций в туризм посредством введения реформ и внедрения инноваций необходимо для содействия развитию современной индустрии услуг, увеличению занятости и доходов населения, роста уровня его жизни. В связи со сложной и изменчивой обстановкой в мире и тяжелой экономической ситуацией важно развивать международный туристический бизнес как третичный сектор промышленности. Анализируя недостатки китайского туризма и учитывая данную модель развития, мы можем определить направление будущего развития и создать для этого новые возможности. Между тем принятие стратегии «Один пояс и один путь» предоставляет отличные возможности для развития международной индустрии туризма в провинции Цзянси. Наша провинция должна точно оценить свои возможности и поставить цель углубить реформу туристического сектора, модернизировать структуру отрасли, ускорить трансформацию модели развития данной сферы и совершенствовать структуру туристского потребления для того, чтобы полностью использовать предоставляемые исторические возможности, разработать новую модель международного экономического развития, осуществить переход от отсталой провинции к туристически развитой и установить новый образ международного туризма.

Литература

1. Kuang Xianming. To Grasp the Opportunities of One Belt and One Road to Build Up a Large Service Trade Country / Kuang Xianming. — China Business News. — 2015. — 26 March.
2. Liu Jing. Research on Trade Competitiveness of Tourist Service in China / Liu Jing. — Beijing: Capital University of Economics and Business, 2014.
3. Fang Zhiyuan. Outline of Jiangxi Culture. Random Comments on Jiangxi History and Culture / Fang Zhiyuan. — Beijing: China Central Radio & TV University Press, 2014.
4. Xiong Wenpin. Explore and Analysis on the Characteristics and Development of Jiangxi Tourism Culture Resources / Xiong Wenpin. — Coastal Enterprises and Sciences & Technology. — 2010. — № 10.

Сведения об авторе

Го Сяоцзин – научный ассистент, Центр международного обмена и сотрудничества, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай)

Guo Xiaojing

A Study on the International Tourism of Jiangxi Province under the Guidance of One Belt, One Road Strategy

Guo Xiaojing – Assistant Researcher, International Exchange & Cooperation Center, Jiangxi Academy of Social Sciences (China)

Abstract. In recent years, with the shift and violent development of economic globalization and sciences and technology, the connection between counties and citizens all over the world has become more and more intimate, so that the international tourism develops quickly and has become one of the important revenue sources gradually. In 2013, China proposed the new strategic thought of One Belt, One Road (the Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road). Jiangxi province will bring its local regional superiority to full play under the guidance of the strategic thought, and powerfully cooperate with neighboring provinces and cities, in order to actively participate in the international tourism market and attempt to make its international tourism bigger and stronger. As the national strategic pillar industry, tourism plays an important role in the regional industrial structure adjustment and upgrade. Possessing the characteristics of strong integration, high interactivity and wide expansibility, tourism is the important engine to accelerate the development of urban economy. In September and October of 2013, during the visit of Chinese President Xi Jinping to countries of Central and East Asia, he successively proposed the significant suggestions of the Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road, and the two of them were collectively intitled as One Belt, One Road New Strategic Thought. Silk Road Economic Belt covers the integration of the Southeast and Northeast Asian Economy entities which were eventually merged to lead to Europe. 21st Century Maritime Silk Road refers to unite Europe, Asia and Africa at sea in order to form a complete economic belt. Based on the increasingly deepening of economic integration, One Belt, One Road New Strategy is an international strategy which possesses the strategic importance of promoting industry upgrading and accelerating the transformation of economic growth mode for the purpose of mutual benefit and win-win result and joint development internationally.

Key words: Jiangxi Province, international tourism, competitive advantages, strategy for the realization of potential.

References

1. Kuang Xianming. To grasp the opportunities of One Belt and One Road to build up a large service trade country. *China Business News*, March, 26, 2015.
2. Liu Jing. Research on trade competitiveness of tourist service in China. *Beijing: Capital University of Economics and Business*, 2014.
3. Fang Zhiyuan. Outline of Jiangxi culture. *Random Comments on Jiangxi History and Culture*. Beijing: China Central Radio & TV University Press, 2014.
4. Xiong Wenpin. Explore and analysis on the characteristics and development of Jiangxi tourism culture resources. *Coastal Enterprises and Sciences & Technology*, no. 10, 2010.

Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне

**Александр Евгеньевич
КРЕМИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
akremin@inbox.ru

Аннотация. В сфере обеспечения устойчивого социально-экономического развития муниципального образования перед органами местного самоуправления стоит задача формирования на территории собственной производственной и финансовой базы, которая позволит увеличить уровень экономической самостоятельности. Основываясь на зарубежном опыте и отечественных исследованиях, посвященных территориальному развитию, можно сделать вывод о том, что одним из наиболее эффективных способов повышения уровня социально-экономического развития муниципального образования является активизация деятельности субъектов малого предпринимательства. Для эффективного управления данным сектором экономики необходимо проведение адекватной оценки его функционирования на муниципальном уровне. Выполненный анализ существующих методик оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне показал, что ни одна из них не удовлетворяет совокупности выделенных автором критериев, необходимых для эффективного исследования сектора малого бизнеса. В связи с этим была разработана методика оценки функционирования малого бизнеса на муниципальном уровне, апробация которой осуществлена на статистических материалах муниципальных образований Вологодской области. В ходе исследования выявлены муниципальные образования с наиболее высоким и наиболее низким уровнем развития малого бизнеса. Проведена также типологизация муниципалитетов по трем блокам, представляющим различные характеристики процесса его функционирования. В результате исследования, с учетом проблем, имеющих у субъектов предпринимательства, для каждой группы муниципальных образований были разработаны мероприятия по увеличению уровня его развития. Их реализация позволит активизировать деятельность исследуемого сектора экономики, а также повысить экономическую самостоятельность территориальных образований региона. Материалы статьи могут быть использованы как

для оценки результативности мероприятий по поддержке малого предпринимательства на территории области, так и для определения региональными и муниципальными органами власти и управления дальнейшей стратегии развития этого сектора экономики.

Ключевые слова: малое предпринимательство; бизнес; муниципальные образования; типологизация, оценка функционирования.

Местное самоуправление (МСУ) выступает одним из основных институтов гражданского общества, позволяющих населению на самом близком для них, низовом, уровне принимать участие в управлении делами государства, самостоятельно решая отдельные вопросы местного значения [6]. Основная цель деятельности МСУ заключается в обеспечении устойчивого социально-экономического развития территории [17, с. 29]. В число способов достижения поставленной цели входит формирование органами местного самоуправления собственной производственной и финансовой базы, что даст возможность увеличить уровень экономической самостоятельности. Критический анализ работ таких исследователей, как Н.В. Тарасенко, А.Ю. Чепуренко, Е.Г. Таран, А.О. Блинов, Д.В. Филиппов, С.Е. Рейтер и др., проведенный нами [9], показал, что управление развитием малого бизнеса и создание условий для активации его деятельности способствуют эффективному достижению поставленной цели [4; 8; 12; 13; 15].

Малое предпринимательство (МП) представляет собой массовое явление, сущность которого заключается в специфической деятельности малых форм, главным образом предпринимателя-собственника, в условиях конкурентной среды по осуществлению поиска наиболее эффективного решения в области сочетания экономических, трудовых и других типов ресурсов на инновационной, рискованной и законодательной основе с целью получе-

ния прибыли [9]. В свою очередь, оно является самостоятельным сектором рыночной экономики, обеспечивающим базовые потребности национального хозяйства [19, с. 14]. В настоящее время развитие малого бизнеса рассматривается в качестве важного механизма диверсификации экономики на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Малое предпринимательство создает предпосылки для ускоренного экономического роста, способствует развитию и насыщению местных рынков, позволяя вместе с тем компенсировать издержки рыночной экономики (безработица, конъюнктурные колебания, кризисные явления) [5; 7; 14].

Цель настоящей статьи заключается в исследовании категории малого предпринимательства и оценке его функционирования на муниципальном уровне, направленной на выявление основных тенденций и проблем его развития. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить методические подходы к оценке функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне;
- разработать методику оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне;
- апробировать разработанную методику оценки функционирования малого предпринимательства на данных муниципальных образований Вологодской области;

– разработать систему рекомендаций по применению различных мер поддержки и развития малого предпринимательства на муниципальном уровне с учетом существующих проблем и потребностей.

Следует заметить, что органами власти проводится разработка новых программ и законопроектов, которые направлены на стимулирование развития малого предпринимательства. Однако отсутствуют утвержденные методики оценки функционирования субъектов МП в муниципалитетах и недостаточным является научно-аналитическое обеспечение органов государственного управления. Все это и определяет актуальность данного исследования.

Из проведенного нами критического анализа методических подходов к оценке функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне [9] видно, что они различаются между собой составом задач, набором показателей, а также способами расчета и сведения к общему значению. Каждый из них решает свои конкретные задачи и имеет преимущества и недостатки, которые, в свою очередь, чаще всего отражаются в трудоемкости и качестве представляемых оценок.

Для сравнения исследуемых методик были выделены основные критерии их оценки:

– построение рейтингов по частным показателям (возможность проведения сравнительного анализа однородных показателей);

– расчет интегрального показателя (приведение исследуемых параметров к общему виду);

– типологизация муниципальных образований по основным характеристикам функционирования малого предпринимательства (определение основных групп муниципалитетов со схожими характеристиками функционирования малого бизнеса);

– наглядное отображение полученных результатов (результаты должны легко интерпретироваться и описывать исследуемый объект);

– использование относительных показателей (исследование муниципальных образований с помощью сопоставимых показателей);

– простота методики расчетов (расчеты должны быть просты и понятны).

Как свидетельствуют результаты сравнительного анализа, ни одна из существующих методик не удовлетворяет совокупности выделенных в исследовании критериев. Поэтому нами была разработана методика оценки функционирования малого бизнеса на муниципальном уровне, удовлетворяющая всем критериям, необходимым для эффективного анализа сектора малого предпринимательства.

Предлагаемая методика основывается на расчете интегральных индексов по трем блокам показателей, которые характеризуют функционирование малого предпринимательства и на основе которых проводится типологизация муниципальных образований. Алгоритм проведения анализа включает в себя пять этапов.

На первом этапе на основе исследованных методических подходов оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне было установлено, что система частных показателей должна включать реализацию следующих базовых принципов:

– комплексность оценки, обеспечивающая отбор показателей, наиболее весомо характеризующих ситуацию в экономике и социальной сфере района;

– системность оценки, предполагающая выявление взаимной корреляции между отдельными показателями;

– соответствие системы показателей направлению регионального развития;

– адаптированность системы показателей к возможностям существующей статистической базы;

– обеспечение максимальной информативности результатов для целей принятия управленческих решений [1; 2; 3; 7; 11; 16; 18; 20].

С опорой на эти принципы был отобран ряд значимых показателей, наиболее полно характеризующих деятельность малого бизнеса на территории муниципалитета.

Анализ исследований Е.Э. Колчинской, Н.Н. Петренко, Д.В. Филиппова, С.Б. Трофимова и публикуемых материалов Федеральной службы государственной статистики позволил составить три группы показателей, которые отражают функционирование МП на муниципальном уровне (табл. 1).

В результате выделения основных групп критериев были определены ключевые показатели оценки функционирования малого предпринимательства муниципального образования. Рассмотрим их подробнее.

1. Число субъектов малого предпринимательства на 1000 чел. населения муници-

пального образования. Данный показатель характеризует плотность малых предприятий на территории муниципального образования с учетом населения района.

2. Доля населения муниципального образования, занятого в секторе малого предпринимательства, в общей численности занятых. Количественный показатель, отражающий вовлеченность населения муниципалитета в сектор малого предпринимательства.

3. Средняя выручка от продажи товаров, работ, услуг (за минусом НДС, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей) одного субъекта малого предпринимательства муниципального образования (в сопоставимых ценах 2014 г.). Отражает количество денежных средств или иных благ, полученных в среднем одним малым предприятием муниципального образования.

4. Средняя стоимость имущества одного субъекта малого предпринимательства муниципального образования (в сопоставимых ценах 2014 г.). Отражает среднее значение стоимости основных средств, имеющих у субъекта малого бизнеса.

Таблица 1. Показатели функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне*

Группа	Показатель
1. Показатели распространенности субъектов малого предпринимательства на территории муниципального образования	Число субъектов малого предпринимательства на 1000 чел. населения муниципального образования, ед. / 1000 чел.
	Доля населения муниципального образования, занятого в секторе малого предпринимательства, в общей численности занятых, %
2. Показатели масштабности ведения бизнеса на территории муниципального образования**	Средняя выручка от продажи товаров, работ, услуг (за минусом НДС, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей) одного субъекта малого предпринимательства муниципального образования (в сопоставимых ценах 2014 г.), тыс. руб. / ед.
	Средняя стоимость имущества одного субъекта малого предпринимательства муниципального образования (в сопоставимых ценах 2014 г.), тыс. руб. / ед.
3. Показатели финансовой эффективности ведения бизнеса на территории муниципального образования	Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, работ, услуг субъектов малого предпринимательства муниципального образования, %
	Коэффициент текущей ликвидности субъектов малого предпринимательства муниципального образования, %
* Составлено автором.	
** Под масштабностью ведения бизнеса на территории муниципального образования автором статьи понимается группа показателей, характеризующая размер ведения предпринимательской деятельности субъектами МП. Территориальные характеристики в представленной категории не учитываются.	

5. Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, работ, услуг субъектов малого предпринимательства муниципального образования. Отражает отношение между величиной сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) от продажи товаров, работ, услуг и себестоимостью проданных товаров, работ, услуг.

6. Коэффициент текущей ликвидности субъектов малого предпринимательства муниципального образования. Характеризует платежеспособность организации. Рассчитывается как отношение фактической стоимости находящихся в наличии у организации оборотных средств к краткосрочным обязательствам организации в виде краткосрочных кредитов и займов, кредиторской задолженности.

Представленные показатели построены на основе имеющейся официальной статистической информации и формируют перечень и блоки индикаторов, которые отражают различные стороны функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне.

На втором этапе проводится расчет стандартизированных коэффициентов из выбранного перечня индикаторов для приведения их в сопоставимый вид. Для прямых и обратных показателей, увеличение значений которых свидетельствует о положительных и отрицательных тенденциях соответственно, стандартизированный коэффициент рассчитывается по следующим формулам:

$$k_{\text{прям.}} = \frac{x_i - \min(x)}{\max(x) - \min(x)} \cdot N, \quad (1)$$

$$k_{\text{обрат.}} = \frac{\max(x) - x_i}{\max(x) - \min(x)} \cdot N, \quad (2)$$

где x_i – значение частного показателя в отдельном регионе;

$\max(x)$ – максимальное значение данного показателя среди всей совокупности исследуемых объектов;

$\min(x)$ – минимальное значение данного показателя среди всей совокупности исследуемых объектов;

N – коэффициент масштабности ($N = 1$)¹.

На третьем этапе осуществляется расчет индекса состояния каждого из трех выделенных блоков, характеризующих функционирование малого предпринимательства, который представляет собой среднее арифметическое значение стандартизированных коэффициентов каждой группы индикаторов:

$$I = \frac{\sum_{i=1}^n k_i}{n}, \quad (3)$$

где k_i – стандартизированный коэффициент;

n – количество показателей в расчетном блоке.

На четвертом этапе формируется общий интегральный показатель, характеризующий состояние анализируемых систем муниципальных образований. Его расчет осуществляется по формуле (3), с заменой стандартизированных коэффициентов на интегральные показатели по каждому блоку, характеризующие функционирование малого предпринимательства на территории муниципального образования.

Имея в виду потребности органов государственной власти и управления в составлении общего рейтинга муниципальных образований по уровню функциониро-

¹ Представленный коэффициент определяет заданный промежуток возможных значений интегрального показателя. В настоящей статье $N=1$, тем самым показатель k может принимать значения в промежутке от 0 до 1. Коэффициент масштабности может изменяться по желанию исследователя в зависимости от необходимости интерпретации данных.

вания малого предпринимательства, целесообразно произвести типологизацию исследуемых муниципалитетов. Для выполнения анализа полученных индексов и распределения территориальных образований по группам с различным уровнем функционирования малого бизнеса необходимо рассчитать отклонение исследуемого показателя (d). Данное отклонение рассчитывается по формуле:

$$d_i = \left(x_i / \bar{x} - 1 \right) \cdot 100\%, \quad (4)$$

где d_i – отклонение интегрального показателя функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне;

x_i – интегральный показатель функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне;

\bar{x} – среднее значение интегрального показателя функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне.

Согласно используемому в процессе типологизации подходу формируется 5 групп муниципалитетов с различным уровнем функционирования субъектов малого предпринимательства, взятым исходя из вариации значений рассчитанного отклонения от среднего интегрального показателя функционирования малого бизнеса (d):

1. Высокий уровень – значение показателя больше 30%.
2. Уровень выше среднего – значение показателя находится в промежутке от 10 до 30%.
3. Средний уровень – значение показателя находится в промежутке от -10 до 10%.
4. Уровень ниже среднего – значение показателя находится в промежутке от -30 до -10%.
5. Низкий уровень – значение показателя меньше -30%.

На пятом этапе проведена типологизация муниципальных образований региона по трем блокам интегрального показателя функционирования малого предпринимательства. С помощью распределения результатов расчета показателей относительно среднего значения интегрального индекса каждого из трех блоков возможно разделение муниципалитетов на 8 групп (табл. 2). Использование математического метода построения типологизации, представленного выше, позволит провести наиболее подробный анализ сложившихся тенденций функционирования сектора малого предпринимательства, однако усложнит разработанный методический подход и тем самым поставит под вопрос выполнение одного из требований к методике оценки (простота методики расчетов).

Проведение данной группировки даст возможность определить слабые и сильные стороны развития малого предпринимательства в отдельных муниципалитетах, что необходимо для дальнейшей разработки конкретных мероприятий и их реализации, направленной на эффективное стимулирование предпринимательской деятельности.

Разработанная нами методика позволяет выполнять комплексную оценку функционирования малого предпринимательства с учетом различных факторов, связанных с его деятельностью. С ее помощью становится возможным с высокой степенью научной обоснованности определить конкретные меры (механизмы), источники ресурсов и направления их расходования для поддержки и развития малого бизнеса муниципальных образований, а это обеспечит проведение в регионе взвешенной и обоснованной социально-экономической политики его развития.

Таблица 2. Характеристика групп муниципальных образований региона*

Группа	Распространенность малого предпринимательства		Масштабность малого предпринимательства		Финансовая эффективность малого предпринимательства	
	Высокая	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Низкая
I	+		+		+	
II		+	+		+	
III	+			+	+	
IV		+		+	+	
V	+		+			+
VI		+	+			+
VII	+			+		+
VIII		+		+		+

* Составлено автором.

Апробация методики осуществлена на материалах муниципальных образований Вологодской области. Эмпирическая база исследования представлена экономико-статистическими материалами Федеральной службы государственной статистики, характеризующими развитие малого предпринимательства региона за 2009–2014 гг.

Рассчитав сводный показатель функционирования малого предпринимательства в муниципалитетах области, можно оценить тенденции его развития в отдельно взятом муниципальном образовании путем составления соответствующего рейтинга (табл. 3). С учетом высокой дисперсии показателей деятельности малого предпринимательства, для определения уровня его функционирования на территории в исследовании используются средние значения интегрального показателя за 2009–2011 и 2012–2014 гг. Судя по данным анализа этих временных периодов, произошли резкие изменения показателей функционирования малого бизнеса вследствие влияния внешних факторов: мирового финансового кризиса, принятия новых нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность исследуемого сектора экономики, роста страховых платежей для субъектов малого предпринимательства и других [7, с. 87]. Исследование уровня функциониро-

вания возможно проводить по каждому году данного периода, однако цель дать анализ динамики рейтинга муниципалитетов по представленному критерию в настоящей статье не преследуется.

Лидерами в представленном рейтинге в период 2009–2014 гг. являются Тарногский и Чагодощенский районы, а также города Череповец и Вологда, демонстрирующие высокий уровень функционирования малого предпринимательства. В то же время 10 муниципальных образований (порядка 36%) имеют низкий и ниже среднего уровень, а их половина (14 ед.) – отрицательную динамику рассматриваемого показателя. Переход в нижестоящую по этому уровню группу осуществили всего 8 муниципалитетов (табл. 4).

В ходе анализа отклонения показателя от среднего значения интегрального индекса за исследуемый период были определены основные группы муниципальных образований по уровню функционирования малого предпринимательства, а также более подробно рассмотрена динамика показателя с учетом общей тенденции, сложившейся на территории области. Отсюда следует вывод, что на территории Вологодской области наблюдается сокращение дифференциации между муниципалитетами по уровню функционирования малого бизнеса.

Таблица 3. Среднее значение интегрального индекса функционирования малого предпринимательства Вологодской области за 2009–2014 гг.*

Среднее значение интегрального индекса по муниципальному образованию				Отклонение от среднего значения интегрального индекса по всем муниципальным образованиям, %			
Муниципальное образование (район, город)	2009–2011	2012–2014	Изменение, %	Муниципальное образование (район, город)	2009–2011	2012–2014	Изменение, ед.
Тарногский	0,39	0,38	97,69	Тарногский	88,67	52,08	-36,59
Череповец	0,30	0,37	123,58	г. Череповец	45,45	48,31	2,86
Вологда	0,27	0,37	138,06	г. Вологда	29,32	47,32	18,00
Чагодощенский	0,27	0,32	119,56	Чагодощенский	31,05	29,29	-1,77
Усть-Кубинский	0,22	0,30	135,98	Усть-Кубинский	7,65	20,78	13,13
Кичм.-Городецкий	0,23	0,29	127,96	Кичм.-Городецкий	10,41	16,57	6,16
Великоустюгский	0,25	0,28	112,12	Великоустюгский	20,25	11,25	-9,01
Бабушкинский	0,28	0,26	92,40	Бабушкинский	37,75	5,02	-32,72
Нюксенский	0,18	0,26	142,60	Нюксенский	-11,85	3,72	15,57
Череповецкий	0,21	0,26	121,30	Череповецкий	2,42	2,51	0,09
Бабаевский	0,31	0,25	81,81	Бабаевский	49,52	0,93	-48,59
Междуреченский	0,17	0,25	145,96	Междуреченский	-17,73	-0,92	16,81
Устюженский	0,23	0,25	108,39	Устюженский	10,10	-1,53	-11,63
Харовский	0,23	0,24	104,35	Харовский	12,89	-2,79	-15,69
Вашкинский	0,20	0,24	118,40	Вашкинский	-2,55	-4,80	-2,25
Никольский	0,18	0,24	130,03	Никольский	-11,77	-5,34	6,43
Кирилловский	0,06	0,23	414,63	Кирилловский	-73,19	-8,27	64,92
Кадуйский район	0,22	0,23	104,87	Кадуйский	5,93	-8,34	-14,27
Сямженский	0,19	0,22	120,96	Сямженский	-10,10	-10,28	-0,17
Белозерский	0,19	0,22	117,52	Белозерский	-9,86	-12,59	-2,73
Верховажский	0,16	0,21	135,79	Верховажский	-24,31	-15,20	9,12
Сокольский	0,13	0,21	162,73	Сокольский	-37,52	-16,10	21,41
Вожегодский	0,14	0,21	144,75	Вожегодский	-31,10	-17,71	13,39
Шекснинский	0,19	0,20	107,15	Шекснинский	-9,14	-19,67	-10,53
Вытегорский	0,20	0,19	95,63	Вытегорский	-3,13	-23,56	-20,43
Грязовецкий	0,15	0,19	126,85	Грязовецкий	-28,70	-25,37	3,33
Вологодский	0,18	0,19	105,65	Вологодский	-15,03	-25,93	-10,90
Тотемский	0,07	0,15	212,55	Тотемский	-65,43	-39,38	26,05

* Составлено автором.

Таблица 4. Типологизация муниципальных образований Вологодской области по уровню функционирования малого предпринимательства*

Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
<i>2009–2011 гг.</i>				
Тарногский	г. Вологда	Усть-Кубинский	Сямженский	Вожегодский
Бабаевский	Великоустюгский	Кадуйский	Никольский	Сокольский
г. Череповец	Харовский район	Череповецкий	Нюксенский	Тотемский
Бабушкинский	Кичм.-Городецкий	Вашкинский	Вологодский	Кирилловский
Чагодощенский	Устюженский	Вытегорский	Междуреченский	
		Шекснинский	Верховажский	
		Белозерский	Грязовецкий	
<i>2012–2014 гг.</i>				
Тарногский	Чагодощенский	Бабушкинский	Сямженский	Тотемский
г. Череповец	Усть-Кубинский	Нюксенский	Белозерский	
г. Вологда	Кичм.-Городецкий	Череповецкий	Верховажский	
	Великоустюгский	Бабаевский	Сокольский	
		Междуреченский	Вожегодский	
		Устюженский	Шекснинский	
		Харовский	Вытегорский	
		Вашкинский	Грязовецкий	
		Никольский	Вологодский	
		Кирилловский		
		Кадуйский		
* Составлено автором.				

Для определения основных проблем, оказывающих наибольшее влияние на деятельность субъектов малого предпринимательства, необходимо произвести группировку муниципальных образований по трем блокам интегрального показателя функционирования МП. Ее реализация позволила определить основные характеристики субъектов малого бизнеса в каждом муниципалитете (табл. 5). Изучение отдельных групп показателей их функционирования позволяет прийти к заключению о том, что влияние негативных факторов в наибольшей степени сказывается на финансовой эффективности деятельности субъектов МП.

В настоящее время в большинстве районов Вологодской области, а именно в Вер-

ховажском, Вожегодском, Вологодском, Вытегорском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Нюксенском, Сокольском, Сямженском, Тотемском, Усть-Кубинском и Шекснинском, а также в городах Вологде и Череповце наблюдаются проблемы низкой распространенности малого предпринимательства. Основные мероприятия в этой сфере, на наш взгляд, должны быть направлены на формирование системы акселерации качественного роста и развития субъектов малого предпринимательства, связанной с активной пропагандой их деятельности и необходимостью построения диалога между властью и бизнесом для выявления его специфических проблем и снижения административных барьеров.

Таблица 5. Типологизация муниципальных образований региона по трем блокам интегрального показателя функционирования малого предпринимательства*

Группа муниципалитетов	Муниципальные образования (район, город)
<i>2009–2011 гг.</i>	
I	Кадуйский, Чагодощенский
II	Вытегорский, Череповец, Шекснинский
III	Кичм.-Городецкий, Тарногский, Харовский
IV	Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Великоустюгский, Никольский, Нюксенский, Сямженский
V	Устюженский
VI	Вологда, Грязовецкий, Усть-Кубинский
VII	Вашкинский, Междуреченский, Череповецкий
VIII	Верховажский, Вожегодский, Вологодский, Кирилловский, Сокольский, Тотемский
<i>2012–2014 гг.</i>	
I	Чагодощенский
II	–
III	Бабаевский, Кичм.-Городецкий, Междуреченский, Нюксенский, Тарногский, Харовский
IV	Белозерский, Вожегодский, Кирилловский, Никольский, Сокольский, Сямженский, Усть-Кубинский
V	–
VI	Вологда, Череповец; Шекснинский
VII	Бабушкинский, Вашкинский, Великоустюгский, Верховажский, Кадуйский, Устюженский, Череповецкий
VIII	Вологодский, Вытегорский, Грязовецкий, Тотемский

* Составлено автором.

Снижение уровня функционирования малого бизнеса в таких районах, как Бабушкинский, Великоустюгский и Шекснинский, обусловлено ухудшением финансовой эффективности деятельности субъектов МП. Вместе с тем в Вытегорском, Грязовецком, Кадуйском, Усть-Кубинском и Устюженском районах происходит уменьшение масштабов ведения бизнеса. Таким образом, муниципалитеты Вологодской области, испытывающие проблемы разного характера, нуждаются в дифференцированных способах поддержки малого предпринимательства.

На наш взгляд, целесообразно определить отраслевую направленность субъектов малого предпринимательства в каждом муниципальном образовании, для того чтобы конкретизировать специфику существующих

проблем. Для этого был рассчитан относительный показатель, характеризующий распространенность субъектов малого предпринимательства по каждому виду деятельности относительно численности населения муниципального образования (табл. 6).

Как показал анализ, в городских округах области наиболее распространенными являются предприятия оптовой и розничной торговли, а также организации, оказывающие услуги, связанные с арендой помещений и операциями с недвижимостью. Данный факт объясняется наличием большого количества оптовых баз, обслуживающих как сам город, так и остальные муниципалитеты региона, и производственных и офисных помещений для размещения крупных и средних предприятий и их представительств.

Таблица 6. Среднее значение численности субъектов малого предпринимательства на 1000 чел. населения муниципального образования в период 2009–2014 гг., ед. / чел.*

Муниципальное образование (район, город)	Сельское хозяйство	Обрабатывающие производства	Оптовая и розничная торговля	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом; аренда и предоставление услуг	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг
Бабаевский	7,53	1,98	14,05	3,82	1,94	1,84
Бабушкинский	21,06	5,05	10,42	3,07	0,91	0,95
Белозерский	6,71	1,94	10,92	4,52	2,37	2,23
Вашкинский	14,84	2,22	9,53	3,62	1,53	3,40
Великоустюгский	7,33	3,58	16,12	7,10	3,77	2,13
Верховажский	9,34	3,94	9,55	4,04	0,84	1,71
Вожегодский	7,21	1,66	7,34	2,94	0,95	2,84
Вологодский	7,63	3,96	11,77	5,21	2,49	1,33
Вытегорский	8,45	1,61	9,76	4,62	1,39	1,44
Вологда	0,47	3,41	21,45	4,62	7,17	2,86
Грязовецкий	4,79	2,10	9,35	3,57	2,15	1,85
Кадуйский	4,36	2,09	14,12	7,12	2,86	3,65
Кирилловский	7,27	2,20	10,85	3,55	1,84	1,10
Кичм.-Городецкий	12,39	2,76	7,12	2,66	1,27	0,99
Междуреченский	25,34	2,34	10,92	2,28	0,91	0,57
Никольский	12,52	1,98	9,08	2,08	1,58	0,90
Нюксенский	10,62	3,24	9,44	4,79	1,39	1,29
Сокольский	3,58	2,76	13,88	3,70	2,37	3,19
Сямженский	23,33	3,89	9,86	4,27	2,30	1,83
Тарногский	14,80	24,32	13,55	4,85	3,50	5,75
Тотемский	6,68	2,51	13,84	4,13	1,79	2,37
Усть-Кубинский	8,88	2,53	10,43	3,25	1,58	0,74
Устюженский	11,09	3,73	16,04	4,10	1,95	1,58
Харовский	12,76	11,36	14,00	4,86	2,93	4,79
Чагодощенский	6,69	2,81	7,82	10,02	1,84	1,54
Череповец	0,31	2,93	19,11	7,26	6,27	7,56
Череповецкий	7,19	1,57	12,69	7,92	4,01	3,20
Шекснинский	2,33	2,00	9,92	5,31	2,19	2,53

* Составлено автором.

На территории Чагодощенского района осуществляется деятельность таких крупных предприятий, как ОАО «Смердомский стекольный завод», ООО «Чагодощенский стекольный завод и К» и другие. Наличие федеральной автодороги и удаленность от областных центров объясняют лидирующие позиции в рейтинге распространенности малых предприятий, оказывающих транспортные услуги. Таким образом, наиболее

приоритетные направления деятельности малого бизнеса связаны с обслуживанием крупных и средних предприятий района.

В Тарногском районе наблюдается наибольшая концентрация малых производственных предприятий, численность которых сокращается на протяжении всего исследуемого периода. Приоритетным направлением их деятельности является лесозаготовка.

Таким образом, анализ функционирования малых предприятий на территории муниципальных образований показал, что для их развития необходимо учитывать их отраслевую направленность, а также наличие средних и крупных предприятий.

При отсутствии конкретной отраслевой направленности или ресурсов, необходимых для развития малого предпринимательства в муниципалитетах, следует использовать систему мер поддержки, учитывающую проблемы малых предприятий. Для групп муниципальных образований, имеющих низкие значения показателей по отдельным блокам интегральных индексов функционирования малого бизнеса, были разработаны рекомендации, способствующие развитию конкретных направлений деятельности по увеличению уровня функционирования малого предпринимательства (табл. 7).

В целях создания новых организаций и стимулирования действующих предприятий к качественному росту, а также достижению целевых показателей развития предлагается сформировать на базе действующей инфраструктуры механизм «акселерации» малых предприятий.

Система «акселерации» бизнеса должна стимулировать население к реализации своих предпринимательских инициатив, малых предпринимателей — к росту, увеличению количества рабочих мест, повышению объема производства, дальнейшему развитию и укрупнению [5; 16]. Она должна сочетать в себе новые подходы к финансированию субъектов малого предпринимательства, обеспечению их беспрепятственного доступа к инфраструктуре и инженерным сетям.

Процесс развития предпринимательства должен рассматриваться как единое целевое пространство, в которое включены три этапа развития бизнеса: новый бизнес (микробизнес) — малый бизнес — средний бизнес. При этом должен применяться комплекс мер, стимулирующих предприятия к достижению определенных количественных целевых показателей и переходу на следующие этапы развития [7, с. 95].

При создании указанной системы станет возможным реализовать предпринимательский потенциал территории с помощью активной популяризации и пропаганды малого предпринимательства на муниципальном уровне. Демонстрация и

Таблица 7. Рекомендованные мероприятия, направленные на повышение уровня функционирования малого предпринимательства на территории муниципалитета*

Слабые стороны малого предпринимательства муниципального образования	Мероприятия по повышению уровня функционирования малого предпринимательства муниципального образования
Низкий уровень распространенности малого предпринимательства на территории муниципального образования	Создание механизма тиражирования лучших практик поддержки малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне. Пропаганда предпринимательства
	Построение диалога между властью и бизнесом
Низкий уровень масштабности малого предпринимательства муниципального образования	Развитие системы финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства на территории муниципального образования
	Повышение эффективности программ развития малого предпринимательства и механизмов финансовой поддержки его субъектов на муниципальном уровне
Низкая финансовая эффективность малого предпринимательства муниципального образования	Содействие встраиванию малых предприятий в цепочки поставщиков
	Обеспечение доступа местных субъектов малого предпринимательства к муниципальным закупкам
* Составлено автором.	

предоставление информации об успешных проектах, реализованных с помощью поэтапного развития, будет являться эффективным инструментом повышения распространности малого бизнеса в районах.

Стоит также отметить, что организация открытых встреч и диалога между представителями органов власти и управления и участниками бизнес-сообщества позволит определить основные проблемы, с которыми сталкиваются субъекты малого предпринимательства на разных этапах развития, и разработать необходимые меры по решению данных вопросов, тем самым снизив уровень административных барьеров.

Для решения проблем, связанных с низкой масштабностью малых предприятий муниципального образования, необходимо развивать системы их финансовой поддержки. [10, с. 176]. Информационное обеспечение в отношении существующих региональных мер поддержки малого предпринимательства и привлечение кредитных, лизинговых компаний для создания районных представительств будут способствовать увеличению возможности приобретения основных средств для осуществления деятельности малого предпринимательства на территории муниципального района.

Поскольку почти во всех муниципальных образованиях созданы собственные программы развития малого предпринимательства, необходимо повысить их эффективность с помощью учета специфики территории и ресурсов, используемых субъектами малого бизнеса.

Учитывая главную цель бизнеса – максимизацию прибыли [8], мы подчеркиваем, что должны быть приняты меры по повышению финансовой эффективности малого предпринимательства. Для этого

органы местного самоуправления должны способствовать встраиванию малых предприятий в цепочки поставщиков других организаций, так как в настоящее время существует проблема недостаточной коммуникации между самими предпринимателями, в результате чего не реализуются потенциально взаимовыгодные возможности по обмену ресурсами, связями, практическим опытом и знаниями [2, с. 64].

Участие малых предприятий в реализации государственного и муниципального заказа также ограничивается сложностью пополнения оборотного капитала, необходимого для исполнения контрактов (закупка сырья, прочие накладные расходы и т.д.) [14].

Анализ сведений о закупках на официальном сайте www.zakupki.gov.ru показал, что подавляющее большинство контрактов не предусматривают авансирования, а оплата может быть отсрочена [10, с. 176]. Во избежание кассовых разрывов победители конкурсов (аукционов) вынуждены обращаться за кредитами и банковскими гарантиями, выдаваемыми на условиях возвратности и платности на срок от 90 дней до 1,5 года.

Сочетание отсрочек платежа с жесткими требованиями по обеспечению контракта, высокой налоговой нагрузкой и закредитованностью приводит к тому, что у победителей конкурсов зачастую не остается финансовых ресурсов для надлежащего исполнения контракта, вследствие чего они попадают в Реестр недобросовестных поставщиков, что влечет за собой дополнительные расходы и банкротство организации.

Решением данной проблемы может стать распространение механизма факторинга, который позволит привлекать финансирование посредством переуступки

прав дебиторской задолженности государственного заказчика. При этом обязанность надлежащего исполнения государственного, муниципального контракта сохранится за победителем конкурса, а его выполнение будет контролироваться не только уполномоченными государственными органами, но и финансовым агентом, принимающим на себя риски, связанные с оплатой по контракту [5, с. 125].

В случае осуществления указанных мероприятий у предприятий снизятся риски ведения предпринимательства, повысятся возможности реализации потенциала развития и формирования ресурсов, необходимых для развития, обновления производственной базы и найма новых сотрудников, усилится их финансовая эффективность.

Подводя итоги проведенной апробации, можно отметить, что разработанная методика оценки функционирования малого предпринимательства позволяет выявить отстающие территории и определить специфику существующих проблем. Для муниципальных образований Вологодской области целесообразно применять дифференцированные меры поддержки малого предпринимательства со стороны региональных и муниципальных властей. В рай-

онах, испытывающих проблемы с финансовой эффективностью субъектов малого бизнеса, требуется реализовывать мероприятия по содействию встраиванию малых предприятий в цепочки поставщиков, а также увеличивать возможность участия малых организаций в муниципальных закупках. Однако, как можно заметить, большинство субъектов малого предпринимательства испытывают проблемы с недостатком финансового обеспечения, что говорит о необходимости совершенствования механизмов и программ развития малого бизнеса на территории каждого муниципального образования региона.

Использование дифференцированных мер поддержки малого предпринимательства каждым муниципальным образованием даст возможность более эффективно расходовать выделенные средства, учитывая специфику своего развития. Кроме того, целесообразна разработка специального инструментария и механизмов, направленных на реализацию дифференцированной политики развития малого предпринимательства в муниципальных образованиях региона. Пути решения данных вопросов будут представлены в дальнейших публикациях.

Литература

1. Барабанов, А.С. Оценка экономического развития регионов (на примере СЗФО) [Текст] / А.С. Барабанов, Е.Д. Разгулина // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 7-8. – С. 62.
2. Булакина, О.Н. Методика комплексной оценки предпринимательского потенциала муниципального образования [Текст] / О.Н. Булакина // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 4 (66). – С. 63-65.
3. Ворошилов, Н.В. Теоретические и практические аспекты оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований [Текст] / Н.В. Ворошилов // Молодые ученые — экономике: сб. работ молодежной научной школы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – Вып. 14. – С. 66-88.
4. Елисеева, И.И. Статистические наблюдения в сфере бизнеса и вопросы правового обеспечения [Текст] / И.И. Елисеева, Е.Ф. Мосин // Вопросы статистики. – 2000. – №10. – С. 49-52.
5. Захарченко, А.А. Формирование и развитие системы поддержки малого предпринимательства на муниципальном уровне [Текст]: дис. ... канд. экон. наук / А.А. Захарченко. – СПб., 2011. – 176 с.

6. Колотилин, А.В. Основные проблемы развития муниципальных образований России на современном этапе [Электронный ресурс] / А.В. Колотилин // Социально-экономическое положение России в новых геополитических и финансово-экономических условиях: реалии и перспективы развития: сборник научных статей – СПб.: Институт бизнеса и права, 2008. – Режим доступа: <http://www.ibl.ru/konf/041208/11.html> (дата обращения: 01.04.2016 г.)
7. Колчинская, Е.Э. Комплексная оценка условий развития малого предпринимательства в регионе [Текст]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е.Э. Колчинская. – Санкт-Петербург, 2006. – 164 с.
8. Кошелева, Т.Н. Сущность и значение малого предпринимательства [Электронный ресурс] / Т.Н. Кошелева // TerraHumana. – Режим доступа: http://www.terrahumana.ru/arhiv/09_03/09_03all.pdf (дата обращения: 01.04.2016 г.)
9. Кремин, А.Е. Методические подходы к оценке функционирования малого бизнеса в муниципалитетах [Электронный ресурс] / А.Е. Кремин // Экономика и социум. – 2015. – №5. – С. 657-667. – Режим доступа: [http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhurnal%20_5\(18\)%202015%201.pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhurnal%20_5(18)%202015%201.pdf)
10. Манухина, А.В. Анализ влияния социально-экономических факторов на формирование малого бизнеса в регионах Российской Федерации [Текст] / А.В. Манухина // Вестник университета. – 2012. – №3. – С. 172-177.
11. Методика определения рейтинга муниципальных образований в сфере развития субъектов малого предпринимательства Саратовской области [Электронный ресурс] / Управление развития и поддержки малого предпринимательства Министерства экономики, инвестиционной политики и межрегиональных связей Саратовской области. – Режим доступа: <http://rcsme.ru/ru/library/> (дата обращения: 01.04.2016 г.)
12. Пастушенко, А. Малое предпринимательство как субъект экономических отношений [Текст] / А. Пастушенко // Человек и труд. – 2006. – № 8. – С. 76-77.
13. Петренко, Н.Н. Анализ и оценка социально-экономической эффективности малого предпринимательства [Текст]: дис. ... экон. наук: 08.00.05 / Н.Н. Петренко. – Ставрополь, 2005. – 195 с.
14. Радченко, М.В. Развитие малого предпринимательства как инструмента формирования региональной экономики [Текст] / М.В. Радченко // Экономические науки. – 2009. – №11. – С. 276-281.
15. Социально-экономические проблемы локальных территорий [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 196 с.
16. Трофимов, С.Б. Активация сферы малого предпринимательства как фактор развития экономики региона [Текст] / С.Б. Трофимов // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем», г. Уфа, 15 октября – 15 ноября 2011 г., ИСЭИ УНЦ РАН, 2011.
17. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст] : монография / Т.В. Ускова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
18. Филиппов, Д.В. Оценка уровня развития малого и среднего предпринимательства в регионе на примере Республики Саха (Якутия) [Текст]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Д.В. Филиппов. – Якутск, 2012. – 135 с.
19. Davis Steven J. Small Business and Job Creation: Dissecting the Myth and Reassessing the Facts [Текст] / Davis Steven J., John Haltiwanger, Scott Schuh // Business Economics. – 1993. – P. 13-21.
20. Thomas, Brenner. Growth Development Paths of Firms-Study of Smaller Businesses [Электронный ресурс] / Thomas Brenner, Antje Schimke // Journal of Small Business Management. – 2014. – Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jsbm.12081/references> (дата обращения: 01.04.2016 г.)

Сведения об авторе

Александр Евгеньевич Кремин – аспирант, инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, akremin@inbox.ru)

Kremin A.E.

Methodology for Assessing the Work of Small Business at the Municipal Level

Aleksandr Evgen'evich Kremin – Research Engineer, Ph.D. student, Institute of Socio-Economic Development of Territories Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, akremin@inbox.ru)

Abstract. In order to promote sustainable socio-economic development in a municipality, its local authorities face the task of establishing an industrial and financial base on their territory, it will help increase its level of economic independence. On the basis of foreign experience and domestic research on territorial development it can be concluded that one of the most effective ways to enhance the level of socio-economic development of the municipality is to boost its small business. Effective management of this economic sector requires adequate assessment of its functioning at the municipal level. The analysis of existing methodologies for assessing the functioning of small business at the municipal level shows that none of them meets the criteria that the author of the present paper has selected and that are necessary for efficient research into the small business sector. In this regard, a methodology for estimating the work of small business at the municipal level was elaborated, and tested on the statistic data of municipal formations of the Vologda Oblast. The study reveals municipalities with the highest and lowest levels of small business development. In addition, municipalities were grouped in three blocks that represent different characteristics of their functioning. Taking into account the problems of business subjects, the study has developed measures to increase the level of development for each group of municipalities. Implementing these activities will help intensify the work of the sector of the economy under consideration, and increase the economic independence of territorial formations in the region. The paper can be used to assess the effectiveness of activities aimed to support small business in the region and to help regional and municipal authorities to work out a strategy for further development of this economic sector.

Key words: small business; business; municipal formation; typological classification, assessment of functioning.

References

1. Barabanov A.S., Razgulina E.D. Otsenka ekonomicheskogo razvitiya regionov (na primere SZFO) [Assessment economic development of regions (case study of the Northwestern Federal District)]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Issues of Management Theory and Practice], 2012, no. 7-8, p. 62. [in Russian].
2. Bulakina O.N. Metodika kompleksnoi otsenki predprinimatel'skogo po-tentsiala munitsipal'nogo obrazovaniya [The integrated assessment methods of municipal establishment's business potential]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], 2009, vol. 66, no. 4, pp. 63-65. [in Russian].
3. Voroshilov N.V. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty otsenki urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy [Theoretical and practical aspects of assessing socio-economic development of municipal formations]. *Molodye uchenye – ekonomike: sb. rabot molodezhnoi nauchnoi shkoly* [Young scientists – to Economics: collected works of the youth scientific school], 2014, no. 14, pp. 66-88. [in Russian].
4. Eliseeva I.I., Mosin E.F. Statisticheskie nablyudeniya v sfere biznesa i voprosy pravovogo obespecheniya [Statistical observations in the sphere of business and the questions of legal support]. *Voprosy statistiki* [Statistics issues], 2000, no. 10, pp. 49-52. [in Russian].
5. Zakharchenko A.A. *Formirovanie i razvitie sistemy podderzhki malogo predprinimatel'stva na munitsipal'nom urovne: dis. ... kand. ekon. nauk* [Formation and development of system of support of small business at the municipal level: Ph.D. in Economics Dissertation]. Saint Petersburg, 2011. 176 p. [in Russian].

6. Kolotilin A.V. Osnovnye problemy razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy Rossii na sovremennom etape [Main issues in the development of municipal formations in Russia at the modern stage]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii v novykh geopoliticheskikh i finansovo-ekonomicheskikh usloviyakh: realii i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei* [Socio-economic situation of Russia in the new geopolitical and financial-economic environment: realities and development prospects: collection of scientific articles]. Saint Petersburg: Institut biznesa i prava, 2008. Available at: <http://www.ibl.ru/konf/041208/11.html> (accessed April 01, 2016). [in Russian].
7. Kolchinskaya E.E. *Kompleksnaya otsenka uslovii razvitiya malogo predprinimatel'stva v regione: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Comprehensive assessment of conditions for the development of small entrepreneurship in the region: Ph.D. in Economics Dissertation]. Saint Petersburg, 2006. 164 p. [in Russian].
8. Kosheleva T.N. Sushchnost' i znachenie malogo predprinimatel'stva [The nature and significance of small business]. *TerraHumana*. Available at: http://www.terrahumana.ru/arhiv/09_03/09_03all.pdf (accessed April 01, 2016). [in Russian].
9. Kremin A.E. Metodicheskie podkhody k otsenke funktsionirovaniya malogo biznesa v munitsipalitetakh [Methodological approaches to assessing the work of small business in municipalities]. *Ekonomika i sotsium* [Economics and society], 2015, no. 5, pp. 657-667. Available at: [http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhurnal%20_5\(18\)%202015%201.pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/sborniki_jurnal/Zhurnal%20_5(18)%202015%201.pdf). [in Russian].
10. Manukhina A.V. Analiz vliyaniya sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na formirovaniye malogo biznesa v regionakh Rossiiskoi Federatsii [Analysis of the influence of socio-economic factors on the formation of small business in regions of the Russian Federation]. *Vestnik universiteta* [University bulletin], 2012, no. 3, pp. 172-177. [in Russian].
11. *Metodika opredeleniya reitinga munitsipal'nykh obrazovaniy v sfere razvitiya sub"ektov malogo predprinimatel'stva Saratovskoi oblasti* [Methodology for determining the rating of municipalities in the sphere of development of small business in the Saratov Oblast]. Available at: <http://rcsme.ru/ru/library/> (accessed April 01, 2016). [in Russian].
12. Pastushenko A. Maloe predprinimatel'stvo kak sub"ekt ekonomicheskikh otnoshenii [Small entrepreneurship as a subject of economic relations]. *Chelovek i trud* [], 2006, no. 8, pp. 76-77. [in Russian].
13. Petrenko N.N. *Analiz i otsenka sotsial'no-ekonomicheskoi effektivnosti malogo predprinimatel'stva: dis. ... ekon. nauk: 08.00.05* [Analysis and evaluation of socio-economic efficiency of small business: Ph.D. in Economics Dissertation]. Stavropol, 2005. 195 p. [in Russian].
14. Radchenko M.V. Razvitie malogo predprinimatel'stva kak instrumenta formirovaniya regional'noi ekonomiki [Development of small business as a tool in the development of regional economy]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 2009, no. 11, pp. 276-281. [in Russian].
15. Uskova T.V., Voroshilov N.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy lokal'nykh territorii: monografiya* [Socio-economic problems of local territories: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 196 p. [in Russian].
16. Trofimov S.B. Aktivatsiya sfery malogo predprinimatel'stva kak faktor razvitiya ekonomiki regiona [Boosting small entrepreneurship as factor in the development of regional economy]. *Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy funktsionirovaniya i razvitiya territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem", g. Ufa, 15 oktyabrya – 15 noyabrya 2011 g.* [Proceedings of the all-Russian scientific-practical conference "Issues of functioning and development of territorial social-economic systems", Ufa, October 15 – November 15, 2011]. ISEI UNTs RAN, 2011. [in Russian].
17. Uskova T.V. *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Management of sustainable development of a region: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p. [in Russian].
18. Filippov D.V. *Otsenka urovnya razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v regione na primere Respubliki Sakha (Yakutiya): dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Assessment of the level of development of small and medium enterprises in the region: case study of the Republic of Sakha (Yakutia): Ph.D. in Economics Dissertation]. Yakutsk, 2012. 135 p. [in Russian].
19. Davis Steven J., Haltiwanger J., Schuh S. Small Business and Job Creation: Dissecting the Myth and Reassessing the Facts. *Business Economics*, 1993, pp. 13-21.
20. Thomas B., Schimke A. Growth Development Paths of Firms-Study of Smaller Businesses. *Journal of Small Business Management*, 2014. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jsbm.12081/references> (accessed April 01, 2016).

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.15

Фундаментальный труд об опыте научной разработки перспектив развития и размещения производительных сил

Статья посвящена выходу в свет книги: Адамеску А.А. Первая Генеральная схема: опыт объединения научных организаций для обоснования перспективного размещения производительных сил. — М.: СОПС, 2016. — 328 с.

Отказ от советской системы хозяйствования и форсированный переход в 1990-х годах к рыночной организации экономики России сопровождался разрушением государственных органов планирования, свертыванием накопленной практики предплановых работ и перспективного прогнозирования. Реформаторы убеждали, что рынок сам выберет оптимальные направления развития производств, определит их рациональное размещение по территории страны, утверждали, что рыночные механизмы позволят более эффективно использовать трудовые ресурсы, обеспечивать их быстрое перемещение к местам расположения приоритетных производств. Но насильственное внедрение принципов свободного рынка не дало желаемых подвижек, а по многим направлениям экономической и социальной жизни страны принесло огромные потери.

Ход становления в России рыночной системы показывает, что ее арсенал гораздо шире того набора механизмов, которые называются свободным рынком. Опыт развитых капиталистических стран свидетельствует, что важнейшими инструментами обеспечения роста национальных

экономик являются планирование и прогнозирование. Причем ключевые позиции этого инструментария сформированы, как правило, на изучении результатов советской практики разработки и реализации пятилетних планов. И не случайно необходимость современных стратегических подходов к развитию нашей страны все более активно стали доказывать авторитетные отечественные ученые, здравомыслящие эксперты и хозяйственные руководители, представители патриотической общественности. В этой связи не может не вызывать удовлетворения тот факт, что в Российской Федерации началось выстраивание системы стратегического планирования как на федеральном, так и региональном уровнях. Во исполнение норм Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» основными документами на уровне целеполагания, определяющими пространственное развитие нашей страны, определены Стратегия пространственного развития Российской Федерации, а также стратегии социально-экономического развития макрорегионов и субъектов РФ. Правительством РФ принято постановление

от 25 августа 2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации». Стратегия, отмечается в данном постановлении, «является документом стратегического планирования, определяющим приоритеты, цели и задачи комплексного регионального развития Российской Федерации, направленным на поддержание устойчивой системы расселения на территории Российской Федерации и снятие инфраструктурных ограничений в социально-экономическом развитии территорий, включающим предложения по совершенствованию системы расселения и приоритетных направлений размещения производительных сил на территории Российской Федерации».

И в этих обстоятельствах приобретает актуальнейшее значение обращение к тому уникальному опыту стратегического планирования, который был накоплен в СССР, особенно с начала 1960-х годов, когда в стране сложилась высокоинтегрированная экономика, по многим показателям занимавшая лидирующие позиции в мире. Основанная на государственной собственности и командно-административной системе, она требовала больших усилий по поддержанию и совершенствованию ее пропорций. Тогда резко возросла необходимость комплексного прогнозирования. Обязательными становились систематические крупномасштабные и комплексные исследования сводной аналитико-прогнозной направленности, охватывающие все узловые проблемы территориального развития и размещения производительных сил в огромной и многоресурсной стране. При этом имелось в виду не только расширение технико-экономических и балансовых расчетов, но и переход к форми-

рованию долгосрочных комплексных схем развития и размещения производительных сил. Именно такая задача была поставлена перед Советом по изучению производительных сил. История СОПС уходит своими корнями в начало 1915 года, когда Российская императорская академия наук по инициативе академика В.И. Вернадского с группой ведущих ученых вынесла решение о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил России. В 1930 году она была преобразована в Совет по изучению производительных сил, который и в настоящее время носит данное название. Рецензируемая монография посвящена 100-летию Комиссии по изучению естественных производительных сил – Совету по изучению производительных сил (КЕПС – СОПС).

В 1960 году СОПС был передан в подчинение Госплану СССР. Под его руководством в 60–80-е годы СОПС разработал Генеральные схемы на периоды 1971–1980 гг. (с более подробным выделением 1971–1975 гг.), 1976–1990 гг. (с подробным обоснованием на 1976–1980 гг.), а также на периоды до 2000 г. и до 2015 г. (закончены в 1989 г.)

В только что вышедшей монографии А.А. Адамеску рассматривается лишь первая Генеральная схема на 1971–1980 гг. Это был первый в нашей стране опыт успешной координации в экономических исследованиях деятельности практически всех ведущих институтов и научных центров. В разработке отраслевых и территориальных схем, сводные проектировки которых вошли в виде разделов в Генеральную схему, участвовали 560 научных и проектных институтов. Всей работой руководил Госплан СССР, его отделы создали специальные рабочие группы, контролировавшие и корректировавшие подготовку схем и оценивавшие ее результаты.

Окончательный объем отчетных материалов по Генсхеме составил более 50 томов. «В одной работе, — отмечает сам автор в предисловии, — не ставилось целью, да и не имелось возможности изложить подробно все многообразие проблем, исследуемых в первой Генеральной схеме размещения производительных сил на 1971–1980 гг.». Авторское внимание уделено преимущественно методическим подходам, основным направлениям и концептуальным положениям развития и размещения производительных сил в рассматриваемом периоде. При этом практически в каждой главе книги отражен огромный личный опыт автора — активного участника разработки первой Генеральной схемы: в СОПС он проработал более пятидесяти лет. Этот опыт, умение творчески обобщать и концентрированно излагать итоги работы с архивными фондами стали научным продуктом, который доставляет читателю истинное удовлетворение.

И, конечно, как это всегда исключительно важно в научных трудах, наибольший интерес вызывает представление автором методологических и методических аспектов. Как он сообщает, методика предплановых работ содержала краткую программу Генеральной схемы, организацию работ, методические положения, включающие общие положения и основные материалы разработки Генеральной схемы, схемы развития и размещения ведущих отраслей народного хозяйства, схемы развития и размещения производительных сил союзных республик и районов СССР, схемы освоения новых предприятий и формирования производственных комплексов. Наряду с Общей методикой был разработан комплекс частных методических материалов. В процессе проведения исследований впервые на таком уровне были разработаны

и применены математические методы расчетов с использованием электронно-вычислительных машин.

Автор развернуто характеризует основные научные положения Общей методики разработки Генеральной схемы на 1971–1980 гг. Это дает возможность читателям понять экономическую сущность проблем, которые решались разработчиками.

Основными научными материалами для разработки Генсхемы были: анализ фактической экономической базы развития и размещения народного хозяйства и разработка исходных данных уровней производства на 1975 и 1980 гг. Под экономической базой, указывает А.А. Адамеску, разработчики понимали достигнутый в СССР уровень развития производительных сил и их размещение по республикам и районам. Отдельно рассматривалась экономическая база отрасли и экономических регионов по специальному перечню исследовательских проблем. Отправным положением для определения масштабов развития народного хозяйства на перспективу являлась оценка общественных потребностей в продукции и услугах и оценка возможностей их реального удовлетворения с учетом научно-технического прогресса, прироста населения и повышения уровня потребления. По нашему мнению, и в стратегических разработках развития экономики современной России такой концептуальный подход способствовал бы реальному изменению положения дел, исключал бы завышенную оценку весьма скромных по объему и ограниченных по набору позитивных перемен.

Принципиальная особенность Генсхемы на 1971–1980 гг. состояла и в том, что расчеты по размещению производства основных видов продукции учреждениями-исполнителями велись по вариантам на три уровня: 1-й — нижний, 2-й — средний,

3-й – верхний. Вариантность основывалась на различиях в распределении национального дохода между фондом потребления и фондом накопления и, следовательно, разными объемами капитальных вложений. Расчеты по трем вариантам, по словам автора монографии, позволяют более дифференцированно учитывать влияние научно-технического прогресса и совокупность факторов, определяющих динамику развития отраслей и хозяйства регионов.

Исключительная научная и практическая значимость методики состояла в установлении единого для всех разделов Генсхемы критерия экономической эффективности размещения производства и общей системы сквозных показателей. Критерием эффективности размещения отраслей и комплексности развития районов считалось получение намеченных объемов продукции с наименьшими затратами. В масштабе народного хозяйства это соответствовало задаче максимального увеличения национального дохода.

Конкретными показателями эффективности новых производств принимались себестоимость продукции с учетом ее доставки к потребителям и удельные капитальные вложения. Как показывают исследования последних лет, именно показатель снижения себестоимости, а не роста прибыли отражает сущность эффективности экономики¹.

Наилучший вариант размещения производства определялся по минимуму приведенных затрат по формуле:

$$П = С + К \times Э$$

где П – приведенные затраты (суммарные издержки);

С – себестоимость продукции (с учетом доставки потребителю);

К – капитальные вложения;

Э – отраслевой нормативный коэффициент сравнительной эффективности капитальных вложений.

Важнейшим методом разработки Генеральной схемы, подчеркивает А.А. Адамеску, стал балансовый метод. В частности, были осуществлены балансовые расчеты на 1975 год: по производству и потреблению важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции по отраслям, республикам и регионам; по топливно-энергетическому балансу, по балансу трудовых ресурсов, а также балансу водных ресурсов.

Теперь, когда с момента работы над Генсхемой прошло уже четыре десятка лет, можно еще раз подчеркнуть, что методика была подготовлена на научном уровне, максимально отражавшем состояние науки того времени о размещении производительных сил.

Уже по названию монографии естественно ожидать, что значительный объем ее текста составит описание содержания первой Генеральной схемы, и это ожидание оправдывается: раздел, где сделано это описание, занимает три четверти монографии. Его заголовок имеет, на наш взгляд, весьма конструктивную формулировку: «Основные направления и тенденции развития и размещения производительных сил СССР на период 1917–1980 гг.». Профессор А.А. Адамеску не только извлекает для читателя ключевые положения, размещенные в томах Генсхемы, но и использует данную конструкцию для представления в необходимых случаях кратких собственных суждений с точки зрения нынешнего времени. Такой подход усиливает читательское внимание к тексту книги, способствует

¹ См., например: Губанов С. Главы госкомпаний: с чем связать их вознаграждение? (Опыт политэкономического анализа) // Экономист. – 2016. – №4.

осуществлению автором своего стремления передать накопленный опыт специалистам и разработчикам стратегии перспективного развития современного Российского государства.

Сводные продукты Генеральной схемы охватывали прежде всего такие проблемные аспекты, как: население и трудовые ресурсы страны, основные направления развития промышленности (по десяти отраслям), общеэкономические показатели народного хозяйства (валовой общественный продукт, национальный доход, капитальные вложения). Обзор состава работ по всем этим аспектам автором сделан четко, с высоким профессиональным умением обобщать и выделять для читателя самое главное.

Эта качественная сторона монографии, по нашему мнению, еще ярче проявилась при изложении содержания схем перспективного развития и размещения производительных сил союзных республик и экономических районов СССР.

Приведем лишь один пример на этот счет. Он касается заключительных положений о проблемах и путях развития в 1971–1980 гг. Северо-Западного экономического района. В годы разработки Генсхемы в этот район входили г. Ленинград, Ленинградская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, Карельская и Коми республики. Важнейшими задачами по развитию экономики Северо-Запада, излагает А.А. Адамеску, являлись:

- смягчение сложившейся чрезмерной концентрации промышленности путем прекращения нового строительства в Ленинграде, имея в виду создание вокруг Ленинграда сети индустриальных центров, дополняющих его промышленный ком-

плекс, и ускоренное развитие промышленности в других областях и автономных республиках Северо-Запада;

- рационализация топливно-энергетического баланса путем улучшения его структуры за счет уменьшения завоза дорогостоящих углей и замены их более экономичными видами топлива — топочным мазутом и природным газом, а также за счёт более полного использования энергоресурсов;

- широкое развертывание поисковых и геолого-разведочных работ в Тимано-Печорской провинции с целью значительного увеличения промышленных запасов нефти и газа, резкого повышения их добычи и переработки в районе;

- наиболее полное использование основных производственных фондов и трудовых ресурсов района;

- вовлечение в хозяйственный оборот экономически эффективных для промышленного освоения богатых минерально-сырьевых ресурсов Мурманской и Архангельской областей, Коми и Карельской АССР: кольских апатито-нефелиновых, медно-никелевых и железных руд, редких металлов, мурманских, карельских слюдяных и северо-онежских бокситовых месторождений;

- организация комплексного использования лесного сырья, реконструкция существующих и создание новых крупных лесопромышленных комплексов для глубокой химической и механической переработки древесины с максимальным использованием низкокачественного сырья и дров в бассейнах рек Печоры, Мезени и других районах Северо-Запада; проведение в более широких масштабах лесовосстановительных работ;

- быстрое развитие химической промышленности — значительное развитие

производства фосфатных удобрений на базе хибинских апатитов и местных фосфоритов, развитие производства азотных удобрений, других видов химической продукции на базе использования ресурсов нефти и природного газа, отходящих сернистых газов цветной металлургии;

- ускоренное развитие прогрессивных отраслей машиностроения для нужд химической промышленности и сельского хозяйства, приборостроения, электронной и полупроводниковой техники, энергетического и электротехнического машиностроения и судостроения;

- ликвидация диспропорции между наличием рыбопромыслового флота и его береговыми и плавучими базами;

- специализация сельского хозяйства района на высокопродуктивном молочном и молочно-мясном скотоводстве, возделывании льна-долгунца, а в пригородных районах – на производстве картофеля и овощей, продукции свиноводства и птицеводства;

- развитие всех видов транспорта, завершение строительства железных дорог, дающих доступ к намечаемым для освоения богатым природным ресурсам Северо-Запада.

Хотелось бы на этих страницах представить выводы автора, не потерявшие и поныне своего значения для подавляющего большинства экономических районов России. Но принципиально важно другое: разработка Генсхемы способствовала существенным подвижкам в объемах продукции, производимой в территориальных границах всех областей, краев, автономных и союзных республик, развитию межрегиональных связей и улучшению внутритерриториальных пропорций экономического и социального развития.

Это имело место и в Северо-Западном районе, о котором упоминалось выше. Так, во входящей в его состав Вологодской области за десятилетие 1971–1980 гг. размер промышленно-производственных фондов увеличился в 2,7 раза, производство промышленной продукции возросло в сопоставимой оценке в 1,7 раза. Производительность труда в промышленности повысилась в 1,5 раза, за счет этого фактора было получено три четверти промышленного прироста. Производство проката, составлявшее в 1970 году 5,8 млн. тонн, в 1980 году достигло 8,7 млн. тонн. В области были введены мощности, обеспечившие в 1980 году выпуск 3 млн. условных тонн минеральных удобрений и 77 млн. штук подшипников качения. Производство древесноволокнистых плит увеличилось с 14,7 млн. до 31,5 млн., т. е. вдвое, а древесностружечных плит – с 54,9 тыс. до 195,8 тыс. куб. м, или почти в четыре раза. В сельском хозяйстве опережающий рост основных производственных фондов обеспечил рост производительности труда в совхозах и колхозах в 1,5 раза. Развернувшееся освоение промышленных технологий в птицеводстве и свиноводстве, а также при откорме крупного рогатого скота дало возможность увеличить (на 57,0%) производство мяса (в убойном весе) с 54,3 тыс. в 1970 году до 85,7 тыс. тонн в 1980 году, яиц – с 252,2 млн. до 426,3 млн. штук. Существенно изменился в области характер расселения: удельный вес городского населения с 48% в 1970 году повысился до 64% в 1980 году, а доля сельских жителей соответственно уменьшилась, что стало закономерным результатом ускорения индустриального развития региона. Заметным было также продвижение в материальном и культурном уровне жизни. Повышение заработной платы рабочих и служащих и

оплаты труда колхозников привело к возрастанию товарооборота в полтора раза, увеличению приобретения населением бытовой техники и других промышленных товаров². Но, к сожалению, дисбаланс между объемами потребительских запросов и степенью их удовлетворения сокращался медленно, что отражалось на общественных настроениях. Требовалось усилить целеустремленность в плановом решении этих задач на перспективу.

Однако возвратимся к нашим оценкам анализируемой монографии. Несомненной заслугой ее автора является изложение своих суждений относительно значения опыта разработки Генеральной схемы развития производительных сил на 1971–1980 гг. «Генеральная схема, — считает (и аргументированно доказывает) А.А. Адамеску, — представляла собой научный прогноз обоснования регионального размещения производительных сил страны на длительный период с вариантным технико-экономическим и балансовым расчетом» (с. 276). Этот обобщающий предплановый документ аналитического и прогнозного характера обосновывал оптимальные территориальные пропорции народного хозяйства, пути повышения эффективности общественного производства и благосостояния народа на основе совершенствования общественного территориального распределения труда, правильного сочетания целенаправленного развития и размещения отраслей производства с планомерным формированием хозяйственного комплекса республик и регионов.

² Приведенные значения динамики рассчитаны по: Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сборник. — Северо-Западное книжное издательство, 1971; Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке: стат. сборник. — Северо-Западное книжное издательство, 1976; Народное хозяйство Вологодской области в десятой пятилетке: в 2-х частях. — Вологда: Статистическое управление Вологодской области, 1981.

Профессор А.А. Адамеску и сегодня продолжает активную научно-исследовательскую деятельность. Поэтому было бы противоестественно, если бы он не рассмотрел в своей книге проблемы совершенствования разработки прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации на современном этапе ее политического, экономического и социального развития. В монографии этому вопросу посвящена отдельная глава, в которой автор подробно останавливается на наиболее актуальных проблемах организации действующей властью стратегического планирования. По его мнению, пока ещё в стране отсутствует необходимая системность, нет взаимосвязанности развития отраслей и регионов, что приводит к значительным потерям, снижению эффективности и в конечном счете сдерживает развитие России. В качестве негативных примеров при решении узловых вопросов современной стратегии А.А. Адамеску называет некомплексный подход к развитию зоны БАМа и других регионов Сибири и Дальнего Востока, просчеты в выработке и реализации мер по использованию трудовых ресурсов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Он считает, что недостаточно внимания уделяется разработке комплексной программы Урал Промышленный — Урал Полярный.

Умудренный большим жизненным и научным опытом, А.А. Адамеску рассмотрел возможность разработки всеобъемлющего документа, направленного на выявление и поэтапное решение перспективных проблем развития страны под ориентировочным названием «Генеральная схема развития и размещения производительных сил Российской Федерации». Как он полагает, «только в масштабах Генеральной схемы могут быть учтены геостратегические интересы России и эволюция экономического

пространства в условиях глобализации, так как развитие России будет определяться мировыми экономическими, экологическими и политическими тенденциями» (с. 283).

Следуя за авторской мыслью, аргументированной в завершающей части монографического исследования, со своей стороны также скажем, что только такой документ, как Генеральная схема, может своевременно, с общегосударственных позиций и в полном объеме обеспечивать создание оптимальной производственной и социальной инфраструктуры, учитывать

длительные сроки ее окупаемости и последующей эксплуатации всеми субъектами экономического процесса. Наш итоговый вывод: книга А.А. Адамеску является источником фундаментальных знаний, их практического применения, стимулирует поиск путей возрождения и развития экономического могущества Российского государства. Она относится к числу тех трудов, которые можно назвать настольными как для квалифицированного экономиста, управленца, так и молодежи, вступающей в профессиональную деятельность подобного рода.

М.Ф. Сычев,
кандидат экономических наук

A Fundamental Work on the Experience of Research into the Prospects for Development and Distribution of Productive Forces

M.F. Sychev,
Ph.D. in Economics

The article is devoted to the publication of the book: Adamesku A. A. *Pervaya General'naya skhema: opyt ob "edineniya nauchnykh organizatsii dlya obosnovaniya perspektivnogo razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil* [The First General Scheme: the experience of research organizations consolidation for the purpose of substantiating the strategic distribution of productive forces]. Moscow: SOPS, 2016. 328 p.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» получил Сертификат качества, подтверждающий его соответствие международным стандартам и критериям базы данных Scopus

В рамках V Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций» (г. Москва, 17–20 мая, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации) прошла выставка наиболее авторитетных журналов участников конференции, а также журналов, выпускаемых некоторыми коммерческими издательствами, публикующих в основном статьи вузовских авторов. Эксперты Russian SCAB провели оценку представленных журналов и выбрали те из них, которые готовы для подачи заявки на включение в Scopus. Отобранные издания получили Сертификат качества, подтверждающий их соответствие международным стандартам и критериям этой информационной системы. Данный документ является рекомендацией к подаче заявки в Scopus. Такую рекомендацию получил и журнал ИСЭРТ «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (англоязычная версия).

ПРАВИЛА
приёма рукописей статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Экономические и социальные перемены:
факты, тенденции, прогноз» (в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (1 стр. ≈ 1800 знаков). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 24 страницы (≈ 43000 знаков). К публикации принимаются также рецензии на книги, информация о научных конференциях, событиях научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензентов; учитываются новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В печатном виде в редакцию представляются:

Статья с подписью автора на первой странице. Для аспирантов и соискателей необходима заверенная надлежащим образом подпись научного руководителя (печать должна быть четкая).

Полные данные об авторе на отдельной странице: Ф.И.О., ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактная информация (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail).

Письменное обязательство автора статьи не публиковать её в других печатных и/или электронных изданиях до выхода в свет журнала с данной статьей.

Материалы направляются по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, редакция научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

В электронном виде в редакцию представляются:

Файл со статьёй в формате Microsoft Word с расширением .doc либо .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.doc).

Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.

Таблица со сведениями об авторе.

Фотография автора в формате .jpeg объёмом не менее 1 Мб.

Комплект материалов направляется на электронный адрес: common@vscs.ac.ru.

Требования к оформлению текста статьи

(образцы оформления см. на сайте журнала в Правилах приёма рукописей...)

Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры, при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов, нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно представить вместе с файлом.

Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

Первая страница статьи.

В правом верхнем углу указывается индекс УДК, под ним – индекс ББК, знак ©, фамилия и инициалы автора. Заголовок статьи должен быть выровнен по центру. Ниже, без абзацных отступов, приводятся аннотация и ключевые слова, выделенные курсивом и выровненные по ширине. Далее следует текст статьи.

Аннотация.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов; кратко сформулированы перспективы дальнейшего исследования в указанной области.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

Ключевые слова.

Должно быть приведено не более 8 ключевых слов.

Таблицы.

Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами табличного редактора MS WORD. Недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка.

В заголовке слово «Таблица» и её номер не выделяются, заголовок выполняется полужирным шрифтом, выравнивается по центру.

Рисунки (схемы, графики, диаграммы).

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, блок-схем – MS WORD, MS VISIO, формул – MS Equation. Рисунки, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

– в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

– в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

Подпись к рисунку и его номер располагаются под рисунком. Слово «Рисунок» не выделяется. Подпись выполняется полужирным шрифтом, выравнивается по центру.

Библиографическое описание источников под таблицами и рисунками.

Пишется: или «Источник:», или «Составлено по:», или «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

Постраничные сноски.

Оформление сносок производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.—2008.

Список литературы.

Источники располагаются в списке строго по алфавиту (сначала русскоязычные, затем — иностранные). Их библиографическое описание выполняется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы составляет не менее 20-ти, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество включенных в список работ автора не должно превышать 10% общего количества приведенных в списке литературы источников.

Не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивные материалы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. На указанные источники рекомендуется давать соответствующие постраничные сноски.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Правила приёма рукописей статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», размещены на сайте журнала (<http://esc.vscs.ac.ru>).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, оформление которых не соответствует требованиям издательства, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.akc.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.06.2016.
Дата выхода в свет 30.06.2016.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,8. Тираж 500 экз. Заказ № 199.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru